

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ЯПОНИЯ 2010

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2010

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Э. В. МОЛОДЯКОВА

РЕДКОЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
И. П. ЛЕБЕДЕВА, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, А. И. СЕНАТОРОВ, Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

Я 70 **Япония 2010**. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 320 с.

В настоящем выпуске ежегодника исследуется широкий круг проблем современной жизни Японии, касающийся внешней и внутренней политики, состояния экономики в условиях обострения конкуренции на международных рынках капитала. Большое внимание уделяется вопросам культуры и искусства Японии, как прошлого, так и настоящего времени. Внимание читателей привлекут статьи о русско-японских переговорах 1906–1907 гг. и о русском военно-морском лазарете в Нагасаки, 1858–1906 гг.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 5-91022-113-4

© Ассоциация японоведов, 2010

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Приход демократов во власть: политическое землетрясение

Э. В. Молодякова

Выражение «смена власти» (*сэйкэн котай*) можно назвать самым модным словосочетанием в японском политическом лексиконе. Понимаемое как «смена политического режима», оно стало главным лозунгом Демократической партии Японии (ДПЯ), под которым 30 августа 2009 г. она одержала беспрецедентную в истории страны победу на выборах в палату представителей парламента, получив 308 мандатов из 480. В прежнем составе этого ключевого органа законодательной власти она имела лишь 115 мест. Демократы совершили головокружительный рывок, фактически поменявшись местами с Либерально-демократической партией (ЛДП) в национальной политике, которая с небольшим перерывом (одиннадцать месяцев в 1993–1994 гг.) находилась у власти с 1955 г.

Победа демократов стала главным событием в стране. Действительно, результаты прошедших выборов были ошеломляющими. Во-первых, оппозиционная партия впервые пришла к власти, получив большинство мандатов в ключевой нижней палате. Во-вторых, впервые такое число мест принадлежит одной партии. В-третьих, поражение ЛДП, сохранившей чуть более трети прежних мандатов (119 из 300), стало ее настоящим разгромом. Некоторые партийные тяжеловесы, экс-министры и даже бывший премьер Тосики Кайфу, чей партийный стаж насчитывал 49 лет, остались «за бортом» нового созыва. Опять же впервые человек, занимавший пост главы правительства не получил поддержки избирателей. Многие влиятельные члены последнего кабинета либерал-демократов, включая министра финансов Каору Ёсано и министра по делам административной реформы Акира Амари, потерпели поражение в своих округах и прошли в парламент по партийным спискам. В одномандатных округах либерал-демократы провели только 62 кандидата (демократы – 221), но еще более тревожным для ЛДП стал тот факт, что ее опытные и пожилые политики, казалось бы, прочно

«пустившие корни» на местах, уступили новичкам-демократам, в том числе женщинам.

Результаты избирательной кампании 2009 г. показали действенность электоральной системы 1994 г., согласно которой выборы проводятся по одномандатным округам и партийным спискам. Одной из важнейших задач этой системы было перенесение центра тяжести политической борьбы с личностей кандидатов на партии, поднятие их значимости и привлечение внимания избирателей к их программам. Реформа помогла создать действенную оппозицию, лишившую ЛДП многолетней монополии на власть.

Аналитики заговорили о кризисе политической системы Японии в целом и о необходимости перемен. По оценке газеты «Асахи», последние выборы «впечатляюще продемонстрировали огромный потенциал одномандатной избирательной системы в том, чтобы произвести тектонический сдвиг в национальном политическом ландшафте. Мощная волна народных ожиданий открыла новую главу в политической истории нации, возвещая смену власти»¹. Аналитик журнала «Economist» сделал вывод, что «электорат одним махом отверг не только одну партию, но и всю систему»².

О том, что серьезные перемены уже произошли, свидетельствует, прежде всего, масштаб победы демократов и поражения их главных противников. Когда в 1993 г. либерал-демократы впервые не получили большинства в палате представителей, они остались крупнейшей партией страны и вскоре вернулись к власти. Нынешнее положение ЛДП можно расценивать как кульминацию глубоких сдвигов в политической жизни, которые готовились не одно десятилетие. В данный момент «избиратели пошли за ДПЯ. Масштабная победа партии отражает надежды населения на реальные изменения в политике, вызванные их недовольством существующим положением»³. По оценке известного американского политолога Дж. Кёртиса, «выборы были своего рода актом политического протеста. Отторжение от ЛДП было намного сильнее скептицизма избирателей в отношении неопытной ДПЯ, забывших даже, что она представляет собой конгломерат нескольких прежних партий от консервативных до социалистических»⁴.

Думается, что точнее речь идет о развитии процесса создания действенной двухпартийной системы в стране, путь к которой начался довольно давно и стал главной целью Демократической партии с момента ее создания. ДПЯ имеет очень небольшую для политической партии историю. Она была создана в 1996 г., а в нынешнем виде после пере-

группировки сил и объединений существует с 2003 г. ДПЯ в целом можно рассматривать как аналог демократической партии в США. Ее укрепление благоприятствует созданию двухпартийной системы, аналогичной американской.

Противостояние либерал-демократов и демократов не имеет столь принципиального значения, как пытаются представить их лидеры, периодически обменивающиеся резкими заявлениями. Коротко говоря, их объединяет гораздо больше, чем разъединяет. Практически все высшее руководство ДПЯ, за исключением Наото Кан, составляют выходцы из ЛДП. У всех общий политический и социальный background, схожее мировоззрение и взгляды.

Вопрос в том, каковы будут последствия этого знаменательного события и можно ли говорить о том, что полноценная, эффективная двухпартийная система уже создана и работает, покажет время. После победы на выборах в поддержку ДПЯ высказался руководитель ведущей организации деловых кругов страны – президент Японской федерации экономических организаций (Ниппон Кэйданрэнь) Митарай Фудзиро. Результаты выборов в палату представителей он назвал историческим событием: «Мы достигли эпохи, когда впервые в послевоенный период стала возможна реальная передача власти»⁵. Однако уже первые шаги нового правительства стали вызывать озабоченность делового мира в связи с тем, что его достаточно сильно ориентированная социальная политика окажется слишком тяжелым бременем для экономики.

Долговечность и стабильность партии во многом зависит от политической воли ее руководящего ядра, от его способности сохранить единство рядов в условиях беспрецедентного «перетекания» политиков из партии в партию и, конечно, от стремления реализовать намеченную программу действий. Первоначально казалось, что демократам это удавалось, но по прошествии восьми месяцев ДПЯ пришлось поменять высшее руководство, поскольку рейтинг доверия избирателей упал ниже психологически приемлемого уровня в 20%. Что же происходило в стране и партии в этот период?

Несмотря на то, что у ДПЯ есть много сильных сторон – наличие большого числа молодых, энергичных депутатов, хорошо выглядящих на экранах телевизоров и на трибунах, сравнительно «чистый» облик, не столь явные связи с лоббистскими группировками – ее статус в политическом спектре долгое время оставался неопределенным. До последних выборов в палату представителей большинство депутатов ДПЯ в принципе выглядели как «младшие братья» либерал-демократов, хотя руководство партии заявляло, что представляет интересы «горожан, налогоплательщиков, потребителей». В интерпретации одного из лидеров партии Окада Кацуя это означало «защиту идей трудового населения»,

¹ Асахи симбун. 01.09.2009.

² http://www.economist.com/printedition/displaystory.cfin?story_id=...

³ Асахи симбун. 01.09.2009.

⁴ http://www.economist.com/printedition/displaystory.cfin?story_id=...

⁵ Киодо цусин. 31.08. 2009.

что вполне вероятно было реверансом в сторону левого крыла партии. Во многом ДПЯ остается конгломератом разнородных группировок, и ей еще предстоит четко определить свое политическое лицо.

Привел партию к победе и стал премьер-министром Японии Хатояма Юкио, представляющий четвертое поколение известной политической династии. После его избрания председателем ДПЯ вместо Одава Итиро весной 2009 г., когда тот был вынужден уйти в отставку в связи с обвинениями в получении незаконных политических пожертвований, экспресс-опросы общественного мнения показывали, что он пользуется большей поддержкой населения, чем тогдашний премьер-министр либерал-демократ Т. Асо. По данным газеты «Асахи», 40% респондентов полагали, что Ю. Хатояма – наиболее подходящая кандидатура на пост главы правительства, и лишь 29% опрошенных высказались в пользу действовавшего премьера. Несмотря на то, что, по данным газеты «Йомиури», 53% избирателей не возлагали на Ю. Хатояма каких-либо надежд⁶, шансы демократов на победу начали быстро расти. Главное внимание было уделено консолидации сил оппозиции, поскольку ДПЯ в одиночку не надеялась получить необходимое большинство в палате представителей. Ее партнерами по предвыборному альянсу стали Социал-демократическая партия Японии (СДПЯ) и небольшая Новая народная партия (ННП), созданная «диссидентами» из ЛДП.

В первом официальном заявлении после оглашения результатов парламентских выборов Ю. Хатояма заявил, что «партия принимает результаты выборов с исключительной серьезностью и полна решимости оправдать оказанное доверие... Я считаю, что результат выборов больше, чем просто победа Демократической партии. Итог голосования показал недоверие нашего народа к существующей политике, его неприятие провалившейся политической и экономической системы и вытекающее из этого резкое недовольство»⁷.

Демократы одержали блестящую победу, но как показал опрос общественного мнения, проведенный газетой «Асахи» сразу же после выборов, поддержка населения была не так безусловна, как считали лидеры ДПЯ, и представляла достаточно сложную картину. По оценке газеты, ожидания общества были тесно переплетены с беспокойством. В частности, 74% респондентов возлагали большие надежды на новую администрацию демократов, но при этом только 32% ожидали радикальных перемен в политике страны. Результаты опроса показывали, что избиратели в целом приветствуют изменения на политической сцене, но многие совсем не очарованы предвыборными популистскими обещаниями ДПЯ и не убеждены, что партия выполнит их. На вопрос, было ли желание видеть изменения в правительстве главной причиной

победы ДПЯ, 81% респондентов ответили утвердительно. Но при этом 37% тех, кто возлагал большие надежды на новую администрацию, и 31% тех, кто голосовал за демократов, не ожидали радикальных перемен в политике⁸.

Полученный результат на выборах позволял демократам сформировать однопартийный кабинет. Однако новое правительство стало коалиционным, поскольку это обеспечило ДПЯ большинство и в палате советников. Для гладкого прохождения законопроектов в обеих палатах парламента демократам нужна была поддержка младших партнеров СДПЯ и Новой народной партии (ННП), лидеры которых получили министерские посты в кабинете Ю. Хатояма. Председатель ННП Камэи Сидзука является выходцем из ЛДП, в которой он возглавлял небольшую фракцию. В 2003 г. он неудачно боролся с Коидзуми Дзюнъитиро за пост председателя партии, а в 2005 г. покинул ее ряды из-за несогласия с программой приватизации национальной почтовой службы. С. Камэи претендовал на кресло министра по административным делам и коммуникациям, но получил созданный специально для него пост государственного министра по пересмотру приватизации почтовой службы, а также по делам финансовой системы.

Лидер СДПЯ Фукусима Мидзухо заявила, что хотела бы получить пост министра по вопросам занятости или по охране окружающей среды. Эти проблемы, на которых легко заработать политический капитал, давно были в центре внимания социал-демократов, желавших поправить свое заметно пошатнувшееся положение на политическом олимпе. Однако новый премьер-министр Ю. Хатояма сам уделял им повышенное внимание, а потому оставил оба портфеля за своей партией. В итоге М. Фукусима пришлось довольствоваться традиционно «женским» постом государственного министра по делам потребителей, гендерного равенства, демографической политики и продовольственной безопасности.

Включение в состав правительства лидеров партий-партнеров являлось попыткой демократов избежать дополнительных консультаций на уровне глав партий правящей коалиции, на которых СДПЯ и ННП фактически претендовали на равный с ними статус. Однако Кацуя Окада, который в кабинете Хатояма возглавил МИД, сразу после выборов сказал, что решения будут приниматься кабинетом министров. Тем самым он дал понять, что последнее слово по всем важнейшим вопросам остается за его партией, одержавшей столь беспрецедентную победу. Главное внимание во время избирательной кампании было уделено именно консолидации сил оппозиции. Таким образом, осуществилось давно зревшее в обществе стремление отстранить ЛДП от власти и создать партию, или коалицию, которая сможет ее заменить.

⁶ Асахи симбун. 17.05.2009; Йомиури симбун. 17.05.2009.

⁷ Асахи симбун. 31.09.2009.

⁸ Асахи симбун. 31.08.2009.

При создании ДПЯ отдельные аналитики высказывали мнение о нежизнеспособности такого объединения из-за разнородности его состава, что в перспективе могло привести в действие центробежные силы. Но эти прогнозы, как показали события первого десятилетия XXI в., не оправдались. Сначала ДПЯ заставила говорить о себе как о реальной силе современного политического процесса. Затем она стала правящей партией и сформировала правительство, а ее председатель Хатояма Юкио – как лидер партии большинства в парламенте – был избран премьер-министром. Если она сможет также успешно руководить страной, как это долгие десятилетия делала ЛДП, то можно будет говорить о создании устойчивой и эффективно действующей, реальной двухпартийной системы, «системы 2009 г.» по аналогии с «системой 1955 г.», построенной на господстве либерал-демократов.

Проголосовав на выборах в палату представителей парламента за демократов, население позволило им придти к власти и выдало большой кредит доверия. Демократы обещали, что сумеют радикально улучшить процесс выработки политических решений, изменить отношения между политиками и бюрократами. Предстояла большая и сложная работа. Демократы предложили стране многообещающую и весьма конкретную политическую и экономическую программу, многие элементы которой оценивались их противниками как популистские и даже демагогические. В частности, она обещала выплачивать пособие на каждого ребенка в возрасте до 15 лет (приблизительно 270 долл. в месяц), отменить оплату за проезд на скоростных дорогах, снизить ставку налога на бензин, выплатить пособия фермерским хозяйствам, а повышение ставки потребительского налога отложить, по крайней мере, до очередных всеобщих выборов. Для осуществления подобных экономических и социальных мероприятий требуются многотриллионные источники бюджетных средств.

Немало голосов им принесло обещание добиться передислокации американской авиабазы Футэмма за пределы префектуры Окинава. По замечанию бывшего вице-министра экономики, торговли и промышленности Синдзи Фукукава, «сила администрации Хатояма будет проверяться ее политическим управлением и политикой развития»⁹. Другими словами, встал вопрос: сможет ли демократическая партия реализовать свой потенциал управлять страной в широком смысле этого слова.

Создавшаяся при господстве либерал-демократов двойная система управления правительства и партии извращала систему, в которой главная роль должна была принадлежать кабинету министров, а глубоко укоренившееся недоверие между политиками и бюрократами серьезно препятствовало эффективности принятия решений и их исполнения.

⁹ The Japan Times. 03.10.2009.

Поэтому перед правительством Хатояма, в которое вошли ведущие партийные функционеры, а также представители партнеров по коалиции, встала задача укрепить и расширить функции кабинета в принятии решений и побудить государственных служащих выполнять свои административные задачи в соответствии с политическими решениями кабинета. При этом, по мнению аналитика газеты «Йомиури», в условиях надежд населения на изменение политического стиля либерал-демократов, «новый кабинет должен быть достаточно предусмотрительным, чтобы сохранить фундаментальную политику, которая была достаточно успешной в прошлом, и могла бы послужить схемой на будущее»¹⁰.

Хатояма Юкио заявил о своей решимости реализовывать политику независимости от бюрократии¹¹. Новый премьер-министр провозгласил орудием борьбы с «господством чиновников» в управлении государством повышение значимости и роли политиков. С этой целью в кабинете министров было создано Бюро национальной стратегии и введен пост вице-премьера, предназначенный специально для Кан Наото, который вместе с Хатояма Юкио создавал партию и был ее сопредседателем. Одной из важнейших функций Бюро является разработка параметров государственного бюджета, на основе которых министерство финансов будет составлять проект ежегодного бюджета. В бытность у власти ЛДП эту функцию выполняло министерство финансов путем многочисленных согласований и с отраслевыми министерствами, и с отдельными лоббистскими группами парламентариев, что обеспечивало ему большое влияние в государственном управлении. Теперь инициатива в бюджетном процессе перешла в руки правительства.

Создание еще одного правительственного органа – Совета по административной реформе во главе с премьер-министром – предусматривало выявление скрытых в многочисленных структурах государственного управления финансовых ресурсов. С этой целью правительство демократов решило направить в министерства группу политиков, главным образом парламентариев, которым вменялось в обязанность выявлять ресурсы в доверенных им ведомствах. Фактически это означало ревизию всех программ, проектов, фондов и структур. В каждом министерстве должны работать четыре-пять представителей партии – министр, от одного до двух первых заместителей министра и от одного до трех парламентских заместителей министра. После проведения подобной ревизии Бюро национальной стратегии должно было принять решение о сокращении ассигнований на тот или иной проект или вообще закрыть малоэффективные проекты¹².

¹⁰ Йомиури симбун. 17.09.2009.

¹¹ Асахи симбун. 17.09.2009.

¹² <http://www.eri-21.or.jp/Russia/opinion/press/index/shtml>

Это направление деятельности правительства было признано чрезвычайно важным и актуальным, поскольку остро стоял вопрос: откуда взять средства на реализацию целого ряда бюджетных мероприятий, которые Демократическая партия обещала избирателям во время предвыборной кампании. Премьер-министр Хатояма начал с пересмотра дополнительного бюджета на 2009/10 фин. г. Достаточно быстро такой пересмотр позволил отыскать средства в размере более 28 млрд. долл., что составило 17% от первоначального пакета мер по стимулированию экономики в размере 167 млрд. долл. Правительство хотело бы отыскать еще около 5 млрд. долл. для исполнения предвыборных обещаний¹³. При этом Хатояма подчеркнул, что нужно с осторожностью относиться к проектам, которые уже начали исполняться и приостановка которых может повлечь за собой серьезные последствия. Пересмотр государственных инфраструктурных инвестиций с целью отмены малоэффективных проектов вызвал протесты на местах и местных органов власти, и населения. Для составления бюджета на 2010/11 фин. г. правительство сразу же стало собирать и рассматривать необходимые заявки от министерств и агентств.

В руках созданных двух новых правительственных органов, по мнению газеты «Йомиури», находятся ключи успешного проведения политики, независимой от бюрократии, которая обеспечит выздоровление экономики и финансов, продемонстрирует сильное политическое руководство, которое сумеет преодолеть сопротивление бюрократии и аффилированных с ней организаций.

Однако крупный японский бизнес начал выражать беспокойство тем, что подобные планы правительства могут замедлить восстановление экономики страны. В частности, Японская федерация бизнеса критиковала широко разрекламированное правительством сокращение «лишних расходов» и экономию части средств, которые правительство либерал-демократов выделяло на стимулирование экономики. Демократы выступают также за повышение минимума заработной платы для работников, серьезное снижение выбросов углекислого газа на предприятиях, планируют увеличить упавший до рекордного минимума внутренний спрос за счет поддержания сильного курса иены. Все эти мероприятия могут сделать неконкурентоспособными японские фирмы на международном рынке.

Бизнес считает, что подобные меры не помогут стране выйти из кризиса в кратчайшие сроки. «Вопросы экологии и социальной защиты работников чрезвычайно важны, – говорит ответственный за отношения с политическими силами в Кэйданрэн Мицуо Охаси. – Однако демо-

краты не должны забывать проблемы японских компаний, от состояния которых во многом зависит будущее экономики Японии»¹⁴.

Правительство демократов озабочено тем, чтобы поднять международный статус Японии, активизировать дипломатию и политику национальной безопасности. Еще во время предвыборной кампании Хатояма обещал, что Япония установит равноправные и независимые отношения с Вашингтоном. По его мнению, это предполагало более активное участие его страны в определении глобальной роли японо-американского союза. Но конкретно, прежде всего, имелось в виду изменение условий размещения американских баз на японской территории, в частности, вывод их за пределы острова Окинава. Именно предвыборное обещание демократов решить вопрос об американских военных базах на Окинаве, который на протяжении не одного десятилетия стоял чрезвычайно остро, принес значительную долю голосов избирателей. В центре внимания стоял вопрос о дальнейшей судьбе авиабазы Корпуса морской пехоты США Футэмма, расположенной на юге префектуры Окинавы.

Речь шла о торжественном обещании Хатояма «пересмотреть» с большим трудом достигнутую в 2006 г. договоренность Японии и США о передислокации базы из густонаселенного жилого района Гинован в городок Наго на том же острове Окинава. Вашингтон считал этот вариант не только лучшим из возможных, но и единственно приемлемым и требовал неукоснительного соблюдения. Против этого решительно выступает большинство окинавцев и ряд политических сил национального масштаба, в том числе партнер демократов по коалиции СДПЯ. При этом даже намек на ухудшение японо-американских отношений, которые являются краеугольным камнем обеспечения безопасности страны, несомненно, повергнет в тревогу инвесторов в обеих странах.

Поиск места для передислокации базы Футэмма с первых дней работы кабинета демократов стал не только камнем преткновения в японо-американских отношениях, но и в не малой степени способствовал отставке премьера Хатояма. Несмотря на явный нажим США, которые требовали неукоснительного соблюдения договоренности 2006 г., Хатояма сразу же после прихода к власти заговорил о возможном пересмотре этой договоренности. Он перенес его рассмотрение на 2010 г. В этом году премьер обещал выработать новые предложения по Футэмме до конца марта и непременно решить этот вопрос с США до конца мая. Хатояма заверял, что подыщет для авиабазы место где-то в другом районе Японии или даже за ее пределами. Однако ставшие доступными общественности компромиссные предложения не устраивали ни жителей Окинавы, ни США. В частности, предусматривалось строительство

¹³ nhk world. 07.10.2009.

¹⁴ Киодо цусин. 12. 09.2009.

взлетно-посадочной площадки на американской базе Кэмп Шваб в Наго на Окинаве и одновременно вертолетной базы на острове Токуносима, расположенного в двухстах километрах к северо-востоку от Наго у крупного южного острова Кюсю. Американская сторона предпочитала строительство необходимого объекта в прибрежной зоне базы Кэмп Шваб, поскольку в японском варианте возникают серьезные технические трудности из-за удаленности объектов. Хатояма не смог договориться о передислокации базы Футэмма ни с местными властями, ни с Вашингтоном. В глазах избирателей он стал выглядеть как слабый, неэффективный политик.

Отсутствие у Японии приемлемых для США предложений, явное отсутствие у японского лидера политической воли, по мнению аналитиков, стало главной причиной того, что президент США Барак Обама не стал проводить официальную встречу с премьером во время саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне, ограничившись краткой неофициальной десятиминутной беседой. Японская пресса расценила это, как крупное дипломатическое поражение Хатояма.

В итоге Япония была вынуждена признать договоренности 2006 г. База Футэмма остается в пределах Окинавы, несмотря на протесты местных жителей и несогласие входящих в правящую коалицию социал-демократов. В знак протеста против такого решения СДПЯ 30 мая вышла из коалиционного правительства. «Социал-демократическая партия Японии, – заявила ее лидер Фукусима, – останется верной своим убеждениям и не возьмет обратно клятву, которую она дала»¹⁵. Таким образом, конкретная проблема переноса авиабазы Футэмма стала серьезным раздражителем в двусторонних отношениях, не только осложнила отношения между Токио и Вашингтоном, но и вызвала внутриполитические разногласия в правительстве.

Сложным, но не таким болезненным является и расследование секретной сделки между двумя державами, которая фактически позволяла американским кораблям с ядерным оружием на борту заходить в японские порты. Остро стоит вопрос и о том, что Япония ликвидировала в Индийском океане заправку топливом судов, обслуживающих контингент войск НАТО в Афганистане. Японское правительство заявило о политике экономической помощи этой стране, учитывая пожелания афганского народа и признавая, что Афганистан «держит ключ к миру во всем мире». Токио в ноябре 2009 г. объявил о выделении 5 млрд. долл. на протяжении пяти лет для содействия восстановлению этой страны. Таким образом, правительство переориентировало свою политику в отношении Афганистана с вывода сил самообороны из Индийского океана на финансовую поддержку.

¹⁵ The Japan Times. 21.05.2010.

Можно сказать, что тема японо-российских отношений являлась семейной для политического клана Хатояма. Дед бывшего премьер-министра Хатояма Юкио Хатояма Итиро нормализовал дипломатические отношения Японии с СССР и подписал в 1956 г. Совместную декларацию, которая по своему содержанию равнозначна мирному договору. Однако у сторон существует разное толкование этого документа, и японская сторона педалирует проблему отсутствия мирного договора и территориального размежевания между двумя странами. Япония поставила подписание мирного договора в зависимость от решения территориального спора.

Как известно, Япония претендует на четыре острова Южных Курил – Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, ссылаясь на Тратат о торговле и границах 1855 г., по которому граница была определена между островами Уруп и Итуруп и спорные ныне острова были признаны японскими. Принципиальная позиция Москвы состоит в том, что южные Курильские острова вошли в состав СССР, правопреемницей которого является Россия, по итогам второй мировой войны, и российский суверенитет над этими территориями, имеющий соответствующее международно-правовое оформление, не подлежит сомнению. Президент Д. А. Медведев признал, что «есть трудные вопросы». «Это известные вопросы – территориальные, по этому вопросу позиции сторон предельно четко сформулированы, и сейчас основная задача заключается в том, чтобы эти позиции сближались. Только в таком случае можно добиться успеха. Это называется методом отхода от крайней позиции, что мы всегда нашим японским партнерам предлагали, и я готов это предложить новому премьер-министру»¹⁶.

Президент РФ Д. А. Медведев и Ю. Хатояма подтвердили намерение строить новые японо-российские отношения в Азиатско-тихоокеанском регионе. Российский президент заявил о своем намерении приложить усилия для поиска нового пути в двусторонних отношениях, в том числе по территориальной проблеме, а премьер-министр Ю. Хатояма считал, что можно продвигать вперед различные вопросы, в том числе политические и экономические, как «два колеса одной тележки», добиваясь положительного влияния этих сфер друг на друга. Существовала договоренность о проведении нескольких встреч между лидерами двух стран. Однако новый премьер-министр Кан Наото во время своей первой пресс-конференции ограничился заявлением лишь о том, что будет продолжать линию Хатояма на укрепление стратегического партнерства с США при сохранении как можно лучших отношений с Китаем и Южной Кореей, даже не упомянув о России. Хатояма же в своей первой речи в парламенте посвятил России целый абзац. Он вообще лю-

¹⁶ <http://www.rian.ru/politics/20090915/185172043.html>

бил подчеркивать, что «наша фамилия хорошо известна в России», но «фактор Хатояма» больше не работает.

Восемь с половиной месяцев правления администрации Хатояма привели к неутешительным для нее итогам. Как уже упоминалось, база Футэмма осталась в пределах Окинавы. Сделать скоростные дороги бесплатными пока не удастся. Выплаты на детей будут меньше обещанных и начнутся позже, как и постепенный перевод школ второй ступени на бесплатное обучение, но закон об этом уже одобрен обеими палатами парламента. Демократы обещают не повышать потребительский налог, хотя к этому призывают не только представители оппозиции и деловых кругов, но и ряд влиятельных однопартийцев. Некоторые успехи, правда, ожидаются от кампании по сокращению «лишних расходов» государственного бюджета. Ее очень широко рекламирует Демократическая партия.

Все это привело к резкому падению рейтинга поддержки кабинета Хатояма, по данным различных опросов – чуть ниже 20%. Одновременно уровень поддержки оппозиционных либерал-демократов впервые после поражения на прошлогодних всеобщих выборах стал выше, чем у правящей партии. Беспрецедентная победа на выборах сменилась беспрецедентным падением популярности – как в процентном выражении, так и по скорости. Аналитики отмечали, что правительство работало в условиях нервного цейтнота, его ослабляли недостаток у премьера лидерских качеств, противоречия между министрами, их привычки к резким, не всегда обдуманым заявлениям. Можно сказать, что они никак не могли избавиться от замашек оппозиционеров. Поэтому уход в отставку премьер-министра Хатояма Юкио не был неожиданностью.

То, что кабинет обречен, было вполне предсказуемо еще с начала мая. Выходом из создавшегося положения оказалась одновременная отставка Хатояма Юкио с поста председателя ДПЯ и премьер-министра и Одзава Итиро с поста генерального секретаря партии. Последнего в японской прессе называли «серым кардиналом» и «кукловодом» не только партии, но и правительства. Оба деятеля оказались замешанными в громких скандалах, в ходе которых их обвиняли в нарушении законов о политических пожертвованиях. Их личную виновность доказать не удалось, но их бывшие помощники и секретари получили сроки заключения, хотя и с отсрочкой исполнения приговоров. Несмотря на такое положение, Хатояма до конца поддерживал генерального секретаря Одзава, возлагая большие надежды на его способности «короля избирательных кампаний» накануне очередных выборов в палату советников 12 июля 2010 г.

Отставка премьер-министра Хатояма, позволила Демократической партии несколько повысить свой рейтинг. Согласно опросам общественного мнения, о своем намерении проголосовать за ДПЯ на пред-

стоящих выборах в июле заявили 25% респондентов газеты «Иомиури» и 28% – «Асахи»¹⁷. Действительно, уход с политической сцены дуэта Хатояма-Одзава, который в значительной степени повинен в падении престижа демократов, оказался хорошим политическим шагом. Сформированное Кан Наото правительство поддержало 60% населения страны.

Японская общественность не настроена отрицательно в отношении высокопоставленных представителей ДПЯ, что и показало положительное принятие нового премьер-министра Кан Наото (63 года). Он был избран 4 июня новым председателем Демократической партии. За него проголосовал 291 из 423 парламентариев от ДПЯ. Соперник Кан Наото, председатель комиссии по экологии палаты представителей Тарутоко Синдзи завоевал 129 сторонников (два голоса были признаны недействительными). Кан Наото 8 июля официально вступил в должность премьер-министра. За его кандидатуру проголосовало 313 из 480 депутатов этой палаты, а основной соперник либерал-демократ Танигаки Садакадзу сумел набрать только 116 голосов. В палате советников Кан Наото поддержали 123 из 242 депутатов, а Танигаки – лишь 71 законодатель.

Кан Наото сразу начал формировать свою команду, стремясь по возможности ослабить позиции Одзава. Он назначил двух его противников на ключевые посты в партии и правительстве. Сэнгоку Ёсито стал генеральным секретарем кабинета и сменил Кан Наото на посту главы Бюро национальной стратегии. В соответствии с политической традицией, генсек кабинета должен играть ключевую роль при его формировании. До введения поста вице-премьера (тоже специально для Кан Наото) генеральный секретарь считался «человеком номер два» в правительстве. Самый молодой член прежнего правительства Эдано Юкио (45 лет), бывший министром по делам административной реформы, назначен генеральным секретарем правящей партии вместо Одзава. Его тоже можно считать «человеком номер два».

В новый состав правительства вошло 11 из 17 прежних министров. Сохранили свои посты глава МИДа Окада Кацуо и глава оборонного ведомства Китадзава Тосими. Эти влиятельные политики-демократы безоговорочно поддержали Кан Наото на выборах на высшие посты в партии и правительстве. Его преемником на посту министра финансов стал статс-секретарь этого ведомства Нода Ёсихико, который считается «правой рукой» нового премьера. По совместительству Нода исполняет обязанности государственного министра экономической политики и по делам потребителей. Опытный политик, давний союзник Кан Наото, Араи Сатоси возглавил Бюро национальной стратегии. Новым ярким лицом в кабинете Кан Наото является Мурата Рэнхо, которую чаще зовут

¹⁷ Иомиури симбун. 04.06.2010; Асахи симбун. 04.06.2010.

просто по имени. Дочь тайваньца и японки она стала «звездой» телевидения, затем занялась политической деятельностью. Ей достался пост министра по делам административной реформы, которая приобретает в последнее время все большее значение. Как стало ясно из первых заявлений Кан Наото, он намерен в равной мере руководить и партией, и кабинетом, чтобы добиться единства их действий.

На своей первой пресс-конференции новый премьер-министр заявил, что «роль политиков состоит в том, чтобы минимизировать факторы, которые делают несчастными народ Японии и всего мира. Это означает, что перед политиками стоит цель построить общество с минимальным уровнем несчастий»¹⁸. Н.Кан признал проведение налоговой реформы основным вызовом для его администрации и призвал к совместным действиям правящие партии и оппозицию. Именно на эти позиции обратила внимание японская пресса. В частности, газета «Иомиури» заметила, что правительству надлежит представить современную национальную стратегию, проводить полномасштабные переговоры с либерал-демократами по налоговой реформе, включая повышение потребительского налога¹⁹.

Правительство разработало новую стратегию экономического роста Японии до 2020 г., согласно которой все усилия будут направлены на обеспечение экономического роста в реальном выражении более чем на 2%. Для ее реализации будут поощряться инвестиции в такие перспективные сектора, как новые виды энергетики и сохранение окружающей среды, здравоохранение, расширение торговли и деловых операций с азиатскими странами, туризм и оздоровление региональной экономики, наука и технологии, занятость и человеческий ресурс, улучшение финансовых условий. Планируется в результате реализации этой стратегии обеспечить около 5 млн. новых рабочих мест в области «чистой» энергетики, в здравоохранении и туризме²⁰.

Одновременно Н.Кан выступил с заявлением о возможности повышения потребительского налога с 5% до 10%. В принципе, это необходимая мера для решения проблемы колоссального государственного долга (до 200% ВВП), но она, несомненно, приведет к серьезным социальным издержкам. Хотя половина японских избирателей согласна с данной мерой, – это очень болезненный вопрос, который требует конкретных мер по компенсации потерь населения.

Вспомним, что стремление силовыми методами продавить решение аналогичного вопроса в 1987 г. привело к невиданному по масштабам парламентскому кризису, и отставка премьер-министра Накасонэ Ясухиро была неизбежной. Демократам постановка вопроса о повышении

подоходного налога стоила потери рейтинга поддержки избирателей до 20%, а затем во многом и поражения на выборах в палату советников 11 июля 2010 г.

Кан Наото подтвердил решимость следовать внешнеполитической линии своего предшественника, включая реализацию концепции формирования Восточноазиатского сотрудничества. Он подтвердил в телефонном разговоре с президентом США Б.Обама, что намерен выполнить в полном объеме все согласованные договоренности по расположенным на территории Японии американским базам. Кан заявил, что «будет уважать достигнутое прежним правительством соглашение с Вашингтоном» Но при этом, признавая, что жители острова несут огромное бремя присутствия баз, правительство будет прилагать все усилия для его облегчения. При этом новый премьер заметил, что «мы должны любым способом осуществить перенос и возврат базы Футэмма, а также передислокацию части морской пехоты США на о-в Гуам»²¹. Кан подчеркнул, что отношения с США остаются «краеугольным камнем японской дипломатии». Исходя из того, что Япония «будучи тихоокеанским морским государством, одновременно является азиатской страной», она будет строить свою внешнюю политику с учетом этой двойственности. «Говоря конкретно, стержнем внешней политики будет японо-американский союз, и одновременно с этим мы будем укреплять взаимодействие со странами Азии»²². Стараясь избежать трений с сопредельными странами, премьер высказался против посещений синтоистского святилища Ясукуни официальными лицами. Паломничество в этот храм, который рядом стран считается символом национализма и милитаризма, неизменно вызывает дипломатические протесты и усиление антияпонских настроений, в частности, в КНР и Республике Корея. По словам нового премьер-министра, он пока не слишком компетентен в вопросе японо-российских отношений, но будет усиленно им заниматься. В своей программной речи на 174-й сессии парламента премьер-министр отметил, что «мы будем активно работать над тем, чтобы заключить мирный договор, разрешив крупнейший нерешенный вопрос о северных территориях, продвигая вперед политику и экономику, как два колеса одной тележки»²³. Это – дословное повторение тезиса Хатояма Юкио.

Поражение демократов на выборах в палату советников, на которых был переизбран 121 депутат из 242, вторая половина будет переизбрана в 2013 г., было не катастрофичным, но нанесло сильнейший моральный удар и стало своего рода тревожным сигналом. ДПЯ ставила задачу получить только 54–55 мандатов из 121. Это создавало возможность

¹⁸ Japan Brief/FPCJ, № 1018. 11.06. 2010.

¹⁹ Там же.

²⁰ Japan Brief/FPCJ, № 1020. 22.06. 2010.

²¹ Киодо цусин. 08.06.2010.

²² Киодо цусин. 12.06.2010.

²³ Иомиури симбун. 08.06.2010.

выполнить минимальную задачу – сохранить за собой вместе с союзниками большинство в этой палате. Но задача оказалась невыполнимой. По итогам голосования партия получила только 44 мандата, а ее партнер по коалиции – СДПЯ – не получила ничего. В результате демократы располагают в верхней палате только 110 депутатскими местами (на 12 меньше, чем до выборов), а совокупная оппозиция – 131. Либерал-демократы имеют здесь 84 мандата. Таким образом, положение в этой палате политически неопределенно, что открывает дорогу различным временным коалициям при рассмотрении отдельных вопросов.

Благоприятным моментом для ДПЯ, несмотря на все сложные проблемы, является отсутствие в стране сильной действенной оппозиции. Да и отношение большинства избирателей к оппозиционным партиям достаточно прохладное. Из них лишь одна ЛДП имеет рейтинг около 20%.

На очередных выборах председателя Демократической партии Японии 14 сентября 2010 г. Кан Наото был переизбран, что дает ему возможность сохранить пост премьер-министра.

Внешняя политика Б. Обамы: новая страница японо-американских отношений

О. Ф. Добринская

В январе 2010 г. исполнилось 50 лет со дня подписания Договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности между США и Японией. Годовщина этого важного события – время подведения итогов и выработки стратегии на будущее в двусторонних отношениях, еще один повод для ученых, политиков и журналистов по обе стороны океана поразмыслить о прошлом, настоящем и будущем союза. Многие из них задаются вопросом, не пришло ли время пересмотреть сущность двусторонних отношений, тем более, что в последнее время и в США, и в Японии произошли значимые изменения, которые могут повлиять на дальнейшую судьбу союза.

Смена администрации в Вашингтоне стала важным историческим моментом. Приход к власти чернокожего президента символизировал перелом в сознании населения, продемонстрировал провал политики республиканцев, проводимой последние восемь лет, и желание перемен, в том числе и на внешнеполитическом фронте. Глобальный экономический кризис, война в Ираке, борьба с терроризмом в Афганистане и Пакистане, решение ядерной проблемы КНДР, отношения с Россией и Китаем требуют повышенного внимания со стороны Вашингтона. В этом контексте Япония занимает далеко не первое место во внешнеполитической повестке дня США. Однако это не означает, что японо-американский альянс теряет свое значение. Напротив, американская сторона вырабатывает новую стратегию отношений с азиатскими странами, среди которых Япония является ближайшим союзником.

Вслед за сменой администрации в США произошли радикальные перемены в Японии: впервые в истории к власти пришла оппозиционная Демократическая партия Японии, создавшая правительство в коалиции с Социал-демократической партией и Новой народной партией. Оппозиция всегда остро критиковала либерал-демократов за курс в отношении США и за оборонную политику. В новой ситуации казалось, что по сравнению с прошлыми годами приоритеты двустороннего сотрудничества несколько изменятся. В этой связи представляется интересным рассмотреть, с чем Япония и США подошли к празднованию важной даты в двусторонних отношениях, каковы перспективы сотрудничества их новых правительств.

В первое десятилетие нового столетия, до прихода к власти в США демократов, японо-американские отношения можно разделить на два этапа – период правления Дж. Буша и Дз. Коидзуми и период после ухода последнего со своего поста до смены администрации в Белом доме. Отношения между странами в первый период можно охарактеризовать как весьма крепкие связи, основанные, в том числе, на личной дружбе двух лидеров. Основной акцент был сделан на военную составляющую союза. В этой области произошли радикальные изменения, касающиеся оборонной политики Японии. Осенью 2001 г. был принят Закон о специальных антитеррористических мерах¹, а также поправки к Закону о силах самообороны, разрешившие отправку сил самообороны в Индийский океан для снабжения, транспортного и технического обслуживания войск международной коалиции. Впервые в послевоенной истории представители японских вооруженных сил приняли участие, пусть и ограниченное, в зарубежных операциях, не подпадающих под категорию миротворческих. 27 июля 2003 г. был одобрен Закон о специальных мерах по поддержке гуманитарного восстановления Ирака, позволивший премьер-министру отправить сухопутные силы самообороны в Ирак для оказания помощи американским войскам. В 2003 г. принят пакет законов, регулирующих действия властей и населения в случае «чрезвычайных ситуаций» (т. е. нападения или угрозы нападения на страну). Содержание японо-американского альянса приобрело новые очертания в связи с принятием в феврале 2005 г. масштабного документа «Общие стратегические цели», который не только впервые четко определил сферу глобальных и региональных интересов союзников, но и, по сути, стал программой действий на средне- и долгосрочную перспективу. Дальнейшие шаги были конкретизированы осенью того же года в документе под названием «Японо-американский союз: трансформация и реорганизация для будущего», в котором, в том числе, содержалась договоренность об изменении размещения американских войск. Эта договоренность должна осуществляться в соответствии с принятым в мае 2006 г. планом «Япония – США: дорожная карта по реализации передислокации баз». Таким образом, за несколько лет в оборонной политике Японии произошли беспрецедентные изменения, направленные на приобретение страной статуса «нормального государства» и полноценного союзника США. В японском внешнеполитическом курсе просматривались две тенденции: акцент на ремилитаризацию Японии, вся послевоенная история которой строилась на принципе мирного развития; а также проамериканский уклон японской

¹ Полное название – Закон о специальных мерах Японии по поддержке государств, действующих в целях Устава ООН в ответ на нападение террористов на США 11 сентября 2001 г. и по соответствующим гуманитарным мерам, предпринимаемым на основе резолюций Организации Объединенных Наций.

внешней политики, зачастую в ущерб отношениям с азиатскими странами. В частности, во время нахождения у власти Дз. Коидзуми отношения Японии с Китаем и Южной Кореей оставляли желать лучшего.

После ухода Дз. Коидзуми сменилось три премьер-министра (С. Абэ, Я. Фукуда, Т. Асо), принадлежавших к Либерально-демократической партии (ЛДП). Преемник Дз. Коидзуми, представитель молодого поколения консерваторов С. Абэ, не оправдал надежд на продолжение реформаторской линии своего харизматичного предшественника и вынужден был уйти в отставку. Его сменил придерживающийся умеренных взглядов Я. Фукуда, в свою очередь недолго находившийся у власти и, наконец, представитель «ястребов» Т. Асо, политик, прославившийся своими резкими и зачастую скандальными высказываниями. Политический кризис, возникший в результате неэффективного руководства страной, падение популярности правящей партии не могли не сказаться на результативности внешней политики и отношении к Японии со стороны США. Состояние альянса, хотя и стабильное, омрачалось некоторыми моментами.

Во-первых, в связи с расстановкой сил в законодательном органе страны тормозилось принятие законодательства, необходимого для реализации совместных договоренностей. ЛДП имела большинство в нижней палате парламента, а оппозиция – в верхней, и это не позволяло быстро проводить в жизнь соглашения, касающиеся японо-американского военного сотрудничества. Зашел в тупик процесс ратификации соглашения о передислокации американских войск, а также продление срока действия антитеррористического закона, регулирующего миссию в Индийском океане. Этот законопроект имел приоритетное значение для ЛДП, поскольку свидетельствовал о решимости Токио вносить вклад в международные усилия по борьбе с терроризмом и рассматривался как один из важных элементов японо-американского военного сотрудничества.

Во-вторых, ряд шагов со стороны Вашингтона дал основания Токио сомневаться в надежности своего союзника. Оказалось, что в процессе переговоров с КНДР США готовы идти на уступки, противоречащие интересам Японии. На шестисторонних переговорах Вашингтон стремился отложить в долгий ящик решение вопроса о судьбе похищенных в КНДР японских граждан и в первую очередь решить ядерную проблему. Наконец, для Токио стал неприятным сюрпризом поворот в политике США по отношению к КНДР в феврале 2007 г. США без консультаций с союзником приняли решение об исключении Северной Кореи из списка стран, поддерживающих международный терроризм. Помимо этого Вашингтон не проявлял энтузиазма в поддержке кандидатуры Японии в постоянные члены Совета Безопасности ООН. Еще одним негативным моментом стало принятие палатой представителей США «резолюции Хонда», требующей от Японии извиниться за «жен-

щин, используемых японской армией для обслуживания солдат во время войны» (comfort women). Не способствовал улучшению отношений отказ Вашингтона продать Японии истребитель F-22 (мотивируя это тем, что такой шаг негативно скажется на отношениях с Китаем). В результате политики Дз. Коидзуми, ориентировавшегося на Вашингтон, оказались испорченными отношения с соседями, а действия США в последние годы вызвали опасения, что Вашингтон предпочтет поддержанию союза развитие связей с Китаем, из-за чего Япония ощутила себя в изоляции в Азии. На фоне ракетных испытаний КНДР в стране возобновилась дискуссия о целесообразности обладания ядерным оружием². Таким образом, можно сказать, что динамика союзнических отношений, достигшая пика в годы правления Дз. Коидзуми, фактически сошла на нет в последующий период.

Американские ученые в большинстве сходились во мнении относительно задач, стоящих перед новой администрацией США. Они считали необходимым убедить Японию в том, что отношения с ней являются приоритетными и на гарантии безопасности со стороны США можно положиться³. Предлагалось активнее вовлекать Токио в трехсторонние переговоры с Северной Кореей и Вашингтоном перед проведением шестисторонних консультаций; содействовать обсуждению вопросов безопасности и других проблем на трехстороннем уровне между Японией, Китаем и США.

Ожидание смены власти в Вашингтоне высветило широкий спектр мнений в японском обществе относительно будущего двусторонних отношений. В целом их можно условно разделить на три группы.

Первая группа – широкая публика, «обыватели» – поддерживали Б. Обаму, надеясь, что с его приходом силовой курс, проводимый США при Дж. Буше, изменится. Вторая группа – информированная публика, то есть представители СМИ, ученые, бизнесмены и т. д. – испытывали опасения в связи с приходом Б. Обамы по ряду причин. Во-первых, они считали, что демократы настроены прокитайски по сравнению с республиканцами (пример – визит Клинтона в КНР в 1998 г без заезда в Японию). Во-вторых, как известно, в экономике демократы придерживаются протекционистских взглядов, что может негативно сказаться на японских торгово-экономических интересах. В-третьих, демократы демонстрируют меньше поддержки в урегулировании важных для Японии вопросов. В целом можно сказать, что «азиатская» команда Б. Обамы японцам была менее знакома и состояла скорее из специалистов по Китаю (Дж. Бадер), в отличие от команды МакКейна

(М. Грин, Р. Армитедж). Третья группа – элита, то есть представители дипломатических, военных, торговых кругов (находящиеся в постоянном контакте с американской стороной) – были настроены оптимистично. Они считали, что стратегические интересы обеих стран настолько сильны, что Японии не грозит быть отодвинутой на второй план. Тесное экономическое взаимодействие с Токио потребует Вашингтону и для того, чтобы справиться с экономическим кризисом. В то же время и в их стане присутствовали опасения относительно того, что США при Б.Обаме будут оказывать давление на Японию и требовать от нее большего, чем она готова сделать, особенно в условиях политического кризиса и необходимости сосредоточиться на внутренних делах.

В частности, следовало ожидать, что в отношении КНДР США будут делать акцент сугубо на решении вопроса денуклеаризации, что отодвинет на второй план проблему похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан (который Япония рассчитывает урегулировать в формате шестисторонних переговоров в увязке с ядерным вопросом). Можно было предполагать, что США потребуют от Японии большего вклада в дело восстановления Афганистана, а также наверняка проявят меньше терпимости в отношении японо-иранских экономических связей.

По мнению некоторых американских ученых в японских дипломатических и военных кругах силен прореспубликанский настрой⁴. В этой связи одной из важнейших задач нового президента стало убедить МИД Японии в том, что Америка заинтересована в сотрудничестве, и донести как до дипломатов, так и до общественности, что США нуждаются в Японии. Притом, что в списке внешнеполитических приоритетов Б. Обамы Япония занимает далеко не первое место, сделать это будет непросто. В то же время и в Токио сегодня гораздо больше озабочены экономическими трудностями и внутривнутриполитическими проблемами, чем международной обстановкой.

Характеризуя внешнеполитические установки Б. Обамы, следует отметить многосторонний подход к международным отношениям. Одной из задач нового президента стало укрепление исторических союзов в Азии и одновременное развитие глубоких связей со всеми странами региона, с тем, чтобы сообща решать такие вопросы, как распространение ядерного оружия, изменение климата, борьба с пандемическими болезнями, экономической нестабильностью. Соответственно, можно было ожидать, что и в Азии США проявят больше внимания к региональным образованиям, таким как Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС) Региональный форум АСЕАН (АРФ) и т. д.,

² *Ralph A. Cossa*. US-Japan Relations: what should Washington do? – America's role in Asia. San Francisco, 2008. p. 207–211.

³ *Michael H. Armacost and J. Stapleton Roy* American Overview: Asian Policy challenges for the next President. – America's Role in Asia. San Francisco. 2008. p. 83–84.

⁴ President Obama and US-Japan Relations. World Affairs council of Northern California Conference. San Francisco. 10. 12. 2008.

будут вовлечены в многостороннее сотрудничество. Этот курс существенно отличается от политики Дж. Буша, направленной прежде всего на развитие двусторонних отношений в регионе и зачастую игнорировавшей многосторонние структуры.

Первостепенной дипломатической задачей Белого дома стала демонстрация нового подхода, основанного на равноправных отношениях, готовность прислушиваться к предложениям азиатских стран, а не отдавать им указания. Этой цели идеально послужила организация ознакомительной поездки госсекретаря США, в ходе которой Вашингтон убедил японцев в том, что США открыты к взаимодействию, учитывающему их интересы.

Такая поездка состоялась в феврале 2009 г. Впервые за последние 50 лет глава внешнеполитического ведомства США начала зарубежные визиты с Азии, а не с Европы или Ближнего Востока. Х. Клинтон посетила Японию, Южную Корею, Китай и Индонезию. Первая остановка была в Токио, где была подтверждена важность двустороннего союза как основания американской политики в Азии и краеугольного камня безопасности в Восточной Азии. Было подписано формальное соглашение о передислокации 8 тыс. морских пехотинцев с Окинавы на Гуам и подтверждены обязательства в области безопасности. Госсекретарь встретила с семьями пропавших в КНДР японских граждан, при этом проявляя осторожность и не связывая вплотную прогресс в области денуклеаризации и вопрос о похищенных. Также она заверила японскую сторону в том, что Вашингтон будет впредь консультироваться с Токио перед тем как проводить политику, которая может затронуть интересы союзников (этот вопрос возник после принятия США решения об исключении КНДР из списка стран, поддерживающих терроризм). Основной целью этого турне было показать азиатским союзникам и партнерам, что Америка готова прислушиваться к их мнению и не будет игнорировать регион, несмотря на наличие серьезных проблем и вызовов в других точках планеты (в чем нередко обвиняли администрацию Дж. Буша). Эта поездка стала символом того, что Азия играет важную роль во внешнеполитической повестке дня Вашингтона, и дала хороший старт отношениям с правительством Б. Обамы.

В качестве идеологического обеспечения внешней политики новая администрация выдвинула концепцию «умной власти», то есть политики, основанной на прагматичном сочетании всех доступных, прежде всего, несиловых, инструментов для достижения целей⁵. Эта концепция перекликается с концепцией «мягкой власти», то есть подхода, основанного не на военной силе, а на сотрудничестве в таких областях, как климат, разоружение и т.п. Термин «мягкая власть» был изобретен

в 1990 г. Дж. Наем, специалистом по Японии в администрации США, и означает способность государства добиваться целей, используя культуру, технологии или политику, а не принуждение, или «жесткую власть». В настоящее время эта концепция возвращается, помимо профессора Дж. Нае сегодня о ней говорят, например, бывший заместитель госсекретаря США Ричард Армитедж и политолог Джеральд Кёртис⁶.

Первоначальная настороженность японцев по отношению к демократам в Белом доме была основана на печальном опыте, связанном с эпохой Билла Клинтона, времени, когда в обиход вошли такие выражения, как «обход Японии»- Japan passing, когда Клинтон отправился в Китай, не заехав в Японию, а также «трепка Японии» – Japan bashing – относящееся к экономическим трениям между двумя странами. В то время почти все посты в Государственном департаменте и министерстве обороны были заняты экспертами по Китаю. «Азиатская команда» Б. Обамы представлена в равной степени специалистами как по Китаю, так и по Японии.

Одним из видных экспертов по Азии в правительстве Б. Обамы стал бывший председатель Нью-Йоркского федерального резервного банка Тимоти Гейтнер, назначенный министром финансов. Выросший в семье востоковедов, он в молодости работал в посольстве США в Токио, долгое время провел в Индии, Тайланде, Китае, владеет японским и китайским языками. Советник Б. Обамы по Китаю во время президентской кампании Джеффри Бадер стал старшим специалистом по азиатским делам в Совете национальной безопасности. Экспертом по Китаю является и Дерек Митчелл, заместитель министра обороны по вопросам безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе. Он учился и работал в Китае, говорит по-китайски. Большой опыт в вопросах отношений с Китаем и Восточной Азией имеет Джеймс Стейнберг, заместитель госсекретаря по вопросам разработки внешнеполитического курса, заметная фигура в администрации Клинтона, ярый критик политики Буша. Советник будущего президента по Японии Майкл Шифер занял пост заместителя министра обороны по Восточной Азии. Знаковым событием стало назначение на пост заместителя госсекретаря по Восточной Азии и Тихоокеанским странам Курта Кэмпбелла. Эта должность считается одним из важнейших постов, курирующих Азию, в государственном департаменте США. К. Кэмпбелл был известной фигурой, отвечавшей за переговоры с Японией при предыдущих администрациях. С 1995 г. он занимал ответственный пост в министерстве обороны, где участвовал в разработке планов передислокации как ярый сторонник союза. Кэмпбелл и сейчас выступает за развитие крепкого партнерства с Японией

⁵ Foreign Policy Address by Secretary of State Hillary Clinton. 15.07. 2009. www.cfr.org/publication/19840/council_on_foreign_relations_address_by_secretary_of_state_hillary_clinton.html

⁶ Mariko Kato. Both Japan, US must Improve their «Soft Power»: Experts. – The Japan Times. 19, 06.2009.

7. Кроме того, его связывают давние дружеские отношения с министром иностранных дел Японии К. Окада. Следует отметить, что при новой администрации посты, связанные с Японией, занимают лица, непосредственно курировавшие вопросы размещения американских войск в Японии. Так, К. Кэмпбелл был ответственным за переговоры по базе Футэмма при Дж. Буше-младшем. Заместитель министра обороны Уоллес Грегсон, курирующий вопросы Дальнего Востока в Пентагоне, ранее командовал дивизией морских пехотинцев на Окинаве. Отдел Японии в государственном департаменте возглавляет Кевин Маер, бывший генеральный консул США на Окинаве. Эти кадровые решения свидетельствуют о том значении, которое новая администрация придает скорейшей реализации планов по передислокации вооруженных сил на территории Японии.

Важным показателем двусторонних отношений является назначение посла. Эта тема привлекла пристальное внимание ученых и журналистов обеих стран. Новым представителем Вашингтона в Японии стал Джон Рус – глава юридической фирмы в Калифорнии и один из наиболее активных участников сбора финансовых средств во время президентской кампании.

Это решение стало для многих неожиданностью и вызвало немало споров. Во-первых, у него нет опыта дипломатической работы, тем более, связанной с решением вопросов безопасности. К тому же в повестке дня отношений на первый план выходят такие важные вопросы, как ситуация вокруг КНДР и передислокация американских военно-морских баз с Окинавы на Гуам. Во-вторых, Руса нельзя назвать «тяжеловесом» в политическом плане, в отличие, например, от нового посла в Китае Дж. Хантсмана, губернатора Юты, бывшего посла в Сингапуре, свободно владеющего китайским языком и имеющего соответствующую дипломатическую квалификацию.

Одновременно существует точка зрения, что такое назначение – большой плюс, так как Рус является лицом, приближенным к Б. Обаме, как в свое время Томас Шейфер (бывший посол США в Токио) был близок к Дж. Бушу младшему. У него есть опыт общения с японскими деловыми кругами: среди клиентов его фирмы – японские корпорации «Тосиба», «Санъё», «Джапан табакко». Кроме того, его компания занимается, в том числе, развитием энергосберегающих технологий и охраной окружающей среды, что позволит успешно развивать это направление в двусторонних отношениях. Б. Обама не раз заявлял о намерении уделять больше внимания вопросам экологии. Например, посол США в Китае также известен своей деятельностью в сфере охраны окружающей

среды. Еще одним положительным моментом является то, что Рус – выпускник Стэнфорда и продолжает занимать пост советника в этом университете. Этот фактор достоин упоминания, поскольку возглавлявший на тот момент японское правительство Хатояма Юкио также окончил Стэнфорд.

Существует мнение, что отношения между представителями власти в США и Японии весьма тесные, а контакты на высшем и высоком уровне интенсивные, поэтому фигура посла не играет настолько важной роли как в случае с другими странами⁸.

Беглый взгляд на кадровые перестановки в администрации Б. Обамы наводит на мысль о том, что в Белом доме намерены пересмотреть азиатский курс республиканцев, больше внимания уделять Азии, расширить область невоенного сотрудничества со странами региона, в том числе с Японией. Прежде всего, важную роль будет играть экономическая составляющая отношений, а также будут развиваться такие направления, как экология, обеспечение энергетической безопасности, разоружение.

Картина двусторонних отношений усложнилась с приходом к власти оппозиции – Демократической партии Японии. Она традиционно критиковала ЛДП за следование в фарватере США, была известна своей позицией за сохранение девятой статьи конституции и принципа «исключительной самообороны», за усиление роли ООН и за развитие отношений с азиатскими странами.

Идеи, лежащие в основе внешнеполитической стратегии Демократической партии, возглавлявший ее Хатояма Юкио изложил в статье «Новый путь для Японии». Автор считает, что мир находится в преддверии завершения эры глобализма под руководством США и наступления периода многополярности, однако на настоящий момент альтернативы США и доллару нет. В то же время, серьезный вызов лидерству США в Азии бросает Китай. Япония и другие страны Азии находятся в ситуации «между двух огней». Им приходится маневрировать между двумя державами, и единственный путь их успешного и безопасного развития лежит в региональной интеграции⁹.

В этой связи Ю. Хатояма высказывает идею создания Восточноазиатского сообщества – структуры наподобие Европейского союза, предусматривающей экономическую интеграцию, включая учреждение единой валюты, а также политическую интеграцию и создание системы коллективной безопасности. Это, по мнению демократов, позволит Японии проводить в жизнь принципы пацифизма и международного сотрудничества, предусмотренные конституцией, а также сохранить

⁷ Dr. Campbell Kurt M. Confirmation Hearing Statement. Senate Foreign Relations Committee. 10.06. 2009. <http://foreign.senate.gov/testimony/2009/campbelltestimony090610a.pdf>

⁸ Dujarric R. and Konishi W. S. Incoming Ambassador Roos is Right for the Job. –The Japan Times. 17.06.2009.

⁹ Hatoyama Y. A New Path for Japan. – The New York Times. 26.08. 2009.

самостоятельность и национальный интерес. Идея создания Восточно-азиатского сообщества не нова, японские лидеры ранее не раз выдвигали подобные концепции, однако реализовать их в силу объективных причин не удавалось.

Находясь в оппозиции, ДПЯ достаточно жестко выступала против продления миссии сил самообороны в Индийском океане, а также против соглашения о статусе войск и передислокации американских баз. Накануне выборов партия смягчила риторику ввиду возможности прихода к власти. Летом был обнародован программный документ демократов, в котором эти конкретные вопросы затронуты не были. В нем предлагалось строить отношения с США на основании концепции «союза равных». Суть равноправных отношений, по мнению Ю. Хатоямы, состоит в том, чтобы Япония активно участвовала в определении глобальной роли альянса, а также выдвигала предложения по конкретным направлениям его деятельности¹⁰. Можно было предполагать, что с приходом к власти ДПЯ смягчит риторику, существовавшую во время предвыборной кампании. В то же время не следует забывать, что ДПЯ работала в коалиции с Социал-демократической партией и Новой народной партией и вынуждена была считаться с их позицией. СДП более жестко, чем ДПЯ выступает против отправки сил самообороны за рубеж, за сохранение 9-й статьи конституции, за свертывание американского присутствия в стране.

В результате действий коалиционного правительства на первый план в двусторонних отношениях вышел вопрос об американских базах. Вскоре после прихода к власти Ю. Хатояма заявил о комплексном пересмотре союза, позже разъяснив, что это подразумевает вопросы финансирования Японией американских баз, пересмотр Соглашения о статусе войск и вопроса о передислокации базы Футэмма¹¹.

Вопросы передислокации ВС США, обсуждение которых идет еще с 1996 г., были урегулированы при Дз. Коидзуми в октябре 2005 г. с подписанием документа под названием «Японо-американский союз: трансформация и реорганизация на будущее» и принятия на его основе Плана передислокации 2006 г. В дополнение к этому в феврале 2009 г. было подписано международное соглашение по Гуаму. В то время как правительство Т. Асо катастрофически теряло поддержку населения, новая администрация США поспешила закрепить договоренности по переносу баз, которые стали бы юридически обязательными для следующего японского правительства. Несмотря на соглашение 2006 г., предусматривающего перенос базы Футэмма в другую часть Окинавы, японская сторона заговорила о выводе базы за пределы острова.

¹⁰ Policy Speech by Prime Minister Yukio Hatoyama at the 173rd Session of the Diet. 26 October 2009. www.kantei.go.jp

¹¹ *Takahashi K.* Japan: a new battle over Okinawa. Asia Times online. <http://www.atimes.com>

Безусловно, такой поворот событий вызвал непонимание американской стороны. Так, например, Дж. Най, идеолог американского курса в отношении Японии после холодной войны, на конференции в Токио еще в декабре 2008 г. ясно дал понять, какие шаги Токио в США будут расценены как неконструктивные: завершение миссии сил самообороны в Индийском океане и любая попытка пересмотреть соглашение о статусе войск или соглашения, касающиеся ВС США, размещенных в Японии¹². Политики США также неоднократно жестко высказывались по поводу этой ситуации.

В целом можно сказать, что попытка Японии пересмотреть договоренность о судьбе базы Футэмма, непоследовательность и отсутствие четкого плана по этому вопросу вызвали раздражение американской стороны и недоверие к новому правительству. Это, в частности, наглядно продемонстрировал весьма холодный прием, оказанный Б. Обамой своему японскому коллеге во время Саммита по ядерной безопасности в апреле 2010 г.¹³ Давление американской стороны, эскалация напряженности в связи с конфронтацией Южной и Северной Кореи, активизация военно-морской деятельности Китая вблизи японских островов предопределили судьбу базы Футэмма. После долгих месяцев неопределенности Ю. Хатояма в мае 2010 г. подтвердил согласованное в предыдущих двусторонних документах решение о переносе базы в пределах острова Окинава, чем и подписал себе приговор как премьер-министру: на фоне обвинений в невыполнении предвыборных обещаний, выхода из коалиции СДП, яростных протестов жителей Окинавы и катастрофического падения рейтинга он вынужден был подать в отставку. В этой связи хочется отметить, что США и Япония слишком тесно взаимосвязаны, и попытки японских политиков внести принципиальные изменения в эти отношения вряд ли будут иметь успех.

Ситуация вокруг баз дала повод некоторым аналитикам сделать вывод, что по большому счету с приходом в Белый дом Б. Обамы в японо-американских отношениях ничего не изменилось: США по-прежнему относятся к Токио как к своему вассалу. В период работы правительства Ю. Хатоямы вопрос о переносе баз создал негативный фон в двусторонних отношениях. Способствовал этому и скандал вокруг «секретных соглашений» между правительствами двух стран, якобы разрешивших заход в Японию американских судов с ядерным оружием на борту. Разочарованием для Белого дома стало и изменение позиции нового правительства по афганской проблеме.

Изначально было понятно, что США рассчитывают на Токио в вопросе борьбы с терроризмом в Афганистане. Символом японского

¹² *Gavan McCormack.* The battle of Okinawa 2009: Obama vs Hatoyama. – Japan focus. http://japanfocus.org/_gavan_mccormack/3250.

¹³ Japan Times. 21.04. 2010. <http://www.japantimes.co.jp>

вклада в антитеррористическую операцию была восьмилетняя миссия сил самообороны в Индийском океане по дозаправке кораблей участников антитеррористической коалиции. Если для Японии участие в этой зарубежной операции означало политический прорыв, то США нередко высказывали мнение о том, что и такого вклада недостаточно. Например, бывший замминистра обороны Дж. Шинн отмечал, что Япония – единственная из стран Большой семерки, чьи военные не входят в коалицию¹⁴.

После прихода к власти правительство Ю. Хатояма объявило о новой стратегии в Афганистане. Она заключалась в выводе сил самообороны из Индийского океана и переориентации японского участия в антитеррористической операции на оказание финансовой помощи Афганистану. Определены три основных сферы ее использования: укрепление национальной полиции; содействие социальной реабилитации; развитие хозяйственной жизни страны, в том числе создание инфраструктуры. На эти цели будет предоставлено около 5 млрд. долл. в течение пяти лет. Одновременно планируется продолжить финансовое содействие Пакистану.

Решение о выделении значительной суммы на восстановление Афганистана было принято под давлением Вашингтона. В условиях наращивания США военных сил в Афганистане отказ Японии помогать коалиции вряд ли обрадовал американцев. Хотя со временем потребность в дозаправках в районе Индийского океана снизилась, присутствие японских кораблей символизировало поддержку союзника. Кроме того, варианты вклада в афганскую кампанию могли бы включать невоенное участие в международных силах по содействию Афганистану или оказание помощи в перевозке гуманитарных грузов. В то же время стоит заметить, что США с пониманием подошли к изменению японской позиции по Афганистану. Большая часть японского общества приветствовала этот шаг, хотя некоторые наблюдатели обвинили правительство в возврате к дипломатии «чековой книжки»¹⁵.

Проблема обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова остается одной из основных тем японо-американского диалога. Б.Обама пришел в Белый дом с намерением вести диалог со «странами-изгоями» и предпринимать шаги с тем, чтобы сдвинуть с мертвой точки процесс шестисторонних консультаций. Однако развитие ситуации на Корейском полуострове откладывает на неопределенный срок проведение шестисторонних консультаций, в то время как КНДР продолжает испытания ракет и предпринимает другие неконструктивные

действия. Основной ареной обсуждения ядерной программы КНДР стали двусторонние и трехсторонние консультации участников урегулирования этой проблемы. Можно говорить о формировании единого фронта сторонников жесткого подхода к КНДР, состоящего из США и его военных союзников в регионе – Японии и Южной Кореи.

Помимо рассмотренных вопросов в повестке дня японо-американских отношений, обозначенной главами государств еще в ходе первого телефонного разговора, фигурируют экономическое сотрудничество – традиционно важная тема двустороннего и многостороннего взаимодействия, а также сравнительно новые перспективные направления совместной работы – борьба с изменением климата и вопросы ядерного нераспространения.

Экономическое взаимодействие продолжает оставаться важным направлением двусторонних отношений в свете разразившегося глобального кризиса. Некоторые японские политические обозреватели отмечают, что Б. Обама подчеркивает важность японо-американских отношений как «краеугольного камня» внешней политики США во многом потому, что Вашингтон нуждается в поддержке Японии в связи с ростом долговых обязательств США для поддержания валютной системы, основанной на долларе.

Обеспечение энергетической безопасности и охрана окружающей среды входят в число ключевых направлений как внешней, так и внутренней политики Белого дома в настоящее время. Развитие альтернативных источников энергии и снижение зависимости от нефти звучали среди лозунгов предвыборной кампании Б. Обамы. Став президентом, он включил меры по развитию «чистой энергетики» в качестве одной из важнейших стратегических частей антикризисного плана по восстановлению экономики. На разработки и исследования в этой области США собираются инвестировать более 80 млрд. долл.¹⁶ В этой связи для Вашингтона возрастает значение Японии как признанного мирового лидера в области энергосберегающих технологий и эффективного энергопользования. Токио активно делится опытом и технологиями со странами Азиатско-тихоокеанского региона и с учетом американской специфики способен оказать весомую помощь в разработке и внедрении конкретных проектов, направленных на энергосбережение. Кроме того, Япония известна как активист в области сохранения окружающей среды. Ю. Хатояма выдвинул комплекс мер, направленных на борьбу с изменением климата («Инициатива Хатояма»), а также демократы объявили о намерении Японии сократить объем выбросов к 2020 г. на 25% по сравнению с 1990 г.¹⁷ Кроме того, в этой сфере у обеих стран есть существенный потенциал для взаимодействия на международной арене.

¹⁴ *Ferguson J.* US and Japan build a new Silk Road. – Asia Times online. February 18, 2009. <http://www.atimes.com/atimes/Japan/KB18Dh01.html>

¹⁵ *Yamauchi M.* Hatoyama needs more Prudent Political Creed. – Yomiuri Shimbun. 13.11.2009. – <http://www.yomiuri.co.jp>

¹⁶ <http://www.whitehouse.gov/issues/energy-and-environment>

¹⁷ www.mofa.go.jp/announce/2010/1/PDF/012601e.pdf

Сотрудничество в сфере борьбы с глобальным потеплением и в развитии экологически чистых технологий стало одной из главных тем, обсуждаемых во время первой встречи Б. Обамы с Ю. Хатояма, и нашло отражение в совместном заявлении. Стороны планируют снизить уровень выбросов парниковых газов на 80% к 2050 г., совместно работать в области окружающей среды и энергетики, включая ядерную энергетику и электроэнергию¹⁸. Новая администрация США выразила намерение взять на себя инициативу в разработке нового международного соглашения в области борьбы с изменением климата, которое придет на смену Киотскому протоколу¹⁹.

Ядерное разоружение является еще одним из направлений, на котором возможно плодотворное взаимодействие двух стран. Выступая в Праге весной 2009 г., Б. Обама заявил о намерении США добиваться создания безъядерного мира. В отличие от политики Дж. Буша сегодня в Белом доме уделяют особое внимание не только вопросам нераспространения ядерного оружия, но и вопросам ядерного разоружения, что было продемонстрировано подписанием нового соглашения по контролю над вооружениями с Россией. Еще одним подтверждением активизации американской политики в этой области стала инициатива по проведению Саммита по ядерной безопасности. Япония как единственная страна, ставшая жертвой атомных бомбардировок, долгие годы ведет работу в рамках ООН и различных региональных структур с целью продвижения концепции уничтожения ядерного оружия в мире. В 2009 г. США впервые выступили ко-спонсором представляемой Японией на Генеральную Ассамблею ООН ежегодной резолюции, призывающей к полному уничтожению ядерного оружия. Кроме того, лидеры двух стран отметили важность вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). На это следует обратить внимание, поскольку Токио уже долгие годы выполняет функции координатора этого договора, однако одним из препятствий его вступления в силу являлся именно отказ США ратифицировать ДВЗЯИ. Таким образом, смена власти в обеих странах дает возможность придать новый импульс глобальному процессу сокращения ядерного оружия.

Японский политолог Х. Окадзаки подчеркивает, что новая администрация демонстрирует готовность развивать союзнические отношения, и, несмотря на инертность японской стороны, судьба альянса в безопасности. Перед лицом растущей военной мощи Китая альянс естественным образом будет укрепляться в будущем, даже если это будет происходить крайне медленно²⁰. Многие американские ученые, на-

пример, Т. Дж. Пемпел, М. Армакост и другие также уверены в стабильности будущего союза безопасности.

Смена политического курса Токио также расценивается многими американскими учеными положительно. Характеризуя внешнеполитические установки демократов, К. Кэмпбелл уверен, что линия ДПЯ не противоречит американским интересам. Напротив, США заинтересованы видеть Японию уверенной и независимой страной, и совпадение интересов обеих стран является объективной реальностью. Кроме того, США хотели бы, чтобы Япония играла более активную роль в Азии. Это касается и отношений с Южной Кореей как одним из важнейших американских союзников в регионе, и с Китаем, и с КНДР.

Политолог С. Клемонс считает, что сложившаяся ситуация весьма полезна для двусторонних отношений, поскольку позволяет произвести переоценку альянса, внести новые элементы. Кроме того, он подчеркивает, что США нередко воспринимали Токио как само собой разумеющегося союзника, и в новых условиях, когда руководство этой страны настроено на независимый курс, важность Японии в глазах конгресса США возрастет²¹. Его коллега М.Грин надеется, что новое руководство будет оценивать внешнеполитический курс не с точки зрения зависимости или независимости от США, а с точки зрения международной роли Японии²².

Подобные мнения академических кругов нашли отражение в Новой оборонной стратегии США, вышедшей в свет в мае 2010 г. Согласно этому документу, планируется модернизировать союзы с Японией и Кореей с целью реализации принципа равноправного партнерства с США. Идею равноправного партнерства выдвигает и японская сторона, однако, как представляется, если в глазах японцев «равноправие» означает повышение права голоса в определении направлений деятельности союза, то для США это подразумевает, прежде всего, повышение обязательств их азиатского союзника.

Смена власти в США и в Японии не привнесла принципиальных изменений в состояние двустороннего альянса. Союз безопасности – это стабильная структура, выдержавшая испытание временем, и вряд ли отдельные негативные моменты (проблемы с переносом базы Футама, скандал вокруг «секретных соглашений», прекращение японской миссии в Индийском океане) серьезно повлияют на ее судьбу. В основе этой структуры лежит военное сотрудничество, которое сохранит важность в силу объективных причин, таких как напряженная обстановка вокруг КНДР, военное строительство в Китае.

По прошествии почти двух лет со дня вступления в должность нового президента США можно отметить, что Вашингтон конструктивно

¹⁸ Obama, Hatoyama Stress Deeper Ties. – The Asahi Shimbun. 14.11. 2009.

¹⁹ Rosenthal E.. Obama's Backing Raises Hopes for Climate Pact.–The New York Times. 28.02. 2009. www.nytimes.com/2009/03/01/science/earth/01treaty.html?

²⁰ Okazaki Hisahiko. Japan's Obama Opportunity. – The Wall Street Journal, 02.07. 2009.

²¹ Understanding Japan's Elections: what the Elections mean for Asia and the United States. Center for Strategic and International Studies. Washington, D.C., 02.09.2009.

²² Ibid.

подошел к задаче улучшения своего имиджа в Азии. В отличие от предыдущей администрации, делавшей акцент на развитии двусторонних связей и преобладании вопросов военной безопасности в повестке дня, нынешнее руководство активно участвует в многостороннем диалоге в регионе, в обсуждении вопросов экономического сотрудничества, энергетической безопасности, экологии, разоружения. Особое внимание уделяется стратегическому взаимодействию с союзниками, причем не только на двустороннем, но и на многостороннем уровне. Одновременно Вашингтон поощряет сотрудничество между его союзниками в АТР, в частности, между Японией и Австралией, между Японией и Республикой Корея. Такой подход не только способствует консолидации американской системы союзов в АТР, но и положительно сказывается на позициях Японии в регионе.

Важным результатом внешней политики новых правительств в Японии и в США является расширение невоенной составляющей альянса. Повышение интереса США к глобальным проблемам выгодно Токио. Япония уже давно претендует на лидирующую роль в решении проблем невоенной безопасности, и поддержка США в продвижении тематики ядерного нераспространения и борьбы с изменением климата будет способствовать повышению ее международного статуса.

Япония и Австралия – два полюса единого азиатского пространства

Н. В. Стапран

Япония и Австралия, являясь своего рода полюсами Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), находят довольно много точек пересечения интересов. Япония является уникальной азиатской страной «западной» ориентации, тогда как Австралия, напротив, страна с преобладающим белым населением, принципиально ориентированная на Азию. Японо-австралийские отношения являют собой пример стабильного и долгосрочного партнерства на протяжении более чем 50 лет.

Краеугольным камнем двустороннего взаимодействия стало Соглашение о торговле, подписанное 6 июля 1957 г. и давшее толчок развитию экономических связей, несмотря на напряженность, которая сохранялась после второй мировой войны. К 1966 г. Япония стала самым большим внешним рынком Австралии. Основное соглашение о дружбе и сотрудничестве 1976 г. расширило как возможности инвестиционной деятельности, так и значительно укрепило другие связи двух стран, стимулируя развитие политических, культурных, людских обменов. Особо подчеркнув недискриминационный характер иммиграционной и инвестиционной политики, этот документ создал устойчивую базу для роста торговли и инвестиций, а также намного более близких политических отношений. Ценным вкладом во взаимопонимание между двумя странами стала разработанная в 1980 г. программа молодежных обменов (Working Holiday Program), позволявшая молодым людям из Японии и Австралии получать годовые бесплатные туристические визы, не запрещающие также и трудовую деятельность в стране пребывания¹.

В 1997 г. была принята «Программа партнерства» (Partnership Agenda), которая впервые за всю историю двусторонних отношений охватывала все сферы сотрудничества, в том числе и безопасность. В 2003 г. было подписано торгово-экономическое соглашение, нацеленное на постепенную либерализацию торговли и инвестиций. Совместное заявление о сотрудничестве в сфере безопасности было подписано между Австралией и Японией в 2007 г. Диалог по безопасности имеет беспрецедентный характер для Японии, которая в течение 50 лет не обсуждала вопросы безопасности ни с кем, кроме США.

¹ Drysdale P. Australia and Japan: New Economic Partnership in Asia. Austrade. 2009, p. 11.

Как видно из перечисленных выше фактов, отношения Австралии и Японии постепенно развивались по пути всестороннего стратегического партнерства, включающего не только торговлю и инвестиции, но и политику и безопасность. Кроме того, Япония и Австралия активно сотрудничают в рамках многосторонних механизмов, выдвигая разнообразные международные инициативы, такие как учреждение Азиатско-тихоокеанского экономического сообщества (АТЕС) в 1989 г.

На данном этапе представляется актуальным, проанализировать двустороннее японо-австралийское сотрудничество, выявить реально существующие и мнимые сложности в двустороннем взаимодействии, рассмотреть такое уникальное для Азиатско-тихоокеанского региона явление, как «трилетаризм», а именно отношения по вопросам безопасности между США, Японией и Австралией, а также инициативы двух стран по формированию многосторонних механизмов в регионе.

На протяжении последних 40 лет две страны поддерживают стабильные экономические отношения. Япония остается крупнейшим торговым партнером и самым большим внешним рынком Австралии и является основным потребителем австралийского угля, сжиженного природного газа, мясных и молочных продуктов. Австралийские поставки покрывают значительную часть японской потребности в этих ресурсах.

С 1980-х годов основной стратегией ведущих японских корпораций стала активная интернационализация и продвижение на внешние рынки, в первую очередь азиатские. В поисках наименее затратного способа производства и повышения эффективности японские корпорации начали активно развивать стратегии международного взаимодействия и перебрасывать наиболее затратные производства за границу, в первую очередь в Юго-Восточную Азию (ЮВА). Японский бизнес стал организатором крупномасштабных производственных сетей, которые являются теперь сердцем экономической интеграции восточноазиатской экономики. По сравнению с 11,4% промышленной продукции, произведенной за рубежом в 1990 г., в 2007 г. почти 34% промышленного производства (в том числе 46% электроники) было вынесено за пределы Японии².

Многие из продуктов «Сони» теперь импортируются в Австралию не из Японии, а из Китая и других стран Восточной Азии. Традиционно Япония была главным внешним рынком для австралийской шерсти, теперь крупнейшим стал рынок Китая, где сделки совершают те же японские инвесторы. Помимо самих японцев, шерсть активно закупают китайские предприятия, причем не только для нужд внутреннего рынка, но и для производства одежды с последующей реализацией в Японии.

До последнего времени Австралия строила экономические отношения с Японией как с закрытым рынком, не учитывая транснациональ-

ного характера японской экономики. Теперь коммерческие интересы Австралии в Японии простираются гораздо дальше экспорта и импорта конкретной продукции. В последнее время австралийские эксперты все чаще говорят о необходимости рассматривать Японию не как самоцель экономического взаимодействия, а как удобный «мост» для экономического продвижения в Азию³. Ежегодный доход филиалов японских корпораций в Азии составляет 1 трлн. долл. Сотрудничество с этими филиалами предоставляет огромную возможность для самостоятельного развития австралийского бизнеса. В 2008 г. общий объем австралийского экспорта в Азию, осуществленный исключительно при посредничестве японских компаний, составил более 5,5 млрд. долл. – это не считая 46 млрд. долл. австралийского экспорта непосредственно в Японию и 18 млрд. долл. импорта из нее в Австралию.

Социологические опросы показывают, что австралийцы, несмотря на проблему незаконного японского китобойного промысла и проблемы исторической памяти о событиях второй мировой войны, очень позитивно относятся ко всему японскому и доверяют Японии больше, чем Китаю, Южной Корее и странам ЮВА, появившимся на австралийском рынке в последние годы⁴. В то же время данные японских опросов свидетельствуют о том, что среди международных партнеров Японии Австралия – единственная страна, доверие и интерес к которой последовательно повышались в течение всего прошедшего десятилетия. Эта страна – ценный торговый партнер, который демонстрирует финансовую стабильность, прозрачные правовые рамки, свободный доступ высококвалифицированной, многоязычной рабочей силы. Согласно данным мониторинга Международного валютного фонда, Австралия лучше других пережила глобальный экономический кризис и имеет все шансы оказаться единственной развитой экономикой с положительным приростом ВВП в 2009 г. Соответственно имеются значительные возможности для расширения как двустороннего, так и регионального сотрудничества между Японией и Австралией.

Японские и австралийские деловые круги проводят ежегодные конференции на высоком уровне с 1964 г. В 2009 г. на очередной встрече в рамках Японо-австралийского комитета делового сотрудничества (AJBCC) обсуждались вопросы энергетической безопасности. В ходе этой встречи отдельно отмечалась необходимость отказа от стереотипа восприятия Австралии исключительно как ресурсной базы, подчеркивались ее конкурентоспособные преимущества в обеспечении энерге-

² Australia-Japan Economic Institute. Directory of Japanese Companies in Australia. Sydney, 2007.

³ Drysdale P. Time to re-think the Economic Partnership with Japan in Asia. East Asia Forum on-line 13.09.2009. – <http://www.eastasiaforum.org/2009/09/13/time-to-re-think-the-economic-partnership-with-japan-in-asia>

⁴ Lowy Institute for International Policy . 2007. – <http://www.lowyinstitute.org>

тической безопасности и поддержания стабильности инвестиционных потоков в посткризисных условиях⁵.

Сейчас Япония является неотъемлемым участником большинства торговых инвестиционных потоков в Восточной и Юго-Восточной и даже Южной Азии. Общий объем японских прямых иностранных инвестиций в 2008 г. составил около 690 млрд. долл., треть из которых направлялась в Азию. Доля Австралии в этом объеме довольно мала, но стабильно показывает тенденции роста. Япония – третий по величине зарубежный инвестор Австралии. Общий объем прямых и портфельных инвестиций составил 81 млрд. долл.⁶ Японские прямые инвестиции в 2008 г. возросли на 16% – с 28 млрд. долл. (2007 г.) до 32,4 млрд. долл. (2008 г.), но в относительном выражении на долю Австралии приходится не более 3%⁷.

Японские компании, например «Мицуи» и «Мицубиси», были основными инвесторами в Австралии с 1960-х годов, когда они впервые начали заключать долгосрочные контракты на разработку месторождений угля, железной руды, сжиженного природного газа, алюминия и других полезных ископаемых. Эти компании действуют во многих областях, в том числе обеспечивают более 60% австралийского экспорта в Японию и 20% японского экспорта в Австралию. В начале 2000-х годов направления японских инвестиций значительно диверсифицируются, осваивая новые рынки, например, «Сумитомо» и «Сэкису» являются теперь важными акторами на австралийском рынке недвижимости.

Особенно активно японские инвесторы действуют на пищевом и продовольственном рынке Австралии. В 2008 г. были реализованы две крупные сделки в этой области: японский пивоваренный концерн «Асахи» приобрел основной пакет акций крупнейшего австралийского производителя прохладительных напитков «Cadbury Plc.» (715 млн. долл.), а компания «Кирин» завершила сделку по приобретению австралийского продовольственного концерна «National Foods» (2,6 млрд. долл.)⁸.

Активную деятельность в Австралии ведут японские ретейлеры и крупные торгово-розничные сети, и основное внимание при этом обращается на экологию и безопасность. Экологическое маркирование, или «эко-брендинг» продуктов, так называемая «зеленая метка», приобрело высокую популярность в Японии в последние годы. Тема «чистых продуктов» особенно стала актуальна в Японии после ряда скандалов, связанных с китайскими молочными продуктами. Все чаще японский потребитель ассоциирует понятие «экологичный» с понятием «австра-

лийский», соответственно, японские инвесторы заинтересованы в продвижении собственных брендов, произведенных на базе экологически безопасных производств. Так крупная японская торговая сеть «Аeon» в 2009 г. провела рекламную кампанию австралийского охлажденного мяса под лозунгом «вчера бегало, сегодня на столе»⁹.

Тема экологии звучит еще в одной области японо-австралийского экономического взаимодействия – автомобилестроении. Австралия – третий по величине рынок для новых японских легковых автомобилей, местный филиал компании «Тоёта» – один из трех самых успешных автомобильных производителей, а также крупнейший экспортер пассажирских транспортных средств из Австралии. В 2008 г. австралийское правительство выступило соинвестором строительства нового сборочного цеха «Тоёта» в пригороде Мельбурна, выделив 32 млн. долл. из специального государственного фонда, стимулирующего экологически безопасное автомобилестроение в Австралии (Green Car Innovation Fund)¹⁰. Эта субсидия убедила японскую сторону отказаться от первоначальной идеи строительства цеха в Таиланде, который не смог своевременно оправиться от губительных последствий финансового кризиса. В 2010 г. австралийский цех начал работу по сборке автомобилей с экологически чистыми гибридными двигателями, планируя выпускать до 10 тыс. машин в год. Австралия стремится максимально соответствовать высоким японским запросам, тем самым, зарабатывая себе прочные позиции в японских автомобилестроительных транснациональных производственных сетях.

На сегодняшний день девять крупнейших японских торговых домов представлены на австралийском рынке, крупнейшие из них «Мицубиси» и «Мицуи» занимают место ведущих экспортеров Австралии.

«Мицуи» (Австралия) занимает место в двадцатке лучших австралийских компаний с точки зрения продаж. Главный бизнес «Мицуи» в Австралии – это экспорт полезных ископаемых и сырья в Японию (уголь, сжиженный природный газ, железная руда, алюминий, медь, нефть, древесина, мясо). В 1960-х годах «Мицуи» начала вкладывать капитал в угольную промышленность; в 1970-х – в железную руду; в 1980-х – в сжиженный природный газ. С 1990-х годов «Мицуи» активно инвестирует в биотехнологии и плантации, стремясь заработать себе очки в рамках Киотского механизма. На сегодняшний день стратегия фирмы состоит в том, чтобы расширить инвестиции в угольной, железорудной и газовой промышленности.

⁵ Crean S. Keynote Address to the Australia Japan Business Cooperation Committee Conference – Tokyo 26.10. 2009. – http://www.trademinister.gov.au/speeches/2009/091026_keynote_ajbcc.html

⁶ Australian Bureau of Statistics, 2010 Доктун: <http://www.abs.gov.au>

⁷ Bank of Japan (2009) – <http://www.boj.or.jp/en/theme/research/stat/bop/bop/index.htm#dip>

⁸ Australia-Japan Economic Institute, Directory of Japanese Companies in Australia. Sydney, 2007.

⁹ Eco-labeling Implications for Beef. Feedback. MLA's Member Magazine – South-East Edition. 2009, October. http://www.mla.com.au/NR/rdonlyres/F178352C-FC3E-438B-9656-4649CC86BC67/0/FeedbackSE_Oct 09_5_Final.pdf

¹⁰ Prime Minister Kevin Rudd puts Hybrids at Heart of Car Policy, HeraldSun.com.au. 05.06. 2008.

Таблица 1
Японские торговые корпорации в Австралии¹¹

Компании	Год появления на австралийском рынке	Число сотрудников	Количество инвестиционных проектов	Позиция в списке австралийских экспортеров
«Мицубиси»	1926	108	23	2
«Мицуи»	1909	140	21	1
«Иточу»	1957	113	17	9
«Сумитомо»	1961	85	8	11
«Марубэни»	1960	90	22	10
«Ниссо иваи»	1957	82	22	16
«Томен»	1957	40	9	31
«Нитимэн»	1957	22	2	69
«Канэмацу»	1890	50	6	29

Продовольственное подразделение «Мицуи» занято в производстве мяса, зерна (пшеница, ячмень, рис и различные кормовые культуры); спирта, вина, солода для производства пива, соков и напитков, молочных продуктов (сыр, сухое молоко, масло), экспорт которых в Японию происходит по упрощенной схеме. Существует отдельное плантационное подразделение «Мицуи», которое совместно с австралийской компанией и «Nippon Paper Industries» («Ниппон пэйпа индастриз») ведает развитием лесных плантаций в Западной и Южной Австралии, обеспечивая сырье для бумажного производства, гарантируя стабильные и долгосрочные поставки. Это своего рода японский ответ на экологические проблемы, и ограничения на вырубку леса и экспорт древесины для стран, не обладающих собственными лесными ресурсами.

Как и у других японских торговых компаний, основной бизнес «Мицуи» (Австралия) – двусторонняя торговля и инвестиции, но одновременно – это часть региональной и международной сети филиалов, которые активно вовлечены в торговлю с другими рынками в Азии из Австралии. Именно этот факт представляет особый интерес для Австралии, стремящейся посредством японских производственных сетей активнее выйти на азиатский рынок.

Сама Австралия также все более интенсивно вкладывает инвестиции в японскую экономику, однако, показатели инвестиционной активности Австралии в Японии остаются гораздо ниже желаемых. Лишь 4% от всех восточноазиатских прямых инвестиций Австралии направлены в Японию. Эта цифра выглядит незначительно на фоне более чем 55% торгового оборота со странами региона (см. табл. 2).

¹¹ Australia-Japan Economic Institute. Directory of Japanese Companies in Australia. Sydney, 2007.

Таблица 2

Страна	Общий объем торговли (товары и услуги), млн. долл.	Доля в общем объеме, %	Прямые инвестиции, млн. долл.	Доля в общем объеме, (%)
Япония	68.410	13,6	1.000	0,4
Китай	66.422	13,2	3.489	1,4
США	49.269	9,8	109.291	43,2
Сингапур	31.013	5,5	6.053	2,4
Великобритания	27.911	5,1	20.701	8,2
Южная Корея	24.498	4,9	649	0,3
Новая Зеландия	20.643	4,1	30.966	12,2

Главной целью Австралии является активное внедрение на азиатский рынок, и одним из инструментов для этого видится использование уже существующих японских производственно-инвестиционных комплексов. В июне 2009 г. министры торговли Австралии и Японии объявили о создании нового ежегодного диалогового механизма на министерском уровне, который подтверждает зрелость и стабильность двусторонних торгово-экономических отношений. В рамках этого и многих других переговорных механизмов в первую очередь обсуждается возможность скорейшего заключения соглашения о свободной торговле между Австралией и Японией, а точнее соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве (СЭП)¹² в Азии.

Несмотря на общую стабильность отношений, Япония и Австралия уже более пяти лет не могут договориться об условиях подобного соглашения. Япония оперативно подписала СЭП с большинством государств АСЕАН в 2005 – 2009 гг., а с Австралией постоянно возникают некие противоречия, касающиеся в первую очередь сельскохозяйственных пошлин, от которых Япония не готова отказаться. Японская сторона убеждена, что мясомолочная и зерновая продукция должна быть исключена из соглашения о свободной торговле. Японцы категорически не согласны снижать ввозные пошлины, отказываться от тарифной классификации и специальной маркировки импортированной сельскохозяйственной и пищевой продукции¹³. Такая несговорчивость остается серьезным препятствием на пути двусторонней торговли и ин-

¹² Economic Partnership Agreement (EPA) – расширенный формат соглашения о зоне свободной торговли, касающийся не только торговли, но и капитала, инвестиций, человеческих ресурсов.

¹³ Joint Study for Enhancing Economic Relations between Japan and Australia including the Feasibility or Pros and Cons of a Free Trade Agreement. Final Report. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. December 2006: http://www.dfat.gov.au/geo/japan/fta/study_group_report.pdf

вестиций и мешает созданию полноценной интегрированной системы поставок между Австралией и Японией.

Вызывает сомнение, что разногласия между Японией и Австралией по экономическим вопросам более серьезны, чем между Японией и некоторыми странами Юго-Восточной Азии. Видимо, существуют веские причины для того, чтобы затягивать этот процесс, искусственно создавая сложности и преграды. Очевидно, японцы боятся потерять контроль над ситуацией, напрямую допустив на внутренний рынок высоко конкурентоспособного иностранного производителя.

В такой обстановке наименее затратным путем проникновения на японский рынок для австралийской сельскохозяйственной продукции вновь становится сотрудничество с крупными японскими компаниями в этой области и участие в уже существующих системах поставок продукции. Так в 2003 г. австралийцы заключили соглашение с корпорацией «Ниссо Иваи» – крупнейшей торговой и инвестиционной компанией, контролирующей значительную долю сельскохозяйственного и продовольственного рынка Японии. Подобные «союзы» сочетают в себе как обширные производственные возможности, так и высокоразвитую систему распределения продукции, непосредственно взаимодействуя более чем со 100 тыс. фермерских хозяйств в Австралии. Крупнейшая японская мясоперерабатывающая компания «Nihon Ham» также развивает систему совместных предприятий, которые позволяют ввозить продукцию из Австралии по упрощенной схеме, что значительно удешевляет общие затраты. Пивоваренная компания «Саппоро» тоже поддерживает прямые связи с австралийскими производителями через систему совместно законтрактованных фермерских хозяйств, тем самым, гарантируя необходимое высокое качество закупаемого ячменя и удешевляя расходы на его ввоз в Японию.

У Австралии есть ряд преимуществ, которые делают ее вполне привлекательным партнером для Японии. Прежде всего, это удобство с точки зрения временных поясов – два-три часа разницы с большинством азиатских стран. Австралия может похвастаться наиболее крупным в регионе и хорошо отрегулированным финансовым рынком, который минимально пострадал от глобального финансового кризиса 2008 г. Еще одним преимуществом, которым активно пользуется Япония, является мультикультурность Австралии. Несмотря на то, что основным языком остается английский, значительное число мигрантов из соседних стран создают атмосферу многоязычия. Это позволяет гораздо быстрее находить общий язык с японскими дочерними компаниями в соседних странах, заключая с ними сделки напрямую, и часто используются компаниями в гостиничном бизнесе, рекламе, образовании. Кроме того, Австралия занимает первое место в мире по количеству изучающих японский язык.

Мультикультурность австралийской экономики открывает новые возможности для относительно закрытого рынка сферы обслуживания

в Японии. Господство английского языка в международном общении, очевидно, выступает препятствием для продвижения японских предприятий на зарубежные рынки. Япония зачастую обнаруживает малое число специалистов (адвокатов, финансистов, юристов), готовых к адекватному компетентному взаимодействию в международной среде. Пока цифра непростительно мала. Так из общего объема австралийского экспорта финансовых и страховых услуг (1,6 млрд. долл.), японская доля составляет пока лишь 8%. На сегодняшний день в Японии успешно действует австралийская юридическая консалтинговая компания «Mallesons», которая имеет широкую клиентскую базу среди крупных японских компаний и представляет их интересы на международной арене. Вопрос допуска и упрощения системы лицензирования для австралийских финансистов, юристов и других профессионалов-консультантов активно обсуждается в рамках подготовки соглашения о свободной торговле.

Кроме коммерческой деятельности, сотрудничество Австралии и Японии развивается в формате так называемых государственно-частных партнерств (ГЧП)¹⁴, действующих под эгидой японских программ официальной помощи развитию (ОПР). До последнего времени законодательно регламентировалось исключительно японское участие в реализации данных программ, но после значительного пересмотра основных принципов предоставления японской ОПР открылись новые возможности, в частности, для японо-австралийского взаимодействия. Это в первую очередь касается привлечения австралийских экспертов в области строительства, технического обслуживания, управления проектами и финансового обслуживания.

Помимо экономического взаимодействия в двусторонних отношениях, в последние годы особое значение приобретают вопросы безопасности. В начале XXI в. значительно активизировалось японо-австралийское региональное военно-политическое сотрудничество, которое имеет две основные цели – поддержание глобальных лидерских позиций США и реформирование международной системы взаимодействия в Азии¹⁵.

В 2003 г. между Японией и Австралией был подписан ряд принципиально важных документов: «Совместное японо-австралийское заявление по борьбе с международным терроризмом»¹⁶ и «Меморандум об обменах в военной области»¹⁷.

¹⁴ *Drysdale P.* Time to re-think the Economic Partnership with Japan in Asia. East Asia Forum On-line. Access: <http://www.eastasiaforum.org.2009.09.13.time-to-re-think-the-economic-partnership-with-japan-in-asia>

¹⁵ *Cook M. Shearer A.* Going global: A new Australia-Japan Agenda for multilateral Cooperation. The Lowy Institute for International Policy. Sydney, 2009, p. 9.

¹⁶ Australia-Japan Joint Statement on Cooperation to Combat International Terrorism. Tokyo, 16.07.2003.

¹⁷ Australia-Japan Memorandum on Defense Exchange, 29.09.2003, <http://www.mofa.go.jp/>

Совместное японо-австралийское заявление по борьбе с международным терроризмом, принятое на высшем уровне, включает подробный план совместных действий, предусматривающий обмен информацией по вопросам терроризма, тесное взаимодействие заинтересованных ведомств двух стран, сотрудничество в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки в азиатско-тихоокеанский регион, совместные шаги в рамках международных форумов.

В сентябре 2003 г. между оборонными ведомствами двух стран был подписан Меморандум об обменах в военной области. Этот документ свидетельствует об активном развитии двусторонних контактов в военной области, таких как миротворчество, борьба с терроризмом и запрещение оружия массового уничтожения. В нем подтверждались готовность проводить регулярные встречи министров обороны двух стран, продолжать стратегический диалог по вопросам безопасности. Была также выдвинута необходимость расширять военное взаимодействие двух стран на новые сферы¹⁸.

В 2007 г. две страны подписали беспрецедентную «Совместную декларацию о сотрудничестве по вопросам безопасности»¹⁹, которая положила начало функционированию диалогового механизма «2+2» (ежегодные консультации руководителей дипломатического и военного ведомств двух стран). В декабре 2008 г. обе стороны договорились об обмене конфиденциальной информацией, увеличили количество совместных военных учений и подтвердили необходимость регулярных совместных консультаций для обсуждения мер по поддержанию мира и борьбе с терроризмом. В марте 2010 г., в преддверии конференции по ядерному нераспространению в Вашингтоне был подготовлен совместный японо-австралийский проект «Практические меры по ядерному разоружению и нераспространению ядерного оружия»²⁰, направленный в первую очередь на усиление гарантий ядерной безопасности в отношении неядерных стран, подписавших и выполняющих Договор о нераспространении ядерного оружия. Во многом японо-австралийские предложения были отражены в итоговом документе конференции. В мае 2010 г. двустороннее сотрудничество по вопросам безопасности было подкреплено Соглашением о взаимных поставках и техническом обслуживании²¹, предполагающем совместное обеспечение продовольствием, топливом и другими логистическими элементами в ходе

миротворческих операций. Практически готов к подписанию договор о безопасности обмена информацией по военно-стратегическим вопросам. До сих пор подобные механизмы взаимодействия существовали у Японии только с США.

Можно утверждать, что сейчас японо-австралийские отношения фактически являются союзническими в формате квази-альянса²². Одна из причин таких успехов в развитии двусторонних японо-австралийских контактов в начале XXI в. видится в том, что оба государства, являясь верными адептами американской системы безопасности в Азии, на протяжении всей послевоенной истории были связаны с США прочными узами договоров о безопасности²³. Эта «слепая верность» США, доказанная, в частности в Ираке и Афганистане, традиционно вызывала критику, как в Японии, так и в Австралии. После участия в американских антитеррористических операциях ситуация накалилась до предела и обеим странам было важно найти некую «легальную» альтернативу американскому союзу, которая, с одной стороны, успокоила бы общественное мнение, а с другой – не вызывала бы сильного чувства «ревности» у США. Японо-австралийское сближение по вопросам безопасности стало именно такой панацеей. Более того, заключение двусторонних японо-австралийских стратегических соглашений позволило экспертам говорить о создании трехстороннего механизма взаимодействия по вопросам безопасности и появлении так называемой «оси демократии» в Азии²⁴.

Действительно, параллельно с активизацией японо-австралийского двустороннего взаимодействия шло последовательное формирование трехстороннего японо-австрало-американского механизма. Так, в середине 2002 г. впервые прошла трехсторонняя встреча США–Япония–Австралия на уровне заместителей министров иностранных дел. В мае 2005 г. этот формат получил статус «стратегического диалога», когда госсекретарь США Кондолиза Райс, объявила, что переговоры будут проводиться на уровне министров²⁵. Официально декларируется, что трехсторонний формат в первую очередь направлен на противодействие новым глобальным вызовам безопасности в АТР²⁶, но все чаще эксперты склоняются к тому, что, по сути, – это механизм коллектив-

¹⁸ Министерство обороны Австралии. Сообщение для печати. 29.09.2003.

¹⁹ 安全保障協力に関する日豪共同宣言平成19年3月13日: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/australia/visit/0703_ks.html

²⁰ New Package of Practical Nuclear Disarmament and Non-proliferation Measures for the 2010. Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT): <http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2010/3/PDF/032301.pdf>

²¹ 日豪物品役務相互提供協定の署名 The Japan-Australia Acquisition and Cross-servicing Agreement (ACSA) 20 May 2010: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/22/5/0519_04.html

²² *Станпан Н.* Интеграционные процессы в АТР., М., 2010, с.97.

²³ *Kaneda H.* A maritime Coalition Centred on the Japan–Australia–US Trilateral Alliance: aiming for a Regional Maritime Coalition in the Southwestern Pacific. The 4th Australia and Japan 1.5 Track Security Dialogue, Canberra, 10–11,12. 2007, p. 9.

²⁴ *Hisane Masaki.* The Emerging Axis of Democracy.– Asia Times. 15.03. 2007: <http://www.atimes.com/atimes/Japan/IC15Dh01.html>

²⁵ *Tow W., Thomson M., Yamamoto Y., Limaye S., eds*, Asia-Pacific Security: Australia, Japan and the United States. London, Routledge, 2007, p. 108.

²⁶ U.S. Department of Defense, U.S. Quadrennial Defense Review Report (Washington, D.C., 06.02. 2010), p. 88.

ной безопасности, главной целью которого является сдерживание Китая²⁷.

Механизмы коллективной безопасности (объединение ограниченной группы государств, чтобы противостоять общему сопернику) – это пережиток эпохи холодной войны, который, очевидно, продолжает оставаться важным инструментом американской политики в регионе. Возможность подобного отката к состоянию холодной войны в регионе настораживает азиатских соседей, но США настаивают на миролюбивом характере объединения, не направленном против какого-либо отдельного государства²⁸. Наибольшее беспокойство Китая вызывает не само трехстороннее взаимодействие, а попытка его расширения и включения Индии. Впервые такая четырехсторонняя консультативная встреча прошла во время Азиатского форума по безопасности в Маниле в 2007 г., позже были проведены совместные четырехсторонние военно-морские учения²⁹, что позволило заговорить о перспективах появления военной группировки, подобной СЕАТО³⁰.

Для подтверждения миролюбивого характера своего взаимодействия и Японии, и Австралия активно участвуют в процессах многостороннего взаимодействия в АТР независимо от США. АТР, прежде всего Восточная Азия, даже несмотря на последствия глобального финансового кризиса, остается экономически наиболее быстро растущим регионом мира. Япония и Австралия как экономические «полюса» этого региона могут извлечь значительную пользу из растущей интеграции восточноазиатских экономических систем. Активно обсуждаются совместные проекты и варианты взаимодействия.

Австралия и Япония заинтересованы в поддержании стабильности обстановки в регионе, благоприятной для торговли и инвестиций³¹. Начиная с 1980-х годов, оба правительства активно сотрудничают в целях развития и процветания региона. Японские силы по поддержанию мира работали с австралийскими коллегами в Камбодже и Восточном Тиморе, и практически все ныне существующие крупные региональные механизмы, такие как АПЕС (АТЭС), Региональный форум АСЕАН, не появились бы без тесного сотрудничества между Канберрой и Токио.

Наиболее актуальным предложением японской стороны является создание «Восточноазиатского сообщества» без участия США и России, в то время как австралийский премьер-министр Кевин Радд защищает идею «Азиатско-Тихоокеанского сообщества» с расширенным участием, включающим США и Россию. Такая незначительная разница подходов не мешает двум странам совместно выступать в качестве создателей новой региональной архитектуры АТР.

* * *

Австралийские официальные круги не отрицают важного места и роли Японии в первую очередь для продвижения собственных интересов в Азии. Одновременно, при последовательно слабом освещении японо-австралийских отношений в официальных японских документах, создается ошибочное представление о видимой незначительности места Австралии во внешнеполитической доктрине Японии, при этом именно она является единственной после США державой, с которой Япония заключила «сделку» по безопасности. Уже сам этот факт дает право считать Японию и Австралию стратегическими партнерами. Японо-австралийские отношения должны рассматриваться в контексте японской внешней политики в целом, а не в узко двустороннем формате. Особенности развития отношений между Японией и Австралией косвенно отражают основополагающий дуализм японской дипломатии – это действительно конфликт между западным (американским) и восточным направлениями. Одной из возможных предпосылок затягивания подписания СЭПа и демонстративно незначительной «пропаганды» японо-австралийского соглашения по безопасности видится нежелание Японии «злить» своих восточных соседей, афишируя свои стратегические отношения еще с одним «белым» соседом. Таким образом, Австралия зачастую становится полезным инструментом манипулирования японской дипломатии в отношениях со странами Юго-Восточной Азии и США.

²⁷ Feng Zhu TSD – Euphemism for Multiple Alliance? – Assessing the Bilateral Strategic Dialogue. National Bureau of Asian Research. Seattle, 2008.

²⁸ «Trilateral Strategic Dialogue Joint Statement Australia-Japan-United States» the Ministry of Foreign Affairs of Japan, Press Release, 18.03. 2006, <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0603-2.html>

²⁹ Brig. Gen. Shafaat Ahmad (Ret.), «Joint naval Exercise: SEATO in new Format?». – The Daily Star, 06.10. 2007at – <http://www.thedailystar.net/story.php?nid=6809>

³⁰ Сокращенное от англ. South-East Asia Treaty Organization (Организация договора Юго-Восточной Азии), военно-политическая группировка, созданная по инициативе США.

³¹ Soeya Y. The Japanese Approach to an East Asian Community and Japan-Australia Partnership. The 4th Australia and Japan 1.5 Track Security Dialogue. Canberra, 10–11.12. 2007, p. 39.

Монодзукури в условиях глобализации

И. П. Лебедева

Среди различных сфер японской экономики в наибольшей степени в процессы глобализации вовлечена *монодзукури* (обрабатывающая промышленность). Наряду с тем, что японский экспорт практически целиком представлен промышленной продукцией, об этом свидетельствует и тот факт, что на промышленные компании приходится основная доля прямых зарубежных инвестиций страны, а сама японская промышленность в последние годы стала одним из наиболее привлекательных объектов для прямых инвестиций иностранных компаний.

Хотя по своей мощи и техническому уровню японская промышленность занимает самые передовые позиции в мире, все более глубокое ее вовлечение в процессы глобализации ставит перед компаниями отрасли все новые и новые проблемы и вызовы. О том, как они реагируют на эти вызовы, какие процессы происходят сейчас в японской промышленности и пойдет речь в настоящей статье.

Но прежде следует остановиться на вопросе о том, почему в Японии обрабатывающую промышленность часто называют сферой *монодзукури*, что буквально означает «создание вещей». Попытки объяснить значение этого термина уже предпринимались в отечественной литературе. Так, в одной из работ Ю. Д. Денисова говорится, что *монодзукури* – это «широкий спектр организационных и технических мер, направленных на создание, изготовление и распространение особо высококачественной продукции... За этим термином скрывается весь комплекс вопросов, связанных с производством – от подготовки и тренинга работников до укомплектования производства передовыми технологиями. В их число входят также все мероприятия, направленные на повышение качества»¹.

На наш взгляд, это определение нуждается в уточнении. Во-первых, *монодзукури* – это не «комплекс вопросов» и не «широкий спектр мер», а одна из сфер экономической деятельности – обрабатывающая промышленность². Во-вторых, называя эту отрасль *монодзукури*, японские

специалисты подчеркивают высокий статус и особое предназначение японской промышленности. Здесь промышленность не просто производит продукцию, а создает вещи, отличающиеся высочайшим качеством и приносящие потребителям не только материальное, но и эмоциональное удовлетворение. В-третьих, производство такой продукции возможно только при высокой культуре производства, которую и обеспечивают в совокупности все те меры, о которых упоминает Ю. Д. Денисов.

Переходя к теме данной статьи, следует, прежде всего, подчеркнуть, что положение, которое занимает промышленность в японской экономике, для развитой страны является довольно редким. Хотя, как и в других развитых странах, в Японии происходит постепенное снижение доли промышленности в ВВП и численности занятых, по относительным значениям этих показателей она (наряду с Германией) заметно выбивается из общего ряда. Это наглядно демонстрируют данные табл. 1.

Таблица 1
Доля обрабатывающей промышленности в ВВП
и численности занятых (2007 г., %)*

Страны	Япония	США	Велико-британия	Германия	Франция	Италия	Канада
Доля в ВВП	21,0	12,7	12,6	23,1	12,1	18,3	15,6
Доля в общей численности занятых	17,0	12,0	10,0	18,5	12,5	20,0	12,0

* OECD Statistics (<http://stats.oecd.org/Index>)

Среди развитых стран Япония отличается также наиболее высокой долей промышленных товаров в структуре экспорта. Так, если для Японии этот показатель составляет 93%, то для Германии – 88%, США – 84%, Франции – 83%, Великобритании – 83%.

В то же время следует подчеркнуть, что, несмотря на огромные объемы японского промышленного экспорта (в последние годы – порядка 600 млрд. долл.), основная часть промышленной продукции (до 2/3) реализуется на внутреннем рынке, и что в целом зависимость экономики Японии от экспорта существенно ниже, чем в большинстве развитых стран. Так, отношение стоимости экспорта к объему ВВП составляет: в Японии – 17,4%, во Франции – 26,6%, Великобритании – 28,1%, Германии – 47,5%, в среднем по Евросоюзу – 40,2%. Среди крупных развитых экономик лишь в США этот показатель ниже, чем в Японии – 12,6%, что неудивительно с учетом огромной емкости внутреннего рынка этой страны³.

¹ См. «Мировой кризис и Япония». Коллективная монография. М., «АИРО-XXI», 2009, с. 154.

² Так, в Белых книгах министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) термины «обрабатывающая промышленность» и «монодзукури» используются как синонимы (см. www.meti.go.jp/).

³ Current Status and Issues Facing Japanese Industries. METI, February 2010, p.18 (www.meti.go.jp/).

Тем не менее, мировой финансово-экономический кризис пришел в Японию именно через внешнеторговые каналы, при этом среди развитых стран она оказалась едва ли не в самом тяжелом положении, хотя и не была источником кризиса. В 2008 г. ВВП Японии сократился в реальном исчислении на 0,6%, а в 2009 г. – еще на 6,2%. В странах Евросоюза и США в 2008 г. темпы роста ВВП были положительными – 1,1%, а в 2009 г. составили соответственно (-)4,0 % и (-) 2,8 %⁴.

При этом особенностью протекания кризиса в Японии было то, что он не слишком сильно повлиял на положение банковской системы страны, но крайне негативно отразился на реальном секторе экономики, в первую очередь – промышленности. Так, например, общие потери японских финансовых институтов от кризиса составили 149 млрд. долл. (около 3% ВВП), в то время как европейские банки потеряли порядка 1,2 трлн. долл. (более 7% ВВП), а американские – около 2,7 трлн. долл. (19% ВВП)⁵. Что же касается промышленности, то такого глубокого спада производства, как в 2008–2009 гг., она не переживала ни разу за весь послевоенный период. Так, с начала 2008 г. по май 2009 г. («дно» кризиса) общий объем промышленного производства сократился на 34%, а степень загрузки производственных мощностей снизилась почти на 40%⁶.

Главным фактором столь глубокого падения промышленного производства стало резкое сокращение экспорта: за полгода (четвертый квартал 2008 г. – первый квартал 2009 г.) его объем сократился почти на 40%. Последствия этого сначала ощутили на себе экспорториентированные отрасли и производства японской промышленности, а затем через цепочки производственных связей волны спада стали «накрывать» и прочие отрасли.

Масштабы спада были таковы, что вопрос о судьбах японской промышленности стал едва ли не центральным в дискуссиях, проходивших в научных кругах и деловом сообществе страны. При этом мнения некоторых участников дискуссии были весьма категоричны. Так, например, главный экономист «Mitsubishi UFJ Securities» Мидзуно Кадзуо, анализируя ситуацию, сложившуюся во внешнеэкономической сфере страны, и тенденции развития мировой экономики, пришел к следующему заключению: «Мы подошли к пределу модели развития, которая зиждилась на обрабатывающей промышленности и торговле. Основной вопрос заключается в том, что 120 млн. японцев будут делать вместо этого?»⁷.

Хотя, как свидетельствуют статистические данные, с лета 2009 г. в динамике индекса промышленного производства произошел перелом,

и в последующие месяцы наблюдался практически непрерывный его рост, вопрос о том, почему экономика Японии, которая зависит от экспорта в меньшей степени, чем экономики других развитых стран, оказалась столь уязвима в условиях глобального кризиса, не утрачивает своей актуальности, тем более что, по мнению некоторых аналитиков, миру предстоит пережить еще одну волну кризиса (на этот раз в результате перенапряжения систем государственных финансов в ряде стран вследствие огромных расходов на антикризисные программы).

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть как особенности товарной и географической структуры японского экспорта, так и особенности структуры самого промышленного производства.

Как известно, в ходе послевоенного развития, последовательно «добывая» новые и новейшие отрасли и производства, «предложенные» мировым НТП, Япония создала на своей территории практически универсальную по отраслевому составу промышленность, включающую как традиционные, так и самые современные отрасли и производства.

Главной отличительной чертой отраслевой структуры японской промышленности является высокий удельный вес отраслей конечной обработки и сборки, представленных широким комплексом машиностроительных производств – на них приходится почти половина общей стоимости промышленной продукции. Подавляющая часть японского машиностроения – это отрасли высоких технологий (производство ЭВМ, компьютеров, оборудования связи и информации, телекоммуникационной техники, космических аппаратов и т. д.) и средних технологий (приборостроение, автомобилестроение, производство электробытовой техники и электроники, тяжелое электромашиностроение, производство станков с ЧПУ, судостроение и т. д.). Эти отрасли не только составляют основу промышленной мощи современной Японии, но и представляют главные направления ее международной специализации.

На долю отраслей сырьевого типа (таких, как химическая промышленность, черная металлургия, металлообработка, нефтехимия, строительно-керамическая, резинотехническая, целлюлозно-бумажная промышленность и т. д.) приходится немногим более 1/3 в общей стоимости промышленной продукции. Большинство из них относятся к группе отраслей средних технологий, хотя отдельные виды производств (например, фармацевтика, биотехнология, производство чистой керамики, титановых сплавов, порошковая металлургия) либо входят в группу высокотехнологичных производств, либо вплотную к ним примыкают.

И, наконец, около 18% промышленного производства Японии представлено отраслями, обслуживающими потребительский спрос (такими, как пищевая промышленность, производство напитков и табака, текстильная и швейная промышленность, полиграфическое производство, кожевенно-обувная промышленность, производство мебели и т. д.). По такому критерию, как доля затрат на НИОКР в общей стоимости про-

⁴ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2009, p. 47 (при пересчете по покупательной способности валют).

⁵ Там же.

⁶ Сэйсан сюкка дзайко сису какухо (Индексы производства, отгрузок и запасов). МЭТП, июнь 2009г.

⁷ Japan Echo. June 2009, p. 14.

дукции (менее 1%) они относятся к отраслям низких технологий. Но технический уровень предприятий этих отраслей весьма высок, на многих из них установлена самая современная техника и оборудование, и с этой точки зрения они не уступают предприятиям других отраслей японской промышленности.

При столь широком отраслевом составе на мировых рынках японская промышленность представлена, прежде всего, продукцией машиностроения (в последние годы на ее долю приходилось более 2/3 общей его стоимости). Однако, если прежде такая структура японского экспорта не оказывала какого-либо негативного влияния на общее развитие промышленности, и в периоды благоприятной конъюнктуры происходило довольно равномерное развитие всех ее отраслей, то в последние годы ситуация изменилась коренным образом. В период предшествовавшего мировому кризису подъема конъюнктуры (2002–2007 гг.) эпицентром роста промышленного производства стало почти исключительно машиностроение, в то время как прочие отрасли либо переживали застой, либо демонстрировали вялый рост.

Эти изменения имели далеко идущие последствия для японской промышленности и экономики в целом, а связаны они были со следующими обстоятельствами.

Как известно, 2000-е годы (до начала финансово-экономического кризиса) были весьма благоприятным периодом в развитии мировой экономики. В большинстве развитых стран наблюдался подъем конъюнктуры, в мире появились новые быстрорастущие экономики (Индия, Россия, Бразилия, ЮАР), бурными темпами шли процессы индустриализации восточноазиатских стран во главе с Китаем, одно за другим вступали в силу соглашения о создании зон свободной торговли и экономических партнерствах. Все это способствовало ускорению процессов глобализации и привело к значительному расширению объемов мировой торговли.

Благоприятной ситуацией на мировых рынках не преминули воспользоваться и японские промышленные компании. За 2002–2007 гг. стоимостной объем японского экспорта увеличился с 49,5 трлн. иен до 79,7 трлн. иен, т. е. более чем на 60%. При этом внешний спрос стал основным фактором роста не только в промышленности, но и в экономике в целом: вклад экспорта в прирост ВВП составлял в эти годы порядка 60%⁸.

Поскольку, как отмечалось выше, основу японского экспорта составляет продукция машиностроения, именно машиностроение стало эпицентром подъема 2002–2007 гг. Так, по расчетам К. Мидзуно, проанализировавшего структуру экономического роста Японии в отраслевом разрезе, в годы последнего подъема конъюнктуры вклад машиностроения

в экономический рост составил около 82%, притом, что в ВВП страны на его долю приходится порядка 15%⁹.

Естественно, что при такой структуре роста, основу которого составлял весьма узкий круг отраслей, ухудшение конъюнктуры на мировых рынках вследствие рецессии в реальном секторе мировой экономики сразу же начало сказываться на положении японской промышленности и экономики в целом, приведя к резкому спаду производства.

Однако помимо специфической структуры экономического роста тяжелое положение промышленности Японии в период кризиса было обусловлено и рядом особенностей географической и товарной структуры ее экспорта.

В целом за годы последнего подъема географическая структура японского экспорта стала более диверсифицированной и сбалансированной, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2
Географическая структура японского экспорта, % *

Страны и регионы	2002г.	2007г.
Всего	100,0	100,0
Азия, в т.ч.	43,1	48,1
Китай	9,6	15,3
НИЭ	22,7	22,4
АСЕАН	13,4	12,2
США	28,5	17,6
Евросоюз	14,7	14,8
Прочие	13,7	19,5

* Составлено по: Тиикибэцу бозки гайкё (Региональная структура торговли). – www.jetro.go.jp

При этом наиболее заметные сдвиги произошли на следующих направлениях. Во-первых, значительно снизилась зависимость от американского рынка (с 28,5% в 2002 г. до 17,6% в 2007 г.); во-вторых, заметно возросла роль Азии, главным образом за счет Китая (доля последнего увеличилась с 9,6% до 15,3%); в-третьих, существенно возросло значение прочих стран и регионов, прежде всего за счет ряда стран Латинской Америки, России, Австралии и Новой Зеландии, а также некото-

⁹ Japan Echo. June 2009, p. 10. Как указывает К. Мидзуно, в 1970 – 1980-е годы вклад машиностроительных отраслей в экономический рост находился на уровне 20%, а в конце 1990-х годов составлял немногим более половины.

⁸ www.go.jp/datagetsujidb/zuhyou

рых стран Ближнего и Среднего Востока (с 13,7% в 2002 г. до 19,5% в 2007 г.).

Однако в значительно меньшей степени диверсификация коснулась экспорта двух крупнейших экспорториентированных отраслей, производящих конечную продукцию – транспортного машиностроения и общего машиностроения, и к началу мирового кризиса они продолжали сохранять высокую степень зависимости от поставок на рынки развитых стран, прежде всего США. Так, например, в 2007 г. доля США в японском экспорте автомобилей достигала 41%, а в экспорте продукции общего машиностроения – 21,2%; доля стран Евросоюза составляла соответственно 16,5% и 19,6%.

Что касается электромашиностроения, то здесь сложилась несколько иная ситуация. На рынки развитых стран поставляется в основном конечная продукция этой отрасли, а в развивающиеся экономики (прежде всего в Восточную Азию) – разного рода электронные детали и компоненты, поступающие главным образом на расположенные здесь сборочные заводы японских компаний. Так, в 2007 г. на США и страны Евросоюза пришлось немногим более 30% общего объема экспортных поставок японского электромашиностроения (15,6% и 15,1% соответственно), в то время как на восточноазиатский регион – более 64% (в том числе на Китай – 20,1%, страны АСЕАН – 15,4%, НИЭ Азии – 28,6%)¹⁰. Однако, поскольку значительная часть производимой на восточноазиатских филиалах японских компаний конечной продукции направляется на рынки развитых стран, объем японского экспорта деталей и компонентов на местные предприятия напрямую зависит от объема спроса в развитых странах. Таким образом, если принять во внимание эту опосредованную связь, то окажется, что для японского электромашиностроения значение рынков развитых стран оказывается не менее важным, чем для общего машиностроения или транспортного машиностроения.

Именно высокая зависимость трех ведущих отраслей японской промышленности от состояния конъюнктуры в развитых странах и стала причиной обвального сокращения экспорта, а затем и резкого спада производства, поскольку, как известно, развитые экономики пострадали от мирового кризиса в значительно большей степени, чем развивающиеся.

Характерно, что экспорт Германии – еще одного крупнейшего поставщика продукции машиностроения на мировые рынки – хотя и сократился в результате глобального кризиса, но в гораздо меньшей степени, чем экспорт Японии. Так, если японский экспорт за период с октября 2008 г. по март 2009 г. сократился почти на 50%, то экспорт Германии – на 24%. В качестве основной причины столь значительной разницы эксперты МЭТП называют то, что географическая структура германского

экспорта машиностроительной продукции гораздо более диверсифицирована, чем структура японского экспорта. Это сделало немецкие компании менее уязвимыми и позволило им компенсировать часть потерь на рынках развитых стран за счет развивающихся экономик¹¹.

Еще одной причиной, усугубившей тяжелое положение японской промышленности в период мирового кризиса, явилось преобладание в товарном составе экспорта высокотехнологичной наукоемкой продукции с высокой долей добавленной стоимости. На первый взгляд такое суждение выглядит парадоксальным – ведь специализация на производстве продукции с высокой долей добавленной стоимости свидетельствует о том, насколько высок уровень техники и технологии японской промышленности, насколько велик ее научно-технический и инновационный потенциал. Действительно, как отмечалось выше, основу японской промышленности составляют отрасли высоких технологий и средних технологий (на их долю приходится более 80% общего объема производства). Их продукция воплощает в себе последние достижения НТП и отличается высокой конкурентоспособностью. При этом ее технические характеристики и функциональные возможности постоянно повышаются, что приводит к росту цен.

Для определения степени возрастания доли добавленной стоимости в японском экспорте специалисты Банка Японии сопоставили динамику двух индексов – индекса роста реального экспорта (т. е. очищенного от изменения цен) и индекса роста физического объема экспорта. Расчеты показали, что, начиная с середины 2002 г., разрыв между этими двумя показателями начал увеличиваться, и если индекс роста физического объема экспорта к середине 2007 г. составил 128, то индекс роста реального экспорта достиг 150 (за 100 приняты показатели 2000 г.). При этом доля добавленной стоимости увеличилась в продукции всех экспортных отраслей, но особенно значительно – в продукции машиностроения, где процесс обновления технологий идет особенно интенсивно. Так, в электромашиностроении при практически неизменных физических объемах экспорта индекс роста реального экспорта к середине 2007 г. составил более 185. В общем машиностроении индекс роста физического объема экспорта к середине 2007 г. достиг 140, а индекс роста реального экспорта – почти 160. В автомобилестроении (производстве деталей) соответствующие показатели составили около 140 и 185 соответственно¹².

Понятно, что если в годы благоприятной конъюнктуры, отдавая должное безупречному качеству и надежности японской продукции, потребители готовы были платить за нее высокую цену, то в кризисной си-

¹¹ White Paper on International Economy and Trade. METI, 2009, p. 322–324.

¹² Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. October, 2007, Chart 11, 12.

¹⁰ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2008, p. 278.

туации многие предпочли переключиться на аналогичную продукцию конкурентов Японии (в первую очередь, Китая и Южной Кореи) – возможно, в чем-то и уступающую японской, но более доступную по цене.

Мировой кризис обнажил еще одну проблему японской *монодзукури* – ослабление позиций мелких и средних предприятий. Эта проблема необычна для Японии, поскольку, начиная с периода высоких темпов роста, предпринимательская структура японской промышленности отличалась высокой устойчивостью. Несмотря на крупные сдвиги в материально-технической базе и отраслевом составе производства, соотношение сил между крупным и малым бизнесом за более чем 40-летний период практически не изменилось. И этап высоких темпов роста 1960-х годов, и период структурной перестройки второй половины 1970-х – 1980-х годов, и даже депрессию 1990-х годов японское предпринимательство прошло как целостная, устойчивая структура. Так, в 1960 г. на мелких и средних фирмах работало 69,4% всех занятых в промышленности и производилось 48,9% продукции, в 1975 г. – соответственно 70,7% и 51,3%, в 1990 г. – 72,1% и 51,8%, в 2003 г. – 74,1% и 51%¹³.

При этом следует особо отметить, что основы высокой конкурентоспособности японской продукции закладываются именно на малых предприятиях, работающих по заказам крупных компаний и обеспечивающих их качественными деталями и материалами, точно в срок и по приемлемым ценам.

Проблемы малых предприятий сферы *монодзукури* стали нарастать с начала 1990-х годов, по мере все большего втягивания японской промышленности в процессы глобализации. И если прежде траектории развития крупного бизнеса и мелкого и среднего предпринимательства совпадали, то с начала 1990-х годов их пути стали все больше расходиться. Крупные компании быстро расширяли сеть своих зарубежных филиалов по всему миру, стремясь увеличить долю местных предприятий в поставках сырья, деталей и материалов, а их традиционные японские поставщики вынуждены были либо пытаться вслед за головными фирмами наладить производство за рубежом, либо искать пути выживания в самой Японии.

Ситуацию усугубляла глубокая и затяжная депрессия в японской экономике (1990–2002 гг.), поскольку в условиях крайне вялого спроса внутри страны многие крупные компании предпочли закрыть свои заводы в Японии и наладить бизнес за рубежом, приблизив производство к рынкам сбыта и источникам дешевой рабочей силы.

С начала 1990-х годов число мелких и средних предприятий в японской промышленности стало довольно быстро сокращаться: если в 1991 г. их насчитывалось 426,5 тыс., то в 1999 г. – 342 тыс., а в 2003 г. – лишь 290,8 тыс. Но при этом, как отмечалось выше, доля малого биз-

неса в выпуске промышленной продукции оставалась стабильной и составляла около половины (по стоимости отгруженной продукции). Однако в последующие годы ситуация стала довольно быстро меняться: число мелких и средних предприятий к 2007 г. сократилось более, чем на 60 тыс. – до 230 тыс., а главное – резко снизилась их доля в промышленном производстве, составившая в том же году менее 35%¹⁴.

Эти цифры говорят о многом – и о том, что все большее втягивание японской промышленности в процессы глобализации сопровождается крупными изменениями в ее предпринимательской структуре, и о том, как непросто складываются сейчас судьбы малого бизнеса страны, и о том, какие значительные изменения претерпевает характер взаимоотношений между крупными компаниями и их субподрядчиками из числа мелких и средних фирм.

Нетрудно предположить, что среди закрывающихся предприятий значительная часть представлена именно субподрядчиками крупных компаний. Если прежде они могли рассчитывать на получение стабильных заказов и долговременный характер отношений с головными фирмами и, разделяя их успехи, получать свою часть «пирога», то теперь, в условиях обострения глобальной конкуренции, крупные компании ищут эффективных поставщиков по всему миру и, не задумываясь, разрывают отношения с отечественными субподрядчиками, если они по каким-либо составляющим конкурентоспособности уступают зарубежным производителям. Более того, такая ситуация еще более ослабила позиции малых предприятий на переговорах с головными фирмами об условиях контрактов и, в частности, сделала крайне затруднительным перенос возросших издержек производства (в результате роста цен на сырье и энергию) на цены.

Однако, и положение производителей всевозможных видов конечной продукции, предназначенной для удовлетворения потребительского спроса населения, также было нелегким, поскольку, несмотря на подъем конъюнктуры, потребительский спрос был крайне вялым – как в силу высокой насыщенности внутреннего рынка, так и в результате политики крупных компаний по ограничению роста заработной платы.

И, наконец, и те и другие сильно пострадали в результате мирового финансово-экономического кризиса, и в целом положение мелких и средних предприятий в период кризиса оказалось сложнее, чем положение крупных компаний.

Так, в соответствии с результатами обследования, проведенного Банком Японии, показатель DI, отражающий оценки предпринимателями положение своего бизнеса в 2008/09 фин. г. по сравнению с 2007/08 фин. г., в январе–марте 2009 г. составил (-) 57% для мелких и средних предприятий и (-) 45% для крупных. При этом особенно тяжелым было

¹³ Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство. М., 2007, с. 78–80.

¹⁴ Там же; 2007 Kōgei tokaijōkō sanjōkōhen (Промышленная перепись 2007 г.). (www.meti.go.jp/). Учтены предприятия с числом занятых от четырех человек.

положение малого бизнеса в черной металлургии, общем машиностроении, электромашиностроении и транспортном машиностроении, где соответствующий показатель составил (-)80 – (-)90%. Снижение объема продаж в 2008/09 фин. г. по группе крупных компаний составило около 10%, а для малого бизнеса – 15%, инвестиции в оборудование сократились соответственно на 10% и 35% и т. д.¹⁵.

Поскольку, как отмечалось выше, мировой кризис пришел в Японию через внешнеторговые каналы, среди мелких и средних предприятий особенно пострадали те, кто прямо или косвенно связан с экспортными операциями.

В целом доля продукции, связанной с обслуживанием внешнего спроса, в общем объеме производства мелких и средних промышленных фирм составляет 26,4%, в том числе 12,2% приходится на прямой экспорт, а 14,2% – на продукцию отраслей, участвующих в производстве экспортных товаров по линии кооперационных связей. Особенно велико значение внешнего спроса для тех предприятий, которые работают в транспортном машиностроении и являются субподрядчиками разных уровней головных компаний, выпускающих конечную продукцию. Здесь с обслуживанием экспортных операций связано более половины (51,1%) производства, при этом лишь 12,2% приходится на прямой экспорт, а 38,9% представлено разного рода деталями, материалами и компонентами, поступающими на сборочные заводы головных компаний¹⁶.

О том, в каком тяжелом положении оказались мелкие и средние промышленные фирмы, связанные с работой на внешние рынки, можно судить по следующим данным. По группе фирм, производящих продукцию на экспорт, DI, оценивающий положение бизнеса, составил в первом квартале 2009 г. (т.е. ко «дну» кризиса) (-) 74,9%, а по группе предприятий, работающих по субподрядам – (-) 70,9%¹⁷.

Как отмечалось выше, с лета 2009 г. в динамике промышленного производства произошел перелом, и японская промышленность начала понемногу приходить в себя после шока, вызванного мировой рецессией. Однако пока нельзя сказать, что процесс восстановления идет ровно и уверенно, о чем свидетельствует приводимая ниже динамика индексов промышленного производства (2005 г. принят за 100)¹⁸:

Что же должны предпринять японские компании для того, чтобы японская промышленность – флагман и гордость национальной экономики – вновь вернулась на путь стабильного, уверенного развития?

¹⁵ White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan. 2009, p. 11. DI рассчитывается путем вычитания из доли предприятий, оценивших положение своего бизнеса как «благоприятное», доли тех, кто оценил его как «неблагоприятное».

¹⁶ Там же, с. 23. (Данные за 2005 г.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Дзэнсангё кацудо сису (Индексы экономической активности по отраслям производства). www.meti.go.jp/

2009 г.						
февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август
67,0	77,1	71,9	72,6	84,2	85,9	78,0
2009 г.				2010 г.		
сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март
90,8	90,7	91,7	92,6	83,5	88,0	101,6

Анализируя ситуацию, сложившуюся в японской экономике, и характер структурных сдвигов в мировом хозяйстве, японские специалисты сходятся во мнении, что для оздоровления национальной промышленности необходимо, прежде всего, чтобы в самое ближайшее время Япония повернулась лицом к Азии и попыталась нарастить экономические отношения с этим регионом для того, чтобы воспользоваться огромным потенциалом роста, заложенным в азиатских экономиках.

Нельзя сказать, что прежде Япония не уделяла внимания этому региону. Так, по данным за 2008 г. на страны Восточной Азии приходилось 47% японского экспорта и 38% японского импорта. На конец 2008 г. общая сумма прямых накопленных инвестиций Японии в Восточной Азии достигла 146 млрд. долл., что составило 21% от общей суммы ее зарубежных прямых инвестиций. Здесь расположено более 8 тыс. японских предприятий, в том числе порядка 4 тыс. – в Китае, около 2300 – в АСЕАН 4 (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Филиппины) и около 2 тыс. – в НИЭ Азии (Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг). В последние годы на этот регион приходилось примерно 40–45% общего объема продаж всех зарубежных японских филиалов и более 70% занятых (около 2,2 млн. человек)¹⁹.

Отраслевой состав восточноазиатской филиальной сети японских промышленных компаний весьма разнообразен, особенно в Китае и АСЕАН–4, где в силу дешевизны рабочей силы наряду с отраслями тяжелой промышленности представлен целый ряд трудоемких производств легкой промышленности – текстильная, швейная, кожевенно-обувная, деревообрабатывающая, пищевая и т. д. Однако основу производственной базы японских компаний в Восточной Азии составляют отрасли машиностроительного комплекса и, прежде всего, электромашиностроение и автомобилестроение. Так, в общем объеме производства китайских филиалов на долю машиностроения приходится более 85%, для филиальной сети АСЕАН 4 эта доля составляет более 3/4, а для филиалов, расположенных в НИЭ – более 60%²⁰.

¹⁹ Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies. IBIC, 2008, p. 4.

²⁰ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, p. 9–11.

Иными словами, в Восточной Азии сформировалась разветвленная филиальная сеть японских промышленных компаний, производственный потенциал которой, по нашим подсчетам, равен примерно 10% потенциала японской промышленности.

Однако, по мнению японских специалистов, для того, чтобы в полной мере задействовать возможности азиатских экономик, необходимо изменить сам подход к этому региону: нужно перестать рассматривать его как базу для производства продукции, направляемой на экспорт в развитые страны (включая и саму Японию), и сделать основную ставку на освоение местных рынков.

Действительно, до последнего времени главным мотивом инвестирования японских компаний в страны Восточной Азии было стремление использовать такое их конкурентное преимущество, как относительная дешевизна рабочей силы. Однако по мере повышения уровня экономического развития этих стран происходит и рост стоимости местной рабочей силы, следовательно, по прошествии какого-то времени это преимущество уже не будет столь очевидным. Вместе с тем постепенно повышается уровень жизни населения региона, расширяется слой людей, относящихся к среднему классу, в некоторых странах начинается автомобильный бум, за которым обычно следует бум частного жилищного строительства. Иными словами, у границ Японии формируется рынок с огромным потенциалом спроса на инвестиционные и потребительские товары, которому японские компании до последнего времени не уделяли должного внимания. Так, согласно одному из обследований МЭТП, экспортируя в эти страны автомобили, бытовую технику и электронику, основную ставку они делали на узкую прослойку богатых людей, которые могут позволить себе приобретать товары того же класса, что и покупатели в западных странах. Например, в японском экспорте автомобилей в Китай доля моделей, предназначенных для богатых, до последнего времени составляла порядка 44%, а в экспорте продукции бытовой техники и электроники – более 45%, в то время как для среднего класса предназначалось соответственно около 30% и 28%²¹.

Очевидно, что понятие «средний класс» применительно к странам Восточной Азии с точки зрения количественных и качественных характеристик далеко не соответствует представлениям о среднем классе на Западе. Более того, эти характеристики существенно различаются и в пределах самого восточноазиатского региона – как в силу различий в уровнях социально-экономического развития входящих в него стран, так и вследствие различий между ними в традициях, культуре, образе жизни людей и т. д. Поэтому, как подчеркивают японские специалисты, для того, чтобы успешно осваивать быстро развивающиеся местные

рынки, японским компаниям необходимо тщательно изучать особенности спроса средних слоев в каждой из стран и налаживать производство товаров, максимально учитывающих местные особенности.

Один из наиболее эффективных путей освоения местных рынков – организация производства на местах на основе прямых инвестиций. При этом, те компании, которые уже создали предприятия в Восточной Азии, должны перестроить свой бизнес путем перевода сюда из Японии таких функций, как, например, разработка и дизайн продукта. Те же, кто только намеревается открыть здесь дело, должны иметь в виду необходимость тщательного учета особенностей местного спроса, начиная с самых ранних стадий производственного процесса.

Переориентация на местные рынки, перенос центра тяжести на потребности увеличивающегося среднего класса потребует и изменения подходов японских компаний к вопросам найма на управленческие и инженерные должности местных специалистов. До сих пор в силу специфики японской системы управления, с одной стороны, и определенного скептицизма в отношении возможностей местных специалистов – с другой, японские компании предпочитали заполнять эти вакансии за счет лиц, командированных из Японии, хотя это и повышало издержки производства. Расширение найма местных специалистов необходимо не только для более полного понимания и учета особенностей местных рынков, но и в плане урегулирования такого непростого вопроса, как отношения между менеджментом и рядовыми работниками.

Очевидно, что переориентация на освоение быстрорастущих рынков стран Восточной Азии открывает новые возможности для мелких и средних предприятий Японии, тем более что с точки зрения приспособления к особенностям местного спроса они в силу своей большей гибкости и подвижности имеют определенные преимущества перед крупными компаниями.

Следует отметить, что хотя основными контрагентами восточноазиатских стран в экспортно-импортных операциях и по линии осуществления прямых инвестиций выступают крупные японские компании, для мелких и средних фирм экономические связи с этим регионом в целом оказываются существенно более значимыми, чем для крупных компаний. Так, например, если в экспорте продукции, производимой последними, на долю Восточной Азии приходится порядка половины, то в экспорте продукции, производимой мелкими и средними фирмами, доля этого региона составляет около 2/3. Что касается зарубежного предпринимательства, то здесь картина такова: из общего числа зарубежных филиалов крупных компаний на долю восточноазиатской сети приходится примерно 55%, а для мелких и средних фирм соответствующий показатель составляет 65%²².

²¹ Summary of the White Paper on Manufacturing Industries (Monodzukuri). 2009, с. 29.

²² White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan. 2009, p.85, 125.

Сейчас в странах Восточной Азии действует порядка 2,5 тыс. промышленных предприятий, созданных мелкими и средними фирмами Японии. Среди этих фирм около 40% являются субподрядчиками крупных компаний, пришедшими сюда по их просьбе. И это неудивительно. Ведь когда крупные японские компании начали создавать в Восточной Азии сборочные заводы, они не нашли здесь поставщиков деталей и материалов, которые могли бы работать на уровне, на котором выполняют свою работу их японские субподрядчики. Это касалось и технологии производства, и квалификации персонала, и качества сырья и материалов, и сроков поставки продукции, и культуры производства в целом.

Остальные фирмы пришли в Восточную Азию по собственной инициативе – либо с тем, чтобы наладить производство продукции для поставок в Японию или третьи страны, либо в расчете на реализацию производимой продукции работающим здесь японским и западным компаниям. Но в самое последнее время заметно возросло число предприятий, которые делают ставку именно на местные рынки и рассматривают Восточную Азию как регион, обладающий большими предпринимательскими возможностями.

Восточноазиатское направление внешнеэкономических связей японские специалисты считают главным не только в плане скорейшего преодоления последствий мирового кризиса, но и с точки зрения среднесрочных и долгосрочных перспектив развития *монодзукури*. Однако наряду с Восточной Азией Японии следует значительно нарастить объем торгово-экономических связей и с другими быстрорастущими экономиками (Россией, Бразилией, Индией), а также странами, богатыми природными ресурсами (прежде всего, государствами Персидского залива), используя тот же подход – тщательное изучение особенностей местного спроса и, прежде всего, потребительских предпочтений среднего класса. При этом во всех странах необходимо наращивать объемы прямых инвестиций, создавать предприятия, ориентированные на внутренний спрос, привлекать на управленческие и инженерные должности местных специалистов²³.

В связи с этим следует заметить, что потенциал наращивания прямых зарубежных инвестиций японскими промышленными компаниями действительно велик. Будучи второй по экономической мощи державой мира и одним из крупнейших экспортеров, Япония в то же время заметно уступает другим развитым странам по размерам прямых зарубежных инвестиций. Хотя в последние годы их размеры быстро возросли, по таким показателям, как абсолютный объем накопленных прямых зарубежных инвестиций и его отношение к ВВП, Япония замыкает ряд развитых стран, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (млрд. долл., %)²⁴:

Япония	США	Велико-британия	Франция	Германия
680,3	3332,8	1705,1	2449,2	1217,7
12,2	24,1	60,7	87,9	34,1

К началу кризиса зарубежная филиальная сеть японских промышленных компаний насчитывала около 14 тыс. предприятий, в том числе 8,5 тыс. – в странах Восточной Азии, около 2 300 – в Северной Америке, более 1 тыс. – в Европе. В 2007/08 фин. г. на долю зарубежных предприятий пришлось 19,1% общего объема производства японских промышленных компаний и более 30% их совокупных доходов. Однако кризис оказал на положение японских филиалов крайне негативное влияние. Так, в 2008/09 фин. г. их общий объем продаж упал почти на 18%, а объем чистой прибыли – на 42,4%, число занятых сократилось почти на 10%, а объем инвестиций в оборудование – на 15%. И главное, после почти двадцатилетнего периода непрерывного возрастания в 2008/09 фин. г. произошло снижение доли зарубежных филиалов в общем объеме производства японских промышленных компаний – до 17%²⁵.

Как и следовало ожидать, от кризиса в наибольшей степени пострадали североамериканская и европейская филиальные сети, а в наименьшей – восточноазиатская сеть. Так, в 2008 г. объем продаж американских филиалов снизился на 14,4%, а в 2009 г. – еще на 9,3%. Для европейских филиалов глубина падения продаж составила соответственно 13,8% и 15,7%. Что же касается восточноазиатских филиалов, то после снижения на 0,9% в 2008 г. объем их продаж увеличился на 4,3% в 2009 г. При этом в отличие от НИЭ и АСЕАН 4, где в 2008 г. было зафиксировано падение продаж соответственно на 14,5% и 5,3%, в Китае на годичном уровне динамика продаж была позитивной: 8,1% в 2008 г. и 3,6% в 2009 г.²⁶

Как свидетельствуют данные японской статистики, с начала 2010 г. положение дел на зарубежных предприятиях японских компаний (включая Северную Америку и Европу) начало улучшаться, и по итогам первого квартала все три филиальные сети показали существенный прирост продаж, измеряемый двузначной величиной (от 20 до 60%). Правда, ввиду неопределенности ближайших перспектив развития мировой экономики пока трудно судить о том, насколько прочны начавшиеся процессы восстановления.

Тем не менее, очевидно, что по выходе мировой экономики на траекторию устойчивого развития зарубежная филиальная сеть японских промышленных компаний будет продолжать расширяться, прежде всего,

²³ См., например: Current Status and Issues Facing Japanese Industries. METI, February 2010; The Industrial Structure Vision 2010. METI, May, 2010.

²⁴ Japan's International Investment Position at Year-End 2008. (www.boj.or.jp/en/).

²⁵ Summary of the 39th Survey on Overseas Business Activities. METI, 2009. (www.meti.go.jp/).

²⁶ Кайрай гэнти ходзин сиханки тэса (Ежеквартальное обследование зарубежных предприятий). 24.06. 2010, с. 1–2 (www.meti.go.jp/).

за счет стран Восточной Азии и других развивающихся экономик. Ведь, используя предпринимательские возможности, существующие в других странах, японские компании смогут не только сохранить и даже увеличить свою долю в мировом промышленном производстве, но и поддержать национальные предприятия сферы *монодзукури* за счет расширения спроса зарубежных филиалов на их продукцию. Так, в предкризисный период темпы расширения поставок на зарубежные филиалы существенно превышали темпы роста японского экспорта, и в результате за 1995–2006 гг. их доля в общем объеме экспорта возросла с 17,1% до 32,4%, т.е. почти удвоилась²⁷.

Еще одним ресурсом развития японской промышленности может стать приток в нее иностранного капитала в форме прямых инвестиций. Как известно, прямые инвестиции осуществляют обычно сильные, передовые компании, и достижения в сфере технологии и управления, которые они с собой приносят, дают дополнительный толчок развитию страны-реципиента этих инвестиций. Между тем отставание Японии от других развитых стран в этой области даже более значительно, чем в области вывоза прямых инвестиций. Так, по данным на конец 2008 г., накопленный объем прямых иностранных инвестиций в ее экономику составил 203 млрд. долл., или 3,6% относительно ВВП. Для США соответствующие показатели составили 2,423 трлн. долл., или 17,5%, для Великобритании – 1,348 трлн. долл., или 48%, для Франции – 1,617 трлн. долл., или 58%, для Германии – 857 млрд. долл., или 24%²⁸.

Долгое время слабый приток иностранного капитала в экономику Японии связывали с существованием разного рода формальных и неформальных барьеров, делавших ее предпринимательскую среду закрытой и непрозрачной. Однако, как известно, в 1990–2000-е годы в Японии был осуществлен целый комплекс структурных реформ, начиная с реформы финансовой системы «Большой взрыв» и кончая пересмотром законодательства, регулирующего деятельность корпоративного сектора, имевших целью активизацию предпринимательской деятельности японских компаний, повышение привлекательности японской бизнес-среды для иностранных инвесторов, приведение законодательства страны в соответствие с правовыми нормами других развитых государств. В результате этих реформ японская экономика действительно приобрела новое качество – стала более открытой, рыночной и конкурентной. Однако, как показывают недавние обследования, существует целый ряд моментов, сдерживающих приток в страну иностранного капитала.

Так, согласно данным обследования, проведенного в 2007 г. ДЖЭТРО, иностранные компании основными препятствиями для открытия дела в Японии считают:

- языковой барьер (на это указали 30% опрошенных компаний);
- высокий уровень налогов и операционных издержек (24%);
- высокая стоимость рабочей силы (13%);
- различия в культуре и образе мыслей (12%);
- отличающаяся природа рынка (10%);
- сложность административных процедур (8%);
- нехватка земли и высокая цена на недвижимость (7%).

В то же время, согласно данным того же обследования, Япония делит с Китаем первое место по общей привлекательности в качестве объекта для иностранных инвестиций в Азии. При этом в качестве ее несомненных конкурентных преимуществ отмечаются политическая стабильность, соответствующее международным нормам законодательство, высокий уровень как квалификации специалистов и рабочих, так и техники и технологии производства²⁹.

По мнению японских специалистов, для привлечения иностранных инвестиций в страну нужно активнее использовать потенциал мелких и средних японских предприятий. Ведь десятки тысяч малых фирм Японии обладают уникальными технологиями, в том числе в таких сферах, как энергосберегающие техника и технологии и экологически чистые технологии и продукты. При этом и уровень операционных издержек, и издержки на труд у них, как правило, ниже, чем на крупных предприятиях, что усиливает их конкурентные преимущества. Однако для привлечения к ним внимания иностранных инвесторов необходимо шире пропагандировать возможности этих предприятий через различные государственные и частные структуры, да и сами эти предприятия должны быть более активными в поисках партнеров за рубежом.

Итак, для успешного развития предприятий *монодзукури* жизненно важным является расширение их участия в процессах глобализации на основе диверсификации экспортных рынков, наращивания объемов прямых зарубежных инвестиций и расширения круга стран-реципиентов этих инвестиций, активизации усилий по привлечению иностранного капитала. Однако генеральным направлением развития *монодзукури* и главным условием сохранения уникального промышленного комплекса страны остается дальнейшее повышение его научно-технического и инновационного потенциала.

Успехи Японии в этой сфере общеизвестны. По уровню наукоемкости производства, по доле высокотехнологичных отраслей и производств в отраслевой структуре промышленности, по уровню энерго- и материалоемкости производства и т.д. она занимает самые передовые позиции в мире. Обобщенным показателем, позволяющим судить о достижениях японской промышленности в области внедрения результатов НТП в производство, может служить вклад в экономический рост

²⁷ Summary of the 37th Survey on Overseas Business Activities. METI, 2008, p. 18.

²⁸ Japan's International Investment Position at Year-End 2008, p. 18.

²⁹ White Paper on International Economy and Trade. METI, 2009, p. 428–430.

фактора научно-технического прогресса (который также называют фактором общей продуктивности – *total factor productivity* – TFP, или остаточным фактором). Перевалив за отметку 50% еще в середине 1970-х годов, в период подъема 1987–1990 гг. вклад TFP в рост промышленного производства составил 60%, а в период последнего подъема (2002–2006 гг.) – уже 67%.

Характерно, что в прочих отраслях японской экономики вклад TFP в экономический рост существенно ниже, чем в промышленности (в 2002–2006 гг. – порядка 35%)³⁰. Это означает, что достаточно высокое положение Японии в мировых рейтингах конкурентоспособности и инновационности экономики обеспечивается практически исключительно за счет промышленности, и это служит еще одним аргументом в пользу необходимости сохранения и усиления уникального промышленного потенциала страны.

Показательно, что даже в период мирового финансово-экономического кризиса многие японские промышленные компании продолжали наращивать инвестиции в НИОКР, в результате чего их отношение к объему продаж даже возросло (по предварительным оценкам – до 4,3% в 2009 г.)³¹. При этом в условиях обострения глобальной конкуренции, выхода на мировые рынки компаний из стран с развивающимися экономиками критически важное значение приобретает правильный выбор областей научных исследований и инновационной деятельности японских компаний, точное определение перспективных направлений их специализации в мировом промышленном производстве.

Судя по опросам японских компаний и аналитическим материалам правительства, в ближайшие годы основные усилия японских промышленников будут сосредоточены на таких направлениях, как технологии энергосбережения, технологии и оборудование для получения и использования возобновляемых источников энергии, экологически чистые продукты и технологии, новые материалы, нанотехнологии³². Иными словами, японская ниша в мировом промышленном производстве будет все больше заполняться не просто наукоемкой высокотехнологичной продукцией, но продукцией, отвечающей самым насущным потребностям, как японского общества, так и человечества в целом.

Токийский финансовый центр в условиях обострения конкуренции на международных рынках капитала

С. В. Ноздрев

Финансовые рынки в азиатском регионе существенно различаются по своим масштабам и глубине и включают, с одной стороны, международные финансовые центры Восточной Азии, такие, как Токио, Гонконг и Сингапур, с другой – более мелкие по масштабам региональные финансовые центры и страны с неразвитыми рынками капитала, не обеспечивающими в достаточной степени потребности в финансировании экономики. В этих условиях одной из основных функций международных финансовых центров (МФЦ) становится активизация участия финансовых институтов и корпораций региона в операциях на международных рынках капитала, расширение доступа к мировому финансовому рынку и его основным инструментам, и в целом – вовлечение национальных экономик в процесс финансовой глобализации.

Текущее десятилетие характеризуется заметным обострением конкуренции между Токио и другими финансовыми центрами Азии. В первую очередь она распространяется на сегменты рынка, связанные с международными фондовыми и валютными операциями.

На позиции Японии в мировых финансах серьезное воздействие оказали последствия краха «мыльного пузыря» в конце 80-х–начале 90-х годов прошлого века, который нагрузил финансовую систему громадными суммами невозвратных кредитов и ослабил экономику. В значительной мере он был вызван перегретым рынком недвижимости в условиях чрезмерной ликвидности, недостатками финансового регулирования и значительным опозданием с антикризисными мерами. Исключительно быстрый рост цен, всех финансовых активов и недвижимости, в которые вкладывались свободные средства, преимущественно в спекулятивных целях (сбережения населения, кредиты банков и т. д.) сменился противоположной тенденцией с конца 90-х годов. После резкого падения цен на недвижимость и завершения кредитного бума экономика Японии вошла в полосу затяжной рецессии, последствия которой ощущаются и в настоящее время. В этот период наблюдалось массовое банкротство компаний, выросших на финансовых махинациях, риэлторов и банков. Растущие убытки по невозвратным кредитам и падение курсов акций вызвали остановку работы межбанковского рынка и волну банкротств в финансовом секторе. Падение рынка ценных бумаг привело к закрытию в 1998 г. одного из ведущих брокерских домов Японии «Ямаити сёкэн».

³⁰ Там же, с. 338.

³¹ Мировой кризис и Япония. М., «АИРО-XXI», 2009, с.

³² Там же, с. 89–93; The Industrial Structure Vision 2010. METI, May 2010.

Столкнувшись со столь серьезными кризисными явлениями в финансовой сфере, центральный банк и правительство Японии провели серию мер с целью разблокировать кредитные рынки и избежать возможности возникновения системного риска. С одной стороны, усилия банка Японии были направлены на улучшение ликвидности, включая расширение возможностей использования различных видов залога, выкуп активов, количественное смягчение политики нулевых ставок и в то же время значительно усилились функции надзора за проблемными институтами, стимулирование реструктуризации банков и мобилизации ими нового капитала. Принятие мер по преодолению напряженности на финансовых рынках и оказание государством помощи финансовым институтам сопровождались изменениями в характере самой системы регулирования и ее организационной перестройкой.

С середины 90-х годов в Японии был проведен комплекс реформ («Big Bang»), направленных на внедрение рыночных механизмов и превращение рынка Японии в международный финансовый центр, соответствующий основным мировым стандартам и способный конкурировать в глобальном масштабе с аналогичными рынками ведущих промышленно развитых стран.

Внесение существенных изменений в действующее японское законодательство было направлено на дерегулирование финансовых механизмов и приближение его к международным нормам и правилам путем ликвидации многочисленных ограничений при осуществлении сделок, расширения групп торгуемых бумаг, введения инновационных технологий и др.

На первом этапе реформ был проведен пересмотр валютного законодательства и устранена значительная часть остающихся ограничений в данной области, в первую очередь для валютных резидентов. Вносимые изменения были направлены на либерализацию трансграничных операций в соответствии с мировыми стандартами и общую активизацию сделок на Токийском рынке. В первую очередь предполагалось преодолеть имеющиеся несоответствия с законодательством западных стран и ряда стран Восточной Азии, а также отставание в технологическом обеспечении, адаптироваться к происходящим общим процессам дерегулирования в экономической сфере.

Далее были заметно снижены действующие барьеры между банковским бизнесом и компаниями по операциям с ценными бумагами. Был осуществлен переход от системы лицензирования последних к системе регистраций. Компаниям по операциям с ценными бумагами было разрешено заниматься управлением пенсионными фондами, оказывать кастодиальные услуги, смягчены ограничения на брокерские операции, отменены фиксированные комиссионные на покупку иностранных облигаций, упрощено налоговое законодательство в данной сфере. При покупке листинговых бумаг отменялись квоты для нерезидентов.

Одновременно с этим наметился постепенный отход от ранее принятой американской модели финансового рынка, предполагающей строгое разделение классических банковских и инвестиционных функций. У банковских институтов в Японии появилась возможность учреждать дочерние компании по торговле ценными бумагами, а также осуществлять операции с большой группой ценных бумаг. Был снят запрет на создание крупных финансовых холдингов, на участие в инвестиционных трастовых операциях, в страховом бизнесе.

Выявившаяся в течение «потерянного десятилетия» недостаточная эффективность системы регулирования финансового рынка вызвала необходимость осуществления организационной реформы. Она включала в первую очередь создание вне министерства финансов специального органа регулирования, контролирующего кредитно-финансовую систему (банковский сектор, компании по операциям с ценными бумагами, страховые компании), – Агентства финансового надзора (Financial Supervisory Agency), переименованного в 2000 г. в Агентство по финансовым услугам (Financial Services Agency). Оно подчиняется непосредственно премьер-министру Японии и принимает постоянное участие в разработке нормативных документов, осуществляет контроль над их исполнением. После проведенной реорганизации министерство финансов сохранило за собой функции разработки финансовой политики в целом и координации международных финансовых отношений, а Банк Японии – осуществление функций банковского надзора.

В целях законодательного обеспечения регулирования рынка ценных бумаг во второй половине 90-х годов XX в. – начале текущего десятилетия XXI в. в базовый закон о ценных бумагах и фондовых биржах (Securities Exchange Act) было внесен целый ряд существенных поправок и дополнений. В 2006 г. этот закон был принят под новым названием – Закон о финансовых инструментах и фондовых биржах (Financial Instruments and Exchange Act). Он предусматривал, в частности, ужесточение требований к компаниям в области раскрытия информации и внутреннего контроля с целью приближения этих требований к международным стандартам. Закон вводил обязательную публикацию квартальных отчетов (до сих обязательными были только полугодовые отчеты) по аналогии с практикой американских корпораций.

В условиях формирования новой окружающей среды для рынков капитала, происходящей их интернационализации предусматривалось повышение степени защиты интересов инвесторов и стимулирование вложений на финансовом рынке частных лиц. Так, от профучастников в своей деятельности потребовалась классификация всех инвесторов на профессиональных и непрофессиональных, при этом последних банки и брокеры должны специально информировать о рисках, связанных с вложениями на рынке ценных бумаг.

Тем не менее, на фоне быстро продвигающейся интернационализации финансовых рынков и обострения на них конкуренции за более чем десятилетний период после «Большого взрыва» Японии не только не удалось сократить разрыв в совокупном международном обороте ценных бумаг между своим рынком и рынками Европы и США и по целому ряду других показателей, но ее позиции стали серьезно угрожать развивающиеся финансовые сети в Сингапуре, Гонконге и Шанхае. Они заметно продвинулись в повышении своего статуса в качестве международных финансовых центров.

Как показывает мировой опыт, выдвижение отдельных городов и районов на роль крупных ведущих международных финансовых центров и формирование потенциала их дальнейшего расширения определяются рядом благоприятных базисных условий, к которым следует отнести:

- стабильность национальной экономики и выполнение ею различных международных функций;
- благоприятное географическое положение с точки зрения специализации МФЦ;
- наличие устойчивого и емкого финансового рынка и развитой денежно-кредитной системы;
- конкурентная финансовая система, обеспечивающая свободное перемещение движение капиталов и доступность заемных ресурсов, благоприятный режим налогообложения и действующая система гарантий участникам МФЦ;
- развитая система фондовой и валютной бирж и обслуживающей их инфраструктуры;
- наличие широкого спектра системы финансовых инструментов, соответствующей современному этапу развития рынка;
- обеспечение условий для подготовки высококвалифицированного персонала для обслуживания МФЦ;
- стабильная и предсказуемая система регулирования, функционирующая по международным правилам работы на финансовых рынках.

Современный этап конкуренции самым непосредственным образом затронул и основные МФЦ Восточной Азии. Им совершенно необходимо усилить международные функции действующего национального финансового рынка для выхода на новый этап конкурентной борьбы. Ее развертывание сопровождается значительными изменениями в конфигурациях МФЦ вследствие происходящих процессов концентрации капитала и усиления в них роли иностранного участия с существенным повышением доли инновационных инструментов, финансового посредничества, расширением традиционных и освоением новых сегментов рынка. Соответственно возрастает и роль государственной политики в обеспечении основных направлений развития международных финансовых центров.

В раках этой политики правительство Гонконга объявило в октябре 2006 г. о планах развития специального административного района как глобального финансового центра. Одним из основных направлений принятого плана является дальнейшее расширение функций по обслуживанию финансовых потоков из КНР в условиях происходящей там либерализации движения капиталов. Перечень конкретных мер включает содействие листингу зарубежных голубых фишек, расширение операций в юанях, развитие рынка сырьевых фьючерсов, снятие ограничений на участие страховых компаний в инвестиционных оффшорных операциях в Китае, а также развитие рынка перестрахования. В начале 2007 г. Государственный совет КНР разрешил материковым финансовым учреждениям выпускать облигации в юанях в Гонконге. Финансовая поддержка реализации плана по дальнейшему расширению функций Гонконга как МФЦ включена в расходную часть бюджета района на 2009–2010 гг. и на 2011–2012 гг.¹

В течение уже целого ряда лет многие международные инвестиционные банки («Goldman Sachs», «Allianz», «ABN Amro», «BNP Paribas» и др.), а также хеджевые фонды, акционерные и страховые компании имеют свои офисы в Гонконге. Правила поведения на рынке, соблюдаемые и после отмены британского колониального правления (включая широкое использование английского языка, юридической системы западного образца и применение международных стандартов корпоративного управления), продолжают оказывать заметное влияние на рейтинг этого международного центра. Вместе с тем, развитие Гонконга как МФЦ и в дальнейшем в немалой степени будет основываться на его роли как одного из крупнейших торговых центров, имеющим свободный порт с низким уровнем налогообложения.

Сингапур стал формироваться как международный финансовый центр с начала 60-х годов, используя также свое положение как крупная производственная и торговая база Восточной Азии. Имея по сравнению с Гонконгом более регулируемую экономику, Сингапур становится крупным финансовым центром благодаря экономической и политической стабильности, применению государством финансовых стимулов, особенно в области налогового режима для иностранных инвесторов, благоприятному деловому климату. Наиболее быстрыми темпами здесь развивается сектор, занимающийся предоставлением частных банковских услуг и валютными операциями.

С конца 1999 г. в результате слияния SES – Сингапурской биржи акций и SIMEX – биржи производных инструментов была образована Сингапурская фондовая биржа (SGX), что позволило существенно диверсифицировать биржевые операции. Это обеспечило Сингапuru конкурентные преимущества как азиатской региональной базы для транснациональ-

¹ «Budget Bulletin». Hong Kong 2010/2011, p. 4, Intertrust Hong Kong, 2010.

ных корпораций и иностранных инвесторов. В частности, на бирже были предложены новые уникальные продукты. Сингапур явился первым рынком, где торговались фьючерсы на японский индекс Nikkei 225, в то время, когда в самой Японии такие фьючерсы еще не предлагались. Сингапур, как международный финансовый центр, является «перевалочным пунктом» в Индию, с которой он имеет тесные этнические связи (значительная часть населения Сингапура индийского происхождения). Сингапурской бирже принадлежит 5% пакета акций Бомбейской фондовой биржи. В последние годы биржа все больше вовлекается в процесс глобализации: около 2/5 ее рыночной капитализации получено за счет иностранных компаний².

Одним из ведущих азиатских финансовых центров становится Шанхай. В апреле 2009 г. на государственном уровне было принято решение о создании к 2020 г. Шанхайского международного финансового центра. Ранее принятый пятилетний план содержал ряд количественных показателей, включая повышение рыночной капитализации Шанхайской фондовой биржи до 7 трлн. юаней к 2010 г., что означало увеличение данного показателя в 4,4 раза по сравнению с концом 2006 г. В случае достижения указанной цели это будет эквивалентно примерно 20% капитализации Токийской фондовой биржи.

Шанхай ориентирован преимущественно на частных китайских инвесторов. Примерно 70–90% инвесторов на Шанхайской фондовой бирже являются индивидуальными (розничными). Каждый день здесь открывается примерно 300 тыс. новых индивидуальных торговых счетов, примерно 50 млн. китайцев имеют счета в банках.

На расширение операций Шанхайского финансового центра заметное влияние оказывает улучшение условий деятельности иностранных компаний на фондовом рынке КНР. Так, в результате соглашения, достигнутого в ходе переговоров с Китаем перед его вступлением во Всемирную торговую организацию, был частично либерализован страховой сектор страны, постепенно отменяются ограничения на деятельность иностранных банков на китайском рынке. Расширению международных операций способствовало снятие в сентябре 2009 г. ограничений на листинг иностранных компаний на шанхайской бирже. Иностранные инвесторы заинтересованы в приобретении большей доли в пакетах ценных бумаг, однако власти КНР продолжают сохранять ограничения над движением капиталов с тем, чтобы большая их часть направлялась на внутренних рынок Китая.

В течение более десяти лет действует Шанхайская биржа фьючерсов, где быстрое развитие получили операции с финансовыми инструментами, привязанными к торговле нефтью и другими сырьевыми товарами. Сейчас она занимает 16-е место в мире (в 2007 г. – 27-е место). Вместе

² Singapore Stock Exchange- the Financial Hub- Great Trading, CFD FX Report. 19.12. 2008

с тем действующие в стране ограничения на операции в иностранной валюте по капитальным операциям, стимулирование «международной торговли в юанях» становятся одним из сдерживающих факторов быстрого выдвижения Шанхая в один из ведущих международных центров региона, хотя уже сейчас муниципальным правительством города выдвинут план о конверсии более 50% валюты, образуемой в данном регионе, в юани для последующего инвестирования³.

На усиление позиций других, помимо Токио, азиатских финансовых центров указывают и результаты проводимых в последние годы исследований о положении отдельных стран в мировых финансах. Английская консалтинговая компания «Z/Yen» по заказу «City of London Corporation» регулярно подготавливает рейтинг мировых финансовых центров (их число постоянно увеличивается) по уровню их конкурентоспособности на базе Индекса мировых финансовых центров (GFCI – Global Financial Centers Index). Последний, опубликованный в сентябре 2009 г.⁴, рейтинг основывается на результатах оценки 64 групп инструментальных факторов и статистического опроса 1802 финансистов (соответственно – 57 и 1406 в предыдущем исследовании), занятых в соответствующих сегментах рынка, по пяти основным категориям: человеческий капитал, деловое окружение (стабильность законодательной базы, налоговый режим), доступ к рынкам, особенно международным, транспортная и иная инфраструктура, общая конкурентоспособность экономики.

По агрегированному показателю конкурентоспособности, как и ранее, ведущими глобальными центрами признаны Лондон и Нью-Йорк. Несмотря на то, что положение Токио несколько улучшилось – как финансовый центр он оказался менее подвержен влиянию мирового кризиса и передвинулся в ведущую десятку с 15-го места на седьмое⁵, но по-прежнему из азиатских центров уступает Гонконгу (третье место) и Сингапуру (четвертое место). Согласно результатам указанного опроса, эти два центра имеют конкурентные преимущества по сравнению с Токио по всем пяти основным категориям, определяющим международную финансовую деятельность: по управлению активами, банковскому делу, сфере регулирования, страхованию, оказанию профессиональных услуг, причем в области банковского дела Токио уступил место и Шеньчжэню, имеющему тесные экономические связи с Гонконгом.

³ Shanghai Opens Doors to Financial World. – «The New York Times», 02.03. 2010.

⁴ The Global Financial Centres Index. The City of London Corporation, September 2009. www.cityoflondon.gov.uk/economicresearch

⁵ Первая десятка финансовых рынков в сентябре 2009 г. выглядела следующим образом: Лондон, Нью-Йорк, Гонконг, Сингапур, Шеньчжень, Цюрих, Токио, Чикаго, Женева, Шанхай. См.: [www.cityoflondon.gov.uk/economic research](http://www.cityoflondon.gov.uk/economic%20research). News release, 25.09. 2009.

В связи с заметным укреплением позиций финансовых институтов, действующих в других финансовых центрах стран Азии, и улучшением там регулятивной среды, японское правительство с середины текущего десятилетия разработало ряд программ, основной целью которых явились повышение конкурентоспособности Токио как финансового рынка и достижение в качестве конечной цели уровня, соответствующего Лондону и Нью-Йорку. В конце 2006 г. Совет по экономической и финансовой политике, включающий руководителей всех основных экономических ведомств, учредил Комитет по вопросам глобализации, в рамках которого стала действовать Рабочая группа по финансовым рынкам и рынкам капитала. Во главу угла деятельности этой группы были выдвинуты вопросы повышения эффективности финансового сектора Японии в сфере операций с ценными бумагами и деривативами, в том числе развитие системы мониторинга фондового рынка, проведения реформы деятельности и слияния действующих фондовых бирж, улучшение системы профессионального образования, особенно в области инновационных продуктов и др.

В рамках реализации принятого курса в декабре 2007 г. Агентство финансовых услуг опубликовало «План укрепления конкурентоспособности финансового рынка и рынка капиталов Японии», который был существенно пересмотрен в августе 2008 г. В качестве одного из приоритетов долгосрочной стратегии японского правительства выдвигается усиление позиций финансового сектора, который должен стать главным мотором экономического развития. Становление Китая как мировой промышленной державы и перспективы вытеснения Японии с ее традиционных ниш мирового рынка вынуждает искать для страны новое место в международном разделении труда, в том числе за счет усиления позиций в сфере разработки и реализации финансовых услуг, как это имеет место в США и Англии.

В конце 2008 г. в Основной закон о рынке ценных бумаг были внесены серьезные изменения с целью создания новых сегментов финансового рынка для институциональных инвесторов, дальнейшего сближения различий в функциях финансовых институтов, а также усиления административных мер наказания при манипулировании рынком. На рынке ценных бумаг местные банки получили право выступать агентами иностранных банков, осуществлять торговлю товарными производными методом физических расчетов, создавать специализированные компании для осуществления, например, торговли исламскими финансовыми инструментами. В этот же период продолжилась концептуальная разработка нового пакета законодательных мер, направленных на дальнейшую адаптацию японской денежно-кредитной системы к изменениям, происходящим на мировых финансовых рынках.

Другим направлением деятельности Агентства по финансовым услугам по обеспечению конкурентоспособности финансового рынка

явилось повышение эффективности и удобства платежных и расчетных систем как в операциях между финансовыми институтами, так и по розничным сделкам. Существенное внимание уделялось развитию систем безопасности платежей в связи с внедрением Интернета и новых телекоммуникационных технологий⁶.

Одной из основных задач становится усиление роли Токио как «генератора» финансовых потоков, обслуживающих региональное движение товаров и капиталов в условиях быстро растущих масштабов экономики азиатских стран, и как центра, влияющего на условия региональной конкуренции с тем, чтобы обеспечить повышение прибыльности операций для финансового сектора Японии.

Громадные финансовые активы и местоположение Японии дают возможность расширить доступ для правительств и корпораций стран Азии к стабильным и диверсифицированным источникам финансирования. Азиатские инвесторы, обладающие все большими финансовыми ресурсами, могут также получать выгоды от диверсификации портфелей и использования инновационных финансовых продуктов японскими компаниями. В качестве конкретных направлений активизации операций токийского центра рассматривается серия мер по созданию нового сегмента рынка ценных бумаг, выпускаемых на основе акций иностранных корпораций, зарегистрированных на других азиатских рынках (по аналогии с АДР), ценных бумаг, поддержанных активами и др. С конца 2008 г. перестало действовать обязательное правило о наличии филиала иностранной брокерской фирмы в Японии для участия в операциях с опционами на Токийской фондовой бирже⁷.

Повышение конкурентоспособности международного сегмента финансовых операций в Японии потребует, однако, дальнейшего реформирования сохраняющейся до настоящего времени консервативной системы регулирования, по-прежнему ограничивающей деятельность иностранных компаний. Это обеспечит возможность устранить различного рода препятствия институционального и иного характера для обслуживания трансграничных финансовых и капитальных потоков и повышения прибыльности азиатских фондов за счет региональных операций. Известно, что в настоящее время эти средства инвестируются в основном в финансовые активы США и Западной Европы, и в дальнейшем вновь возвращаются в Азию.

Являясь ведущим финансовым донором как на двухсторонней, так и на многосторонней основе в Азии, Япония активно выступает за повышение роли Токийского финансового центра в создании общеазиатской финансовой инфраструктуры, в том числе путем внедрения через специальные региональные программы международных стандартов

⁶ Dainibukai gojyunoichi, siryo, kinyutyo somukikakukyoku, 01.2009

⁷ Jiji Press, JCN, 30.09. 2008.

бухгалтерского учета, системы кредитных рейтингов, расширения сети специализированных брокерских учреждений, разработки платформ и программ для электронной торговли и совместных механизмов по взаимному допуску котируемых бумаг между биржами.

Финансовый кризис 1997 г. в Азии, вызванный крупномасштабным оттоком краткосрочного капитала из Юго-Восточной Азии, стимулировал развитие сотрудничества, направленного на снижение финансовой уязвимости в регионе. С учетом неблагоприятных последствий в результате кризисных потрясений сотрудничество азиатских стран было направлено на решение двух задач: минимизацию риска недостаточной валютной ликвидности в случае возникновения непредвиденных обстоятельств; укрепление рынков капитала на основе общей рыночной инфраструктуры в Азии.

Япония явилась одним из основных инициаторов разработки программы финансового сотрудничества, направленной на предотвращение нового регионального валютного кризиса. В результате появилась «Чиангмайская инициатива» (ЧМИ), которая была принята на форуме АСЕАН+3 в мае 2000 г. в Чианг Маи (Таиланд). Данная система создана для оказания взаимной валютной поддержки азиатскими странами посредством проведения двухсторонних своп-операций.

Другим важным направлением совместных действий является «Инициатива по развитию азиатского рынка облигаций» (ABMI), которая была одобрена министрами финансов азиатских стран (АСЕАН+3) в августе 2003 г.⁸ Принятая программа выдвинула необходимость создания азиатского регионального рынка облигаций, включая торговлю ими в местных валютах. Это позволяет удовлетворять потребности в долгосрочном финансировании за счет частных сбережений и устранять проблемы, вызванные несоответствием валют и сроками обращения долговых инструментов, что ослабляет угрозу повторения валютного кризиса, а также снижает стоимость финансирования для корпораций.

Развитие азиатского рынка ценных бумаг с фиксированной ставкой, таких как государственные и частные облигации, помимо общих причин макроэкономического характера (развития финансовой интеграции), тесно связано с проблемами диверсификации диапазона сберегательных инструментов, преодоления сложившейся структуры, опирающейся преимущественно на систему косвенного финансирования, и создания сегмента глобального фондового рынка. Эта задача явилась важным секторальным приоритетом, поскольку последствия кризиса в Восточной и Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг. в существенной степени были усилены неразвитостью базы операций с ценными бумагами.

Вместе с тем, инфраструктура регионального рынка облигаций не является полноценной без параллельного развития вторичного рынка ценных бумаг с фиксированным процентом и с различными сроками погашения.

Как показывает опыт других региональных рынков облигаций, для дальнейшего их развития в Азии необходимо обеспечить целый ряд базисных условий для их функционирования, в том числе:

- обеспечением базовой кривой доходности ценных бумаг, т. е. теоретически безрисковыми облигациями, выпущенными правительствами стран-участниц;
- расширением круга надежных корпоративных заемщиков;
- активным привлечением банков, традиционно обеспечивающих долгосрочное и среднесрочное корпоративное финансирование, развитием рынков ценных бумаг в качестве гарантов и организаторов рынков;
- созданием международной расчетно-учетной системы для азиатского рынка облигаций, в частности, путем образования отдельной специализированной организации, аналогичной действующим европейским аналогам.

В наибольшей степени схема создания регионального рынка азиатских облигаций продвинулась по линии ЕМЕАР – регулярных встреч представителей центральных банков и министров финансов государств Восточной Азии. С июня 2003 г. начал действовать первый Азиатский облигационный фонд (ABFI), который первоначально составил около 1 млрд. долл. Фонд инвестирует в корзину деноминированных в долларах США облигаций, эмитируемых азиатскими суверенными и квазисуверенными эмитентами стран-членов ЕМЕАР (за исключением Японии, Австралии и Новой Зеландии). ABFI находится в пассивном управлении Банка международных расчетов на базе эталонного индекса. Мониторинг деятельности фонда осуществляет Комитет по надзору ЕМЕАР⁹.

Концепция азиатского рынка облигаций была расширена с введением Азиатского облигационного фонда (ABF2) в апреле 2005 г., инвестируемого в корзину ценных бумаг в местных валютах той же группы стран. Он состоит из двух частей – Паназиатского индексного фонда облигаций (PAIF) и Фонда облигационных фондов (FoBF), общим объемом 2 млрд. долл. PAIF – это единый индексный фонд, вкладывающий средства в суверенные и квазисуверенные облигации в местной валюте. FoBF имеет двухуровневую структуру, где головной фонд, инвестирует в облигации, эмитируемые на рынках стран-членов ЕМЕАР. По состоянию на конец марта 2010 г. общий размер фонда PAIF по

⁸ Asian Economy and Finance: a Post-crisis Perspective *Das-Gupta, Dilip K.*, 2005. By Dilip K. Das.

⁹ «The Asian Bond Fund Initiatives and Reform through Learning by Doing». – East Asian Bureau of Economic Research, Newsletter, December 2007, p. 1.

рыночным ценам составил 1,72 млрд. долл., что означало его увеличение за последние три года почти на 40%.

В настоящее время разработан целый ряд предложений как на уровне национальных, так и региональных финансовых и монетарных органов, направленных на расширение системы ABF с тем, чтобы она распространялась на значительно более широкий круг стран в качестве механизма мобилизации внутренних и международных ресурсов для финансирования экономики. Вместе с тем, расширение данной схемы не будет, как ожидается, носить автоматического характера, в процессе подготовки находится пакет базисных критериев участия в ней и условия для членства. Не претендуя на роль ведущего организатора регионального рынка ценных бумаг в АТР, Азиатский облигационный фонд в то же время предоставляет дополнительные возможности для тех, кто обладает ограниченным доступом к международным рынкам капитала, привлекать средства внутри региона. Дальнейшее развитие этой системы предполагает также расширение системы финансирования национальных долговых бумаг путем предоставления гарантий и секьюритизации облигаций¹⁰.

В целях повышения ликвидности и функциональности азиатского рынка облигаций, повышения доли внутрирегионального использования накоплений корпораций и населения 11-е совещание министров финансов стран АСЕАН+3 в мае 2008 г. приняло решение о дальнейшем расширении Инициативы по развитию азиатского рынка облигаций. На встрече были приняты развернутые решения о разработке Дорожной карты ABMI и создании целевых групп для продвижения эмиссий и формировании спроса на облигации в местных валютах, улучшении регулятивной системы и расширении институциональной инфраструктуры. Кроме того, было предложено рассмотрение вопроса о формировании эталонных индексов для отдельных видов бумаг. Япония оказывает развитию этой инициативы постоянную поддержку как по линии экономического сотрудничества, так и содействуя через финансовые компании размещению данного вида ценных бумаг на азиатском рынке.

Повышение конкурентоспособности Токио как международного финансового центра в значительной степени определяется тем, насколько эффективными будут принимаемые меры по изменению модели ведущей торговой площадки страны – Токийской фондовой биржи (ТФБ).

В период высоких темпов роста японской экономики произошло резкое увеличение оборота ТФБ – в начале 90-х годов на нее приходилось около 33% всей мировой рыночной капитализации. В связи с общим ухудшением ситуации в японской экономике, затяжным характером

проблемы безнадежных долгов, динамика этого показателя существенно замедлилась, однако и в настоящее время ТФБ удерживает второе место в мире по капитализации и четвертое место по объему оборота акций.

Заметное воздействие на трансформацию японского фондового рынка оказал процесс его интернационализации, которая осуществлялась по трем основным направлениям. Во-первых, – это размещение иностранных ценных бумаг в Японии; во-вторых, приобретение иностранными инвесторами ценных бумаг на японском рынке и покупка японскими инвесторами ценных бумаг за рубежом; в-третьих, продвижение в Японию иностранных компаний по торговле ценными бумагами и выход японских компаний для операций на зарубежные рынки.

Японский рынок ценных бумаг стал привлекать иностранных инвесторов еще в 70-е годы, когда произошло заметное усиление позиций японской экономики в мире. В этот период на японском рынке стали котируются некоторые иностранные акции, открываться представительства западных инвестиционных компаний, а также стало возможным приобретение иностранных бумаг. В дальнейшем был облегчен доступ иностранных, прежде всего американских, инвестиционных компаний, к японским активам, расширилась практика размещения зарубежных ценных бумаг, и в целом иностранный капитал стал занимать более прочные позиции в японской финансовой системе.

На ТФБ процесс интернационализации также заметно усилился с начала 70-х годов. Существенное развитие получает практика выпуска облигаций в евроиенах как иностранными, так и национальными эмитентами. В 1973 г. была открыта иностранная секция ТФБ. По мере расширения масштабов деятельности ТФБ к этой секции стали проявлять все больший интерес иностранные компании. Со второй половины 80-х годов число зарегистрированных на ТФБ зарубежных компаний постоянно увеличивалось и к началу 90-х годов достигло 127 по сравнению с 20 в 1985 г.

В дальнейшем, однако, в связи длительным периодом экономического застоя и крахом «мыльного пузыря» в Японии число иностранных компаний, котирующихся на ТФБ, сократилось и на середину 2008 г. составило 16 компаний. Наряду с общей экономической конъюнктурой сокращение числа иностранных компаний вызвано более жесткой процедурой листинга по сравнению с фондовыми биржами региона, большими расходами, в частности, при подготовке документов по поддержанию своего участия в работе ТФБ в связи с необходимостью обязательного перевода на японский язык, снижением интереса японских инвесторов к иностранным ценным бумагам.

При оценке роли ведущих бирж в деятельности международного фондового рынка, кроме фактора роста собственно национальной капитализации и повышения объема сделок с ценными бумагами рези-

¹⁰ Looking Beyond the Crisis. – «ADB Review», December 2009.

дентов, существенное значение имеет доля иностранных ценных бумаг в котировальных листах бирж и, соответственно, объемы сделок с иностранными ценными бумагами. Для иностранных эмитентов одной из основных целей выхода на крупнейшие мировые биржи является привлечение инвестиций путем размещения своих ценных бумаг.

Таблица
Основные показатели деятельности
ведущих бирж Азии и Австралии
(данные за 2008 г., долл.)*

Биржи	Капитализация**	Число компаний прошедших листинг	Оборот торговли ак- циями
Токийская фондовая биржа	3,115,803.7	2390	5,607,321.9
Шанхайская фондовая биржа	1,425,354.0	864	2,600,208.6
Гонконгская фондовая биржа	1,328,768.5	1261	1,629,782.3
Австралийская фондовая биржа	683,871.6	2009	1,213,239.6
Бомбейская фондовая биржа	647,204.8	4921	301,648.3
Индийская фондовая биржа	600,281.6	1406	725,398.7
Корейская фондовая биржа	470,797.7	1793	1,432,479.9
Тайваньская фондовая биржа	356,710.6	722	829,612.2
Шэньчжэньская фондовая биржа	353,430.0	740	1,248,721.8
Сингапурская фондовая биржа	264,974.4	767	259,885.0
Малазийская фондовая биржа	189,086.6	976	93,783.9
Осакская фондовая биржа	147,436.3	470	235,619.1
ДЖАЗДАК	93,176.5	926	44,951.5
<i>Справочно</i>			
Нью-Йоркская фондовая биржа	9,208,934.1	3011	33,638,937.0
Лондонская фондовая биржа	1,868,153.0	3096	6,271,520.6

* Данные Всемирной организации фондовых бирж за 2009 г.

** При расчете капитализации не учитываются акции инвестиционных кампаний и акции иностранных эмитентов, имеющих листинг на данной бирже.

По числу иностранных компаний, представленных в котировальных листах бирж, ТФБ, несмотря на лидирующие позиции по размерам капитализации японских компаний, занимает четвертое место после бирж Сингапура, Австралии и Новой Зеландии, и по обороту иностранных акций – шестое место после Тайваньской биржи. В то же время необходимо иметь в виду, что взаимопроникновение инвестиций и роль отдельных финансовых центров в этом процессе осуществляется не только путем выхода эмитентов на фондовые биржи за границей, но и посредством расширения доступа иностранных капиталов на внутренний (в данном случае японский) рынок, что в значительной степени определяется размерами самого национального фондового рынка.

В связи с сохраняющейся привлекательностью японских ценных бумаг как объекта инвестирования и расширением деятельности японских ТНК за границей, иностранные компании сохраняют свое присутствие на токийской бирже и увеличивают свою долю на отдельных сегментах рынка. С 1986 г., в немалой степени в результате давления американской стороны, участниками Токийской фондовой биржи могут быть и иностранные инвестиционные институты, соблюдающие ряд требований финансового регулятора в части установленного минимального размера капитала, ежегодной величины чистого дохода и др.

В 1987 г. из 115 членов токийской биржи 22 приходилось на иностранные компании. В настоящее время их число также сократилось – до 15 (на конец 2008 г.). К числу ведущих иностранных участников относятся крупнейшие американские инвестиционные банки «Merrill Lynch», «Goldman Sachs», «Morgan Stanley», немецкий «Dresdner Kleinwort», французский «BNP Paribas» и др., оборот которых по целому ряду ценных бумаг не только не сократился, но, наоборот, вырос.

Обострение конкуренции на мировом фондовом рынке, а также технологические проблемы менеджмента фондовых операций поставили ТФБ перед необходимостью развивать сотрудничество с другими торговыми площадками, прежде всего Северной Америки и Азии. В конце января 2007 г. между Токийской фондовой биржей и Нью-Йоркской фондовой биржей было подписано соглашение о намерениях создать стратегический альянс между двумя мировыми биржевыми центрами, в первую очередь в области совместной разработки и использования новых направлений развития торговых систем и технологий, оказания услуг по инвестированию и эмиссии ценных бумаг, внедрения новых инвестиционных продуктов.

В качестве первого шага в августе 2007 г. было заключено соглашение о техническом сотрудничестве, предусматривающее консультирование американской стороной ТФБ по управлению и эксплуатации компьютерных сетей, а также эффективному использованию действующих мощностей для обеспечения стабильности и высокого качества биржевых операций¹¹.

Новым шагом в создании инновационных сегментов рынка и повышении статуса Токио как МФЦ явилась реализация с июня 2009 г. совместного проекта «Tokyo Stock Exchange Group» и «London Stock Exchange Group» по запуску и обслуживанию нового рынка ценных бумаг быстрорастущих компаний – Tokyo AIM¹². Данный рынок ценных бумаг создается в целях расширения потенциала привлечения капиталов для растущих местных и иностранных, прежде всего азиатских, компаний,

¹¹ NYSE Group and Tokyo Stock Exchange Enter Strategic Alliance, «TSE News», 01.02.2007.

¹² AIM – международный рынок альтернативных инвестиций Лондонской фондовой биржи для компаний с высоким потенциалом роста.

а также предоставления новых инвестиционных возможностей для японских и иностранных профессиональных участников рынка. В случае увеличения масштабов данного проекта улучшаются перспективы использования компаниями фондового рынка Японии для финансирования венчурных проектов.

Создание Токуо AIM стало возможным после внесения изменений в июне 2008 г. в Закон о финансовых инструментах и биржах касательно вопросов, связанных с обращением ценных бумаг и деятельностью номинированных консультантов (Nominated Advisers, J-Nomads). Предполагается, что деятельность Токуо AIM обеспечит выгоды от более сбалансированного подхода по сравнению с ТФБ к организации публичных размещений, большей гибкости в использовании действующей системы бухгалтерского учета при сохранении жестких требований в отношении открытия информации. Как и на Лондонской AIM, контроль за допуском компаний на организованный рынок и контроль за их текущей деятельностью осуществляется не самой биржей, а номинированными консультантами. В связи с сокращением бюрократических процедур сроки подготовки к допуску на Токуо AIM, как ожидается, будут заметно короче, чем при процедуре включения в котировальные списки ТФБ. По состоянию на начало 2010 г. в список J-Nomads вошли шесть ведущих японских компаний по операциям с ценными бумагами.

В соответствии с принятыми правилами номинированные консультанты играют ключевую роль в обеспечении инвестиционного процесса на бирже. Компания, которой предстоит пройти листинг на Токуо AIM, должна иметь оформленные соглашения с J-Nomad, которые проводят оценку потенциального спроса на ценные бумаги эмитента. В случае подтверждения наличия спроса со стороны финансового консультанта, эмитент может включать ценные бумаги в котировальные списки Токуо AIM. В то же время с целью облегчения процедуры допуска не предъявляются требования подтверждения безубыточной хозяйственной деятельности в течение определенного срока, а также требования, связанные с широкой оценкой перспектив роста предприятия. Данные показатели, тем не менее, должны рассматриваться и оцениваться в индивидуальном порядке финансовыми консультантами.

В связи с обострением международной конкуренции и необходимостью освоения новых рынков одним из направлений деятельности Токийской фондовой биржи становится развитие сотрудничества с фондовыми биржами стран БРИК, направленное на создание более благоприятных условий для инвестирования, а также предусматривающее организацию на взаимной основе торговли финансовыми инструментами. В ноябре 2008 г. Токийской фондовой биржей был подписан Меморандум о взаимопонимании с ведущей российской торговой площадкой – ММВБ, предусматривающий развитие в дальнейшем межбиржевых контактов.

В условиях сохраняющейся нестабильности на финансовых рынках при оценке конкурентоспособности МФЦ существенно усиливается внимание к возможностям регулирующих органов и финансового сектора в целом обеспечивать устойчивость данного сегмента рынка и ликвидность для основных его институтов в кризисных ситуациях. Экономика Японии на первом этапе разворачивания последнего кризиса избежала опасности раздувания пузырей на жилищном, кредитном и сырьевом рынках. Японские банки и компании по операциям с ценными бумагами по основным показателям деятельности понесли меньшие потери чем американские и европейские финансовые институты. Однако в дальнейшем, под воздействием роста курса иены произошло падение индексов фондового рынка, причем в наиболее сложном положении оказались корпорации с большой долей экспорта, а затем и банковские институты, имеющие в перекрестном владении пакеты акций многих японских компаний. В результате капитализация токийского фондового рынка с июля 2006 г. по апрель 2009 г. снизилась на 34%, а индекс Никкей-225 упал ниже шестилетнего минимума.

Одной из основных причин ухудшения ситуации является зависимость японского фондового рынка от деятельности нерезидентов, на которых в отдельные периоды приходилось около 50% оборота на биржах страны. Иностранные инвесторы после появления признаков рецессии в японской экономике резко увеличили нетто-продажи ценных бумаг. Наиболее активно эти продажи осуществляли международные хедж-фонды, которые стали сбрасывать японские акции для обеспечения средств по маржинальным операциям, что еще сильнее провоцировало снижение котировок. Падение курсов акций принесло значительные потери для ведущих японских банков, вынудив их приступить к дополнительной эмиссии для финансирования.

Агентство финансовых услуг Японии было вынуждено принять срочные меры для стабилизации рынка, введя в октябре 2008 г. новые ограничения на короткие продажи (продлены по апрель 2010 г.) и приостановив продажи ценных бумаг во владении предприятиями государственного сектора, а также ослабив правила приобретения корпорациями собственных акций. Действие этих мер было в дальнейшем продлено до апреля 2010 г. С целью сдержать уход компаний с площадок из-за снижения их хозяйственных показателей (делистинг) Токийская фондовая биржа снизила требования к минимальному капиталу эмитентов на 40%. Затем было отложено до 2010 г. первое публичное размещение акций ТФБ и выход на рынок с новыми финансовыми продуктами, что еще более усилило ее отставание от NYSE Euronext, Nasdaq Stock Market и других крупнейших мировых площадок¹³.

¹³ Е. Л. Леонтьева. Раздел «Япония» в ежегоднике «Россия и мир. Экономика и внешняя политика», с. 79–80, М., 2009.

В дальнейшем предусматривается расширение сферы действия базового закона о ценных бумагах, включая введение новой системы надзора за рейтинговыми агентствами, создание альтернативного механизма рассмотрения споров, внесения изменений в сторону ужесточения правил открытия информации по операциям на вторичном рынке, усиление внутреннего контроля компании в отношении секьюритизированных финансовых продуктов и др. Принятые Агентством меры, однако, не вносят принципиальных изменений в систему регулирования международных операций с ценными бумагами и основываются скорее на разрабатываемых в настоящее время общих подходах к перестройке финансовой инфраструктуры с целью ограничить возможность возникновения новых кризисных явлений на внутреннем финансовом рынке.

Повышение конкурентоспособности Токио как международного центра в более длительной перспективе будет во многом определяться степенью решения регулятивных проблем, связанных с трансграничными потоками капитала и транспарентностью данного сегмента рынка. В то время как в других ведущих финансовых центрах Азии системы регулирования в данной области претерпели существенные изменения, в Японии эти изменения не носили столь явно выраженного характера, хотя нормативно-правовая база по операциям на внутреннем финансовом рынке, по существу, была обновлена. Если деятельность Токио как финансового центра становится все более диверсифицированной и давно выдвинулась далеко за пределы страны и региона, а степень глобализации технологий, потоков капитала, инновационных продуктов постоянно возрастает, система регулирования данной части рынка меняется не так быстро и по ряду сегментов рынка ценных бумаг остается ограничительной, создавая проблемы для фондовых операций японских и иностранных финансовых институтов в Токио, действующих на принципах так называемого «функционального интегрированного пространства».

Создание единого географического пространства в Японии: дороги, мосты, тоннели

С. Б. Маркарьян

Из всех компонентов географической среды с появлением этноса и его существованием наиболее тесно связан ландшафт. Он является неотъемлемой частью этнической системы, а каждый народ адаптируется к природному окружению. Но, приспосабливаясь к данному ему природой ландшафту, человек одновременно использует его для своих нужд. Создавая поселения и города, изменяя их архитектуру, прокладывая дороги, строя дамбы, плотины, тоннели и пр., он серьезно изменяет природную среду и формирует современный ему ландшафт – природно-антропогенный, или, что точнее, природно-техногенный ландшафт.

По мере экономического развития любой страны строительство дорог становится насущной необходимостью для обеспечения связей между всеми ее районами, городами и весями. Не является исключением и Япония. Но для этой страны, расположенной на четырех основных островах и на примерно семи тысячах мелких и мельчайших островков общей протяженностью около 4 тыс. км, создание транспортной инфраструктуры всегда было весьма сложным делом. Для того, чтобы сформировать единое территориальное пространство для решения жизненно важных проблем от жителей ее островов потребовались огромные усилия. Им приходилось прокладывать дороги с учетом изрезанной береговой линии (длиной около 30 тыс. км), преодолевать горные перевалы, пробивать многочисленные тоннели через горно-лесные массивы (занимающие до 75% территории), наводить мосты, развивать каботажное плавание. Такая грандиозная задача стала возможной лишь в условиях существования централизованного государства.

В результате проведения целеустремленной политики в конце прошлого века японцы практически решили задачу создания единого географического пространства. Не только каждый из четырех главных островов покрыт сетью железных дорог и автомагистралей, но все они соединены между собой мостами и тоннелями. Развитие средств связи и распространение информационных технологий дополнили эту картину. В результате современная Япония представляет собой единое географическое, экономическое, информационное пространство.

Социально-экономическая значимость развитой транспортной инфраструктуры для жизнедеятельности любой страны, равно как и ее

влияние на условия живущих там людей, очевидна. На протяжении исторического развития строительство дорог в Японии всегда определялось политическими, военными и экономическими потребностями. Так, до XII в. основной дорогой была Санъёдо, которая соединяла императорскую столицу Киото с северными районами о-ва Кюсю, которые играли заметную роль в экономических связях с другими государствами. С установлением в конце указанного века системы сёгуната на многие последующие времена главный тракт вел уже на северо-восток, где находилось правительство военных правителей. По этому тракту в их резиденцию устремились многочисленные армии самураев, торговцев и простого люда. Впереди было создание транспортной магистрали, которое началось со строительства новых и реконструкции старых дорог по всей стране, став приоритетом национальной политики в период токугавского сёгуната. На месте старого тракта была сооружена 488-километровая знаменитая дорога Токайдо – «главная улица» Японии. Она соединила Киото с официальной резиденцией сёгуна – Эдо (Токио).

Токайдо была построена по последнему слову дорожного строительства. Эта традиция сохраняется и в настоящее время: используются только новейшие достижения в строительстве всех видов путей сообщения. В основе покрытия Токайдо была смесь гравия с песком, а на горных склонах, во избежание эрозии, ее выкладывали камнями. На всем протяжении дороги существовала довольно сложная дренажная система. Ради удобства путешественников было изменено течение некоторых рек. Они были пущены вдоль дорог. По обеим сторонам тракта были высажены криптомерии и сосны, в тени которых отдыхали путники. Через каждый *ри* (около 4 км) стояли своего рода верстовые столбы – небольшие насыпи, засаженные кустарником, а на перекрестках устанавливались каменные указатели. Дорога пролегла по труднодоступной местности: преодолевалось множество рек, через некоторые из них были перекинута мосты, на других организовывались лодочные переправы. Значительная часть Токайдо пролегла в горах.

Правительство держало под неусыпным контролем состояние дорог и соблюдение порядка на ней. С этой целью было построено 53 станции, которые увековечил мастер гравюры Хиросигэ (1797–1858). Практически каждая станция превращалась в небольшой городок, живущий за счет обслуживания путешественников. Этот же принцип сохраняется и при современном строительстве теперь уже железных дорог. Широчайший для того времени тракт (шириной 5,5 м, а на отдельных участках и больше) поражал редких европейских путешественников качеством покрытия, чистотой, общей ухоженностью. Современная скоростная автострада частично проходит по старой Токайдо.

Решая проблему модернизации и продолжая традицию строительства дорог во второй половине XIX в. мэйдзийское правительство одним из приоритетов своей политики выбрало строительство уже же-

лезных дорог, что отвечало эпохе бурного экономического развития Японии. Протяженность этих дорог росла не столь быстро, ибо правительство периодически закрывало становившиеся убыточными местные линии. В целом своеобразие железнодорожной сети Японии связано с особенностями ландшафта: с преобладанием гор, множеством малых рек, узостью прибрежной полосы, небольшой площадью равнин. На железных дорогах насчитывается почти 4 тыс. тоннелей и более 50 тыс. мостов.

После окончания второй мировой войны началось строительство скоростных железнодорожных и автомобильных скоростных магистралей, которые во многом изменили условия жизни японцев. Как и в предшествующие экономические периоды, на каждом этапе создания транспортной системы в Японии решались вполне конкретные задачи. В 1960-е годы приоритетным было создание транспортной инфраструктуры, содействовавшей развитию промышленного производства и обеспечивавшей экспортные потребности. В настоящее время главным становятся удобство пассажиров, защита окружающей среды и усиление ответственности за ее загрязнение, обеспечение безопасности при постоянном повышении технического уровня транспорта. Другими словами, на передний план выступают потребности человека, обеспечение комфорта его существования.

Таблица 1
Объем перевозок (млн. пассажиро-километров)*

Вид транспорта	1980 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2002 г.	2003 г.
Легковые машины	321 300	742 700	820 100	863 900	869 200	867 800
Государственные ж.д., JR	193 100	237 700	249 000	240 700	239 200	241 200
Частные компании (минтэцу)	121 400	149 800	151 100	143 800	143 000	143 800
Автобусы	110 400	110 400	97 300	87 300	86 200	86 400
Пассажирские суда	6100	6300	5600	4300	3900	4000
Воздушный транспорт	29 700	51 600	65 000	79 700	83 900	83 300

* Составлено по: The Asahi Shimbun Japan Almanac. 2006, p.182.

Из всех видов транспортных средств наибольшую роль играют автомобили. Именно они перевозят больше всего пассажиров и большую часть грузов. В 2005 г. на них падало 66% пассажирских перевозок (1410 млрд. пассажиро-километров) и 57% грузовых (570 млрд. т. км).

Количество автомашин в стране постоянно растет. В 2006 г. их было 79, 240 млн., в том числе легковых – 57,510 млн. (более 41% семей имеют по две машины)¹ и 16,490 млн. грузовых ². Для сравнения: в 1960 г. число машин составляло 3,3 млн., в 1990 г. – 60,7 млн. (водительские права в Японии можно получить для вождения автомобиля в 18 лет, мотоцикла – в 16 лет. В 2005 г. их имели 45,1 млн. японцев и 33,7 млн. японок)³.

Такое огромное количество машин, конечно, требует большого числа хороших дорог. И, как и в прежние времена, центральные и местные власти обращают на них большое внимание. На начало XXI в. доля дорог с твердым покрытием составила в стране 78,2%, а по плотности размещения дорог (3,13 км/км²) Япония уступает только Сингапуру⁴.

Во второй половине 50-х годов прошлого века влиятельный экономический журнал «Даймондо» опубликовал под заголовком «Безрассудный проект» комментарий к плану поэтапного строительства скоростной автострады через всю страну. План был рассчитан на тридцать лет. «Безрассудность» проекта состояла в том, что, по мнению автора комментария, его нельзя было выполнить ни с технической, ни с экономической точек зрения. Ведь нужно было пробить огромное количество тоннелей, предотвратить возможность обвалов, на значительной высоте над уровнем моря проложить тысячи километров высококачественного дорожного полотна, соорудить сотни мостов и затратить астрономические суммы. Но на деле этот проект оказался далеко не безрассудным.

Первый отрезок автомагистрали (хайвэя) без светофоров и перекрестков под названием «Мэйсин» длиной в 71 км был открыт в 1963 г. между г. Ритто (преф. Сига) и Амагасаки (преф. Хёго). В 1965 г. эта автострада протяженностью 180 км. соединила г. Нагоя (преф. Айти) с г. Кобэ (преф. Хёго). В 1969 г. было открыто движение по линии Томэй: Токио – Нагоя (347 км). Таким образом, уже к концу 60-х годов прошлого века скоростные автострады охватили значительную часть территории между Токио и Осака. На линиях Томэй-Мэйсин было сооружено: 21 въездная-выездная развязка, шесть станций обслуживания, 16 стоянок, 15 автобусных остановок. Автострада проходит через 12 тоннелей, оборудованных вентиляционными и противопожарными системами, телефонными аппаратами и телекамерами, пересекает 401 мост. Шестирядное шоссе (на отдельных участках четырехрядное) разделено живой изгородью из кустарников и специальными проволоочными сетками. В районах населенных пунктов установлены противозумовые

щиты. Стоимость строительства магистрали была чрезвычайно велика – в 2,5–5 раз дороже, чем аналогичное строительство в США или Европе, что объясняется не только сложными географическими условиями, но и высокими ценами на земельные участки.

Создание автострад положило начало новой эры развития автомобильного транспорта в стране. К концу XX в. более 30 хайвэев объединили главные острова. Они связали между собой все основные промышленные центры и города с населением свыше полумиллиона человек, и каждый японец, независимо от места проживания, может добраться до хайвэя в пределах часа.

Протяженность высокоскоростных магистральных дорог в 2005 г. составила 8,7 тыс. км, автострады в городах – 685 км⁵. О протяженности обычных дорог см. табл.2.

Таблица 2
Протяженность обычных дорог (км, %, 2004г.)*

Тип дорог	Протяженность, км	В том числе:	
		Мощенных дорог	%
Обычные национальные дороги	54 084	48 603	89,9
Центральные и префектуральные	128 962	76 285	59,2
Городские, поселковые и деревенские	997 296	175 298	17,6
В с е г о	1180 342	300 186	25,4

* The Asahi Shimbun Japan Almanac. 2006, p. 184.

Юридической основой создания автомагистралей стал Закон о развитии строительства скоростных автодорог, принятый в 1957 г. Он был пересмотрен в 1966 г., когда была определена программа строительства сети автомагистралей протяженностью в 7,6 тыс. км. В 1987 г. правительство увеличило эту программу до 11 520 км. В настоящее время, по данным министерства территории, инфраструктуры, транспорта и туризма, протяженность хайвэев составляет 7,6 тыс. км.⁶ После проведенной реформы в 2005 г. все государственные корпорации, связанные со строительством и эксплуатацией автомагистралей, были приватизированы из-за неудовлетворительного финансового положения (их долги не позволяли надеяться на завершение строительства).

Проезд на хайвэях платный в зависимости от габаритов транспортного средства. Цена за проезд на этих дорогах в Японии выше, чем в

¹ Это – второе место после США в мире, хотя Япония уступает им более чем в 2,3 раза (Facts and Figures of Japan. Tokyo, 2007, p. 141).

² Токэй дэ миру Нихон (Япония в цифрах), Токио, 2008, с.252, 254.

³ Facts and Figures of Japan, 2007, p. 140.

⁴ Japan. An International Comperison. Tokyo, 2007, p. 119.

⁵ Japan Almanac. 2006, p. 184.

⁶ The Japan Times. 16.12.2008.

других странах: в среднем она составляет 24,6 иен/1 км (тогда как во Франции – 10,8–13,45 иен, а в Италии – 7,01 иена/км). В Японии объясняют такой высокий уровень сборов условиями, в которых приходилось работать государственной корпорации строительства автомагистралей. Экономика в то время еще не достигла высокого уровня развития, а займы на строительство надо было покрывать; кроме того, стоимость строительства увеличивалась за счет высоких цен на землю в стране и необходимости проведения дополнительных работ из-за возможных землетрясений. В идеале после выплаты долгов эти дороги должны были стать бесплатными. Однако специалисты считают, что, по всей вероятности, и тогда плата за проезд по хайвэям все же останется, поскольку нужны будут средства для поддержания их в надлежащем состоянии, тем более что на отдельных участках дорог движение не очень оживленное, и сборы за проезд не могут покрыть средства на их ремонт.

Появление неприбыльных участков дорог во многом обязано деятельности отдельных политиков, которые в погоне за голосами обещают своим избирателям их проведение в том или другом районе, в особенности это касается сельской местности. Приватизационный комитет предлагал, чтобы средства, взимаемые с транспорта, шли на уплату долгов за строительство автострад, но представители стоящей в то время у власти Либерально-демократической партии (ЛДП) предпочитали пустить их на оплату нового строительства. В этой связи встает вопрос о целесообразности проведения ряда общественных работ, в том числе строительства транспортной инфраструктуры. Слов нет, появление новой скоростной дороги в том или ином районе благоприятно скажется на качестве жизни его жителей. Но вопрос в том, насколько это будет отвечать национальным интересам в целом.

Яркую иллюстрацию такого положения приводит в своей книге «Японская трансформация» Джеф Кингстон: «В 1995 г. на постройку 50-километрового участка 694-километровой платной скоростной магистрали было потрачено 90 млрд. иен. Параллельно этому участку по бесплатному национальному хайвэю проходило менее 1 тыс. машин в день. В результате потери составили 134 иены на каждые 100 иен, а построено было лишь 7% запланированного. Однако дальнейшее строительство 412 км за 1,5 трлн. иен было одобрено». Это был результат, по мнению автора, политики развития инфраструктуры, которой придерживается «дорожный клан» (road-tribe) ЛДП⁷. Как подчеркивал В. Б. Рамзес, «вплоть до сегодняшнего дня инвестиции в инфраструктуру Японии производятся по инициативе государства, и далеко не всегда они отражают чаяния народа. В результате наблюдается избыток одних объектов инфраструктуры и нехватка других»⁸.

⁷ Kingston Jeff. Japan's Quite Transformation. N.-Y., 2005, p. 135.

⁸ Япония: свет и тени. М., 2008, с. 89.

По данным Ассоциации строительства автомагистралей, ежедневно через их пропускные пункты проходит свыше 4,4 млн. автомашин, каждая из которых покрывает в среднем 43,7 км⁹. На стоянках предоставляются самые разнообразные услуги – от чашки чая до суперсовременных средств связи.

В настоящее время хайвэй – абсолютно обыденное явление. У японцев сложился даже устойчивый стереотип «скоростная автострада – дорожная пробка». Перегруженность давно уже стала отличительной чертой большинства таких магистралей, прежде всего, при выезде и въезде в больших городах. Для решения этой проблемы строятся новые дороги, параллельные уже существующим, создаются кольцевые скоростные автострады для городского транспорта, так называемые рокады. В Токио, например, рокада соединяет около десятка веером расходящихся от столицы хайвэев. Модернизируются пути, ведущие к портам и аэропортам.

Красивейшие и сложнейшие по техническому исполнению мосты Рэйнбоу-бридж и Бэй-бридж ведут к входам в порты Токио и Иокогама. Проходящая через Токийский залив скоростная автомагистраль Аква-лайн соединяет г. Кавасаки в преф. Канагава и г. Кисарадзу в преф. Тиба. Мост Рэйн-бридж значительно сократил путь от г. Иокогама до аэропорта Нарита, поскольку теперь не нужен длинный объезд по побережью, а лишь 15-минутное путешествие по этому мосту.

Дорожно-строительные компании интенсивно работают над разрешением проблемы транспортных пробок, стремятся использовать наиболее передовые коммуникационные технологии. В частности, уже введена электронная система сбора оплаты за проезд: машины, оснащенные специальным оборудованием, могут проезжать через пропускные пункты не останавливаясь, так как деньги автоматически списываются со счетов владельцев автомашин.

История японских железных дорог началась с первой 29-километровой линии между станцией Симбаси в Токио и г. Иокогама, открытой 14 октября 1872 г. К концу прошлого века – это уже разветвленная сеть магистралей, проходящих через 4764 тоннеля, 119 854 моста общей длиной 26 780 км. Курсирующие по ним поезда останавливаются на 9573 станциях. На токийские вокзалы ежедневно прибывают и отправляются 640 суперэкспрессов линий синкансэн.

Пожалуй, ни в одной другой стране железные дороги (дополненные в крупных городах пригородными поездами и метро) не играют в современном бытовании населения столь важную роль, как в Японии. Именно здесь перевозки пассажиров имеют гораздо большее значение, чем перевозки грузов. До середины 80-х годов XX в. основная часть железнодорожной сети принадлежала государственной корпорации

⁹ The Japan Times. 16.12.2008.

«Японские железнодорожные линии» («Кокутэцу»). Однако в связи с неуклонным ухудшением ее финансового положения и невозможностью дальнейшего необходимого развития железнодорожной сети было принято решение о приватизации корпорации. Все пассажирские линии перешли во владение шести компаний – Восточной, Западной и Центральной на о-ве Хонсю и по одной на островах Хоккайдо, Кюсю и Сикоку.

При относительно небольшой протяженности железных дорог (чуть более 27 тыс. км) число пассажиров в стране ежегодно колеблется в пределах 22 млрд. человек: в 2006 г. – 22,2 млрд., в том числе 13,5 млрд. человек были перевезены частными железнодорожными линиями местного значения (минтэцу), хотя их протяженность примерно в три раза меньше, чем железных дорог компании JR (б. Кокутэцу), так как именно ими в основном пользуются служащие крупных городов и учащиеся, проживающие в пригородных районах, а также те, кто ездит в более крупные города за покупками или для проведения досуга. Однако надо признать, что такие поездки в основном совершаются на собственных машинах (в 1990 г. – 37,2%, в 2000 г. – 44,3%), а доля железнодорожного транспорта составляла соответственно 14,7 и 14%¹⁰.

Тем не менее, нельзя не признать, что пригородные поезда, электрички имеют чрезвычайно большое значение, особенно в крупных городах и их окрестностях для перевозок пассажиров. В японских мегаполисах, и, прежде всего, в Токио они являются, пожалуй, самым распространенным видом именно городского транспорта. Известно, что в часы пик специальные служащие заталкивают пассажиров в вагоны. При этом, что не безынтересно, толпа достаточно спокойно стоит до прихода поезда, ибо на платформах обозначены места, против которых останавливаются двери вагонов. Но как только они открываются, ни о какой сдержанности и корректности не приходится говорить: каждый борется, правда молча, за жизненное пространство в вагоне. Это можно понять. Ведь нередко поездка от дома до места работы занимает 2–2,5 часа в один конец. Утром и вечером число пассажиров в электричках, например в Токио, намного превышает вместимость вагонов. Если в середине 1980-х годов норма их заполнения равнялась 200 пунктам (т. е. тела прижаты друг к другу и ощущается давление), то в 1990-е годы она составила 250 (невозможно даже пошевелить рукой)¹¹. Для смягчения этой проблемы на самых напряженных линиях, скажем, на кольцевой Яманотэ в Токио, пускают пригородные поезда с шестью дверями, а на радиальной Дзёбан используют двухэтажные составы.

Практически во всех крупных городах пригородные поезда связаны общими станциями через переходы с линиями метрополитена, что со-

крашает время на пересадки. Создается как бы единая сеть, которая позволяет достаточно быстро добраться до любого района в крупнейших городах. На июль 2006 г. линии метрополитена протянулись в Токио на 292 км, в Осака – на 118, Нагоя – на 89 и в Саппоро – на 48 км; соответственно число пассажиров, перевозимых ежедневно этим видом транспорта, составило 7 845 тыс., 2 281 тыс., 1 149 тыс. и 570 тыс. человек¹².

Столичное метро славится чистотой, прекрасным освещением, низким уровнем шумов, широкими платформами, прекрасно разработанной схемой указателей, на которой каждая линия обозначена определенным цветом. На всех переходах цветные стрелки указывают направления пересадок. Поэтому пользоваться этим видом транспорта без знания языка достаточно просто, ориентируясь только по цвету линий. В вагонах над дверями бегущей строкой дается название приближающейся станции на японском и английском языках. Японское метро работает практически безаварийно, но и оно, как известно, не гарантировано от деяний экстремистов. Достаточно вспомнить о газовой атаке в Токийском метро в 1995 г., осуществленной представителями религиозной организации «Аум Синрикё».

Следует заметить, что в целом пассажирский поток на железных дорогах в последнее десятилетие несколько ослаб в связи с постепенным сокращением численности экономически активного населения и увеличением числа лиц пожилого возраста: для «Минтэцу» он сократился по сравнению с 1991 г. на 3%, для «JR» – на 2,4% по сравнению с 1996 г.¹³

Стратегия развития железнодорожного транспорта строилась так, чтобы вовлечь в активную деятельность как можно большую часть населения. Линии прокладывались в те места, куда шли миграционные потоки, где осваивались новые районы. Железнодорожные станции становились эпицентрами развития: вокруг создавались торговые, культурные и спортивные центры, гостиницы и, конечно, возводились жилые кварталы. В больших городах на привокзальных площадях выстраивались громады универмагов.

Самой оживленной железнодорожной станцией в стране является Синдзюку в Токио. Это – центр пересадки пассажиров, следующих в разных направлениях. Только одна трехъярусная площадка у западного выхода этой станции пропускает ежедневно более 1 млн. человек. Не случайно в 1997 г. сюда была переведена штаб-квартира компании «Железные дороги Восточной Японии». По соседству на оригинально оформленной площади, которая на западный манер названа «Times Square», разместился огромный торговый комплекс «Такасимая». Каждый приехавший может не только посетить универмаг и книжный ма-

¹⁰ Токэй дэ миру Нихон. 2008, с.40.

¹¹ Planning for Cities and Region in Japan. Liverpool, 1994, p. 31.

¹² Facts and Figures...2007, p. 140.

¹³ Токэй дэ миру Нихон. 2008, с.256.

газин, но и заглянуть в «Синдзюку джойполис» – парк виртуальной реальности, посмотреть фильм в одном из трех кинотеатров, побывать в театре «Токио имакс». Таким образом, на площади создан торгово-коммерческо-развлекательный центр. Планируется превратить южную часть Синдзюку в нечто похожее на Бродвей в Нью-Йорке с тем, чтобы его посещало до 50 млн. человек ежегодно. А пока рядом со штаб-квартирой компании «JR» появились гостиница и торговый центр, неподалеку – новый южный комплекс компании «Одакю» с гостиницей, ресторанами, офисами, построен 350-метровый переход от южного выхода станции Синдзюку до станции Ёёги и три пешеходных моста через автомагистраль и железнодорожные пути.

Постепенно открывается все больше маршрутов, которые ведут к горнолыжным курортам, туристическим центрам, к многочисленным и очень популярным у японцев тематическим паркам. Например, в январе 2000 г. введен в действие новый маршрут – путешествие на поезде с паровозом по историческим местам Хоккайдо в зимнее время. Состав, названный «Судзуран» («Ландыш»), пользуется огромной популярностью. Железнодорожные компании непрерывно повышают качество обслуживания пассажиров. В некоторых вагонах устраиваются салоны для путешествующих группами, сооружаются смотровые площадки.

Чтобы выдержать конкуренцию, частные железнодорожные компании на местных линиях, так же как и на национальных, идут по пути диверсификации своей деятельности. Помимо пассажирских перевозок они занимаются пристанционным строительством, активно включаются в туристический и информационный бизнес. «В результате к концу XX столетия деятельность некоторых частных компаний настолько диверсифицировалась, что их уже трудно назвать железнодорожными. Функции этих компаний, связанные с перевозками пассажиров и грузов, являются лишь видимой частью самой разнообразной деятельности, которую зачастую ведут уже не материнские железнодорожные компании, а их филиалы и дочерние компании»¹⁴.

Поистине визитной карточкой японских железных дорог являются суперэкспрессы синкансэн, шесть линий которых (Токайдо, Санъё, Тохоку, Дзёэцу, Хокурику, Кюсю) перевезли в 2005 г. 301 млн. пассажиров (77,9 млрд. пассажиро-км)¹⁵. Эти линии не имеют уровней пересечений, отличаются плавностью поворотов и уклонов, что позволяет развивать огромные скорости: средняя – 200 км/ч, максимальная – 270–300 км/ч.

Строительство высокоскоростных железнодорожных линий началось еще в 1941 г. Они предназначались для военных перевозок и были

рассчитаны на развитие скорости до 250–200 км/ч. Однако затянувшаяся война вынудила прекратить такое строительство. Первая линия синкансэн под названием «Токайдо» (в память исторического тракта токугавского периода) была открыта 1 октября 1964 г, за девять дней до начала Олимпийских игр в Токио. Она связала японскую столицу с г. Осака. Расстояние между этими двумя городами поезд проходил за четыре часа, в то время как обычно требовалось шесть часов. Строительство началось в 1959 г. под заем Всемирного Банка в 80 млн. долл. Последний поезд первой серии перестал функционировать только в ноябре 2008 г. Скорости синкансэн постепенно увеличивались: серия 1992 г. развивала максимальную скорость в 270 км/ч, сократив время в пути до 2,5 часов. Поезда серии 1997 г. увеличили максимальную скорость до 300 км/ч, суперэкспресс 700-й серии может развивать скорость до 270 км/ч за 180 секунд¹⁶. В апреле 1997 г. начались испытания поездов на магнитной подушке, и через два года уже была зафиксирована рекордная скорость такого поезда (552 км/ч), в декабре 2003 г. она достигла 581 км/ч¹⁷.

Появление синкансэн в Японии расшевелили западные страны, скорость поездов в которых не превышала 160 км/ч. Германия, а за ней Франция и Великобритания достигли скорости в 200 км/ч. В 1981 г., через 17 лет со дня открытия линии Токайдо в Японии, во Франции начала функционировать высокоскоростная железная дорога – TGV; японская и европейская технологии начали проникать на другие континенты. В 2004 г. открыла свою высокоскоростную линию Республика Корея, в 2007 г. японскому примеру последовали на Тайване; учтя опыт Японии, Германии и Франции китайцы открыл скоростную железнодорожную линию между Пекином и Тяньцзинем и т.д.

Точность – альфа и омега работы японского железнодорожного транспорта. Экспрессы синкансэн «Кодама» («Эхо») или «Хикари» («Свет») отправляются строго по расписанию, минута в минуту. И так уже более 40 лет. Суперэкспрессы на линии Токио-Осака по частоте отправок и времени стоянок напоминают привычные для нас пригородные поезда (в их лучшем варианте), а в часы пик – метро. Синкансэн для японцев – обычное средство для деловых поездок и часто – на работу. Эти поезда оборудованы всем необходимым для комфортного передвижения кондиционеры (к слову, они установлены в 97,5% всего вагонного парка страны), рестораны, развоз горячей еды, передача новостей бегущей строкой в вагонах, вагоны, где на широких экранах видео показывают мультики, комнаты для игры детей, возможность пользоваться всеми видами связи и т.п. В таких поездах, особен-

¹⁴ Авдаков И. Ю. Роль железнодорожных компаний в социально-экономической жизни Японии. – Япония. 1997–1998. Ежегодник. М., 1998, с.63.

¹⁵ Facts and Figures..., 2007, p. 138.

¹⁶ The Japan Times. 10.12.2008.

¹⁷ Facts and Figures... 1999, p. 67; 2007, p. 138.

но на дальних маршрутах, устраиваются спальные купе¹⁸. В то же время, как отмечают специалисты, повышение скоростей поездов синкансэн может вынудить отказаться от некоторых видов комфорта¹⁹.

Линии синкансэн тянут во все уголки страны. В 1975 г. начала работать линия Санъё, в 1982 г. – линии Тохоку и Дзёэцу, в 1992 г. – Ямагата, в 1997 г. в преддверии зимних Олимпийских игр была построена линия, связавшая северо-западную часть Токио с г. Нагано (что сократило путь с трех часов до одного часа 19 минут), в 2004 г. была открыта линия Кагосима на о-ве Кюсю (Яцусиро-Кагосима). Соответственно увеличился поток пассажиров и величина пассажиро-километров. Число пассажиров выросло с 280 млн. человек в 1996 г. до 350 млн. человек в 2006 г., пассажиро-километры достигли цифры в 7,9 млрд.²⁰

Строительство новых линий синкансэн находится в центре внимания центральных и местных властей, поскольку оно напрямую связано не только с экономической, но и с социальной ситуацией в стране. Кроме того, они ассоциируются с процветанием страны, что немаловажно в новых экономических условиях, снова угрожающих рецессией. Пока строительство синкансэн не прекращается. В 2010 г. предполагается открыть новый участок линии Тохоку между станциями Хатинохэ и Син Аомори, а к 2015/2016 фин. г. участок на линии Хоккайдо между станциями Син Аомори и Син Хакодате. В 2014 г. планируется закончить строительство части линии Хокурику, соединяющей станцию Нагано и депо Хакусан Сого Сярёкити (около г. Канадзава). На Кюсю к 2010 г. должна быть открыта линия между станциями Наката и Син Яцусиро, а между станциями Такэо Онсэн и Исахая – примерно к 2018 г.²¹.

Серьезной проблемой строительства является выбор такого вида дорог, который лучше всего отвечал бы нуждам жителей разных регионов страны. Речь идет либо о линиях, специально предназначенных для суперэкспрессов, либо об обычных линиях, приспособленных и для движения по ним высокоскоростных поездов. На севере о-ва Хонсю есть такие линии с широкой колеей, приспособленные для пропуска экспрессов, например, Цубаса, которая открыта в 1992 г. между Фукусима и Ямагата, и Комати, соединяющая станции Мориока и Акита (эксплуатируется с марта 1999 г.). Эти линии называют мини-синкансэн. Первый вид линий самый дорогой, и они не могут быть ис-

пользованы другими типами подвижного состава, кроме экспрессов. Поэтому в ряде случаев при их прокладке местным властям приходится выделять средства для сохранения обычных линий, которые идут параллельно скоростным. Поскольку также предполагается, что ряд новых линий синкансэн окажется на значительном удалении от ныне действующих обычных линий, коммерческие перспективы среды обитания, прилегающей к существующим железнодорожным станциям, станут весьма туманными, если население предпочтет синкансэн.

Население, по сообщениям местных органов власти, действительно приветствует синкансэн и не только потому, что эти поезда сокращают время в пути. Ведь они одновременно содействуют развитию туризма, повышая доходы отелей, магазинов и индустрии досуга. Кстати, именно эти ожидания побуждают некоторых политиков лоббировать строительство линий в районы их alma-mater. Это с успехом удалось, например, бывшему члену парламента Оно Банбоку, благодаря усилиям которого на линии Токайдо появилась станция Гифу-хасима. Перед зданием станции стоит сейчас памятник ему и его жене с благодарственной надписью за то, что он заложил основы для развития этой местности. А небезызвестного Танака Какуэй многие обвиняют в строительстве линии синкансэн в его родную префектуру Ниигата: ведь она славится рисовыми полями, но никак не туристскими достопримечательностями²².

Недовольство высказывается и в связи с тем, что сеть скоростных поездов еще больше улучшает положение уже процветающих регионов и притягивает туда людей, например в Токио, а не служит развитию тех районов, которым действительно следует помочь. Кроме того, суперэкспрессы обвиняют в том, что они ухудшают состояние окружающей среды, создавая шум, вибрацию, помехи для радиоволн и т. п. По данным экспертов, жители 130 тыс. домов, расположенных вдоль линий Токайдо и Санъё, страдают от тех или иных неприятностей, связанных с синкансэн.

К тому же поездки на суперэкспрессах далеко не безупречны. Устойчивое мнение (почти миф) об абсолютной их безопасности впервые было поколеблено летом 1999 г. В одном из тоннелей на линии Син Осака-Хаката отвалился кусок бетонного покрытия и расплющил крышу вагона. Осенью аналогичный инцидент произошел в тоннеле около г. Китаюсю. Это вызвало у населения чувство, близкое к шоку. В префектуре Ямагути в сентябре более 8 тыс. человек оказались запертыми на 11 часов в поезде на линии Токуяма-Огори из-за неисправности в системе электроснабжения; буквально через несколько дней то же повторилось в тоннеле Татараяма в Хофу. В первых двух случаях происшествия были связаны с недобросовестной работой строительных

¹⁸ Нам вспоминаются старые поезда 60-х годов, на которых приходилось совершать длительные по японским меркам (10–11 часов) переезды, где не было купе и каждое спальное место задергивалось занавесками. Такие поезда есть и сейчас.

¹⁹ The Japan Times. 10.12.2008.

²⁰ Токэй дэ миру Нихон, с.256.

²¹ The Japan Times. 10.12.2008.

²² The Japan Times. 10.12.2008..

компаний, а в других случаях на токоприемники поездов попала растительность. В 142 тоннелях (протяженностью 280 км) на линиях компании «Железные дороги Западной Японии» было выявлено 41 138 дефектов²³.

Дальнейшее развитие железнодорожного транспорта будет, видимо, проходить в условиях соблюдения баланса между использованием земельных ресурсов в интересах развития экономики и потребностями общества. При этом речь идет не только о создании удобств на транспорте, в том числе для лиц старших возрастов, численность которых с каждым годом увеличивается, но и о повышении качества обслуживания пассажиров и об ужесточении требований к обеспечению безопасности движения. Важную роль начинает играть стратегия сбалансированного развития железнодорожного транспорта с учетом защиты и сохранения окружающей среды. Специалисты полагают, что значение синкансэн будет расти и для поездок на короткие и средние расстояния, а на дальних маршрутах будущее за авиатранспортом, популярность которого постоянно растет ввиду увеличения числа рейсов, снижения цен и улучшения обслуживания пассажиров²⁴.

Постоянно увеличивается число людей, пользующихся воздушным транспортом на внутренних линиях: за 1970–2005 гг. оно выросло более чем в шесть раз, пассажиро-км – более чем в 9 раз, составив соответственно 94 млн. человек и 83 млрд. пассажиро-км. Растет и число аэропортов, обслуживающих внутренние рейсы. Наиболее оживленными из них являются: аэропорт Ханэда, через который в 2006 г. прошло свыше 62 млн. пассажиров, Осака – 18,5 млн., Синтитосэ – 17 млн., Фукуока – 16,4 млн. и Наха – 13,4 млн. человек²⁵.

Образно говоря, железнодорожные линии и скоростные автомагистрали как бы сеткой покрыли каждый остров, но для решения проблемы создания единого транспортного и одновременно географического пространства надо было соединить воедино четыре основных острова, что и было сделано с помощью строительства тоннелей и мостов через проливы, отделяющие острова друг от друга. Социально-экономическую и культурную значимость соединения четырех основных японских островов трудно переоценить.

Следует заметить, что жители Сикоку еще в начале XX в. выдвигали проект соединения своего острова с Хонсю, правда, откладывая его реализацию до того момента, когда появятся соответствующие технические возможности. О соединении Хонсю и Кюсю начали задумываться с начала 1930-х годов, но только в 1942 г. по тоннелю Каммон между этими островами было открыто железнодорожное движение. В

1958 г. по нему покатали и автомобили. Но в 1960-е годы этот тоннель, пропускавший ежедневно 20 тыс. автомашин, перестал соответствовать реалиям бурного экономического роста, и в начале 1970-х годов строится один из крупнейших подвесных мостов на Дальнем Востоке (входит в десятку такого типа мостов в мире) под тем же названием Каммон. Красиво изогнутый дугой мост повис над самым узким местом пролива (ширина 712 м) на высоте 141 м над уровнем моря, чтобы не нарушать судоходства по важнейшей международной морской артерии. Он соединяет города Симоносэки на Хонсю и Модзи на Кюсю. Длина моста со всеми техническими сооружениями составляет 1618 м, а 29-метровая шестирядная автострада пропускает до 60 тыс. автомашин в день.

На протяжении 1970-х годов шло строительство самого длинного в мире тоннеля Сэйкан (54 км, в том числе подводная часть более 23 км) под Сангарским проливом между Хонсю и Хоккайдо. Максимальная глубина пролива 140 м, а минимальная глубина заложения тоннеля – 100 м. Сооружение этого тоннеля сократило время пути от Токио до Саппоро с 17 до 6 часов.

Сложнейшая сеть мостов, сооруженная в трех местах, соединила Хонсю с Сикоку. Особенности дна Внутреннего Японского моря исключали строительство тоннеля, поэтому каждая транспортная магистраль состоит из нескольких мостов, перекинутых от одного небольшого острова к другому. Первая линия была открыта в 1988 г. – Сэто-охаши (Большой мост через Внутреннее Японское море). Она состоит из шести мостов: трех висячих, двух вантовых и одного со сквозными фермами, общей протяженностью свыше 13 км и соединяет пять небольших островков. Теперь расстояние между обоими островами в 37,5 км преодолевается на автомашине за 15 минут вместо одного часа, требовавшегося для паромной переправы. Сооружение сделано с учетом землетрясений (до 8,5 балла по шкале Рихтера) и тайфунов (скоростью до 80 м/сек.).

Две другие магистрали – Ономити-Имабари и Кобэ-Нарута, пожалуй, еще более сложны и грандиозны. В первой достопримечательностью является мост Омисима – самый большой арочный мост на Востоке. Во второй – мост Акасибаси – самый большой мост в мире (длина 3910 м, центральный пролет – 1900 м, высота опор – 297 м, что сравнимо с Токийской телебашней). Тросы, которые удерживают этот мост, почти в 2,5 раза мощнее тех, что применялись при строительстве моста Каммон. Под аркой моста, который висит на 96-метровой отметке, ежедневно проходит до полутора тысяч судов. Самое современное техническое оборудование обеспечивает безопасность судоходства. По шестиполосной магистрали (шириной 30 м) за пять минут (при скорости в 80 км/час) автомашина пересечет пролив Акаси. Рукотворное чудо техники гармонично вписалось в живописный природный ландшафт

²³ The Japan Times. 17.12.1999.

²⁴ Иомиури симбун. 18.12.1999.

²⁵ Facta and Figures... 2007, p. 142; Токэй дэ миру Нихон, 2008, с. 260.

этого уголка Японии, который является одним из крупнейших парков заповедников.

Однако природа по-прежнему преподносит людям сюрпризы. Великое Хансинское землетрясение (январь 1995 г., Хансин – название территории Осака-Кобэ) по силе разрушения можно сравнить лишь с Токийским землетрясением 1923 г. Мощные толчки, потрясшие юго-западную часть о-ва Хонсю (эпицентр был на о-ве Авадзи, расположенном во Внутреннем японском море напротив одного из крупнейших портов и промышленных центров – Кобэ), ощущались и в его восточной части. Шестибальное землетрясение унесло 5,5 тыс. человеческих жизней, причинило увечья 42 тыс. человек, оставило без крова примерно 300 тыс. человек. Материальный ущерб оценивался в 9,5 трлн. иен. Были повреждены, в частности, насыпные острова в порту Кобэ, разрушена часть скоростных автодорог в городе.

Строительство скоростных автострад, железных дорог, мостов и тоннелей позволяет практически каждому японцу добраться до крупных городов всего за три часа. Если смотреть из окна синкансэн, следующему маршрутом Токио-Осака, то создается впечатление, что страна превращается в один большой город. Особенно это свойственно районам тихоокеанского побережья.

Непростые времена для станкостроения Японии

С. И. Гонялин

После второй мировой войны японское станкостроение находилось в состоянии разрухи около десяти лет. И только с середины 1950-х годов производство станков стало постепенно восстанавливаться, набирая высокие темпы роста. В этот период многие станкостроители Японии активно изучали конструкции станков и технологии их производства в Америке и Европе. В конкурентной борьбе за техническое превосходство они энергично воспроизводили прототипы передовых западных образцов и одновременно вели собственные исследования и разработки. Японские станкостроители одними из первых освоили инновационную технологию числового программного управления (ЧПУ) станками, появившуюся в начале 1950-х годов. В результате технический уровень японских станков резко повысился, что позволило уверенно реагировать на запросы массового потребителя во всем мире.

В 1970 г. объем производства станков достиг 300 млрд. иен, и Япония вышла на четвертое место среди мировых станкостроителей того времени вслед за Германией, США и СССР. В первой половине 1970-х годов спрос на станки в Японии заметно упал вследствие девальвации иены по отношению к доллару и нефтяного кризиса. Однако станкостроительная отрасль сумела решить стоявшие перед ней серьезные проблемы. В 1982 г. благодаря возросшей конкурентоспособности японских станков с ЧПУ экспорт металлообрабатывающего оборудования (МОО) превысил импорт, а в 1992 г. Япония стала лидером в мировом производстве МОО.

Объем выпуска МОО в Японии в 2007 г. составлял 15,8 млрд. долл., за ней следовала Германия – 15,6 млрд. долл. На третье место вышел Китай – 14 млрд. долл., причем во многом благодаря кооперации с Японией. В 2008 г. Япония обеспечивала пятую часть мирового производства МОО, входя в то же время в тройку крупнейших потребителей этого оборудования.

Вследствие мирового финансового кризиса, как свидетельствуют данные Японской станкостроительной ассоциации «JMTBA», заказы на металлорежущие станки начали резко сокращаться. К ноябрю 2008 г. месячные заказы сократились до 60 млн. иен, и, по оценке «JMTBA», спад за год составил 13% по отношению к уровню 2007 г. В результате в мировом производстве станков и кузнечно-прессового оборудования в 2008 и 2009 гг. Япония оказалась на третьем месте после Германии и

Китай. Это объясняется достаточно просто – японское станкостроение сильно зависит от внешних рынков сбыта (имея экспортную квоту около 70%). На нем особенно серьезно сказался спад спроса на металлообрабатывающее оборудование. Существенно, на 32% по сравнению с предыдущим годом, упал в 2009 г. и общий мировой выпуск продукции станкостроения.

В табл. 1 приводятся данные о производстве МОО с указанием удельного веса металлорежущих станков (МС) и кузнечно-прессового оборудования (КПО) в 28 основных станкостроительных странах мира за 2008 г. и 2009 г. (предварительные данные).

Таблица 1
Производство металлообрабатывающего оборудования в КНР, Германии и Японии, млрд. иен*

№ п/п	Страна	2008 г.	2009 г.	Уд. вес МС/КПО %	Прирост 2009/2008 гг.	
		млн. долл.	млн. долл.		В местной валюте, %	В долл. %
1.	КНР	13 960,0	15 000,0	73/27	—	7%
2.	Германия	15 680,2	10 428,8	77/23	-30%	-33%
3.	Япония	15 566,5	7 095,1	87/13	-59%	-54%

* Gardner Publication, Inc.

В классификации министерства экономики, торговли и промышленности Японии (METI) металлорежущие станки и кузнечно-прессовое оборудование (КПО) входят в сегмент общего машиностроения. По данным METI, в 2008 г. машиностроение Японии произвело продукции на сумму 77 669,4 млрд. иен, из которых 15 145,5 млрд. иен, или 19,5%, пришлось на общее машиностроение. И хотя в общем объеме машиностроительной продукции относительный размер станкостроения в количественной оценке незначителен – всего 1,6%, оно является важнейшей частью технологической базы всего машиностроения, поскольку станки относятся к ключевым средствам производства, внося определяющий вклад в повышение производительности труда и улучшение качества продукции во всех видах машиностроительной деятельности.

Станкостроительные фирмы Японии представляют собой относительно небольшие предприятия по числу работников. На станкостроительных отделениях 92 компаний, входящих в Японскую станкостроительную ассоциацию – JMTBA, число занятых в среднем составляет 304 человека

Общая сумма заказов на станки в 2008 г. составила 1 301,1 млрд. иен, (табл. 2), сократившись по сравнению с 2007 г. на 18,2%. Вместе с тем на протяжении пяти лет заказы не опускались ниже отметки в 1 трлн. иен. В 2008 г. заказы на станки с ЧПУ составили 1 254,7 млн. иен.

Таблица 2
Распределение заказов на станки по потребляющим отраслям, млн. иен*

Потребляющие отрасли	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Черная металлургия	12 996	12 664	12 991
Металлические изделия	21 030	21 582	19 218
Машиностроение, в т.ч.	641 825	640 131	498 383
Общее машиностроение	330 108	319 284	248 456
Электротехническая промышленность	52 333	46 355	33 058
Автомобилестроение	195 505	213 125	161 336
Самолетостроение, судостроение и производства других транспортных средств	27 066	29 796	30 798
Точное машиностроение и приборостроение	36 813	31 571	24 735
Другие производители	37 719	34 794	21 099
Учебные заведения	2 100	2 072	2 199
Другие сектора рынка	8 368	8 164	7 973
Торговые фирмы и агентства	8 971	7 017	4 957
Внутренний спрос, всего	733 009	726 424	566 820
Внешние заказы	703 961	863 567	734 327
Общая сумма заказов	1 436 970	1 589 991	1 301 147

* JMTBA notes, June 2009

При этом внутренний спрос сократился на 22% – до 566,8 млрд. иен, причем сокращение происходило три года подряд. Распределение этой суммы по потребляющим отраслям показывает рост спроса за год на 3,4% – до 30,8 млрд. иен, со стороны судостроения и самолетостроения, в то время как в автомобильной промышленности спрос сократился на 22,2% – до 161,3 млрд. иен, а в электротехнической промышленности и приборостроении спрос упал на 25,8% – до 57,8 млрд. иен.

В технологической структуре выпуска продукции отрасли первое место принадлежало обрабатывающим центрам – 29,7% от общей стоимости производства станков, за ними следовали токарные станки (24,7%), шлифовальные (11%), специальные (10,3%) и зубообрабатывающие станки (2,4%).

Экспорт станков в 2008 г. составил 874,7 млрд. иен, сократившись за год на 1,9%. При этом экспорт станков с ЧПУ составил 813,5 млрд. иен. Доля станков с ЧПУ в общем экспорте станков составила 93%. Технологическая структура экспорта выглядела следующим образом: обрабатывающие центры – 34,1%, токарные станки – 28,5%, специальные станки – 11,9%, шлифовальные и отделочные станки – 9,5%. Рас-

пределение экспорта станков по регионам назначения: Азия – 45,6%, Северная Америка – 25,5% и Европа – 25%.

Таблица 3

Производство, экспорт и импорт станков Японией, млрд. иен*

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Производство	814,6	776,5	585,1	690,2	878,1	1110,3	1211,2	1303,2	1249,2
Экспорт	620,1	558,4	484,7	564,1	683,1	815,1	921,5	892,0	874,7
Импорт	85,6	69,6	50,9	53,2	88,2	107,5	135,6	72,6	60,2
Потребление	280,1	287,7	151,3	179,3	283,2	402,7	425,3	483,8	434,7
Экспортная квота	76,1%	71,9%	82,8%	81,7%	77,8%	73,4%	76,1%	68,4%	70,0%
Импортная зависимость	30,6%	24,2%	33,6%	29,7%	31,1%	26,7%	31,9%	15,0%	13,8%

* JMTVA

По данным Ассоциации производителей кузнечно-прессового оборудования (JFMA), выпуск КПО Японии с 2000 г. по 2008 г. увеличился в 1,5 раза, достигнув 211,8 млрд. иен, а его потребление возросло в 3,4 раза – до 70,8 млрд. иен. Для него характерна высокая экспортная квота, составившая в 2008 г. свыше 70%, при импортной зависимости всего 15%. В технологической структуре выпускаемого КПО наибольшую долю занимают механические прессы (66,5%) и гидравлические прессы (12,6%).

В таблице 4 показаны доли основных японских производителей обрабатывающих центров и токарных станков с ЧПУ в национальном станкостроительном производстве.

Таблица 4

Распределение производства обрабатывающих центров и токарных станков с ЧПУ между станкостроительными фирмами Японии*

Фирмы	Yamazaki Mazak	Okuma	Mori Seiki	Makino Milling Machine	OKK	Citizen Holding	Star Seiki	Другие
ОЦ	24,6%	21,1%	19,9%	16,9%	5,8%	—	—	11,7%
Токарные станки с ЧПУ	30,0%	20,6%	24,2%	—	—	8,8%	7,0%	9,4%

* JMTVA

Обратимся к характеристике основных японских продуцентов станкостроительной продукции.

«**Yamazaki Mazak Corp.**», является лидером в производстве как обрабатывающих центров, так и токарных станков с ЧПУ. В 2007/08 фин. г.

компания достигла уровня продаж в 49 млрд. иен при годовом темпе роста 8,9% (в соответствии с информацией фирмы «Tokyo Shoko Research, Ltd.»). В секторе обрабатывающих центров компания расширила номенклатуру и производственные мощности под средние и тяжелые модели. В группе токарных станков с ЧПУ компания также расширила производственную программу и мощности под средние и тяжелые комбинированные станки высокой штучной стоимости и выполнила действующие заказы главным образом на экспорт для предприятий энергетической, авиационной и строительной промышленности, а также производства медицинской аппаратуры и инструментов.

«Yamazaki Mazak Corp.» основана в 1919 г. Она входит в первую тройку производителей станков в мире, выпуская в год около 6 тыс. токарных станков с ЧПУ и обрабатывающих центров, имеет три завода в Японии и по одному в США и Великобритании. При месячной программе выпуска двухкоординатных токарных станков марки «Nexus» на английском заводе в г. Вустер 150 шт. в октябре 2008 г. было произведено 166 станков. Основное внимание уделяется внедрению новейших технологий, например, в станке «Hyper Gear» использовано 20 запатентованных технологий. Кроме того, компания выпускает машины трехмерной лазерной обработки, системы CAD/CAM обработки листового материала и гибкие производственные системы. Продажи постоянно растут, в 2007 г. они увеличились на 19%, а в 2008 г. – на 20%.

В 2008 г. компания проводила расширение своего завода в г. Огушу для увеличения месячного производства тяжелых обрабатывающих центров до 50–60 шт., или на 60%. Цель компании заключается в увеличении прибыли за счет производства тяжелых моделей высокой рентабельности и сокращения затрат за счет концентрации производства.

С целью увеличения производства своих станков за рубежом на 20% «Yamazaki Mazak» планировала инвестировать 12–15 млрд. иен в 2009/10 фин. г. Фирма намерена укрепить производственные мощности прежде всего в Китае, Сингапуре и Великобритании с увеличением месячного производства до 540 станков. Имеется информация об открытии японской компанией «Mazak Optonics Corp.», являющейся мировым лидером в поставке систем лазерной резки, самого большого технологического центра лазерных технологий в г. Элгин в штате Иллинойс. Цель нового центра заключается в пропаганде возможностей лазерных технологий и их применении. На площади 46 450 кв. м. представлены 13 станков лазерной резки с классами обучения клиентов. Общая стоимость инвестиций – 25,6 млн. долл., в том числе, 9 млн. долл. составила стоимость станков.

«**Okuma**» занимает второе место в рейтинге производителей обрабатывающих центров и третье по токарным станкам с ЧПУ. По итогам 2007/08 фин.г. она зарегистрировала продажи на уровне 213,8 млрд. иен (рост на 13,3%), из которых на обрабатывающие центры пришлось

103,8 млрд. иен (рост на 16,1%) и на токарные станки с ЧПУ – 55 млрд. иен (рост на 0,6%). Фирма также увеличила продажи комбинированных станков (43,6 млрд. иен, рост на 28,5%). Имея высокую долю производства тяжелых обрабатывающих центров, фирма построила завод («Kani plant») исключительно для выпуска этих станков. После его пуска в эксплуатацию сократились сроки поставки станков для отраслей тяжелого машиностроения.

«**Okuma Holdings, Inc.**» – объединение трех ранее независимых станкостроительных фирм «Okuma Corp.», созданной в 1898 г. для производства машин для изготовления лапши, с Okuma & Howa Machinery Ltd. и Okuma Engineering Co. (2005 г.). Производственная программа включает обрабатывающие центры (50%), токарные станки с ЧПУ (30%) и многофункциональные станки, имеет 1895 работников на двух заводах в Японии. Кроме того, созданы филиалы в США, Германии, Австралии, Китае, Таиланде и других странах. Чистая прибыль в 2008 г. составила 158 млн. долл.

«**Mori Seiki Co. Ltd.**», занимающая передовые позиции по обрабатывающим центрам и токарным станкам с ЧПУ, в 2007/08фин. г. также достигла хороших результатов с продажами – 202,3 млрд. иен при годовом росте на 17,4%. В сентябре 2002 г. к компании перешли активы разорившейся фирмы «Hitachi Seiki Co. Ltd.», а в январе 2007 г. она приобрела фирму «Dixi Machines» (Швейцария, высокоточные фрезерные станки). Компания «Mori Seiki» владеет акциями фирмы «Taiyo Koki» (шлифовальные станки). Она расширит завод швейцарской фирмы «Dixi Machines», который она приобрела в 2006 г., и увеличит выпуск многофункциональных обрабатывающих центров для продажи европейским покупателям.

Чистая прибыль компании увеличилась со 123 млн. долл. в 2006 г. до 140 млн. долл. в 2008 г. В мае 2009 г. журнал «American Machinist» сообщил о подписании соглашения о деловом и финансовом сотрудничестве с «Mori Seiki Co. Ltd.» и крупнейшей немецкой компании «Gildemeister AG» с целью расширения деятельности на мировом рынке станков. Для укрепления партнерства обе стороны согласились на перекрестные инвестиции в капиталах каждой компании в размере 5%, что выводит фирму «Mori Seiki» в положение основного и единственного акционера компании «Gildemeister». Кроме того, президенты обеих компаний войдут в составы советов директоров–партнеров. Предусмотрено объединение усилий в продаже и обслуживании их станков в глобальном масштабе.

Японские станкостроители проявляют высокую активность в развитии производственной базы за рубежом. Они не только расширяют свои зарубежные производства, но и создают технические центры для оказания оперативных сервисных услуг, консультируют покупателей по вопросам наиболее эффективного использования предлагаемых

станков. Особенно это касается продаж сложных станков, требующих специального программного обеспечения, когда необходимы тесные контакты с заказчиками.

Наглядным примером внедрения на мировой рынок со станками новых моделей является фирма «**Citizen Machinery**», предлагающая ресурсосберегающие токарные автоматы за счет уменьшения отходов в стружку при обработке деталей. Эти токарные станки позволяют значительно снизить потери на стружку, образующуюся при резании, за счет обработки близких по форме заготовок («станки для обработки штамповок»). Они предназначены, прежде всего, для изготовителей автомобильных деталей, столкнувшихся с повышением цен на медь, черные металлы и другое сырье.

По мере того как убывающий тренд общих заказов на рынке Японии становился все более очевидным, национальные станкостроители все больше усилий концентрировали на экспорте своей продукции. При этом возник вопрос о снижении цен на станки при поставках в такие страны, как Таиланд и Индия, поставивших цель создания дешевых автомобилей. В то же время производство станков в Китае в 2007 г. достигло 10 млрд. долл., и он вышел на третье место в мире, оказавшись вне конкуренции на рынке станков низкой стоимости, производство которых в КНР налажено особенно хорошо. В результате и японские фирмы были вынуждены снижать цены на станки этого класса.

Что касается моделей станков высокой стоимости, большие ожидания возлагаются на стоместные реактивные пассажирские самолеты марки MRJ компании «Мицубиси дзюкогё». Получен заказ на 21 самолет этой марки от авиационной компании «All Nippon Airways». Поставка первых самолетов запланирована на 2013 г. В случае организации их серийного производства потребуются установка дополнительных тяжелых станков, включая обрабатывающие центры.

В связи с делением рынка на станки низкой и высокой стоимости, как показано выше, ожидается более четкое разграничение крупных и мелких производителей станков. Причем, на рынке легких станков ожидается сильная конкуренция Японии со стороны Китая и других азиатских стран. В этих условиях японским фирмам, возможно, придется вступить в кооперацию со своими зарубежными конкурентами. Однако для многих мелких японских фирм зарубежный бизнес с созданием совместных предприятий окажется весьма сложной альтернативой.

В издании «Machine Tool Scoreboard – Metalworking Insiders' Report, 2009 г.» в числе 120 крупнейших станкостроительных фирм мира указано 36 японских компаний, характеристики которых приведены ниже.

«**Amada Co. Ltd.**» Производственная программа включает листоштамповочные прессы, ленточные пилы. После приобретения в апреле 2008 г. 100% акций фирмы «Wasino» компания добавила в свою программу токарные и шлифовальные станки. Она имеет 5500 работников

на четырех заводах в Японии. Чистая прибыль в 2008/09 фин.г. увеличилась на 6%, до 198 млн. долл.

«**JTEKT Corp**» создана в результате объединения фирм «Kooyo Seiko Co. Ltd.» и «Toyota Machine Works, Ltd.». Она специализируется на производстве шлифовальных станков, обрабатывающих центров и специального оборудования для автомобильной промышленности. Главная продукция корпорации – автоматические системы управления (2-е место в мире). Станки обеспечивают 15% ее общего оборота. Прибыль в 2008/09 фин. г. составила 382 млн. долл.

«**Makino Milling Machine Co. Ltd.**» выпускает обрабатывающие центры (67% продаж), электроэрозионные станки (10%), фрезерные (1%). Продажи станков в 2008/08 фин.г. составили 782,8 млн. долл. (спад на 14%). Компания имеет филиалы в США, Германии и Сингапуре.

«**Komatsu NTC Ltd.**» производит станки для автомобилестроения, включая автоматические линии, шлифовальные станки, обрабатывающие центры и роботизированные системы лазерной обработки (77% общих поставок). В 1984 г. она вошла в состав корпорации, изменив название (ранее – «Nippon Toyama Corp.»). Продажи продукции станкостроения в 2008/09 фин.г. составили 609,1 млн. долл. (рост на 13%) при прибыли 49,1 млн. долл.

«**Aida Engineering, Ltd.**» производит кузнечно-прессовое оборудование и средства автоматизации для автомобилестроения. В 2005 г. приобрела итальянские фирмы «Manzoni и Rovetta». Продажи прессов в 2008/09 фин.г. составили 606,8 млн. долл. при росте на 7%, прибыль сократилась на 74% до 8,1 млн. долл.

«**Komatsu Industries Corp.**» изготавливает прессы и строительные машины, а также токарные и фрезерные станки для обработки коленчатых валов, токарно-протяжные станки. Число занятых – 370 человек. Продажи в 2007/08 фин.г. составили 502,1 млн. долл. (рост на 5%).

«**Mitsubishi Heavy Industries, Ltd.**» на двух японских заводах выпускает обрабатывающие центры, тяжелые расточные и фрезерные, зубообрабатывающие, кругло-шлифовальные и специальные станки, а также червячные фрезы. Продажи в 2008/09 фин.г. составили 442 млн. долл. (рост на 10%).

«**Sodick Co., Ltd.**» специализируется на производстве электроэрозионных станков с ЧПУ и приводами на линейных двигателях, выпускает также высокоточные формовочные машины и термопласт-автоматы. Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 389,9 млн. долл. при спаде на 18% и убытках на 85,3 млн. долл. Компания имеет филиалы в Китае и Таиланде. Число занятых – 204 человек.

«**Star Micronics Co., Ltd.**» выпускает токарные автоматы продольного точения. Другая продукция включает электронные детали и принтеры. Продажи станков в 2007/08 фин.г. составили 353,9 млн. долл. (рост на 21%) при прибыли 70,9 млн. долл. Компания имеет сбытовые

отделения в Китае, США, Таиланде, Германии, Швейцарии и Великобритании. Станки составляют 55% продаж и 82% прибыли.

«**Fanuc, Ltd.**» является ведущим мировым производителем систем ЧПУ и приводов. Она также выпускает электроэрозионные и сверлильные станки. Другая продукция включает роботы и термопласт-автоматы. На рынках Европы и Америки продажи осуществляются через фирмы «GE Fanuc Automation» и «Fanuc Robotics». Компания была основана в 1956 г. под названием «Fanuc Fujitsu Automation Numerical Control». В 1972 г. Она стала самостоятельной корпорацией. В марте 2006 г. были выделены три производственные группы: «FA Group» (средств заводской автоматизации: систем ЧПУ с приводами и лазеров), «Robot Group» (роботов, 25% продаж) и «Robomachine Group» (термопласт-автоматов, проволочно-вырезных электроэрозионных станков, сверлильных станков с ЧПУ и сверхточных токарных центров). Общие продажи станков и роботов в 2008/09 фин.г. составили 3 882,7 млн. долл., сократившись на 6%, при прибыли 971,6 млн. долл. К концу 2009 г. планировалось завершение создания совместного предприятия с американской компанией «General Electric» – «GE Fanuc Automation».

В декабре 2009 г. компания «GE Fanuc Intelligent Platforms» объявила о расторжении совместного предприятия с компанией «FANUC» (Япония). С этого момента компания функционирует под новым названием «GE Intelligent Platforms», сохраняя за собой все права и продукты «GE Fanuc» для автоматизации производства.

Компания «**Citizen Holding Co., Ltd.**» производит прутковые токарные станки с ЧПУ и вертикальные обрабатывающие центры, является ведущим производителем часовых механизмов, удерживая 20% мирового рынка при конкуренции за лидирующее положение с компанией «Seiko». В октябре 2008 г. она приобрела контрольный пакет акций фирмы «Miyano». Станкостроительное отделение «Citizen Machinery» имеет завод в г. Сайтама. В США компания осуществляет продажи станков через торговое представительство фирмы «Marubeni», в Европе – через фирму «Boiley». Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 332,3 млн. долл. из общей суммы 2 968,6 млн. долл. при прибыли 332,3 млн. долл. (падение на 5%).

«**Nachi-Fujikoshi Corp.**» (ранее «National Broach Co.») производит протяжные станки, роликовые профилировочные машины, обрабатывающие центры, станки микрофинишной обработки, прецизионные токарные станки для обработки асферических объективов лазерной оптики. Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 312 млн. долл. (рост на 19%) из общей суммы 1 950 млн. долл. от продаж также режущего инструмента, роботов, подшипников, гидравлического оборудования и промышленных печей при прибыли 79,5 млн. долл.

«**Toshiba Machine Co. Ltd.**» производит тяжелые обрабатывающие центры, горизонтальные расточные станки, роликовые профилировоч-

ные машины, карусельные станки. Компания основана в 1875 г. под названием «Shibaura Engineering Works» с преобразованием в 1961 г. в группу «Toshiba». Она выпускает также термопласт-автоматы, печатные машины, литейные машины. Станки составляют 19% (253 млн. долл.) в общих продажах фирмы, составивших в 2007/08 фин.г. 1 306 млн. долл. (падение на 7%) при прибыли 122,1 млн. долл.

«**OKK Corp.**» выпускает вертикальные и горизонтальные обрабатывающие центры, фрезерные и шлифовальные станки, ГПЯ. Она основана в 1915 г., выпуск станков начался с 1934 г., имеет филиалы в США и Германии, владеет 305 акций совместного предприятия «Dalian Machine Tools» в Китае. Продажи станков составили 93% (247,7 млн. долл. в 2008/09 фин.г.), 7% – текстильные машины и оригинальные водомеры.

«**Brother Industries, Ltd.**» производит станки, в основном резбонарезные, они составляют 5% в общих продажах компании, включающих факсимильные аппараты, принтеры и швейные машинки. В 2008/09 фин.г. общие продажи составили 4 282 млн. долл. при спаде на 14%, в том числе – станков на сумму 225,6 млн. долл. (-21%).

«**Tsugami Corp.**» выпускает токарные автоматы, обрабатывающие центры, шлифовальные станки, а также метрологическое оборудование. Имеет кооперационное соглашение 2008 г. с швейцарской фирмой «Tornos». Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 225 млн. долл. (падение на 20%) при прибыли 14,3 млн. долл. (-52%).

«**Takisawa Machine Tool Co. Ltd.**» производит токарные станки и обрабатывающие центры, имеет завод в Китае и Тайване, сбытовые отделения в США, Великобритании, Индии и Таиланде. Продажи в 2008/09 фин.г. составили 215 млн. долл. (-9%) при прибыли 6 млн. долл. (-66%).

«**Enshu Ltd.**» выпускает фрезерные и гибкие многопозиционные агрегатные станки. Компания также производит мотоциклетные двигатели и снегоходы, имеет совместно с фирмой Hamamatsu Photonics предприятие оптики для лазерной сварки, а также филиалы в США, Германии и Таиланде. Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 207,8 млн. долл. (+4%), или половину оборота при убытках 6,4 млн. долл.

«**Okamoto Machine Tool Works, Ltd.**» производит шлифовальные станки всех основных подгрупп, включая зубошлифовальную, имеет отделения в США, Сингапуре и Таиланде, включая заводы литья и производства станков. Число занятых 300 человек. Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 199 млн. долл. (рост на 3%), или 75% всего оборота.

«**Miyano Machinery Japan Inc.**» выпускает токарные станки с ЧПУ, многошпиндельные токарные автоматы, сверлильные и резбонарезные станки. Компания основана в 1929 г., имеет два завода в Японии. В результате принудительной модернизации фирмы и публичного

предложения акций фирма перешла в собственность компании «Citizen Holding Co. Ltd.», ставшей ее материнской компанией. Продажи станков в 2007/08 фин.г. составили 199 млн. долл. (-8%) при прибыли 6,2 млн. долл. (-71%).

«**Horcros Corp.**» производит обрабатывающие центры, специальные санки для обработки коленчатых валов с небольшим количеством смазочно-охлаждающей жидкости, имеет филиалы в Таиланде и США. Продажи за 2008/09 фин.г. составили 188,8 млн. долл.

«**Sugino Machine Ltd.**» выпускает сверлильно-резбонарезные станки, обрабатывающие центры, роликовые накатные станки, машины водоструйной мойки. Прибыль компании за 2006/07 фин.г. составила 166,1 млн. долл.

«**O-M Ltd.**» производит вертикальные токарные станки, шлифовальные станки. Продажи за 2007/08 фин.г. составили 165,1 млн. долл., прибыль – 22,8 млн. долл. (рост 14%).

«**Nakamura-Tome Precision Industry Co., Ltd.**» выпускает фрезерные станки, многофункциональные станки. Продажи в 2006/06 фин.г. составили 163,4 млн. долл.

«**Mitsui Seiki Kogyo Co., Ltd.**» производит вертикальные и горизонтальные обрабатывающие центры, координатно-расточные и координатно-шлифовальные станки, резбошлифовальные станки, а также компрессоры. Продажи станков за 2008/09 фин.г. составили 149,5 млн. долл. (-9%).

«**Howa Machinery, Ltd.**» выпускает расточные станки, обрабатывающие центры, специальные станки, в том числе гибкие АЛ. Другая продукция включает строительное оборудование и текстильные машины. Основана в 1907 г. как изготовитель текстильных машин. Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 140,6 млн. долл. при убытках 10,9 млн. долл.

«**Komatsu Machinery Corp.**» является филиалом корпорации «Komatsu» – производителя строительных машин, имеющей оборот более 20 млрд. долл., в состав которой входят также фирмы «Komatsu Industries» (прессы) и «Komatsu NTC» (автоматические линии). Компания выпускает станки фрезерования коленчатых валов, токарные центры с функцией обработки зубчатых колес, имеет филиал в США. Продажи станков в 2004/05 фин.г. составили 132,2 млн. долл.

«**Matsuura Machinery Corp.**» производит обрабатывающие центры, высокоскоростные фрезерные станки, фрезы с лазерным напылением, имеет отделения в США, Германии, Великобритании и Канаде. Число занятых 300 человек. Продажи станков в 2005/06 фин.г. составили 122 млн. долл.

«**Takamatsu Machinery Co. Ltd.**» выпускает прецизионные токарные станки и специальное оборудование в основном для автомобилестроения. Компания основана в 1948 г. Продажи в 2008/09 фин.г. составили 110 млн. долл. (-15%), прибыль 1,8 млн. долл. (-84%).

«**Hamai Co., Ltd.**» производит лапинговальные, центровальные, зубофрезерные и фрезерные станки. Она также поставляет станки электрохимического полирования под маркой фирмы «**Meiji Machine**», имеющей 7,8% акций. Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 86 млн. долл. при прибыли 0,2 млн. долл.

«**Kuraki Co., Ltd.**» выпускает горизонтальные расточные станки. Имеет отделения в США и Китае. Число занятых 250 человек. Продажи станков в 2008/09 фин.г. составили 80 млн. долл., прибыль 7,5 млн. долл.

«**Taiyo Koki Co. Ltd.**» производит вертикально-шлифовальные станки для внутреннего и внешнего шлифования. Компания основана в 1986 г. Число занятых 185 человек. Продажи в 2008/09 фин. г. составили 71 млн. долл. (рост на 25%), прибыли – 5,5 млн. долл. (рост 47%).

«**Waida Mfg. Co., Ltd.**» выпускает заточные станки. Продажи в 2007/08 фин. г. составили 61,2 млн. долл., прибыль – 4,5 млн. долл. (-40%).

«**Kojima Iron Works Co. Ltd.**» производит гидравлические прессы. Предшествующая ей фирма была основана в 1809 г. как литейный завод. Продажи в 2007/08 фин. г. составили 38,6 млн. долл. (рост на 49%). Прибыль 3 млн. долл. (рост 27%).

«**Sumitomo H.I. Finetech, Ltd.**» выпускает вертикально-шлифовальные станки с вращающимся столом, включая станки двухстоечной конструкции. Все акции принадлежат корпорации «**Sumitomo Heavy Industries**» с оборотом 5 млрд. долл. Продажи в 2006 фин.г. составили 33,3 млн. долл.

Таблица 5

Партнеры России в торговле МОО в 2007-2008 гг., тыс. долл.*

	Страна	Оборот		Экспорт		Импорт	
		2007 г.	2008 г.	2007 г.	2008 г.	2007 г.	2008 г.
1	Германия	320 719	373 483	8 817	6 845	311 902	366 638
2	Италия	182 577	240 809	13 370	10 968	169 207	229 841
3	Китай	79 823	125 885	21 543	9 185	58 279	116 700
4	Япония	59 418	95031	21	0	59 397	95031
5	Чехия	70 207	85 718	810	2 884	69 397	82 834
6	США	39 168	80 456	1 368	34	37 800	80 422
7	Швейцария	60 054	65 619	241	96	59 813	65 523
8	Франция	48 642	62 598	4 379	69	44 264	62 529
9	Украина	40 364	55 190	14 787	11 266	25 577	43 924
10	Тайвань	33 313	53 983	859	40	32 455	53 983

* ГТК РФ, 2005-2009

В заключение покажем место и роль Японии в российском импорте металлообрабатывающего оборудования. Основными странами-экспортерами МОО в России в 2008 г. были Германия (23%), Италия (14%), Китай (7%), Япония (5%), Чехия (5%) и США (5%). Как видно из таблицы 5, Япония находится на четвертом месте среди внешнеторговых партнеров России на рынке МОО. Экспорт МОО из России в Японию в 2008 г. полностью прекратился. Таким образом, можно заявить об односторонней направленности внешней торговли металлообрабатывающим оборудованием между Россией и Японией. В 2009 г. объем импорта МОО из Японии составил 52 699 тыс. долл.

Данные по импорту в 2008 г. станков и КПО отдельных групп с указанием веса и количества представлены в таблице 6.

Таблица 6

Номенклатура импорта МОО России из Японии в 2008 г.*

Код ТН ВЭД РФ	Наименование продукции	Кол-во, шт.	Вес, кг	Сумма, долл.	Доля, %
8456	Электроэрозионные станки	113	530 201	13 672 892	14,4
8457	Обрабатывающие центры	203	2 163 530	42 003 103	44,3
8458	Токарные станки	93	922 500	27 208 597	28,6
8459	СРФС	196	42 313	1 151 105	1,2
8460	Шлифовальные станки	25	103 217	3 789 438	3,8
8461	Пилы	82	115 460	2 219 957	2,4
8462	Прессы	58	303 384	3 283 909	3,4
8463	Накатные машины	16	32 813	1 702 234	1,8
Всего		786	4 243 418	95 031 235	100,0

* ГТК РФ, 2005–2009.

Наибольшие удельные веса в импорте МОО России из Японии занимают обрабатывающие центры (44%), токарные станки (29%) и электроэрозионные станки (14%). На станки каждой из остальных групп станков приходится менее 4%. Доля КПО составляет несколько более 5%.

В группе токарных станков первое место занимают многоцелевые токарные центры (код 8458112000) на 23 млн. долл., в группе обрабатывающих центров – вертикальные станки (код 8457109008) на 20,2 млн. долл., в группе электроэрозионных станков – станки лазерной резки (код 8456100010) на 6,2 млн. долл.

1. World Machine Tool Output & Consumption Survey, 1981–2009. Cincinnati: Gardner Publications, Inc.; «American Machinist».
2. «Modern Machine Shop». 2010, No. 8, p. 82.
3. Metal-Cutting Machine Tools' Position in Japan's Machinery Industry. – Tokyo. JMTBA, 2006.
4. The Current Condition of the Japanese Machine Tool Industry. Tokyo. JMTBA, June 2009.
5. Machine Tool Industry Japan. 2009. – Tokyo. JMTBA.
6. Corwin J., Puckett R. Japan's Manufacturing Competitiveness Strategy: Challenges for Japan, Opportunities for the United States. Springfield: U.S. Department of Commerce, International Trade Administration. April 2009.
7. Machine Tool Scoreboard. – Metalworking Insiders' Report, 2009.
8. Record Output at Mazak Plant – Letherhead (England). – «Machinery Trade International», December 2007.
9. Major Machine Tool Builders Collaborate. – «American Machinist», 2009, No.5.
10. Mazak Optonics opens new Facility. – MMS, 2009, No.2.
11. Статистика внешней торговли России – М. ГТК РФ, 2004–2009.
12. Таможенный тариф Российской Федерации. – Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, М., 2001, с. 715–722.

Япония в зеркале российских школьных учебников по истории

Г. А. Бордюгов, Гён Хён Мин

В эпоху глобализации неизбежно изменяются прежние стереотипы народов друг о друге, о странах, которые они населяют. Значительную роль в этом процессе играет новое поколение учебников истории, предназначенных для миллионов школьников, а также современное историческое образование¹. Ведь дети и подростки еще не способны к критическому восприятию действительности. И если, например, вырабатывать в раннем возрасте мышление, основанное на противопоставлении «свой–чужой»², то это может привести к возникновению ксенофобских настроений, за которыми могут последовать негативные реакции³.

Если говорить о России, то здесь уже не работает фактор разделения стран по принципу принадлежности к той или иной социально-экономической системе. За последние 15 лет общество отказалось от политизированного подхода к содержанию школьных программ. Были провозглашены социальные цели образования – воспитание уважения к разнообразию и плюрализму, толерантности и способности к позитивному восприятию «другого», вообще, к «инаковости»⁴.

Учебная литература, представляя собой важную основу для социализации школьников, формирования ценностных ориентаций и ориен-

¹ Nash Gary B., Crabtree Charlotte, and Dunn E. Ross. History on Trial: Culture Wars and the Teaching of the Past. New York, 1997; Knopf Alfred A., and Phillips Robert, History Teaching, Nationhood, and the State: A Study in Educational Politics. London: Cassell, 1998.

² См. об этом подробнее: Вальденфельд Б. Своя культура и чужая культура. – Логос. 1994. № 6; Образ «другого» в культуре. – Одиссей. 1993: Человек в истории. М., 1994; Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. – Вестник МГУ, Серия 19; Лингвистика и межкультурные коммуникации. 1998, № 1; Чужое: опыты преодоления: очерки из истории культуры. Под ред. Шукурова Р. М. М., 1999; «Свое» и «чужое» прошлое, или Поиск новых идентичностей в постсоветских государствах. М., 1999; Нойман Иохим. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2005.

³ См. например: Паин Э. А. Традиционализм – национализм – ксенофобия. – Этнопанорама. 2004. № 1; Кроз М., Ратинова Н. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М., 2005.

⁴ См.: Карпов С. П. Историческое образование: размышление о путях развития. – «Новая и новейшая история». 2000. № 2; Смелянский Н. И. Историческое образование и историческая теория. – Там же, 2000. № 5; Volodina Tatyana. Teaching History in Russia after the Collapse of the USSR. – «The History Teacher», vol. 38, No. 2, February 2005.

тации в настоящем через понимание прошлого, отражает действующие каноны знаний, состояние массового исторического сознания и профессиональной историографии⁵. Учебники также показывают, какие цели обучения достигаются в процессе осмысления исторического знания, какие образы и конкретные формы их проявлений идентифицируются сегодня. По учебникам также можно проследить, какие наиболее типичные исторические сюжеты, факты и явления дают повод для упоминания ситуации в той или иной стране⁶.

В то же время следует учитывать и последствия смены политико-идеологических ориентиров, которые особенно остро и болезненно отразились на преподавании истории в школе. Известно, что в течение нескольких лет в России и других странах СНГ наблюдались растерянность и метания, когда прежние учебники истории на глазах превращались в анахронизм, а свои, национальные истории переживали становление⁷. Вскоре стали появляться новые пособия. Не удивительно, что практически все они поначалу несли на себе отчетливую печать советской эпохи. С трудом, очень медленно, шаг за шагом, учебники освобождались от прежних методологических клише марксистско-ленинского учения и образчиков имперского мышления⁸.

Однако ничем и никем не контролируемый процесс переписывания прошлого привел к тому, что стало все сложнее ориентироваться в изобилии версий, отыскивать наиболее беспристрастный, сбалансированный взгляд на события всемирной истории⁹.

С конца 90-х годов прошлого столетия стал набирать силу обратный процесс: переизбыток рынка учебников способствовал росту конкуренции среди авторов, ужесточению требований к качеству учебных пособий. Отнюдь не всем из них удавалось пробиться сквозь жесткую фильтрацию для получения грифа министерства образования как офи-

циально рекомендованных к преподаванию курса истории в учебных заведениях. Удавалось лишь тем, которые, с точки зрения государственных экспертов, в большей степени соответствовали некоему, санкционированному свыше общему «стандарту» для каждой категории учебных заведений в России.

Этот процесс (кстати, довольно противоречивый) все еще продолжается, поэтому сегодня трудно судить о том, какими станут учебники будущего поколения, как скоро появятся усовершенствованные, либо даже «канонизированные» их образцы. Разумеется, не в прежнем, идеологическом, а в сугубо практическом смысле, т. е. методологически и методически, структурно и содержательно качественно отвечающим всем требованиям и вызовам времени.

Изучение постсоветской учебной литературы задает целый ряд специфических ориентиров в подходе к такой проблеме, как формирование представлений российских учащихся о роли и месте стран Азии, в том числе в контексте истории Российской империи, СССР и современной России, прежде всего, их внешней политики и международной обстановки той или иной эпохи. В этом отношении особую роль играет освещение образа Японии и российско-японских отношений, которые в XX в. имели драматический характер, что ощущается до сих пор и по-прежнему вызывает острые дискуссии и разноречивые оценки.

Наше внимание было сосредоточено на подборе и объеме материала, степени его информативности и полноты, общей тональности. Уместными были вопросы о том, насколько новые учебники свободны или несвободны от груза прошлого, как далеко они ушли от старых представлений и схем, наконец, в какой мере они объективны в отражении образа тех государств, которые много десятилетий находились в зоне влияния Российской империи и СССР.

Задачи данной статьи могут быть сформулированы следующим образом:

- выявление наиболее типичных исторических сюжетов, по поводу которых в российской учебной литературе рассматривается Япония;
- определение степени идеологизированности в трактовке роли этой страны в российском и общем историческом процессе;
- оценка тех изменений, которые произошли за последние десять лет во взглядах на историческое значение контактов России и Японии на протяжении их многолетнего соседства.

Отсюда формулируется и основная цель статьи – определение содержательной стороны и степени полноты того исторического знания, которое формируется у молодых россиян о Японии на основе анализируемой учебной литературы.

Напомним, что в основной школе всемирная и отечественная история изучается с пятого по девятый класс по следующей схеме:

⁵ *Magne Angvik and Bodo von Borries* (eds.). *Youth and History: A Comparative European Survey on Historical Consciousness and Political Attitudes among Adolescents*. Vols. A and B. Hamburg, 1997.

⁶ См.: Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, М., Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2003.

⁷ *Viktor Shnirelman*. *Who gets the past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia*. Washington, 1996; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Сб. научных докладов. Под ред. и с введением *Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова*. М., Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XX, 2003. Национальные истории в постсоветском пространстве-II. Сб. научных докладов. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова, М., Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2009.

⁸ Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. Сб. статей. М., 2002.

⁹ См.: *Lisovskaya Elena*. *Analyzing New Russian Textbooks: Governmental Programs and Private Initiatives*. – *International Journal of Education Reform*. 1997, October, № 6.

- история Древнего мира (с древнейших времен до конца V в. н. э.) – 5-й класс;
- история Средних веков (с конца V в. до рубежа XV–XVI вв.) – 6-й класс;
- новая история, часть 1 (конец XV – конец XVIII в.) – 7-й класс;
- новая история, часть 2 (XIX – начало XX в.) – 8-й класс;
- новейшая история (XX в.) – 9-й класс;
- история России (с образования Руси до Петровских реформ, затем до революции 1917 г. и рубежа XX–XXI вв.) изучается параллельно, начиная с седьмого по девятый класс.

В школе старшей ступени (10–11-й классы), во втором концентре, ученик должен вновь изучить всю отечественную историю от киевских князей до российских президентов, а вместе с этим еще и всемирную историю. Для этого отводится два часа в неделю, или два урока. Причем изучение должно проходить на более высоком уровне обобщения материала, углублении ранее сложившихся представлений, на основе знакомства с различными точками зрения и подходами для формирования целостной и всесторонней картины исторического развития России.

Перед авторами учебников открываются два пути. Первый из них – попытаться действительно ввести «проблемный принцип», подразумевая, что факты ученик усвоил из курса основной школы (что, мягко говоря, утопично). Второй вариант – попытаться создать учебник, учитывающий уровень развития подростков, стараясь дать должным образом обобщенный и систематизированный материал и не надеясь на то, что ученик получит серьезные знания из первого концентрира. Немало авторов идет именно по этому пути. Воплотить в жизнь «проблемный принцип» в условиях концентров редко кому удастся¹⁰. Невозможно оторвать теорию от фактов. Это давно известно и философам, и психологам, и учителям. Именно поэтому нормальной стала ситуация, когда учебники либо перегружены не связанными в систему фактами, либо содержат проблемы и теории, не подтвержденные фактами.

Итак, за два последних года обучения в школе ученики сталкиваются с несколькими типами пособий. Курс истории России обычно представлен в виде двух блоков: история России с древнейших времен до конца XIX в. (10-й класс) и отечественная история XX в. (11-й класс). Зарубежную историю до начала XX в. предлагают изучать с помощью либо учебников по истории мировых цивилизаций, либо обычного курса всемирной истории (от появления первых государств и до начала XX в., изучение которого завершается по пособиям новейшей истории зару-

¹⁰ О критике системы концентров педагогической общественностью см.: Соловьев С. В. тисках концентрира. Обзор учебников истории для старшей школы. – «Школьное обозрение». 2004. № 20–21; Шикман А. Министерство образования вляпалось в историю – «Новая газета», 10.08. 2006.

бежных стран. Кроме того, несколько авторских коллективов, учитывая очень малое количество часов, а также объем необходимого для изучения материала, попытались совместить историю России и всемирную историю под одной обложкой в курсе «Россия и мир».

Мы отобрали к рассмотрению 27 учебников различных типов и видов. Во-первых, – это пакет школьных учебников (всех уровней), в которых есть разделы, либо упоминания о Японии; во-вторых, – учебники, которые делятся по разным принципам (по российской истории и по всемирной истории). В-третьих, – это учебники обобщающего характера, например, «Мир в XX в.», или «Россия и мир», используемые в качестве дополнительных пособий в 10-м и 11-м классах школы.

Уточним, что нами анализируются лишь те учебники, которые не только получили рекомендацию правительственных учреждений, но и активно используются педагогами и учащимися.

Объем материалов по истории стран Азии в постсоветских учебниках различается в зависимости от типов последних. В частности, те из них, что освещают курс российской истории, содержат значительно меньше материала об этих странах, нежели учебники всемирной истории. В нынешних учебниках сохраняется приблизительно то же соотношение разных периодов истории азиатских стран, что и прежде, а именно – меньше древней и средневековой истории, больше новой и, особенно, новейшей.

В школьных учебниках о средних веках для шестого класса¹¹ обязательно присутствует материал о стране «корня солнца» – Японии. Кратко описывается природа Японии и занятия ее жителей, возникновение японского государства и императорская власть. Школьники узнают о религии Японии (буддизм и синтоизм), их взаимовлиянии, влиянии китайской цивилизации на Японию в области культуры, религии, политики. Показаны различные аспекты жизни японского общества, прежде всего, самураев и их морального кодекса. При характеристике политической власти в Японии особое внимание уделяется власти сёгуна и власти императора.

С историей азиатских стран Нового времени школьники знакомятся сначала в седьмом классе (конец XV в. – конец XVIII в.), а затем в восьмом классе (XIX в. – начало XX в.)¹². Специальные параграфы

¹¹ См.: Бойцов М. А., Шукуров Р. М. История Средних веков: Европа и остальной мир. Для 6-х классов. М., Русское слово, 2005; Бойцов М. А., Шукуров Р. М. История Средних веков. Для 7-х классов. М., Русское слово, 2006; Всеобщая история: История Средних веков. 6-й класс. Под ред. Цатуровой С. К. М., Дрофа, 2008 (последнее, 5-е издание); Агибалова Е. В., Донской Г. М. История Средних веков: учебник для 6-го класса общеобразовательных учреждений (под ред. Сванидзе А. А.). М., Просвещение, 2008 (последнее, 15-е издание).

¹² См.: Юдовская А. Я., Егоров Ю. В. и др. История. Мир в новое время (1870–1918). Учебник для 10-го класса. СПб, СММО-Пресс, 2001 (последнее, 2-е издание); Бурин С. Н. Новая история. 1640–1918 гг. Учебник для 7-8-го классов общеобразовательных учебных

учебников рассказывают об устройстве Японии, социальной структуре ее общества и государства, внутренней политике сёгуната Токугава, проникновении в Японию европейцев и причинах закрытия страны. В параграфе о Японии (учебник А. Я. Юдовской и Ю. В. Егорова) впервые упоминается об отношениях этой страны с другими странами Азии. Что касается событий начиная с XIX в., то здесь речь идет об «открытии» Японии, гражданской войне и уничтожении сёгуната, а также о реформах Мэйдзи, особенностях японской модернизации, которые воплотили в себе западный и национальный опыт. Подчеркивается значение экспансии как способа продолжения модернизации и превращения Японии в сильнейшую державу на Дальнем Востоке.

В учебниках по отечественной истории в связи с российской политикой на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. рассматривается, прежде всего, Китай¹³. При этом отмечается, что на Дальнем Востоке основными внешнеполитическими партнерами России являлись Китай и Япония. В 1858 г. Россия и Китай подписали Айгунский договор о разграничении смежных территорий в Приамурье; в 1860 г. – Пекинский договор, в соответствии с которым за Россией был закреплен Уссурийский край. В 1875 г. по Петербургскому договору с Японией Южный Сахалин отошел России, а Северные Курильские острова – к Японии. Характерно, что политика России на Дальнем Востоке ни разу не определяется как колониальная. Не упоминается также первый российско-японский договор – Симодский трактат 1855 г., согласно которому северные Курильские острова отошли России, а южные Курильские острова – Японии.

События, связанные с Восточной и Юго-Восточной Азией и описанные в учебниках по отечественной истории, немногочисленны и все относятся к XX в. Это – русско-японская война 1904–1905 гг., агрессивные действия Японии в Азии в преддверии второй мировой войны, конфликты на Хасане и Халхин-Голе, советско-японская война 1945 г. и послевоенные отношения.

Русско-японская война 1904–1905 гг. присутствует практически во всех учебниках по истории России. Однако в популярном справочнике Л. А. Кацвы «История Отечества»¹⁴ параграф об этой войне идет почему-то после параграфа о Русской революции 1905–1907 гг., хотя достаточно общепризнанным является тот факт, что русско-японская война послужила одной из главных причин революции. Автор видит причины войны

1904–1905 гг. в соперничестве за раздел сфер влияния в Китае. При этом упоминаются японо-китайская война 1894–1895 гг., Боксерское восстание 1899–1901 гг. По мнению автора, при проведении российской экспансии в Маньчжурии и Корее расчет делался на то, что Япония не решится воевать с Россией, а если и решится, то для России это будет «маленькая победоносная война». Причины поражения были в качественном превосходстве японских вооруженных сил и государственной машины. При этом подчеркивается, что условия Портсмутского мира «оказались менее тяжелыми, чем можно было ожидать после тяжелых поражений русской армии и флота». Революционные потрясения здесь не указываются в качестве основной причины, вынудившей Россию пойти на мир, и также никак не подчеркивается влияние неудач в войне на начало Первой русской революции. В числе причин революции неудачная война упомянута, но отнюдь не на первом месте¹⁵. Такова типичная позиция либеральных историков.

В другом учебнике (В. А. Шестакова, М. М. Горинова и Е. Е. Вяземского) русско-японская война рассматривается как победа России, упущенная вследствие начавшейся революции¹⁶. При этом подчеркивается, что многие силы внутри России не были заинтересованы в подъеме престижа царского правительства. Цитируется мнение американского историка Т. Деннета о том, что «Япония была истощена уже к концу мая, и что только заключение мира спасло ее от крушения или полного поражения в столкновении с Россией»¹⁷. Подобная оценка русско-японской войны характерна для российских историков консервативно-патриотического направления. На самом деле, как нам представляется, даже и без революции Россия не смогла бы быстро сокрушить Японию и изгнать японцев из прибрежных районов Маньчжурии и Сахалина. Ведь японский флот господствовал на море, японская сухопутная армия сохраняла боеспособность, а наиболее боеспособные части русской армии уже понесли потери в сражениях.

Учебники лишь бегло упоминают об участии Японии в интервенции в годы Гражданской войны в России. Речь об Азии заходит применительно к межвоенным десятилетиям. В одном из учебников (Л. Н. Жаровой, А. А. Кредера и И. А. Мишиной) есть специальная глава «Пробуждение Азии»¹⁸. Внимание школьников обращается на возникновение в 30-е годы очага военной опасности, связанного с Японией. Эта страна стала главным конкурентом США и Англии, вынашивала далеко идущие агрессивные планы, включавшие покорение Китая, а затем и всей Азии. В упоминавшемся уже учебнике (Л. Н. Жаровой, А. А. Кредера и И. А. Ми-

заведений. М., Дрофа, 1998; *Кредер А. А.* Новая история. Часть II. Учебник для 8-го класса основной школы. М., ЦГО (Центр гуманитарного образования), 2000; Новая история зарубежных стран. Конец XVIII – начало XX в. Учебник для 8-го класса общеобразовательных учреждений. Под ред. Ведюшкина В. А. М., Дрофа, 2005 (последнее, 5-е издание).

¹³ См.: *Кацва Л. А.* История Отечества. Справочник для старшеклассников. М., «АСТ-Пресс-Школа», 2004.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 428.

¹⁶ *Шестаков В. А., Горинов М. М. и Вяземский Е. Е.* История Отечества. XX век. Под ред. *Сахарова А. Н.* М., Просвещение, 2005 (последнее, 5-е издание).

¹⁷ *Шестаков В. А., Горинов М. М., Вяземский Е. Е.* История Отечества. XX век. М., 2000, с. 33.

¹⁸ *Жарова Л. Н., Кредер А. А. и Мишина И. А.* Россия и мир в XX веке. М., 2000, части 1–2.

шиной) раскрывается экономическая подоплека агрессивности Японии. В 20–30-х годах прирост населения в этой стране составлял 1 млн. в год. Сельское хозяйство не могло прокормить такое количество людей. Импорт риса – основного продукта питания японцев – увеличился втрое. Чтобы оплатить его, Япония должна была наращивать экспорт. Положение страны было сродни британскому: она должна была торговать или умереть. В 20-х годах в условиях относительно благоприятной экономической конъюнктуры и свободы торговли это было вполне возможно. Япония увеличила свой экспорт в три раза. Но в 30-х годах этот путь для нее оказался закрыт. Великая депрессия породила волну протекционизма, сразу же ударившего по Японии. Уровень внешней торговли снизился до довоенного; под угрозой оказалось обеспечение населения продовольствием, а промышленности – сырьем. Застрельщиками торговой войны были США и Великобритания, которые являлись эталоном для модернизирующейся Японии. Несправедливость сложившегося положения была для японцев очевидной: у США были неограниченные внутренние ресурсы, а Великобритания полагалась на ресурсы своей империи. В этих условиях японские правящие круги пришли к выводу, что единственным выходом из сложившейся для Японии ситуации является установление контроля над ближайшими азиатскими сырьевыми ресурсами, прежде всего китайскими¹⁹. Что касается Китая, то авторы учебника отмечают, что СССР и страны Запада оказали давление на Мао Цзэдуна и Чан Кайши, вынудив их создать антияпонский фронт, чему способствовал рост антияпонских настроений в Китае.

Японо-китайская война, начавшаяся в 1937 г., упоминается в учебниках в связи с советско-японскими вооруженными конфликтами у Хасана и Халхин-Гола. Эти конфликты показали, что в 1938–1939 гг. Япония не была готова к широкомасштабной агрессии против Советского Союза. Раскрывается картина и Тихоокеанского театра второй мировой войны, подчеркивается его второстепенная роль по сравнению с советско-германским фронтом.

О советско-японской войне обычно говорится, что Япония неоднократно нарушала пакт о ненападении с СССР. Также отмечалось, что действия против Японии отвлекали силы Англии и США от борьбы с Германией. Это затягивало войну и вело к росту потерь Красной Армии. В то же время признается, что СССР вступил в войну с Японией, выполняя обязательства, взятые на Ялтинской конференции. По мнению ряда авторов (Л. А. Кацва и др.), применение атомной бомбы не вызывалось военной необходимостью, так как после вступления в войну Советского Союза скорая капитуляция Японии стала неизбежной. Применение американцами атомных бомб против Японии объясняется, как стремлением уменьшить потери среди своих солдат, так и желани-

ем показать всему миру и, прежде всего, Советскому Союзу, что США обладают сверхоружием огромной разрушительной силы²⁰.

В одном из указанных учебников (В. А. Шестакова, М. М. Горинова и Е. Е. Вяземского) в качестве мотива атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки называется стремление продемонстрировать СССР новое оружие. Здесь практически ничего не говорится об англо-американских действиях против Японии, равно как и о применении атомных бомб с целью для уменьшения жертв американской армии²¹. Практически во всех учебниках по всеобщей истории период после 1945 г. показывается картина разгромленной, разрушенной и униженной страны. Авторы текстов не скрывают своего удивления тем, что уже через 30 лет по многим показателям экономического и технического прогресса она станет мировым лидером. Далее следует анализ причин этого феномена.

Поражение в войне помогло Японии быстро преодолеть послевоенный кризис. Военная бюрократия, стоявшая на пути демократических преобразований, была повержена. Американские оккупационные власти, опасаясь того, что нищее население будет поддерживать коммунистов, способствовали проведению реформ в Японии. Уже в 1946 г. была принята новая конституция страны, по которой императорская власть становилась чисто формальной, реальное управление государством переходило к правительству, ответственному перед парламентом. Были провозглашены основные гражданские свободы. Конституция, принятая под наблюдением союзников, запрещала Японии иметь армию и флот, вести войну за пределами своей территории.

В 1948 г. началась аграрная реформа, по которой земельные владения ограничивались тремя гектарами. Излишки земли были перераспределены между крестьянами. В результате в Японии стали преобладать фермерские хозяйства. В конце 40-х годов вновь начали работать распушенные после войны промышленные корпорации, которые вскоре наладили работу предприятий. Правительство проводило политику жесткой экономии, что позволило снизить темпы инфляции и перейти к устойчивому росту производства. Этому способствовало трудолюбие японцев, их стремление выбиться из нищеты, хорошие организаторские способности управленцев, традиционная дисциплина, помощь США и низкие затраты на оборону.

В учебниках показаны пути стабилизации политической системы Японии. После бурных послевоенных лет, сопровождавшихся столкновениями рабочих и полиции, частой сменой правящих партий, террористическими актами и жестокими репрессиями против коммунистов, обстановка постепенно разрядилась. В 1955 г. власть перешла к Либерально-демократической партии (ЛДП), в которую объединились крупнейшие либеральные и консервативные партии страны.

¹⁹ Там же, часть 2, с. 76.

²⁰ Кацва Л. А. История Отечества. М., 2004, с. 641.

²¹ Шестаков В. А., Горинов М. М., Вяземский Е. Е. История Отечества. XX век. М., 2000. с.242.

Особое внимание авторы учебников уделяют проблеме восстановления суверенитета Японии и Курильских островов. В 1951 г. в Сан-Франциско собралась мирная конференция, которая должна была закрепить итоги войны на Тихом океане и завершиться подписанием мира Японии со всеми странами, воевавшими против нее во второй мировой войне. Но к этому моменту в полном разгаре была «холодная война». Организаторы конференции (США) не пригласили на нее представителей Китая и других коммунистических режимов Дальнего Востока. В знак протеста СССР, Монголия и Индия отказались от участия в конференции. В результате Япония подписала мир только со странами Запада и их союзниками по «холодной войне».

По этому соглашению она отказывалась от любых владений вне Японских островов, суверенитет страны восстанавливался, но конституционные ограничения на рост военной мощи сохранялись. По конституции 1947 г. Япония отказалась от «угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Вместо армии разрешалось иметь силы самообороны. Япония должна была защищать американские войска, которые оставались в стране по Японо-американскому договору безопасности. Создавались постоянные военные базы, а для строительства крупнейшей из них американским военным властям был передан остров Окинава. В 1960–1970-х годах в стране усилилась борьба против пребывания американских войск. Миллионы людей участвовали в митингах и забастовках против фактической оккупации своей родины Соединенными Штатами.

В 1972 г. США вернули Японии Окинаву, однако сохранили там свою базу. Отношения Японии с СССР и многими другими странами Азии остались неурегулированными. Подписание мирных договоров затянулось на десятилетия. Это было связано с расколом Кореи и Вьетнама – не было ясно, с каким из режимов подписывать мир. Не удалось подписать мирного договора с СССР. Японцы признавали, что должны вернуть СССР Южный Сахалин и большую часть Курильских островов. Но они считали, что южные Курилы – Итуруп, Хабомаи, Кунашир и Шикотан – это японские «северные территории», которыми Россия и СССР никогда не владели. В 1956 г. между СССР и Японией были восстановлены дипломатические отношения. Но неурегулированность территориального спора мешала сотрудничеству обеих стран. Эта проблема досталась России в наследство от СССР²².

Практически в каждом учебнике анализируются причины японского «экономического чуда». В 1960-х годах темпы роста японской экономики были чрезвычайно высокими. Прирост промышленного производства составил 11% в год, что более чем в два раза превышало темпы роста даже германской экономики. Если в 1950 г. доля промышленного

производства Японии в капиталистическом мире составляла менее 2%, то в 1970 г. она превысила десятую часть. Из отсталой разрушенной страны Япония превратилась в одно из наиболее промышленно развитых государств мира. Японцы вырвались вперед в производстве самой современной продукции, включая автомобили, телевизоры, компьютеры.

Страна сделала ставку на высокие технологии и образование. В учебнике Л. Н. Алексашиной специально подчеркивается, что в конце 1980-х годов 93% японских детей получали среднее 12-летнее образование, более трети из них продолжали обучение в университетах и колледжах. По всему миру японцы стали скупать передовые технологические разработки и внедрять их в собственную промышленность. Одновременно шла подготовка квалифицированных специалистов, которые могли успешно работать с этими технологиями. Автоматизировалось производство, использовались роботы и компьютеры. Это позволило освободить хорошо обученные кадры от тяжелого физического труда и перевести их на более интеллектуальную работу. Японские фирмы заботились о своих работниках. В отличие от американских работодателей, они очень редко увольняли своих сотрудников, стараясь привязать их к фирме различными льготами. Это дало прекрасные результаты. Японские трудящиеся начали ощущать себя частью фирмы и на «кружках качества» стали искать пути совершенствования производства. Корпорации «Ниссан», «Мицубиси», «Панасоник» и другие при поддержке государства направили усилия на завоевание мирового рынка, на выпуск той продукции, которую можно экспортировать в другие страны. Успехи во внешней торговле позволили накопить большие финансовые средства, которые были направлены в промышленность, помогли постоянно совершенствовать технологии. В условиях финансовой устойчивости население тоже охотно вкладывало свои средства в развитие промышленности, получая доходы.

Как отмечается в российских учебниках, быстрое развитие японской экономики впервые затормозилось в середине 1970-х годов в связи с мировым экономическим и энергетическим кризисом. Япония не располагает собственными запасами энергоносителей, поэтому она пострадала от кризиса больше других. Кризис вскрыл и другие проблемы – коррупцию чиновников ЛДП, невнимание государства и корпораций к вопросам охраны здоровья людей. Однако благодаря своей технологической мощи Япония смогла преодолеть последствия энергетического кризиса. Крупные средства были вложены в энергосберегающие технологии, а также в охрану окружающей среды. Избавившись от части проворовавшихся лидеров, ЛДП сохранила свою власть. Японская экономика продолжала развиваться.

В 1992 г. кризис возобновился. Курс акций многих японских компаний стал падать, разорились некоторые банки, усилилась политиче-

²² Алексашина Л. Н. Новейшая история: XX век – начало XXI века. М., 2004, с. 218–219.

ская нестабильность. Либерально-демократическую партию обвинили в коррупции и неспособности справиться с экономическими трудностями. Из ЛДП вышли многие влиятельные лидеры. В 1993 г. она впервые с момента своего основания потеряла власть. Правительство стало коалиционным. К власти пришли социалисты и представители других оппозиционных партий. Однако и коалиции не удалось вывести страну из кризиса. Уже в 1996 г. к власти вернулась ЛДП.

Причины экономического кризиса, поразившего Японию, по мнению авторов учебников, заключались, прежде всего, в том, что экономика страны была прекрасно приспособлена к индустриальной стадии развития общества, но встретила трудности при переходе к новым постиндустриальным отношениям. Японская автоматизированная промышленность может производить сложную высококачественную продукцию в массовых количествах, японский работник является идеальным исполнителем.

В то же время быстрые перемены на современном рынке требуют творческого подхода к производству. А в японских корпорациях творчество работника ограничено его непосредственными обязанностями, узкой специализацией. Система управления корпорациями показала свою излишнюю авторитарность. Действовал принцип «забивания гвоздей», когда творческому работнику, выделяющемуся из ряда других, указывали на его место, как бы «ударяя по шляпке»²³.

Вместе с тем рост благосостояния японцев, их высокая заработная плата повысили себестоимость японской продукции. Она стала более дорогой и, следовательно, менее конкурентоспособной. Однако Японии удалось избежать разрушения уже накопленного экономического потенциала. Она и сегодня остается одной из наиболее развитых стран мира, а японцы продолжают сохранять высокий уровень жизни.

Проведенный нами анализ современных российских учебников по отечественной и всемирной истории, в которых в той или иной степени освещается история стран ДВ и ЮВА, позволяет сделать следующие выводы.

Одним из заметных шагов в развитии учебной литературы в России, безусловно, стал отход от рассмотрения той или иной страны по принципу принадлежности к противостоящим социально-экономическим системам.

История Японии, как и других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, предстает в учебниках как самоценная. Япония выступает в роли не объекта, а субъекта исторического процесса. Очевидно, что в будущем ее самостоятельность будет только возрастать. Вся проблема в том, будет или не будет эта самостоятельность осуществляться на антироссийской платформе или нет.

²³ Шубин А. В. Новейшая история. М., 2000, с. 293.

Если авторы советских учебников основной угрозой, как для Японии, так и для СССР, считали конкретного завоевателя, а позднее – «Запад», как оппонента советской державе и ее сателлитам (в образе некоего капиталиста-агрессора и капиталиста-угнетателя), то в постсоветских учебниках в плане угроз извне преобладает более абстрактная тема потери «цивилизационной и культурной идентичности».

В большинстве учебников история Японии излагается дифференцированно. Страноведческий подход позволяет выявить немаловажные аспекты, в частности, соотношение объемов материала по стране, методологические подходы, критерии отбора информации, способы ее подачи и интерпретации. Что касается объемов, отводимых в учебниках Японии, то они оказываются в некоторой степени на периферии внимания учебников. Главное внимание уделяется событиям в Европе и США, что выдает европоцентричный взгляд авторов²⁴.

При сравнении учебников для пятых-девярых и для 10–11-х классов становится очевидным, что учебники первой группы дают и больше информации, и, как правило, на более высоком уровне анализируют исторический материал. Учебники второй группы, т.е. повышенной сложности, казалось бы, преодолели классовый подход. Однако если советские авторы – пусть с учетом идеологии – хотя бы требовали от ученика анализировать исторические события и соблюдать элементарную логику, то предлагаемая старшим школьникам новейшая триада теорий модернизации, цивилизации и тоталитаризма, к сожалению, пока еще не дает возможности проследить логические цепочки, а часто просто запутывает учеников.

История государственности, политическая и военная история по-прежнему превалируют над историей народов, обществ, культуры. Социальные проблемы, история повседневности практически отсутствуют. К тому же, материал подается исключительно с точки зрения доминирующего в государстве этноса (здесь сказывается, как нам представляется, нарастание националистических тенденций в мире).

Следует отметить, что все названные нами проблемы откровенно и критически обсуждаются педагогической общественностью России²⁵, что является залогом успешного развития учебной литературы.

²⁴ Опыт преодоления европоцентризма демонстрирует, в частности, учебник философии: История философии. Запад-Россия-Восток. Книга 1. М., Греко-латинский кабинет, 1995.

²⁵ См., например: Касевич В. Б., Светлов А. В., Цыб А. В. Болонский процесс. СПб., 2004; Материалы периодических дискуссий за 2005–2009 гг. можно найти в журналах «Школьное обозрение», «Преподавание истории и обществознания в школе», «Преподавание истории в школе», а также в еженедельной газете «1 сентября».

В. Э. Молодяков, В. А. Росов

**Выставка японского искусства в Музее Рериха и
ее политический фон: январь-февраль 1932 г.**

30 сентября 1931 г. президент Музея Рериха в Нью-Йорке Луис Хорш начал рассылать официальные приглашения на празднование десятилетия музея, запланированное на 17 ноября. В числе токийских адресатов были Императорская академия и Национальный исследовательский совет, Национальный комитет интеллектуального сотрудничества при японской Ассоциации Лиги наций, Токийский императорский университет и университет Кэйо. Ответом стала волна отказов – чаще почтительных, например, от президента Академии и Исследовательского совета химика Сакураи Дзёдзи (1858–1939)¹ или главы университета Кэйо Фукудзава Итигаро, но порой холодных и формальных, как от секретаря Академии, историка буддизма Анэсаки Масахару (1873–1949). Многие просили передать свои поздравления и выразить уважение «профессору Николаю Рериху за сближение всех народов в духе укрепления мира во всем мире через культуру», как, например, президент Токийского университета Онодзука Кихэйдзи (1871–1944) в письме от 29 октября 1931 г.² Но ехать никто не хотел.

Время для путешествий из Токио в Нью-Йорк, действительно, было не самое подходящее. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г., всего за 11 дней до отправки Луисом Хоршем приглашений, у полотна линии принадлежавшей японцам Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) вблизи Лютяогоу, к северу от Мукдена, прогремел взрыв. «Даже по сравнению с инцидентом в Сараеве, который разжег пламя первой мировой войны, это было совершенно незначительное и случайное событие, – писали позднее «левые» японские историки. – ... Не было известно, кто и с какой целью произвел этот взрыв, но если бы даже это удалось установить, все равно этот случай не должен был привести к таким серьезным последствиям»³. Так начался «Маньчжурский инцидент». Была ли это провокация Квантунской армии, что наиболее вероятно, или просто случайность, что тоже возможно, но ответная реакция была молниеносной: утром 19 сен-

тября Мукден был занят японскими войсками, а к середине дня армия полностью контролировала территорию вокруг ЮМЖД. Все эти действия проводились, как теперь установлено, по заранее подготовленному плану, творцами которого были офицеры штаба Квантунской армии – будущие генералы Исивара Кандзи и Итагаки Сэйсиро, не имевшие санкции императора, кабинета или военного министра и поставившие перед свершившимся фактом даже собственного командующего.

Китай, – точнее, связанные друг с другом сложными отношениями, но сразу же объединившиеся против общего врага режимы Чан Кайши и маньчжурского «молодого маршала» Чжан Сюэяня – немедленно предъявил протест японскому правительству и 21 сентября обратился за помощью в Лигу наций, членом Совета которой он был только что избран. Конфликт сразу же оказался на повестке дня Совета Лиги и ее Ассамблеи. На стороне «единого фронта» китайских диктаторов выступил госсекретарь США Генри Стимсон, хотя Соединенные Штаты в Лигу не входили. 22 сентября Стимсон пригласил к себе японского посла Дэбути Кацудзи (1878–1947) и вручил ему меморандум с заявлением, что маньчжурская проблема касается не только Японии и Китая⁴. 24 сентября правительство по настоянию министра иностранных дел Сидэхара Кидзюро ответило, что не имеет к Китаю территориальных претензий и немедленно после урегулирования конфликта выведет войска в пределы прежней дислокации⁵.

Дэбути был назначен послом в США в 1928 г. До этого он был вице-министром иностранных дел и работал под началом Сидэхара. Обоих считали «западниками» и сторонниками «миролюбивой» дипломатии, которую противники именовали «соглашательской». Оба намеревались защищать политические и экономические интересы Японии в Китае, но мирными средствами – не из-за пацифизма, а чтобы не конфликтовать с другими «великими державами». Став в 1927 г. главой правительства, генерал Танака Гиити, сторонник «позитивной» дипломатии (оппоненты называли ее «агрессивной»), лично возглавил МИД, а годом позже отправил Дэбути в Вашингтон. В описываемое нами время Танака уже ушел в мир иной. Правительство возглавил либерал Вакацуки Рэйдзиро, пригласивший Сидэхара на пост главы внешнеполитического ведомства. Пребывание Дэбути в США приобрело особое значение.

Григорий Беседовский, советский поверенный в делах в Токио в 1926–1927 гг., свидетельствовал: «Господин Дебучи (так ранее транскрибировалась его фамилия. – В. М., В. Р.), несомненно, один из самых блестящих японских дипломатов. Прекрасно образованный, владеющий в совершенстве английским языком, хорошо знающий Европу, Америку и Китай, он представляет собой законченный тип японского дипломата, с широким умом и разносторонним опытом. ...Сила логи-

¹ Учитывая недостаточную исследованность темы и ее важность не только для японоведов, мы, по мере возможности, приводим даты жизни и краткие сведения о японцах, с которыми, так или иначе, контактировал Рерих.

² Неопубликованные письма в собрании «Nicholas Roerich Museum», New York (далее: NRM).

³ История войны на Тихом океане. М., 1957, пер. с яп., т. 1, с. 187.

⁴ Стимсон Г. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. М., 1938, с. 4, 30.

⁵ История войны на Тихом океане, т. 1, с. 357–359.

ческих выводов господина Дебучи была поистине изумительна, и я иногда был буквально восхищен ярким блеском его аргументации»⁶.

Как только более или менее достоверная информация о событиях в Маньчжурии попала в японские газеты, произошло то, чего можно было ожидать. Почти все слои общества, за исключением узкого круга придворных, финансистов и высших бюрократов, оценили действия Квантунской армии как «патриотические» и обрушились на правительство за его «нерешительность». Годом позже знаменитый публицист Нитобэ Инадзо говорил о своих единомышленниках: «Либералы не одобряли военных действий в Маньчжурии; однако когда появилась угроза извне, они встали на защиту чести своей страны, оставив мелкие споры с соотечественниками-милитаристами»⁷. Об этом сразу стало известно за границей. Дальнейшие действия Японии обострили ситуацию. 8 октября авиация Квантунской армии бомбардировала г. Цзинчжоу, после чего Стимсон через Дэбути потребовал от Сидэхара гарантий прекращения дальнейшей экспансии, дать которые министр был не в состоянии.

В таких условиях Луис Хорш завершал подготовку первой выставки современной японской живописи в Музее Рериха. Партнером в организации этой выставки выступило министерство просвещения Японии. Практическая работа началась еще до «Маньчжурского инцидента», а замысел – по свидетельству Елены Ивановны Рерих – возник несколькими годами ранее: «Помню, как в 26-м году, когда мы беседовали с Радной и Морисом (Зинаидой и Морисом Лихтманами, ближайшими сотрудниками Рерихов в Америке. – В. М., В. Р.) о значении такой большой выставки, мы уже тогда планировали начать ее не с Европы, но с Востока»⁸. Японское правительство не отказалось от нее даже после грозных заявлений Стимсона. 5 января 1932 г. Хорш телеграммой поблагодарил своего «визави» в министерстве просвещения Исимару Юдзо, выразив надежду, что «выставка внесет большой вклад в японско-американское культурное взаимопонимание». 8 января Исимару ответил словами «глубочайшей благодарности за то, что выставка японской живописи состоится в вашем городе»⁹.

Проходившая под патронажем посла Дэбути и его супруги, выставка открылась в субботу 9 января, что совпало с очередным обострением политической ситуации: 2 января был взят Цзинчжоу. Ответом стала «доктрина Стимсона», изложенная 7 января в ноте японскому и китайскому правительствам. США заявили о непризнании «любой ситуации, договора или соглашения», которые противоречат Антивоенному пакту

Бриана-Келлога 1928 г., т.е. являются результатом разрешения международных проблем военными средствами¹⁰. Иными словами, любые попытки Японии закрепиться в Маньчжурии, например, путем создания марионеточного режима, были обречены на непризнание со стороны Вашингтона. 11 марта такую же позицию заняла Лига наций.

В речи Дэбути на открытии выставки, произнесенной на превосходном английском языке, нет и следа политических бурь. Он говорил так, как будто ничто не омрачало двусторонних отношений. Отметив, что «профессор Рерих создал музей для достижения международного взаимопонимания через искусство, в котором проявляются культура, традиции и дух нации», посол напомнил, что «Япония заинтересована в развитии гармоничных отношений между странами». Дэбути удовлетворенно подчеркнул, что «отношения между Америкой и Японией на протяжении более чем семидесяти пяти лет были отношениями мира и дружбы». Выступление Дэбути имело протокольный характер, но было благосклонно принято американской прессой и опубликовано на следующий день в нескольких газетах, включая «New York Times»¹¹.

После церемонии Зинаида Фосдик (Лихтман) записала в дневнике: «Открытие японской выставки. Ambassador Японии Debuchi произнес большую речь, говоря, что Япония и Америка жили в мире 75 лет, что идеи Н. К. [Рериха] глубоко значительны для Японии – культурный обмен и взаимное понимание двух наций. Луис [Хорш] приветствовал его, затем говорил Mr. Taft, брат бывшего президента и друг Debuchi. Масса народу, японцы, видные американцы, огромный успех»¹².

Отклики на открытие выставки (все положительные) и ее реклама появлялись в дюжине американских газет на протяжении всего времени экспонирования. Вход на выставку был свободным. Самого Николая Константиновича в Нью-Йорке не было (его представлял Хорш), поэтому пресса почти не уделила внимания лично мастеру. Исключение составила газета местной японской диаспоры «The Japanese American». 30 декабря 1931 г. она оповестила читателей о выставке и предстоящем выступлении Дэбути на ее открытии, особо отметив тот факт, что экспозицию принимает музей, созданный человеком, который «во многих своих сочинениях отдал дань культуре Японии»¹³. За этими словами следовала пространная цитата из статьи Рериха «Слава самураев», написанной в феврале 1931 г. и присланной в качестве приветствия Япон-

¹⁰ Стимсон Г. Дальневосточный кризис, с. 65–69 (текст ноты: с. 66).

¹¹ Debuchi Calls US a Partner of Japan. – The New York Times. 10.01.1932. После выступления Дэбути передал Хоршу машинописный текст речи, хранившийся первоначально в собрании NRM. В настоящее время документ находится в собрании Amherst Centre for Russian Culture, Massachusetts, USA (далее: ACRC). Использованная нами коллекция газетных вырезок, посвященных выставке, находится в двух собраниях: ACRC и NRM.

¹² Фосдик (Лихтман) З. Г. Дневник. – NRM. Тетрадь 43, 1931–1932. Запись от 9 января 1932 г.

¹³ Japan Joins America in Cultural Event. – The Japanese American. 30.12.1931.

⁶ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 183.

⁷ Inazo Nitobe. Lectures on Japan. An Outline of the Development of the Japanese People and Their Culture. Tokyo, 1936, p. 269.

⁸ Письмо к американским сотрудникам (8 февраля 1932). – Рерих Елена Ивановна. Письма. 1919–1933, М., 1999, т.1., 290.

⁹ Неопубликованные телеграммы в собрании NRM.

скому Рериховскому обществу; в том же году она вошла в сборник «Держава света», выпущенный издательством «Alatas»:

«Говоря о Японии, мы можем употреблять слово “Прекрасное”. На это понятие имеет право народ, который до сих пор весною выходит празднично приветствовать пробуждение природы, народ, который обращает повседневность в сокровище искусства и выбирает одну картину для каждого дня; народ, который знает, как чувствовать произведение искусства. Где же, кроме Японии, так много частных художественных собраний? В какой другой стране так же почетно называться собирателем искусства? ...Множество фактов являют нам Японию с самой положительной стороны, но при этом мы должны помнить, что для нас ускользает такое же множество трогательных и героических подробностей. ...Японский народ, осознавая богатые традиции, понесет и дальше высокую культуру, которая уже помогла ему занять в мире такое выдающееся место»¹⁴.

Статья об открытии выставки в «The Japanese American» напоминала: «Музей Рериха основан профессором Николаем Рерихом с единственной целью – способствовать дружбе и взаимопониманию между народами через искусство, поскольку он понимает, что искусство, прежде всего, есть единственный международный язык. Достоинство всяческих похвал то, что во время международных и дипломатических трудностей, музей послужит делу лучшего понимания Японии американцами, показав им современное японское искусство. Тот, кто испытывает подозрения в отношении намерений Японии, может посмотреть на эти картины и успокоиться». Вслед за этим газета процитировала слова Хорша, назвавшего присутствие Дэбути с супругой на церемонии открытия «знаком высочайшей государственной мудрости»¹⁵.

Выставка отличалась репрезентативностью, представив зрителям произведения современных мастеров пяти традиционных художественных школ страны: *ямато-э* – «японские картины» – декоративная живопись на ширмах и свитках, вдохновленная китайскими образцами; *укиё-э* – «картины плывущего (изменчивого, бренного) мира» – цветная гравюра на дереве, в сюжетах которой преобладали пейзажи и портреты; школы Тоса, развивавшей традиции *ямато-э*; школы Кано, художники которой находились под влиянием конфуцианства и работали в монохромной технике; школы Нанга («кюжная живопись»), во многом близкой к школе Кано. «Рядовой американец, представление которого о японской живописи крайне ограничено, – писала на следующий день после открытия газета “New York American”, – возможно, не сразу заметит эти различия. Скорее, он сможет оценить общий идеал всей современной школы декоративного реализма»¹⁶.

¹⁴ Рерих Николай. Держава света. Southbury, 1931, с. 192–193.

¹⁵ Art Exhibition at The Roerich Opens in Colorful Atmosphere. – The Japanese American. 10.01.1932.

¹⁶ Modern Japanese Paintings on View at Roerich Museum. – New York American. 10.01.1932.

Имена японских художников ничего не говорили американским читателям, поэтому их поместили не все газеты, которые в то же время не обошли вниманием нотаблей, почтивших присутствием открытие выставки или входивших в ее попечительский совет. В Музее Рериха были представлены работы таких мастеров, как пейзажист Мори Гэцудзэ (1886–1961), буддийский монах Кобаякава Сюсэй (1889–1974), Накамура Дайдзабуро (1898–1947), Томита Кэйсэн (1879–1936), Сазки Сюнко (1909–1942), чьи работы по сравнению с другими казались авангардными. Особое внимание привлекли портреты красавиц, выполненные Уэмура Сёэн (1875–1949) и Ито Синсуй (1898–1972). Следует добавить, что все газеты называли художников только по именам: возможно, потому, что так было принято в Японии... или просто приняв их за фамилии, которые в японском языке, в отличие от английского языка, пишутся первыми.

Японский генеральный консул в Нью-Йорке Хориноути Кэнсукэ (1886–1979), будущий вице-министр иностранных дел (1936–1938) и посол в США (1938–1940), внимательно следил за выставкой и за откликами на нее. 11 февраля, сразу после закрытия и в разгар японских военных операций в Шанхае, еще более обостривших отношения между Токио и Вашингтоном, он поблагодарил Хорша личным письмом, добавив, что сообщил в МИД об успехе мероприятия¹⁷. Таким образом, имя Рериха стало ассоциироваться в Токио с попыткой улучшить образ Японии в США и, тем самым, сгладить разгоравшийся между ними конфликт.

Сами Рерихи в полной мере оценили значение выставки. 8 февраля 1932 г. Елена Ивановна писала американским сотрудникам: «Очень и очень радует нас успех японской выставки. И прекрасны речи, как Логвана [Луиса Хорша], так и посланника японского, подчеркнувшего значение культурного обмена между странами. Вы знаете, насколько Н. К. [Рерих] высоко ценит искусство Японии, и именно хотел бы оттуда начать большую выставку. Конечно, можно очень осторожно и тактично подготавливать почву дружественными выявлениями и ознакомлением со значением художественно-культурной деятельности Н. К. [Рериха]. <...> Восток сейчас больше оценит и поймет все духовное и культурное, народы Запада слишком заняты разрешением своих проблем».

Особое внимание привлекают следующие за этим фразы: «А вдруг какой-нибудь японец и воскликнет так же, как Метерлинк, именно в его словах. Кстати, эти слова ведь очень знаменательны, и хорошо запомнить их и пользоваться при случае». Елена Ивановна имела в виду слова знаменитого бельгийского драматурга и мыслителя о «Вожде окрыляющем Рерихе». «Хорошо уметь вкладывать людям или, вернее, подводить их к подобным формулам, – заключила она. – Много хорошего и для них самих будет заключаться в этих формулах»¹⁸.

¹⁷ Неопубликованное письмо в собрании ACRC.

¹⁸ Елена Ивановна Рерих. Письма. 1919–1933, т.1, с. 290. Е. И. Рерих, упоминая «формулу Метерлинка», имеет в виду слова, принадлежащие известному бельгийскому драматургу и

В другом письме Елены Ивановны в Америку от 3/5 апреля 1932 г. находим не менее примечательное признание: «Теперь хочу сказать, как довольны были мы японской выставкой. Искусство Японии и ее героическая литература всегда были близки сердцу нашему. Надеемся, что удастся основать и развить там наше Общество Культуры. “Посев оправдает урожай”. Хотелось бы ближе ознакомиться с выдающимися личностями Японии»¹⁹.

Есть все основания предположить, что успех выставки современного японского искусства в Музее Рериха, прошедшей в столь сложное и напряженное время, сыграл немалую роль два года спустя, когда Николай Константинович собрался посетить Японию в процессе подготовки своей Маньчжурской экспедиции.

Рерих в Японии – люди и встречи: май 1934 г.

По многим причинам путешествие в Японию состоялось только через два с лишним года после закрытия выставки. 28 апреля 1934 г. Николай Рерих и его сын Юрий отправились в Иокогаму пароходом из Сиэтла. В первом же письме на пути в Японию Николай Константинович недвусмысленно писал: «Итак, пришли к будущему»²⁰. Что предшествовало этому визиту?

В январе 1934 г. Луис Хорш направил телеграмму в Токио Исимару Юдзо, которого знал по организации выставки 1932 г., и поинтересовался, не пригласит ли министерство просвещения художника в Страну корня солнца. 20 февраля Исимару почтительно, но недвусмысленно ответил: «Нет необходимости говорить, что мы рады приветствовать приезд профессора Рериха в Японию, поскольку мы всегда испытываем признательность в отношении его заслуг и сочувствуем его усилиям в деле международной защиты всех культур. Однако сейчас все в Японии очень страдают от финансовой депрессии и духовных потрясений, поэтому мы боимся, что не сможем оказать профессору Рериху достойный его прием. Такое мнение было высказано в ходе консультаций с нашими ведущими учреждениями». Иными словами: принять рады, но денег нет. Однако Исимару тут же подсказал Хоршу другой вариант: «Я узнал, что профессор Рерих посетит нашу страну в мае. Я уверен, что мы

поэту Морису Метерлинку (1862–1949). Эти слова она дословно цитирует из его письма: «Россия была бы спасена, если бы проф. Рерих стал её Вождём» (*Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. II. М., 2000, с. 145*). Сотрудники Н. К. Рериха в Соединенных Штатах, во Франции и на Дальнем Востоке взяли на вооружение эту «формулу» и особенно часто ее применяли (статьи в прессе и др.) в период Маньчжурской экспедиции (1934–35), когда художник посетил, в том числе, и Японию. Экспедиция проходила на фоне подготовки к подписанию международного документа о защите памятников и культурных ценностей во время войн и вооруженных конфликтов, названного «Пактом Рериха» (Вашингтон, 15 апреля 1935).

¹⁹ Там же, с. 303–304.

²⁰ Рерих Н. К. Письмо сотрудникам в Америку (1 мая 1934) – Государственный музей Востока (далее: ГМВ). МКР, ед. хр. 6, л. 2.

сделаем все возможное, чтобы принять его с распростертыми объятиями. Со своей стороны министерство иностранных дел посоветовало мне, как организовать прием, и мы сейчас совместно обдумываем этот вопрос. Поэтому я хотел бы как можно скорее знать, когда он покидает Америку и как долго намерен пробыть в Японии»²¹. Другими словами, нефинансовая помощь гостям гарантировалась.

Не удивительно, что в числе собеседников Николая Константиновича в США, откуда он собирался отправиться в Японию, оказались не только его главный американский покровитель – министр сельского хозяйства Генри Уоллес, но и японский генеральный консул в Нью-Йорке Савада Рэндзо (1888–1970), дипломат из числа «умеренных», карьера которого уверенно шла по восходящей: впереди были важные для японской дипломатической иерархии посты советника посольства в Маньчжоу-го (1936–1938), вице-министра иностранных дел (1938–1939, 1944–1945), посла во Франции (1939–1940) и первого посла в независимой Бирме (1943–1944). Его жена Савада Мики (1901–1980), которой сотрудники Рериха в Нью-Йорке оказывали исключительное внимание, была знатком японского искусства, а также приходилась дочерью третьему президенту концерна «Мицубиси» Ивасаки Хисая.

Как только Уоллес 17 марта официально подтвердил Рериху приглашение быть «руководителем и покровителем» Маньчжурской экспедиции при поддержке США, художник сразу же договорился о встрече с японским генконсулом, который 19 марта устроил ланч в его честь. Вскоре Савада нанес ответный визит в Музей Рериха, и его имя замелькало в ежедневных записях Николая Константиновича²². 9 апреля супруги Савада снова появились в Музее, где их принимала и угощала чаем вице-президент Зинаида Лихтман. «Говорила с ними о Н[иколае] К[онстантиновиче] — мировом лидере, что о нем говорил Метерлинк, о значении Японии и России в будущем»²³. Началась «обработка» японцев для того, чтобы возвысить в их глазах личность Рериха. Сам художник уже из экспедиции направлял сотрудников на то, чтобы они продолжали «Метерлинковские мелодии с Савад[ой]»²⁴. Всю осень 1934 г. он твердил в письмах о «Метерлинковской формуле», «Метерлинковском разговоре», о необходимости «проталкивать Метерлинка»²⁵ и добиться от Савада «понимания Метерлинка». Николай Константинович и его окружение готовили общественное мнение к появлению в Азии нового вождя. Японию, которая могла воспрепятствовать прове-

²¹ Неопубликованное письмо в собрании NRM.

²² Professor Roerich's Schedule. –NRM.

²³ Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934). М., 1998, с. 648.

²⁴ Рерих Н. К. Письма сотрудникам в Америку (24 сентября и 2 октября 1934). – ГМВ. МКР, ед. хр. 38, л. 2; ед. хр. 17, л. 2.

²⁵ Рерих Н. К. Письма сотрудникам в Америку (22 и 24 октября 1934). – ГМВ. МКР, ед. хр. 4, л. 4, 6.

дению в жизнь этого плана, нужно было привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать.

Пребывание в США в марте-апреле 1934 г. Рерих использовал для контактов с японскими дипломатами. От Савада он получил приглашение на торжественный прием в «Клубе банкиров» по случаю праздника, учрежденного Международным торговым комитетом. Художник ответил согласием: «Дорогой доктор Савада, по возвращении в Нью-Йорк из Вашингтона этим утром я получил Ваше благожелательное приглашение на обед 11 апреля в ознаменование празднования годовщины “Перри Дэй”²⁶. С большим удовольствием я стану Вашим гостем, и снова, надеюсь, продолжатся наши встречи, дружественные и сердечные»²⁷. Прием в «Клубе банкиров» оказался значимым событием. На нем Рерих встретился с японским послом в Америке Сайто Хироси (1886–1940), с которым обсудил возможность проведения своей выставки в Японии. Он получил от посла рекомендательные письма в официальные учреждения Токио и в японскую таможню с просьбой оказать помощь в беспрепятственном следовании багажа экспедиции.

Личность Сайто заслуживает особого внимания. Он был не только способным дипломатом, но и одним из лучших, выражаясь современным языком, «пиарщиков» Японии, возглавляя в 1927–1930 гг. департамент информации МИД. В 1932–1935 гг., будучи генеральным консулом в Нью-Йорке, а затем послом, он фактически в одиночку провел пиар-кампанию, не упуская ни одной возможности выступить на публике или в СМИ, причем не обязательно по злободневным или болезненным вопросам. В 1935 г. его речи, статьи и эссе на английском языке были собраны в превосходно изданный том «Политика и цели Японии»²⁸. Сайто отлично подходил для этой роли – он был умен, широко образован, импозантен, прекрасно говорил по-английски, хорошо знал и, несомненно, любил Америку, где провел много лет и где родилась его старшая дочь: ей и ее младшей сестре, «которым суждено стать связующими звеньями японско-американской дружбы», он посвятил книгу.

Основное общение велось с находившимся в Нью-Йорке Савада, который, как говорил впоследствии Рерих, давал «единственную возможность» постепенно и твердо осуществлять намеченный план. Сотрудники музея наперегонки взялись обхаживать японскую чету. В начале мая 1934 г. между ними даже произошла стычка из-за Савада Мики. Фрэнсис Грант, еще одна ближайшая американская сотрудница Рерихов, хотела устроить вечер японских музыкантов с ее участием, но Нетти Хорш, жена директора, потребовала от подруги, чтобы та не тро-

гала «ее людей», заявив: «Они мои!»²⁹. Николай Константинович сам распорядился, кто в его окружении отвечает за тот или иной сектор работы: Грант поддерживала связь с Вашингтоном, а супруги Хорш контактировали с японцами.

Вечер все-таки устроили, но другой, нежели предполагалось. 28 мая Рериховский музей праздновал день рождения Владыки Будды. Нетти Хорш организовала собрание и музыкальную программу с участием Общества Махабодхи. Само собой разумеется, присутствовали многочисленные японская диаспора и сотрудники консульства. С яркой речью о дзэн-буддизме выступил не кто иной, как Судзуки Дайсэцу (1870–1966), – пожалуй, самый знаменитый пропагандист и интерпретатор этой религии в Америке.

Савада Мики была искусствоведом и хорошо разбиралась в живописи, поэтому Хорши развивали связи с генконсульством по художественной линии. Это быстро принесло плоды. 23 ноября 1934 г. при Музее Рериха открылся Ниппонский культурный центр и состоялось «собрание в честь укрепления дружбы Н[иколая] К[онстантиновича] с Японией»³⁰, почетным гостем на котором была Савада. В марте 1935 г. в Нью-Йорке успешно прошла вторая выставка японского искусства. Академия художеств Японии представила полотна современных художников, а организаторскую работу взяла на себя поклонница таланта Рериха и знакомая Хорша Асако Мацуока (нам пока не удалось обнаружить сведений о ней). В Токио она собирала картины и средства, заботясь об успехе культурной миссии. Японский центр в Америке благосклонно принял идеи Пакта Рериха (Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников) и Знамени Мира, поскольку большая работа в этом направлении была проведена с Савада по совету его инициатора.

17 ноября 1933 г., в день открытия Третьей международной конференции по подготовке Пакта Рериха в Вашингтоне, Знамя Мира было поднято над Токийским государственным музеем. Такая акция, предпринятая в знак охранения сокровищ науки и искусства в Японии, воспринималась как символ. Предполагалось, что японская нация, издревле склонная к высоким символам, станет плодотворным полем для деятельности Рерихов. Таким образом, ко времени приезда японцы уже знали Николая Константиновича как «вождя культуры». В начале 1930-х годов на японском языке была издана его книга «Адамант», а осенью 1934 г. готовился к выпуску перевод «Сердца Азии». Большую славу художник стяжал благодаря своему Пакту. Брошюра, посвященная этому культурному проекту, также вышла на японском языке.

²⁶ Годовщина «открытия Японии» американской экспедицией М. Г. Перри в 1853 г.

²⁷ Обмен письмами между Савада и Рерихом (29 и 30 марта 1934). – NRM.

²⁸ *Saito Hiroshi. Japan's Policies and Purposes. Selections from Recent Addresses and Writings.* Boston, 1935.

²⁹ *Фосдик (Лихтман) З. Г.* Дневник. – NRM. Тетрадь 46. 14 марта – 6 июля 1934; запись от 3 мая.

³⁰ Письмо Г. И. Чертова Н. К. Рериху (22 января 1935). – NRM.

Сразу по приезде Рерихов в Токио в мае 1934 г. там развернулся настоящий культурный фронт. «Япония действительно встретила очень радушно»³¹, – писал Юрий Рерих 23 мая Зинаиде Лихтман. Они даже получили даровые билеты на проезд по железным дорогам и позже ехали бесплатно до самого Харбина. Каждый день был насыщен значительными событиями: 15 мая – завтрак в Американско-японском обществе, на следующий день – чай в Международном обществе поощрения культуры, 17 мая – встреча в Императорской Академии художеств. 18 мая Рерих прочитал лекцию в Буддийском колледже.

В Японо-американском обществе гостей принимал его председатель, принц Токугава Иэсато (1863–1940), глава палаты пэров и потомок сёгунов. С речами, кроме Рериха, выступили Хориноути, возглавлявший в то время Исследовательский отдел МИДа, и видный деятель японского «Ротари клуба», либерал-адвокат Мияока Цунэдзиро (1865–?). Николай Константинович воздержался от политических сюжетов, превознося достижения Японии в области искусства и самобытность ее культуры, но не забыл упомянуть, что многократно писал об этом, и напомнил слушателям основные вехи сотрудничества своего Музея с Японией, включая выставку 1932 г. и речь Дэбути. Хориноути отметил, что в последнее время «американский народ с большей симпатией и пониманием относится к событиям на Дальнем Востоке» и что «интерес американцев к изучению японской культуры растет». Он оценивал деятельность Рериха не в глобальном масштабе, но именно в перспективе двусторонних отношений, что заслуживает особого внимания. Среди почетных гостей были американский посол Джозеф Грю со свитой, а также бывший посол Дэбути. Рериха воспринимали как посланца Америки и выраителя ее доброй воли по отношению к Японии. О России – советской или несоветской – не вспоминали. По крайней мере, публично³².

Как «американец» Рерих фигурирует и в «шапке» статьи «Слава Японии», написанной им для англоязычной версии крупнейшей газеты страны «Осака майнити» и опубликованной 22 мая. К похвалам, относящимся к традиционной японской культуре, прибавились похвалы самурайскому духу, который «живет в истории человечества как символ героизма, подлинного патриотизма и благородства»³³. Пересказывая в радужных тонах историю своих предыдущих контактов со Страной корня солнца и ее представителями, Николай Константинович обращался,

³¹ ГМВ. МКР, ед. хр. 12, л. 5.

³² Art as Humanity's Common Bond Stressed by Roerich. – «Japan Times & Mail». 16.05.1934; U.S. View Termed More Sympathetic. – «The Japan Advertiser». 16.05.1934; Академик Рерих едет в Харбин. Торжественный прием знаменитого художника в Ниппоне. – «Заря» (Харбин). 25.05.1934.

³³ Hail to Japan. Appreciation of Japanese Spirit in Art Shown by American. – «The Osaka Mainichi & Tokyo Nichi Nichi». 22.05.1934. В основу текста положена опубликованная ранее статья «Слава самураев» с некоторыми дополнениями.

прежде всего, к японской аудитории, точнее, к власти имущим, рассчитывая на их поддержку или, по крайней мере, благожелательный нейтралитет в отношении своих грандиозных планов. Какую аудиторию вне Японии он имел в виду, сказать трудно, но не мог не учитывать возможный резонанс похвал самурайскому духу в англоязычной печати в то время, когда значительный сегмент «мирового общественного мнения», направлявшегося не только из Москвы, но и из Нью-Йорка, изо всех сил клеймил «японскую агрессию» и «милитаризм».

Рериху важно было соединить две области – воинственный дух и культуру, поскольку военная мощь, подкрепленная привлекательной идеей, становится несокрушимой силой. Поэтому статью в «Осака майнити» можно рассматривать как прелюдию встречи Николая и Юрия Рерихов с военным министром генералом Хаяси Сэндзюро (1876–1943), который принял их 23 мая в 9 часов утра. Полагаем, что министру, как минимум, доложили о статье. Сразу после беседы Николай Константинович дал интервью токийской газете «The Japan Advertiser»: «Японии повезло, что она имеет в числе своих вождей такого великого человека, как генерал Сэндзюро Хаяси... Это выдающаяся личность, и я высоко ценю любезно предоставленную мне возможность встретиться и побеседовать с ним. Генерал Хаяси – человек с благородным характером, его проницательность и понимание культурной работы и связанных с ней идеалов показывают, что он вождь великих способностей»³⁴. Сообщения о встрече генерала с художником, иллюстрированные фотографиями, появились и в японских газетах.

Публично вождь говорил о вожде, поскольку в той же статье приводились слова американского адвоката и политика Джорджа Бэттла (1868–?) о Рерихе как «бесспорно, одном из величайших вождей в истории». Однако похвалы в адрес Хаяси, не слишком знаменитого и выдающегося генерала, занявшего пост министра лишь в январе того же года, звучали слишком высокопарно. Они бы больше подошли его предшественнику Араки Садао – не только популярному лидеру радикального крыла военных кругов, но видному националистическому идеологу и пламенному трибуну, который, вопреки законам военной профессии, претендовал на собственное место в Большой Политике. Именно политические амбиции Араки снискали ему в 1932–1933 гг. всемирную известность, вплоть до появления его фото на обложке журнала «Time», но именно они же привели к его отставке. Хаяси не в меньшей степени был националистом и экспансионистом. Он стремился подчинить политику интересам армии и вооруженной экспансии, но не претендовал на «вождизм». В начале 1937 г., во время очередного политического кризиса, Хаяси стал премьер-министром Японии, но его кабинет, лишенный поддержки

³⁴ Roerich Commends Hayashi as Leader after Meeting Him. – «The Japan Advertiser». 24.05.1934.

парламента и политических кругов, оказался одним из самых недолговечных и неудачных в истории страны.

В тот момент Япония была особенно нужна Рериху. Накануне отъезда из Нью-Йорка он пришел в Музей огорченным, так объяснив свое необычное настроение Зинаиде Лихтман: «Америка начала проявлять дружелюбие к Китаю и вражду к Яп[онии]»³⁵. Такой поворот событий рушил и замыслы, и, видимо, уже устоявшуюся в уме стройную схему, в которой Япония занимала ведущую роль. Всякое суждение о ней вызывало у сотрудников Музея ревность даже между собой. В день отправления поезда на Сизтл, откуда лежал путь в Японию, писатель Георгий Гребенщиков, один из ближайших сотрудников Рериха, написал в газету заметку об отъезде художника. И хотя заметка оказалась маленькой, такой поступок все равно вызвал неодобрение сестер и братьев. О поездке «никому не нужно» было знать, прежде чем пресса опубликует репортажи с места события³⁶.

В отличие от предыдущих публикаций, статья «The Japan Advertiser» кратко, но информативно пересказывала русскую биографию Рериха, впрочем, без малейших намеков на политику. Однако Николай Константинович оказался между двух огней. С приходом к власти в США антияпонски настроенного Ф. Д. Рузвельта конфронтация между Вашингтоном и Токио усилилась, особенно после решения президента официально признать Советский Союз и установить с ним дипломатические отношения, что и было сделано поздней осенью 1933 г. Это, в свою очередь, усилило синдром «осажденной крепости» у японских военных, политиков и «разогретого» националистами общественного мнения. В Стране корня солнца более всего страшились коалиции СССР и США, грядущий конфликт с которыми стал казаться неизбежным. Это и была та самая «проблема 1934 г.», которой двумя годами ранее пугал общественность военный министр Араки. Его преемник Хаяси предпочитал не оперировать подобными расплывчатыми и в то же время угрожающими формулировками.

После приема у Хаяси Рерихи в тот же день отправились в Киото, где художник намеревался провести переговоры с директором нового Музея изящных искусств, основанного в 1933 г., об открытии специального отдела для своих произведений. Он сообщал в Америку: «Родные, 24-го утром мы выезжаем в Киото, Нару и сразу переплываем на Корею и т. д. Если бы нашлись певцы и любители Метерлинка. Ведь у меня нет голоса петь самому»³⁷. Снова разговор о Метерлинке, т. е. о «Вожде окрыляющем». В Киото легко удалось договориться об экспозиции. В сентябре из Нью-Йорка туда были доставлены 17 картин самого широкого

диапазона – от русских сюжетов «Снегурочки» и «Садко» до Гималайской серии, представленной полотнами «Сикким» и «Кулу». Среди них выделялись тибетские пейзажи, включая три работы с одинаковым названием «Тибет». Гималаи, Монголия и Тибет присутствовали как некий основной фон, на котором была прочерчена русская линия. В октябре Омори Китигоро (1883–1947), занимавший пост мэра Киото в 1932–1935 гг., в письме к Совету директоров Рериховского музея выразил надежду, что «эти семнадцать великих художественных творений явятся неиссякаемым источником вдохновения для художников Японии, а также цементом взаимопознания в Азии и крепким звеном цепи более близкого духовного сближения между Соединенными Штатами и Японией»³⁸.

Картины Рериха экспонировались в Киото около двух месяцев – с 10 января по 28 февраля 1935 г. – вместе с произведениями японских художников. Незадолго до открытия выставки, в декабре 1934 г. Николай Константинович посетил начальника японской военной миссии в Харбине полковника Андо и сделал щедрый дар в пользу жертв тайфуна, обрушившегося на район Кансай в сентябре того же года. Он предоставил городу Киото право выбрать любую из 17-ти картин и продать ее, а вырученную сумму внести в фонд средств на ликвидацию ущерба от стихийного бедствия³⁹. По неизвестным причинам город не принял дар, но благородный поступок оставил след в сердцах японцев. Картины надолго задержались в Японии и были отправлены в США только после второй мировой войны, в 1951 г., когда Хорш потребовал вернуть коллекцию обратно. Известный японский этнограф Като Кюдзо позднее писал: «Мне лично жаль, что эти картины вернулись в Нью-Йорк. Полагаю, что в Японии можно было бы в качестве акта доброй воли оставить хотя бы одну из них, преподнесенную Н. Рерихом в дар городу Киото»⁴⁰.

30 мая 1934 г. Рерих прибыл в Харбин. Началась новая страница его биографии.

³⁵ Фосдик (Лихтман) З. Г. Дневник. – NRM. Тетрадь 46; запись от 19 апреля 1934 г.

³⁶ Там же. Запись от 22 апреля.

³⁷ Рерих Н. К. Письмо сотрудникам в Америку (23 мая 1934). – ГМВ. МКР, ед. хр. 12, л. 1.

³⁸ Музей в Киото чтит искусство академика Н. К. Рериха. – Русские Поля (Сизтл). 4–17.11.1934 (письмо Омори цит. по этой статье); Ценное приобретение музея в Киото. 17 полотен академика Рериха. – Заря (Харбин). 1934, без даты (газетная вырезка, NRM).

³⁹ Дар академика Н. К. Рерих (так – В. М., В. Р.) в пользу жертв тайфуна – Заря (Харбин). 1934, без даты (газетная вырезка, NRM).

⁴⁰ Като Кюдзо. Николай Рерих и Япония. – Проблемы Дальнего Востока. 1987, № 2, с. 144.

А. Е. Куланов

В определении основных параметров и механизмов создания политических имиджей можно выделить следующие источники моделирования образов: внутренний (эндогенный) и внешний (экзогенный), а также группу так называемых «косвенных имиджеобразующих факторов», важнейшим из которых является фактор стороннего политического игрока или «третьей силы» (далее мы употребляем этот термин без кавычек)¹.

Под третьей силой понимается вклад в формирование имиджа – помимо субъекта и реципиента – других государств, осуществляемый, как правило, помимо воли последнего и в самых разных областях – от внешней политики до формирования потребительского спроса на ту или иную группу товаров. Необходимо понимать, что роль третьей силы всегда была столь важной, столь же и малозаметной как для потребителей, так и для комментаторов. Причем латентность данного процесса сохранялась даже тогда, когда он осуществлялся у них на глазах, как это происходило, например, в первые годы существования постсоветской России. В то же время нельзя не учитывать, что рассмотрение отношений нашей страны и Японии без учета данного фактора в любой сфере и в любой исторический период неизбежно окажется плоскостным и создаст неверную общую картину, несоответствующую объективной реальности. Это особенно актуально для такой области коммуникаций, как формирование взаимных имиджей, где цели, методы, а часто и результаты процесса скрыты за туманными формулировками, политкорректностью и невозможностью быстро и точно оценить эффективность прилагаемых усилий. Между тем дипломаты, историки, политологи и другие специалисты в области международных отношений знают, что третья сила, выступая в разных ипостасях и с разных сторон, оказывала очень серьезное воздействие на вектор развития российско-японских отношений. Порой именно ее влиянием были мотивированы или эмоционально окрашены сложившиеся в двух странах взаимные имиджи. Более того, из-за отсутствия сложных, взаимопересекающихся международных отношений, характерных, например, для Европы, в случае российско-японских отношений этот процесс настолько ярко

¹ Политическая имиджелогия. М., 2006, с.19, 26.

выражен, что мог бы послужить иллюстрацией для учебника по истории дипломатии. Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к изучаемому периоду, приведем несколько примеров из истории.

Первый из них относится к концу XVIII в., когда в Японию в 1771 г. попал бежавший с сибирской каторги на корабле участник польского восстания 1767 г. граф Мориц Август Беневский (фон Бэнгоро). Вырвавшийся на свободу аристократ обратился за помощью к японским властям через голландскую миссию в Нагасаки: ему были нужны еда, вода и другие припасы для дальнейшего плавания. Отчасти высказывая истинное восприятие действительности, отчасти пытаясь возбудить жалость к себе, беглецы во главе с Беневским позиционировали себя как невинно наказанные русской императрицей европейцы, а саму Россию постарались представить как темную и опасную страну, потенциальную угрозу для Японии с севера. Во многом их усилия увенчались успехом, так как соответствовали коммерческим планам голландцев, которые не жаждали появления конкурентов, хотя ряд японских источников отрицает это², а также настроениям групп самурайской элиты, настаивавших на скорейшем освоении Хоккайдо и Курильских островов. Учитывая, что первые непосредственные контакты между русскими и японцами произошли всего за сто лет до описываемых событий и были весьма фрагментарны, моделирование отрицательного образа России в закрытой токугавской Японии вряд ли стало сложной задачей. В дальнейшем этот образ культивировался в основном самими японцами вплоть до середины XIX в., когда страна была вынуждена пойти на контакты с общемировой цивилизацией³.

После «открытия» Японии в 1854–1855 гг., тем более после консервативной революции *Мэйдзи исин* 1868 г., монополии голландцев на моделирование картины внешнего мира в стране пришел конец. Образ России в результате этого только ухудшился, так как ключевые позиции в международном имиджмейкинге заняли Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и отчасти Германия – страны, с которыми отношения России были в лучшем случае конкурентными. Поэтому не удивительно, что вторая половина XIX в., начавшаяся с неудачного совпадения российского проникновения в Японию с Крымской войной, закончилась противостоянием Санкт-Петербурга и Токио в Маньчжурии и Корее, а позже русско-японской войной 1904–1905 гг. Роль «союзников», приложивших немало усилий для сталкивания этих двух стран в вооруженном противостоянии, была широко известна и осуж-

² Накамура Синтаро. Японцы и русские. М., 1999, с.18–21; Сиба Рётаро. О России. М., 1999, с.78.

³ Более подробно об истории влияния третьей силы на российско-японские отношения см.: Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007, ч. 1, гл. 2–4, 9; ч. 2, гл. 1.

далась уже тогда. Достаточно вспомнить русские лубки, на которых со злобещим сарказмом изображались европейцы и американцы, подталкивающие в обрыв императора Мэйдзи, и усилия германского императора Вильгельма II, пытавшегося отвлечь своего августейшего родственника Николая от европейской политики перспективой экспансии на Дальнем Востоке⁴.

По причине незначительности и фрагментарности непосредственных контактов с Японией, ее закрытости и слабости России на Дальнем Востоке в период, предшествующий *Мэйдзи исин*, третья сила имела значительно большее влияние на формирование имиджа России в Японии, нежели наоборот. Япония потенциально опасалась России (именно в это время в японский политический лексикон входит выражение «угроза с севера»). Россию же Япония практически не интересовала, пока не получила импульс с Запада. Предварявшие изменение политического лица дальневосточной империи выставки ее изобразительного и прикладного искусства в Лондоне (1862) и Париже (1867) набросали первые штрихи образа Страны восходящего солнца в Европе. Триумфальное шествие японской культуры в Петербург и Москву началось именно оттуда: европейская мода на все японское – «жапонизм» (франц. *japonisme*) – пришла в Россию с Запада, а не с Востока. Япония была в этом заинтересована. По наблюдению В. Э. Молодякова, «увлечение европейским искусством одобрялось и использовалось японской элитой. Во-первых, это создавало образ миролюбивой нации, ценящей красоту и гармонию, преданной традиции и истории – в то время, когда она интенсивно вооружалась и готовилась потребовать достойного «места под солнцем». Во-вторых, богатство и многообразие культуры было несомненным «патентом на благородство» и наряду с успехами модернизации говорило, что японцы тоже достойные члены «цивилизованного мира»⁵. В значительной степени благодаря третьей силе, в роли которой выступили авторитет и культурное влияние Европы, в России сложился первый ностративный (стержневой) имидж Страны корня солнца – «живописная Япония».

В период русско-японской войны необыкновенное развитие получил собственно политический имиджмейкинг, когда обе стороны (японская – в большей мере и с несравнимо большей эффективностью) задействовали «активные фракции» общества и средства массовой информации других стран для формирования собственного позитивного имиджа и негативного имиджа своих противников. Фактически именно тогда началась открытая имиджевая война между Японией и Россией, важным участником которой стала третья сила, в большинстве случаев

выступающая на стороне Токио⁶. Наряду с «живописной Японией» возник второй ностративный имидж этой страны – «желтая опасность», так же, как и «живописная Япония», существующий до сих пор. Третья сила, имеющая на этот раз иные источники, в первую очередь, политическое влияние Германии на Россию и, косвенно, влияние Британии и Америки на Японию, вновь оказалась причастна к этому процессу.

Последующее авторитарное правление в Советском Союзе не способствовало внешнему проникновению в любой области коммуникаций, однако с 1960-х годов элементы интернационализации все же просачивались и за «железный занавес», формируя на потребительском уровне образ Японии как высокоразвитой в технологическом плане державы. Особенности общения СССР с внешним миром в тот период привели к тому, что в дополнение к стереотипам «гейши» и «самурая» в общественном сознании советских граждан формируется еще одно клише – «Сони», под которым понимается вся японская промышленность, прежде всего, электронная. Япония, уже завоевавшая западный рынок, к концу эпохи СССР приходит в нашу страну в виде телевизоров, магнитофонов, фотоаппаратов, радиоприемников, позже – видео-техники, а в перестройку – автомобилей. При этом информацию о качественном уровне японских брендов советские граждане могли почерпнуть в основном из западных источников: понятие «made in Japan» уже несло за рубежом вполне определенную имиджевую нагрузку, став для Советского Союза наглядным выражением третьей силы, влияющей на формирование образа Японии в данный период.

Однако следующая эпоха – «лихие» 1990-е дали наиболее удивительный пример ренессанса жапонизма в постсоветской России. На этом этапе политические усилия третьих стран по формированию взаимных имиджей Японии и России отошли на задний план, поскольку распад Советского Союза поставил значительно более насущные задачи для имиджмейкеров. Что касается образа Японии в нашей стране, то настоящей третьей силой в указанный период стал экономический фактор, и ранее эффективно работавший в сфере потребления, но теперь несколько сменивший акценты. В дополнение и развитие упомянутого влияния продукции японской индустрии на повседневную жизнь советских граждан на приватном уровне, в перестраивающейся отечественной экономике стала особенно популярна идея «японского экономического чуда» – загадочной «магии японского менеджмента», якобы способной оживить экономику России и вывести ее из глубокого кризиса. Как сделать так, чтобы «made in Japan» стало не только частью потребительской культуры, но и достижимой целью развития

⁴ Там же.

⁵ Там же, с.25.

⁶ Данный вопрос довольно подробно исследован в книге «Россия и Япония: имиджевые войны» и в работах Д. Б. Павлова (См. например: Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004, с.30–32, 328–329).

экономики? Эта идея будоражила умы многих экспертов и обычных людей. Так как собственного опыта ее воплощения в жизнь не было и быть не могло, а интеллектуальные коммуникации с японскими источниками были развиты слабо, их взоры вновь обратились на Запад.

Первые переводы трудов «кудесников менеджмента», как японцев, так и других иностранцев, были сделаны с английского языка еще в советский период и активно цитируются по сей день⁷. Данная практика сохранялась в постсоветское время, и лишь в начале XXI в. ее потеснило обращение к первоисточникам на японском языке. Однако до сих пор сохраняют популярность и переиздаются сочинения вроде «Дао Тойота»⁸, адресованные менеджерам среднего звена и, как правило, учитывающие их американскую направленность в понимании управленческих систем и в видении общей картины мира. Япония остается для них привлекательной экзотической картинкой, созданной на Западе, а, учитывая медленно растущие численность и влияние этой прослойки в российском обществе, данный контекст восприятия Страны восходящего солнца приходится признать весьма значимым и актуальным и в современных условиях.

Еще одним из важнейших и, пожалуй, наиболее зримым направлением влияния третьей силы на формирование образа Японии в постсоветской России в 1990-е годы стала кулинария. Мировой опыт показывает, что еда вообще является надежным индикатором популярности того или иного модного течения на приватном уровне общественного сознания. В этой связи можно вспомнить некоторые особенности восприятия внешнего мира в Японии, о которых автор уже писал ранее⁹. Интерес россиян ко всему японскому также ярче всего проявился в это время именно на примере «суши-баров» и ресторанов. Мы можем наблюдать за процессом разносторонней визуализации ранее возникших или создающихся попутно образов: вывески, афиши, рекламные проспекты и тому подобные визуальные объекты находятся вокруг нас, и это оказывает существенное влияние на формирование мнения об окружающей действительности – не всегда объективного и справедливого.

Для постсоветской России «кулинарный фактор» формирования имиджа был тем более актуален, что, помимо сугубо потребительской нагрузки, он нес и несет нагрузку социальную. Обращение к кухням других стран служит для значительных масс населения нашей страны сублимацией заграницы, своеобразной компенсацией за невозможность посетить ту или иную страну. В нашем случае просто невозмож-

но подсчитать, сколько молодых россиян находят в японских ресторанах свою «Японию», воплощающую их самые радужные мечты и фантазии об этой очень популярной в 1990-е годы, «близкой к раю стране». Можно только быть уверенными, что для десятков тысяч людей *суси* заменили Киото, а *роллы* – Токио. Не случайно именно в этот период среди рестораторов возникает подсознательное желание создавать из японской кухни своеобразный симулякр Японии. Владелец дорогого японского ресторана «Сумосан» в гостинице «Славянской» А. Волков утверждал в рекламных буклетах своего заведения, что его «*суши* лучше, чем в Киото», не только потому, что хотел показать таким образом уровень кухни, но и потому, что умело создавал вполне осязаемый миф, способный растаять на кончике языка русского нувориша. Отсюда же и неукротимое стремление создавать в подобных ресторанах псевдояпонскую обстановку, одевать киргизских официанток в домотканые кимоно и вешать в залах японские картины. Это уже не просто кухня, а нечто большее, это – образ. И, кстати, он глубоко западает не только в наше сознание, формируя моду, но и приезжающим в Россию японцам.

Японские журналисты, например, и сегодня, пытаясь показать, насколько хорош имидж их страны в России, по инерции прибегают к испытанному приему и с завидной легкостью оперируют цифрами пятнадцатилетней давности – меняются лишь даты публикаций. Например, автору даже в 2010 г. пришлось столкнуться с утверждением корреспондента одной из крупнейших японских газет, что «еще 10 лет назад в Москве было лишь два японских ресторана, а сейчас более ста». На самом деле такая постановка вопроса была актуальной именно для описываемого в настоящей главе периода, точнее – для 1998–1999 гг. и полностью связывалась с действиями третьей силы¹⁰.

В 1992 г. в Москве действительно было только два японских ресторана: «Сакура» в Центре международной торговли и «Саппоро» на Проспекте мира. Оба заведения ориентировались на обслуживание японцев, работающих в Москве, а последнее к тому же принадлежало японской компании «Рон». Их вклад в формирование имиджа Японии даже в масштабах одной только российской столицы можно оценить как нулевой. Но уже к 2000 г., по данным существовавшего тогда сайта Sushi.ru, японскую кухню в Москве предлагали более чем в 150 точках общепита. Примерно треть из них – рестораны собственно японской кухни; в остальных случаях она сочеталась с другими иностранными кухнями, чаще всего с итальянскими. По разным данным, общее число московских ресторанов увеличилось при этом с 300 до 2–2,5 тыс. Со-

⁷ Каору И. Японские методы управления качеством. М., 1989; Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий. М., 1987, пер. с англ.; Как работают японские предприятия, М., 1989.

⁸ Лайкер Джеффри. Дао Тойота. Альпина Паблишерз, 2010.

⁹ Куланов А. Е. Обратная сторона Японии. М., 2008, с. 56–62.

¹⁰ Отдельно хотелось бы оговорить тот факт, что данная статья написана в основном на «московских материалах», довольно хорошо изученных и доступных автору. Более детальное исследование данной темы в других регионах России еще ждет своей очереди.

поставляя эту информацию, можно сделать вывод, что японская кухня занимала значительную долю ресторанного сектора российской столицы, но росла вместе с ним, а не быстрее.

Сам факт того, что японская еда легко сочеталась в меню с итальянскими, французскими, русскими и даже кавказскими блюдами свидетельствует о том, что россияне воспринимали кухню Страны восходящего солнца не как какую-то чрезвычайно специфичную или уникальную, но скорее как часть общемировой или, с учетом миграционных реалий тех лет, общеевропейской кулинарной культуры. Все сказанное выше по поводу «кулинарной имитации» Японии справедливо и в отношении других стран и представлений об их кухнях. Разумеется, это не могло не сказаться и на «происхождении» многих ресторанов и даже ресторанных сетей. Не случайно одна из самых популярных сетей – «Планета суши», принадлежащая реэмигрантам из Венесуэлы и Коста-Рики братьям Ордовским–Танаевским–Бланко (основана в Москве в 1999 г.), – сразу получила большую популярность, и сегодня число только ее ресторанов по всей стране около 130¹¹. Известный публицист Александр Генис, приехав из Америки на родину, констатировал: «В той Москве, которая может себе это позволить, по-моему, редко едят, что хотят. Чаще, что модно. Только этим я могу объяснить полоумное увлечение суши. Я думаю, что Москва – единственная, кроме Токио, столица, где японских ресторанов больше, чем китайских. И никого не смущает, что рядом нет моря. Видимо, в сегодняшней Москве суши играют ту же роль, что в мою молодость – джинсы, причем польские, потому что настоящих не было»¹².

Крупнейший столичный ресторатор А. А. Новиков подтверждает и развивает эту мысль: «Суши-баров в Москве и других городах много. Но суши-бар и японская кухня – это разные вещи. ...Наличие таких ресторанов (а-ля японских), где подают японские суши, никакого отношения к японской кухне не имеет. Вся эта японская кухня попала к нам не из Японии, а из Европы (бросается в глаза сходство с “жапонизмом” начала XX в. – А. К.). Мы знаем, что в советские времена была пара японских ресторанов, “Токио” и “Сакура”. Они были популярны среди японских чиновников и элиты, которая здесь работала. Затем они закрылись, и открылся ресторан в гостинице “Славянская” ... (без японских поваров). Туда стала ходить самая модная публика – артисты, бизнесмены. В один прекрасный момент умные предприниматели открыли дешевый ресторан “Якитория”. Вся публика, которая не могла позволить себе дорогой ресторан в “Славянской”, стали ходить туда, так как им хотелось попробовать, что собой представляет японская кухня»¹³.

¹¹ По данным пресс-службы компании «Росинтер» на 1 апреля 2010 г.

¹² Генис Александр. Кухня престижа и комфорта – Snob.ru/http://www.snob.ru/selected/print/10132?preview=print. 09.12.2009.

¹³ Японский бум: миф или реальность? – Симпозиум в ИТАР-ТАСС 20.11.2007. – Сайт посольства Японии в РФ: www.ru.emb-japan.go.jp/APP/Brochure.doc

Сам Новиков открыл несколько японских ресторанов с демократичными ценами, в том числе «Япона мама», «Суши весла», а несколько позже – «Япошка». Нетрудно заметить, что в некоторых названиях обыгрывался не только имидж Японии, как в случае с «Япошкой», но и своеобразное, явно пришедшее с Запада, название главного для московских гурманов японского продукта – «суши».

Казалось бы, сугубо технический, лингвистический вопрос – «как правильно: суши или суси?» – в 1990-е годы стал едва ли не главным в этнографических передачах о дальневосточной культуре и расколол ее приверженцев на два лагеря¹⁴. Представители первого (их костяк составили профессиональные японисты) отстаивали версию «суси» на основе принятой во всех японско-русских словарях «поливановской» транскрипции. С помощью писем в редакции, интервью с экспертами, частых обсуждений этой темы в статьях, им в основном удалось убедить средства массовой информации и часть рестораторов (например, владельцев сети «Якитория»), что «суси» – это правильно. Однако для масс населения, ориентированных на англо-русские словари и чаще бывающих в Лондоне, чем в Токио, единственным верным вариантом остались (и, вероятно, останутся навсегда) «суши». Особенно это относится к русским, хлынувшим в постперестроечную эпоху именно в Японию. Не имеющие в большинстве своем профильного образования, а во многих случаях и вообще никакого образования, кроме среднего, они учили японский язык по книгам и учебникам, предназначенным для иностранцев, говорящих на английском языке. Естественно, «суши», в широком смысле слова, стали их второй натурой.

В самой России вопрос «суши или суси» никогда не стоял так остро, и филолого-социальная стратификация была не столь заметна. Даже в начале так называемого «японского бума» в 1998 г. специализирующийся на японских ресторанах сайт Sushi.ru предлагал два варианта названия как блюд, так и ресторанов, в названии которых эти блюда встречаются. Другое дело, что англоговорящие ресторанные маркетологи к словарям не обращались и ориентировались на максимально широкую целевую аудиторию. Поэтому названия ресторанов могли звучать органично только в одном варианте: «Планета суши», а не «Планета суси», «Суши весла», «Часть суши» и т. п. В это же время немалую популярность приобрел сайт Susi.ru («Виртуальные суси»), на котором обсуждалась данная лингвистическая проблема. Обсуждение стало достоянием настолько широкой японофильской общественности, что в определенной мере позитивно повлияло на противостояние susi и sushi. В любом случае, само по себе слово «суши» навсегда стало ви-

¹⁴ Речь идет, конечно, не только о конкретном слове, но и обо всех словах с похожей фонетической проблемой (си-ши; дзи-джи; сю-шу и т.д.), например «сибуя-шибуя», «дзюдзюцудзюдзюцу» и пр.

зитной карточкой глобального японофильства, предъявленной третьей силой россиянам, и с благодарностью ими принятой. Но не одними ресторанами ограничивалась сфера действия третьей силы в 1990-е годы на приватном уровне формирования имиджа Японии.

Мода на «японщину» развивалась, захватывая новые ниши. Вслед за ресторанами появились магазины, торгующие японскими товарами: к 2000 г. в Москве их было около десятка. Все они позиционировали себя как «истинно японские», но, подобно «японским» ресторанам, в значительной степени также не были ориентированы на Японию. Если для рестораторов выгоднее привозить рыбу из Норвегии или даже с Волги, то и для многих продавцов предметов японского интерьера или модных безделушек оказалось дешевле доставлять их из Европы или Китая, чем из самой Японии¹⁵. Рынок для них уже был готов: у большинства магазинов и ресторанов заранее сложился контингент клиентов, готовых к потреблению «суши-сувениров» исходя из собственного европейского или американского туристического опыта. Эпоха Ельцина стала временем расцвета «популярной» Японии – продукта массового спроса, адаптированного к представлениям о нем россиян и в значительной мере поверхностным. Ренессанс жапонизма в новой России состоялся.

Наконец, третья сила сыграла свою роль и в укреплении отдельного направления «японского бума» в боевых искусствах. Дороговизна японских товаров оказалась неподъемной ношей для многих россиян, но не могла остудить их романтический пыл и стремление прикоснуться хоть к чему-то японскому. Даже «кулинарный симулякр» для многих наших соотечественников оказался недоступным в финансовом отношении. Естественно, что они обратились к нематериальным формам дальневосточной культуры, не требующим серьезных бюджетных вложений. Японские единоборства оказались одним из самых популярных увлечений граждан России в эпоху Ельцина. По официальным (хотя и не подтвержденным статистическими материалами) данным Российского союза боевых искусств, число занимающихся ими выросло с формального нуля (вспомним, что до 1990 г. преподавание боевых искусств было запрещено) до 4–4,5 млн. человек к началу эпохи Путина – президента-дзюдоиста, сравнившись, таким образом, с численностью американских любителей *будо* (боевых искусств)¹⁶. Заметим в связи с этим, что в Америке единоборства никто и никогда не запрещал, а масс-медиа, прежде всего Голливуд, только подстегивали желание американцев стать «ниндзя».

На этом фоне российская статистика, занимающихся японскими единоборствами, выглядит просто ошеломляющей. Не сказать, что та-

кой рост во многом был инициирован из Европы, значит не сказать ничего. В 1990-е годы лишь самые смелые представители российского мира *будо* могли мечтать о непосредственных контактах с японскими наставниками и коллегами, зато общение с европейскими и, реже, с американскими *будока* было активным и широким. Многие европейские преподаватели различного уровня приезжали в Россию для проведения семинаров; тысячи наших соотечественников выезжали в Европу для участия в массовых мероприятиях мира единоборств – семинарах, соревнованиях, частных турнирах. Настоящее море литературы, обычно небрежно переведенной с европейских языков, накрыло отечественных любителей единоборств и во многом сформировало ту теоретическую базу, которой по сей день пользуются их ученики¹⁷. Подавляющее большинство действующих сегодня школ и клубов японских боевых искусств в России так или иначе ведут свою «родословную» от европейских корней, а в названиях некоторых из них это прослеживается даже на слух. «Англоязычная» транскрипция японского языка и конфликт «суси-суши» стали причиной того, что ныне в России существуют, например, федерации Кёкусинкай, Киокушинкай, Киокусинкай и Кёкушинкай – одного и того же стиля каратэ, изначально отличающиеся друг от друга только разным произношением одних и тех же иероглифов, и имеющего в нашей стране польское происхождение¹⁸. Сюда же можно добавить многочисленные федерации джиу-джитсу, джиу-джицу, дзю-дзюitsu, Тсу Шин Ген, Шото-кан, Шито-рю и др.

Обращаясь сегодня к рассматриваемой эпохе и пытаюсь понять роль и значение третьей силы в российско-японских отношениях в этот период, мы неизбежно приходим к выводу, что ее влияние оказалось незначительным в политическом смысле, на высоком – официальном уровне формирования образа Японии, и решающим – на уровне приватном. Япония, которую мы представляем себе сегодня, во многом рождена в 1990-е годы нашим воображением на основе скудных источников информации и скроена по европейской модели. К этой, во многом мифической, Японии вполне применимы слова из популярной песенки «я его слепила из того, что было, а потом что было, то и любила». Следы европейской «лепки» такой Японии легко обнаружить и поныне – в названиях ресторанов, клубов каратэ, магазинов.

Приватный уровень формирования имиджа на потребительской, экономической базе не только показал себя важным фактором в ельцинскую эпоху, но и его эмоциональная окраска в большинстве случаев

¹⁵ Рестораны «Тануки» и «Ерш» предлагают своим гостям угощения настоящей домашней кухни. – http://community.comstar.ru/number_detail.asp?aid=273.

¹⁶ По данным Российского союза боевых искусств (ежегодный бюллетень за 2005 г.).

¹⁷ Например: Хабержецер Роланд. Искусство каратэ, пер. с англ. 1991; Хайес С. Ниндзюцу: Боевое искусство невидимого воина, пер. с англ. А. Дробышева. М., ФАИР-ПРЕСС; Борковски Ц., Манзо М. Боевые искусства (пер. с англ.); Никлаус Суино. Искусство японских мастеров меча, пер. с англ. Дробышева, М., 1998 и др.

¹⁸ Танишкин А. И. Мокусо ямэ (Открыть глаза). Изд. «Русь», 1997.

была позитивной. В общественном сознании Япония стала частью более высокоразвитого, культурного Запада, сохранив при этом в представлении россиян свою культурную уникальность или, по крайней мере, своеобразие. В число стереотипов, представляющих эту страну, вошло и прочно закрепилось новое важное понятие «суши». В условиях колеблющихся межгосударственных российско-японских отношений пришедшая с Запада культурная экспансия Японии на потребительском уровне стала ключевым элементом формирования массового имиджа этой страны.

Школьное образование в Японии

Э. В. Молодякова

В настоящее время образовательный уровень японцев один из самых высоких в мире. Обязательное девятилетнее образование (начальная и средняя школа первой ступени) получают почти 100% детей, 96% продолжают обучение в средней школе второй ступени, по окончании которой более 60% поступают в институты, колледжи и профессиональные училища. Таким образом, с большой долей уверенности можно сказать, что жизнь японского ребенка во многом сориентирована на обучение. При этом его будущее в значительной степени связывается с тем, какое образование он получит. Элитарный детский сад почти автоматически открывает двери в соответствующую школу и университет, что, в свою очередь, гарантирует место в политической и экономической структуре страны. Современная национальная система образования состоит из дошкольного, начального, среднего и высшего образования.

Основной закон об образовании и Закон о школьном образовании были приняты еще в 1947 г. Они, как и большинство других законов, с одной стороны, представляют собой тщательно проработанные документы, а с другой – оставляют свободу для расширенного толкования. В первом законе отражены неизменные приоритеты японской системы образования. В первой статье записано: «Целью образования является формирование гармонично развитой личности, приверженной правдолюбию и справедливости, уважающей индивидуальность и трудолюбие, обладающей чувством ответственности и независимости, которые необходимы строителям миролюбивого государства и общества»¹. Таким образом, в законе нашли отражение приоритеты системы образования, которые корреспондировали с общим курсом на демократизацию страны.

Закон предусматривает бесплатное девятилетнее образование, провозглашает принципы равных возможностей и совместное обучение мальчиков и девочек, запрещает целенаправленную политическую агитацию. В восьмой статье указывается: «Политические знания должны быть инкорпорированы в систему образования. Но школам надлежит воздерживаться от политических пристрастий, направленных за или против какой-либо определенной политической партии, и заниматься активной политической деятельностью»². В десятой статье отмечается:

¹ Компакуто роппо (Краткий свод законов). Токио, 1989, с. 235.

² Там же.

«Образование не должно подвергаться неправомерному контролю, но должно быть ответственным перед всем народом»³. Закон признает важную миссию педагога, его ответственность перед обществом и определяет высокий статус, что соответствует национальной традиции.

Закон о школьном образовании закреплял новую систему, которая была скопирована с американского образца. В первой статье указывалось, что учреждаются начальные, средние школы первой и второй ступени, университеты, профессиональные училища, специальные школы для детей с физическими или умственными недостатками и детские сады. Право открывать школы признается за государством, органами местного самоуправления, а также за юридическими лицами, действующими в системе образования (ст. 2). В соответствии с этим существуют государственные, префектуральные (префектура – основная административная единица), муниципальные, а также частные школы. Руководство ими по большей части перешло в ведение местных органов власти, что означало децентрализацию управления. Таким образом, образование в значительной степени стало приобретать эгалитарный характер.

Внесение уточнений и поправок в принятые в 1947 г. законы началось сразу же после провозглашения страной суверенитета, т. е. с 1952 г. Они в основном касались системы управления образовательным процессом и создания новых образовательных учреждений, которые требовались бурно развивающейся экономике страны. Серьезный пересмотр Основного закона об образовании начался лишь во второй половине 10-х годов XXI в. В меньшей степени он затрагивал школьное образование, которое в той или иной мере реформировалось на протяжении всего послевоенного периода.

Воспитание и обучение японца начинается буквально с первых лет его жизни. Практически 90% детей в стране хотя бы в течение года посещают дошкольные учреждения. Во многом они помогают воспитывать у них принадлежность к группе, с ранних лет приобщать к социальной жизни, усваивать духовные ценности, стереотипы поведения. Уже здесь, среди сверстников, ребенок начинает чувствовать себя личностью. То, что закладывается в раннем детстве, получает дальнейшее развитие в школе. Постепенно ребенок учится согласовывать свои поступки с интересами группы, какой бы малой она ни была. Это помогает ему чувствовать себя комфортно, приживаться на каждой последующей ступени его жизни – в школе, университете, на предприятии, наконец, в созданной им семье. Принадлежность к группе и признание со стороны группы, как известно, важнейшее условие жизни в Японии.

Японские дети воспитываются в традициях отечественной педагогики, основоположники которой еще в XVII в. полагали, что ребенок – это существо в психологическом отношении в корне отличное от взрослого,

поэтому с ним надо вести себя принципиально иначе. Основное положение этой педагогики – «нельзя из ребенка сразу сделать взрослого, каждому возрасту должны предъявляться свои требования, ограничения в поведении должны вводиться постепенно»⁴. Поэтому не удивительно, что зачастую возникает взаимное непонимание поступков представителей разных народов. На Западе, например, существует устойчивое мнение, что японские избалованные и неуправляемые дети дошкольного возраста после окончания школы превращаются в послушных, безликих молодых людей, пополняющих армию служащих и домохозяек, напоминающих роботов⁵.

В стране существуют два типа дошкольных учреждений: детские сады (государственные, муниципальные, частные) и дневные центры (из них 60% – государственные). Первые относятся к системе образования и находятся под юрисдикцией министерства просвещения и науки, вторые – под юрисдикцией министерства благосостояния и труда, поскольку, в основном, они призваны помогать работающим матерям. Эти дошкольные учреждения отличаются друг от друга по своим возможностям, оборудованию, учебному материалу, квалификации сотрудников, условиям работы и количеству детей на одного сотрудника.

Работников детских садов называют учителями, и они обязаны получить соответствующее образование, подтвержденное специальным сертификатом, как это предусмотрено Законом о сертификации преподавателей. Сотрудники дневных центров называются нянями и приобретают необходимую квалификацию в различных учебных заведениях, подведомственных министерству благосостояния и труда.

Возраст пребывания в детских садах от трех до шести лет. По желанию родителей ребенка можно отдать в детсад и в четыре–пять лет. Во многих садах обучение проводится по программам, учитывающим возраст поступающего ребенка. Такие программы разрабатываются по пяти направлениям: физическая подготовка, межличностные отношения, окружающая среда, родной язык, общение. Занятия с детьми рассчитаны на четыре часа в день, т. е. на время пребывания ребенка в саду. Во время занятий основное внимание уделяется физическому и умственному развитию детей, привитию им навыков повседневной жизни, развитию творческих способностей, усвоению правил общения друг с другом. Детей обучают устоявшимся формам выражения вежливости в языке, простейшим ритуалам, рассказывают о национальной символике. Соблюдение разного рода канонов, требований этикета до сих пор сопровождает японца на протяжении всей его жизни.

В дневных центрах дети находятся в возрасте от восьми недель до шести лет. Ежедневное пребывание – более восьми часов. Поэтому

⁴ См.: *Прасол А.*. Особенности национальной педагогики в Японии. – Япония. Путь кисти и меча. 2000. № 4, с. 12.

⁵ Tobin Josef. Japanese Schools and Pedagogy of Selfhood. – Japanese Sense of Self. Cambridge, 1990, p. 21.

³ Там же, с. 236.

протяженность рабочего дня сотрудников в два раза больше, чем в детских садах. Кроме того, дневные центры работают всю неделю, без каких-либо каникул, как это предусмотрено в детских садах. С четырехлетнего возраста дети получают здесь тот же набор знаний, что и в детских садах. В настоящее время прорабатывается возможность в какой-то форме интегрировать функции обоих видов дошкольных учреждений с тем, чтобы стереть разницу между ними.

В 2002 г. в стране действовало всего 14 218 детских садов и 61 филиал некоторых из них, преимущественно муниципальных (57). Преобладали частные детсады (8406), затем шли муниципальные (5763), незначительное число государственных детсадов (49). Основная масса детей (1,39 млн. из 1,76 млн.) посещала частные детские сады, 363 тыс. – муниципальные. В связи с этим в частных детских садах трудится основная масса учителей: более 81 тыс. из 108 тыс., в том числе более 5,5 тыс. мужчин из 6,5 тыс.⁶. Примерно такое же соотношение и среди обслуживающего персонала. Таким образом, родители предпочитают отдавать своих детей в частные детские сады, которые в связи с этим бывают перегружены.

Дневных центров значительно больше, чем детских садов: их около 22 тыс. и работают в них более 250 тыс. нянь. Такие центры посещают почти 2 млн. детей. Статистика показывает, что за 1960–2002-е годы примерно в два раза увеличилось общее число дошкольных учреждений, учителей и нянь – почти в три раза, детей в детсадах – в два раза, в дневных центрах – в три раза. В целом наблюдается тенденция некоторого сокращения государственных и муниципальных дошкольных учреждений и, соответственно, рост частных. В первых учреждениях есть даже некоторый резерв свободных мест. Однако в отдельных префектурах до сих пор существуют очереди желающих получить место, преимущественно в дневных центрах, главным образом для детей одного-двух лет. Нехватка мест наблюдается в двух столичных мегаполисах и примыкающих к ним зонах. Между тем групповое общение в детских дошкольных учреждениях становится все более важным средством социализации детей. Это связано с тем, что по мере увеличения числа семей с одним ребенком сокращается возможность контактов детей в раннем возрасте.

Обязательное образование включает в себя обучение в начальной школе (1–6-е классы) и в средней (7–9-е классы). Дети, которые не могут посещать школу из-за болезни, обучаются на дому. До недавнего времени все дети без исключения были обязаны посещать школу только по месту жительства. Это предписание вызывало большие нарекания со стороны родителей, которые по разным причинам хотели выбрать другую школу. Иногда возникали даже курьезные ситуации. Например,

ребенку приходилось ходить в школу, пересекая большое шоссе, но нельзя было ходить в школу, расположенную на одной стороне улицы с его домом, что было связано с административным районированием.

В школе воспитание детей продолжается в духе принадлежности к определенной группе. В начальной школе ученики одеваются свободно, но принадлежность к группе отмечена одинаковыми головными уборами. Всем выдаются ярко-желтые шапочки с катафотами для безопасности перехода улиц. Со второго класса ученики получают уже два стандартных головных убора разного цвета – летний и зимний. Школа официально уведомляет родителей, когда их следует менять.

Именно с первого класса начальной школы проводится целенаправленная работа по подготовке настоящих членов японского общества, которое до сих пор сохраняет некоторые черты традиционного восточного воспитания ареала конфуцианской культуры. Не случайно в первых классах начальной школы учителя разбивают всех учеников на небольшие группы по пять-шесть человек (типа октябрятских звездочек в советской школе), и в них дети постигают азы взаимодействия, учатся совместно и слаженно решать поставленные учителем задачи. В принципе, продолжается воспитание и обучение тому, что заложено еще в дошкольных учреждениях.

Детей продолжают приучать к соблюдению формальных норм поведения, установленных правил, точно и аккуратно следовать всем предписаниям, что ценится гораздо выше, чем, скажем, творческая импровизация. Специалист по истории японского образования А. Прасол приводит очень любопытный пример на эту тему: «Решение математической задачи оригинальным способом удостоится сдержанной похвалы учителя, но будет непременно сопровождаться замечанием о том, что она была решена, хотя и быстро, но не надлежащим способом. А это – недостаток»⁷. Еще один пример. Во время школьных соревнований по бегу все участники делятся на две команды. Время нескольких лучших участников идет в общий зачет, по которому и определяется лучшая команда. В личном зачете в школе не бывает чемпионов и призеров.

Школьные правила – это контроль и регламентация, которые не допускают ни малейшего проявления индивидуальности учеников, никакого самовыражения. Но при этом школа дает прочные общие знания и вырабатывает привычку преодолевать трудности, т. е. определенные положительные результаты.

Нерушимый принцип японского образования состоит в том, что все дети шести лет обязательно поступают в начальную школу и через шесть лет ее оканчивают. В первые дни в школе практически нет занятий. Пришедших с мамами детям в течение одного-двух часов показывают классы, рассказывают, как лучше ставить портфель и раскладывать учеб-

⁶ Нихон токэй нэнкан.2004 (Японский статистический ежегодник). Токио, 2004. с. 710–711.

⁷ Прасол А.. Особенности национальной педагогики в Японии, с. 13.

ные принадлежности, как здороваться и прощаться, как поднимать руку, как обращаться к учителю и задавать вопросы, как отвечать и т. д.

За время обучения в начальной школе ученикам практически не ставят оценки. Делается это только для того, чтобы перевести в следующий класс. Главное условие перевода – не уровень знаний, а возраст. При обучении в системе обязательного образования не допускаются неудовлетворительные оценки, поэтому сложные для понимания предметы осваиваются чрезвычайно долго.

В начальной школе практически исключены все виды экстерната или ускоренного прохождения обучения, а также оставление на второй год. На этой ступени образования не допускается формирование классов из более сильных или более слабых учеников, а также сохраняется негативное отношение к ранней специализации. Только в частных начальных школах, число которых незначительно, есть классы с углубленным изучением иностранных языков или математики. В начальных школах все предметы ведет один учитель.

Система автоматического перевода учеников из класса в класс в соответствии с их возрастом корреспондирует с системой старшинства, присущей пока все еще иерархическому японскому обществу. Эта система пронизывает все отношения между младшими и старшими учениками в духе конфуцианского принципа «почтение – покровительство». Особое внимание уделяется соблюдению внешних, формальных признаков, которые никто не может нарушить⁸. В частности, это проявляется, в установленной форме обращения младших учеников к старшим.

Школьные здания, классы, спортивные залы по всей стране построены по типовым проектам. Школы всех ступеней размещаются в разных зданиях, поэтому число учеников в каждой школе не велико. При незначительном штате сотрудников, отвечающих за чистоту в школах, основная уборка классов, которая проводится пять раз в неделю, ложится на учеников. Это приучает их не считать «грязную» работу чем-то постыдным, так же как и сбор нескольких иен с каждого ученика раз в неделю в течение нескольких лет на организацию обязательных «учебных поездок» по историческим местам страны – понимать цену деньгам.

В японской школе никогда не практиковалось обучение в две смены. Первый урок начинается в разных школах в интервале 8–9 часов утра, а последний заканчивается между 14 и 15 часами. Затем все ученики занимаются уборкой школьных помещений. Кроме того, они задерживаются в школе и для занятий в различных кружках. В соответствии с Законом о школьном образовании в системе обязательного образования в классах не должно быть более 50 учеников, а в государственных и муниципальных школах – более 40.

⁸ Нихон токэй нэнкан, с. 710.

Программа начальной школы нацелена на получение детьми сбалансированных знаний по основным предметам (языку, арифметике, музыке, искусству и ремеслу, домашней экономике, физкультуре, нормам общественного поведения). В средней школе первой ступени не только продолжается углубленное изучение предметов, но и уделяется серьезное внимание развитию индивидуальных способностей, для чего дети выбирают факультативные занятия. В такой школе ежегодно меняется состав классов. В конце учебного года ученики подают в администрацию заявления, в которых указано по три имени тех школьников, с кем бы они хотели или не хотели учиться. По возможности, такие пожелания учитываются. Всеобщая унификация свойственна всей системе обязательного девятилетнего образования. В средних школах второй ступени в течение многих лет обучение ведется по двум программам – общеобразовательной и специализированной.

Среди начальных школ очень мало частных, только 175 из 23 316 и 492 их филиалов. В 2002 г. в начальных школах занимались 7,2 млн. учащихся. Среди учителей одну треть составляли мужчины. Более чем в 11 тыс. средних школ первой ступени, из которых только 691 – частная, обучалось 3,862 млн. учеников. Преподаватели-мужчины составляли уже почти половину всех педагогов в школах этой ступени. Обязательное десятилетнее образование бесплатное.

Среди средних школ второй ступени (обучение в них не является обязательным) почти 1/4 составляют частные: 1316 из 5344. Они делятся на общеобразовательные и специализированные (дневные, вечерние, заочные), что зависит от программы обучения. Специализация предусматривает такие сферы обучения, как торговля, промышленность, сельское хозяйство, рыболовство, английский язык, математика, английский язык. Этот набор курсов был введен в 1994 г. Приоритетной по-прежнему остается общеобразовательная школа, поскольку она является базовой для поступления в университеты.

Средних школ второй ступени может быть несколько в одном районе. В эти школы поступают по свободному выбору. В 2002 г. в них обучалось 3,929 млн. школьников, т.е. немногим больше, чем в средней школе первой ступени. Уже в 90-е годы прошлого века было отмечено некоторое увеличение числа школ этого типа, несмотря на заметное сокращение числа учеников в связи с падением уровня рождаемости. Соответственно несколько сократилось число преподавателей, но при одновременном увеличении среди них женщин. В начальной школе среди учителей, занятых на полной ставке, более 60% – это женщины. Лишь незначительно уменьшается число учащихся в расчете на одного преподавателя, поскольку сокращается количество самих школ.

В средней школе обеих ступеней (7–9-й и 10–12-й классы) предусмотрено обязательное ношение стандартной униформы, которая хорошо известна всем в локальном обществе. Поэтому любые нарушения

установленного порядка (например, до окончания 9-го класса ученикам без взрослых запрещено по дороге в школу и из нее заходить и делать покупки в круглосуточных магазинах) бросаются в глаза. В школах девочкам запрещается пользоваться косметикой и носить украшения. Но, выйдя из школы, отойдя от нее на приличное расстояние, они подкручивают длинные школьные юбки, подкрашивают губы и чувствуют себя вполне свободными. Тем не менее, униформа определяет принадлежность учащихся к определенной группе.

Имеются также специализированные школы: для слепых – 70 (две государственные и одна частная), для глухих – 68 (за исключением двух, муниципальных), для детей с другими дефектами – 748 (43 государственные, 12 частные, остальные муниципальные)⁹. Отделы образования в местных органах власти ежегодно в октябре текущего года составляют списки детей, которые в следующем году пойдут в первый класс. Учебный год в Японии начинается с первого апреля. В ноябре проводится обследование физического состояния детей. Если у ребенка наблюдается какое-то отклонение от нормы, то в соответствии с утвержденными стандартами, он направляется на учебу либо в специальные классы в обычной начальной и средней школе, либо в специальные школы для детей с дефектами. Есть классы для детей с незначительными отклонениями от нормы в зрении, слухе и пр.

В марте 2010 г., буквально накануне начала нового учебного года, в стране был принят закон о введении системы бесплатного обучения в трех последних (10–12-х) классах школ, т.е. в средних школах второй ступени, управляемых органами местного самоуправления. Он также предусматривает выплату ежегодных пособий в размере от 120 тыс. до 240 тыс. иен (примерно от 1300 до 2700 долл.) учащимся в частных школах в зависимости от доходов семей. Такие суммы позволяют в значительной степени покрывать плату за обучение в последних трех классах¹⁰. Таким образом, все школьное образование стало бесплатным.

В системе обязательного образования вновь немаловажное значение придается моральному воспитанию, которое основывается на принципах уважения людей, соблюдения их прав и обязанностей. Современная система морального воспитания была введена в школах в 1958 г. В это время в условиях укоренения демократических принципов и бурного экономического роста в системе просвещения наблюдаются тенденции к оживлению националистических настроений (вспомним конец XIX в.). Однако в совершенно новых условиях послевоенного мира речь шла о так называемом здоровом национализме, который, по сути, отражал вполне закономерную гордость японцев за успехи своей страны, поднявшейся в прямом смысле из пепла.

⁹ Нихон токэй нэнкан, с. 710.

¹⁰ Киодо цусин. 31.03.2010.

С конца 1970-х годов министерство просвещения активно поддерживает моральное и патриотическое воспитание школьников. В частности, оно вменило в обязанность местным органам образования следить за тем, чтобы на церемониях в честь окончания учебного года в школах исполнялся императорский гимн «Кими га ё» («Ты – мир»), а в дни государственных праздников вывешивался флаг «хи-но мару» (красный шар на белом полотнище). В то время они еще не были официально признаны государственными символами, что произошло лишь во второй половине 1990-х годов, что свидетельствовало о серьезных переменах в умонстроениях японцев. В хрестоматии по японскому языку включают нравственно-поучительные сюжеты из истории страны.

В программах по моральному воспитанию четко прослеживаются установки министерства просвещения и науки на «образование с целью формирования характера», «усвоения моральных качеств, желательных с точки зрения государства», «создание основ гражданской морали». Современный курс воспитания предусматривает внедрение в сознание учащихся определенных социальных норм в виде моральных ценностей и формирования группового сознания. В первом случае каждый учащийся должен руководствоваться принципом равновесия и гармонии, постоянно держать свои действия под контролем и не поддаваться эмоциям; соблюдать установленные базовые принципы повседневной жизни; учиться принимать решения без колебаний, но быть при этом уверенным в своей правоте. Другими словами, он должен отвечать за свои действия; занимать активную жизненную позицию, помня, что труд – основополагающая ценность. Во втором случае ученик должен гордиться принадлежностью к группе, сотрудничать с другими учащимися, способствовать порядку и дисциплине в группе¹¹.

В духе времени в моральное воспитание вводится так называемая интернациональная составляющая. В курсы по этому предмету включаются такие темы, как международное сотрудничество, глобальные проблемы экологии, борьба с международным терроризмом. Но по-прежнему важным остается воспитание у молодого поколения причастности к своей истории, традиции, ощущение себя их наследниками.

Моральное воспитание в школе становится постоянным предметом, для которого отводятся специальные часы в расписании уроков. Обычно это час в неделю, т.е. 35 часов в год. Не допускается замена этого предмета другим. Многие делается во внеклассное время. Обычно занятия проводит классный руководитель. В институтах все будущие учителя, помимо своего профилирующего предмета, овладевают курсом морали, методикой ее преподавания. Предполагается, что моральное воспитание должно иметь непосредственное отношение к преподаванию всех предметов. Это – как бы сверхзадача японского образования.

¹¹ Подробнее см.: Молодякова Э. В. Моральное воспитание в японской школе. – Японский опыт для российских реформ. 1999. вып. 4, с. 53–60.

В настоящее время в системе обязательного образования именно в плане морального воспитания значительная роль отводится волонтерской деятельности, которая, вне всякого сомнения, помогает подросткам ощутить радость того, что они приносят пользу людям. Постепенно акцент в воспитании переносится с занятий в классе на внеклассное время, когда ученик может воспринять тот или иной постулат, занимаясь конкретным делом. Начиная с 1998 г. в старших классах отводится специальное время для занятий волонтерской деятельностью по месту жительства. Нередко сами учащиеся определяют, чем и как заниматься¹².

Национальной системе образования свойственны исключительно жесткие экзамены при переходе на каждую последующую ступень обучения, особенно после окончания девятилетней школы. Отбор претендентов ведется, как правило, по результатам экзаменов и по аттестатам об окончании предыдущей ступени. Подобная государственная политика породила такое явление, как репетиторство, поскольку получаемого школьного образования недостаточно для продолжения обучения в высшей школе. Абитуриенты вынуждены посещать дополнительные занятия в специально созданных для этого частных учебных центрах (*дзюку*) или заниматься privately дома. Значительную часть *дзюку* составляют так называемые «школы зубрежки», представляющие собой корпоративные организации. Обучение в них нацелено на опережение школьной программы, а средством подготовки является зубрежка. Есть еще так называемые «школы дополнительных уроков», которые посещают дети из семей, заранее озабоченных успешной сдачей экзаменов, или те, кто не справляется с обязательной школьной программой обучения. Это, как правило, некорпоративные организации, в которых преподаватели имеют свою концепцию обучения. Многие в них зависят от личности руководителя. *Дзюку* – это фактически одна из форм частного образования, которая в 1990-е годы охватывала примерно 20% общего числа школ. В определенной степени ее можно назвать вторым обязательным образованием. Оно является не только серьезным бременем для родителей (японское общество в целом тратит на образование огромные средства), но и отрицательно сказывается на здоровье детей.

В первую очередь заботой о здоровье детей, об увеличении времени, которое они могут проводить в семье, объясняется переход обучения в школе на пятидневку в 90-х годах XX в. Более быстрыми темпами введение пятидневки происходило в частных школах. К решению этого вопроса подходили очень осторожно и постепенно, просчитывая его социальные последствия для сохранения стабильности в обществе, что всегда являлось приоритетом государственной политики при проведе-

нии тех или иных преобразований. Несмотря на ряд преимуществ пятидневки, вводили ее очень медленно, поскольку необходимо было позаботиться, как занять детей, чтобы они не попали под влияние улицы. В решении этой проблемы задействованы не только школы, но и органы местного самоуправления, которые создают центры досуга для детей, оборудуют спортивные площадки, объединения жителей локальных обществ, прежде всего женские организации, налаживающие воспитательную работу, приобщающие к национальной культуре. Главное – включить детей в жизнь локального общества и тем самым предотвратить появление преступности.

Это тем более важно, что в 1980-е годы в среде школьников участились случаи насилия, издевательств и агрессии. В Японии существует даже специальное понятие *идзимэ*, характеризующее издевательства одних учеников над другими, как правило, более слабыми, отстающими в обучении, незащищенными, что приводило к трагическим поступкам. В середине 1990-х годов появилась проблема жестокости и насильственных действий детей и подростков в отношении взрослых, включая учителей.

В марте 2010 г. в прессе появилось сообщение о том, что маленькая принцесса Айко – дочь наследного принца Нарухито отказалась ходить в начальную школу из-за того, что подверглась «насильственным действиям» со стороны мальчиков. По словам директора школы, она была просто напугана тем, что едва не столкнулась с двумя мальчиками, которые бежали в столовую на обед. Затем ее стала провожать в школу мать принцессы Масако и даже оставалась там на время уроков¹³.

Еще одной острой социальной проблемой в настоящее время стала «проституция тинэйджеров», которая в Японии имеет эвфемистическое название «свидания для помощи» (*эндзё косай*). Суть ее в том, что школьницы 14–18 лет встречаются с мужчинами 40–60 лет и получают от них деньги сотнями долларов за один раз. Большинство «встреч» (хотя и не все) заканчиваются сексуальными контактами, что позволяет квалифицировать это явление как проституцию.

Педагоги, социологи, власти, в том числе правоохранительные органы чрезвычайно обеспокоены этим явлением. «Беспокойство вызывают не только количественные, но и качественные показатели. Ведь абсолютное большинство “нимфеток” не являются жертвами гнусного обмана и девочками из малообеспеченных или социально неблагополучных семей, вынужденных торговать собой для того, чтобы заработать на лекарство для больной матери или на игрушки маленькому брату. Они принадлежат к “среднему классу”, учатся в престижных (в том числе религиозных) школах и, как правило, имеют бой-френдов, т. е.

¹² Подробнее см.: Молодякова Э. В. Концепция и практика волонтерской деятельности в Японии. – Японский опыт для российских реформ. М., 1999, вып. 3, с. 57–65.

¹³ New York Times. 19.03.2010.

вроде бы ничем не отличаются от своих сверстниц, не получающих “помощи”»¹⁴.

Полученные деньги расходовались на приобретение дорогих, престижных вещей, а также на развлечения. Привлеченные к дознанию школьницы пытались объяснить свое поведение любопытством, чтобы снять обвинения в корыстности. Следует заметить, что в японском обществе имеется питательная среда для появления и расцвета *эндзё косай*. Например, многие средства массовой информации давно пропагандируют образ школьницы (девочки лет пятнадцати и обязательно в школьной форме) как секс-символ эпохи. Большое число иллюстрированных эротических журналов, специализирующихся на изображении школьниц, можно купить повсюду и т. д.¹⁵

Подготовка учителей для школ всех ступеней осуществляется в соответствии с Законом о сертификации преподавательских кадров. Для получения права на преподавание необходимо не только получить образование в университете или колледже, но и, сдав квалификационный экзамен, получить от префектурального отдела образования сертификат: обычный, специальный или временный. Обычный сертификат получают лица, имеющие соответствующее высшее образование. Он действителен повсеместно на протяжении всего срока трудовой деятельности. Сертификаты для средней школы первой и второй ступени различаются количеством курсов, прослушанных в университете.

Специальный сертификат был введен в 1988 г. для широкого привлечения в школу различных специалистов. Срок его действия (3–10 лет) определяется отделом образования каждой префектуры и имеет лишь местное значение. Специальные сертификаты выдаются лицам, которые преподают в начальной школе музыку, различные виды искусства, ремесла, домоводство. В средней школе добавляются занятия специалистов по массажу, акупунктуре и пр. Специальный сертификат выдается и в том случае, когда школа очень заинтересована в приглашении педагога, имеющего научную степень или эксперта по какой-то проблеме. Такой сертификат может получить и пользующийся авторитетом представитель общественности, который желает заняться педагогической работой.

Временный сертификат выдается помощнику учителя в случае отсутствия педагога с обычным сертификатом. Срок его действия три года и только в своей префектуре.

Для привлечения в сферу образования наиболее квалифицированных кадров заработная плата учителей в государственных и муници-

пальных начальных и средних школах, согласно Закону о работниках просвещения, должна быть выше, чем у других государственных служащих с аналогичным уровнем образования и стажем работы. Тем же законом предусматривается система повышения квалификации учителей. Для этого министерство просвещения и науки ежегодно проводит курсы обучения для директоров и старших преподавателей государственных школ. В каждой префектуре имеется минимум один центр переподготовки, где учителя могут заниматься и исследовательской работой. Во многих крупных городах действуют курсы повышения квалификации. Муниципалитеты организуют специальные факультативы с целью углубления знаний по школьному управлению, преподаванию специальных дисциплин или моральному воспитанию. С конца 80-х годов XX в. министерство ввело одногодичную программу повышения квалификации учителей, вновь принятых на работу в систему обязательного образования.

Озабоченный качеством подготовки учителей Совет по подготовке педагогического состава предлагает увеличить срок обучения на педагогических факультетах университетов с четырех до шести лет. Это должно произойти за счет массового поступления в аспирантуру (в современной российской системе высшего образования она соответствует магистратуре, тогда как японская докторантура – аспирантура в нашем понимании). Работающие преподаватели могут повысить свою квалификацию, пройдя курс обучения в аспирантуре. Для этого ежегодно определенное число педагогов обеспечивается стипендиями. Массовая компьютеризация школ требует пересмотра методики преподавания, поэтому увеличен срок переподготовки учителей, которые проработали в школе соответственно пять, десять и двадцать лет с тем, чтобы они не отстали от требований времени.

Роль учителя в школе в целом чрезвычайно важна в японском обществе. Можно даже сказать, что образовательные учреждения отчасти берут на себя функции семьи, особенно в вопросах воспитания, в частности, сексуального. Школы довольно тесно контактируют с родителями. Помимо непосредственной педагогической деятельности, учителя вовлечены в организацию школьных обедов, обеспечение безопасности, уборку школьных помещений, проведение медицинских обследований. Кроме того, каждый учитель отвечает за работу, по крайней мере, одной из секций в структуре школьной администрации. Например, секция по подготовке инструкций берет на себя обязанность подготовить рекомендации, каким маршрутом и транспортом детям безопасней добираться до школы, или рассылает родителям уведомления о том, что на таком-то участке дороги движение стало напряженным или такой-то перекресток опасен для перехода. В связи с этим учителя чрезвычайно загружены, и их рабочий день, начинающийся в 8 часов утра, заканчивается в 17 часов, а нередко и позже.

¹⁴ Молодяков В. Японская молодежь накануне третьего тысячелетия. – Япония: с чем в третье тысячелетие. М., 1999, с.199.

¹⁵ Подробнее см.: там же.

Большая нагрузка ложится на учителей в связи с тем, что информатизация стала неотъемлемым фактором обучения. Упрощенный доступ к информационным технологиям делает ее возможной уже в начальной школе. Компьютеризация школ несет с собой пересмотр методики преподавания, массовое внедрение мультимедийных «пособий» в педагогическую практику, освоение всеми учителями методов работы с компьютерами. К началу 2000 г. к Интернету были подключены почти 50% начальных, 70% средних школ первой ступени и 80% – второй. Однако в среднем один компьютер приходился на 12,8 ученика (в США – на 6 учеников). Подключение к всемирной паутине означает, что ученики в глухой деревне или, допустим, в больнице, смогут получать необходимые знания наравне со всеми.

В последнее время внедряется практика привлечения иностранных педагогов в японские учебные заведения общенационального и префектурального уровней. Пока речь идет в основном о преподавателях иностранных языков. Ранее разрешалось их использовать только в качестве ассистентов на контрактной основе, теперь же они включаются в основной штат.

Связи школьной администрации с родителями осуществляются через Ассоциацию родителей и учителей. В обязательном порядке при школах действуют совместные комитеты преподавателей и родителей, в которых в большинстве семей представляет мать. Участие в них добровольное, но для поощрения женщин школа проводит, например, занятия по оздоровительной гимнастике под руководством учителя физкультуры.

Родители принимают участие в различных школьных мероприятиях, а также по очереди дежурят в школах по субботам, когда нет занятий, но дети хотят поиграть или позаниматься спортом. Игры детей на улице, по японским представлениям, нежелательны, поэтому школа охотно предоставляет им свои помещения и оборудование, но обязательно под контролем членов родительского комитета. Каждая школа в своем районе играет роль организационно-методического центра, куда поступает вся текущая информация об учениках. Если возникает какая-либо проблема, касающаяся детей, то в первую очередь об этом уведомляют школу.

Министерство просвещения совместно с Советом по программам обучения разрабатывает «Курс обучения», обязательный для начальных и средних школ. Ориентируясь на предложенные стандарты, каждая школа составляет свою программу, учитывая конкретную обстановку на данной территории. Этот документ играет существенную роль в поддержании единых государственных стандартов обучения. Он включает перечень обязательных предметов, программы внешкольной деятельности и морального воспитания. В ведении министерства находится и составление руководства по воспитанию в детских садах.

Для школ всех ступеней существуют обязательные учебники. Часть из них (более 600 названий) разрабатывается и издается частными издательствами, но всегда на основе соответствующего «Курса обучения», и подлежит обязательному одобрению министерством просвещения и науки. Практически все школы пользуются именно этими учебниками. Другие учебники (около 40 наименований) издаются министерством просвещения и предназначаются для некоторых средних школ второй ступени.

На протяжении практически всего послевоенного периода проблема обязательного одобрения учебников министерством напрямую связана с его активным вмешательством в процесс обучения. Примером может служить многолетняя тяжба с этой государственной структурой известного историка, некогда удостоенного премии этого министерства за популярную работу по истории японской культуры Иэнага Сабуро, который предложил свой учебник по истории Японии. Трудности с одобрением учебника у него начались почти сразу. Исправления, внесенные министерством просвещения, касались, в частности, общих оценок войны в Китае и на Тихом океане как «агрессивной» и характеристик отдельных событий вроде «Нанкинской резни» 1937 г. Проблема состояла в интерпретации отдельных исторических событий, а также затрагивала само преподавание в школе.

Соглашаясь на требуемые поправки, историк одновременно выступал с критикой министерства просвещения и политики контроля над учебниками, акцентируя внимание на ее идеологической и политической стороне. Наконец, в 1965 г. он подал в суд на министерство, требуя признать его действия неконституционными (нарушение гарантированных конституцией 1947 г. свобод слова и научной деятельности). Он хотел создать прецедент и привлечь внимание к этой проблеме. Его активно поддержали многие общественные организации, в том числе Всеяпонский профсоюз учителей (Никкёсо) который является, пожалуй, одним из самых боевых отрядов профсоюзного движения в стране. Битва Иэнага с министерством просвещения продолжалась более тридцати лет в судах различной инстанции. Несколько процессов в судах нижней инстанции историк выиграл, что заметно повлияло на духовный и интеллектуальный климат в обществе. Все закончилось официальным признанием Верховным судом в 1997 г. незаконности отдельных требований чиновников, но неконституционности цензуры учебников как таковой. Тем не менее, министерство просвещения и науки стало проводить все более гибкую и взвешенную политику, но контроль над учебниками сохраняется. В связи с тем, что разработка учебников по истории затрагивает болезненные вопросы взаимоотношений Японии с сопредельными странами, она приобрела уже и политический характер. Нередко соседние страны используют ее как инструмент внешней политики.

Выбор учебников из числа одобренных правительством возлагается на отделы образования органов местного самоуправления или директоров государственных школ. С середины 60-х годов прошлого века учебники в системе обязательного образования предоставляются школам бесплатно, частные школы получают для их приобретения субсидии от центрального правительства. Учащиеся вечерних и заочных отделений средних школ второй ступени, школ для детей-инвалидов также получают учебники бесплатно. Каждые три года в учебники вносятся поправки в соответствии с изменениями, сделанными в «Курсах обучения».

* * *

В 2006 г. началась активная работа по подготовке пересмотра Основного закона об образовании и была намечена конкретная программа реформы этой сферы. Созданный с этой целью специальный совет подготовил для широкого обсуждения целый ряд вполне конкретных предложений, которые затрагивали практически все стороны образовательного процесса. Например, предлагалось контролировать работу учителей на основе введения периодически обновляемых учительских лицензий вместо прежних пожизненных, разрабатывать системы рейтингов учителей и школ. Родителям предоставлялось право свободно выбирать ту или иную муниципальную школу вместо тех, которые расположены по месту жительства детей. Предлагалось также ввести систему ваучеров на образование, решить вопрос переноса начала учебного года с апреля на сентябрь, продумать, как занять школьников общественно-полезным трудом с марта по август¹⁶.

Проект пересмотренного Основного закона об образовании по объему почти в два раза превышает предыдущий. Он состоит из четырех глав, разделенных на 18 статей, ранее их было 11. Некоторые статьи стали более детально проработанными. Например, вместо прежней статьи «Школьное образование» в новой редакции появились три статьи – «Школьное образование», «Университеты», «Частные учебные заведения». Но главное, что в этот законопроект включены все те новые элементы, тенденции и направления в системе образования, которые появились за истекшие шестьдесят лет. Например, уже успешно реализуется концепция «совместных усилий родителей, учителей, локального общества в образовательном процессе», реформирование системы дошкольного образования. Согласно опросам общественного мнения в стране, проведенным ведущими газетами и телекомпаниями, около половины респондентов высказывается в пользу пересмотра Основного закона об образовании. В переработанном Основном законе акцент переносится с обучения каждого учащегося на подготовку его к жизни в обществе. Имеется в

виду, что получаемое образование должно стимулировать каждого ученика занять активную жизненную позицию.

Первым серьезным шагом на пути пересмотра Основного закона об образовании считается принятие парламентом в 2006 г. так называемого Закона о «патриотизме», который должен подкрепить тезис о том, что необходимо «уважать традиции и культуру, любить созданную на их основе нашу страну». Поддержка его правящими кругами объяснялась тем, что существующая система образования не прививает народу гордость за свою историю. Этот закон вызвал чрезвычайно бурную реакцию в обществе, поскольку, по мнению оппозиции, он, во-первых, несет на себе отпечаток предвоенного милитаризма, во-вторых, понятие «патриотизм» вводится законом, и таким образом школа будет заставлять учеников любить страну, в-третьих, ведет к политизации процесса образования. Другими словами, речь идет о том, что понимать под понятием «патриотизм». По мнению бывшего премьера С. Абэ, японская система образования «недостаточно говорит о таких проблемах, как моральные ценности, этика, самодисциплина»¹⁷. Для японского общества – это очень болезненный вопрос, поскольку он затрагивает проблему интерпретации и преподавания истории в школе, что вызывает болезненную реакцию сопредельных государств, прежде всего Китая и Республики Кореи. Принятие этого закона может радикальным образом повлиять на Основной закон об образовании, поскольку акцент будет перенесен с отдельного человека на общественную сферу.

¹⁶ Подробнее см.: Nikkei Weekly. 23.10.2006.

¹⁷ Асахи симбун. 17.11.2006.

Б. Г. Спиридонов

В японской культуре XVII столетия скульптура в главных своих проявлениях становится пластическим искусством, самым тесным образом связанным с архитектурным ансамблем в целом. Изначально она оперирует изображениями фантастического и реального мира в рамках определенной художественной условности, позволяющей органически войти в сферу архитектуры ансамбля, обогатить неизобразительные формы последней. Скульптурные изображения в храмовом комплексе выстраиваются в определенный композиционный порядок, соотносящийся и взаимосвязанный с конкретной архитектурной формой, с ее масштабами, объемами, масштабом и свободным пространством, создавая тем самым определенное эмоциональное настроение. В стилизации элементов фантастической скульптуры средневековые японские резчики по дереву неизменно проявляли тонкую наблюдательность, живое поэтическое восприятие вымышленных и реальных форм природы. Многочисленные композиции от плоских рельефов до сложных горельефных произведений понимались ими как неотъемлемая часть декора любого храма. Не может не поражать многообразие образов, запечатленных в резьбе, посвященных фантастическим животным, включающих в себя как изображения самих фантастических существ, так и растительный или геометрический орнамент.

Скульптура синтоистских храмов – это вся пластика, будь то круглая скульптура, горельефы или барельефы, используемые в декоративном оформлении синтоистских храмов и предметов культа. Сюжетные линии, которыми она оперирует, многообразны: они базируются помимо своей основы и на буддизме, даосизме, китайской простонародной религии. Это говорит только о том, насколько стала богаче и интереснее скульптура и в какой степени демократична религия, позволившая иностранным верованиям стать сюжетной линией в храмовых комплексах. Заимствованные персонажи, а лучше сказать, получившие жизнь по всему Дальневосточному региону, в зависимости от страны показывались по-разному. Это касалось и формы, и цвета. Попадая в ту или иную религиозную атмосферу, персонажи, видоизменяясь, получали новую жизнь. Синтоистская скульптура – малоизученный материал в японском изобразительном искусстве и некоторые ее аспекты остались

совсем незатронутыми. Так, иконографическая основа пластики, ее смысловая структура, эволюция форм остаются за рамками современных исследований о скульптуре. А между тем изучение этих аспектов дает еще одну возможность исследовать культурный слой синтоистских храмов. Данный анализ выполнен на основании авторских фотографий, сделанных в городе Никко. Это так называемая никковская скульптура. В японском искусствоведении имеется два названия: «никко бори» и «никко нури». Более чем 300 лет назад резчики со всей страны были собраны в Никко на строительство Никковской усыпальницы, и после окончания работ, оставшись там на постоянное жительство, утвердили основы «никковской скульптуры». Главным образом, используя в качестве материала каштан конский (лат. *aesculus turbinata*) и багрянник японский (лат. *cereidiphyium japonicum*), при помощи «никковского» специального ножа «хиккаки» творили свои шедевры. Современная никковская скульптура продолжает ее традиции.

Настоящая статья представляет собой попытку проследить, на примере скульптуры Тосё-гу, последовательную эволюцию развития пластического убранства архитектурных форм, которая осуществлялась в течение многовекового периода своей истории – от техники *итибоку дзукури*, где скульптура резалась из одного куска дерева, и до техники *ёсэги дзукури*, когда работы изготавливались из тщательно подобранных отдельных частей.

Художественные особенности исследуемых памятников показывают, как средневековые мастера, осознав старые традиции, успешно смогли варьировать определенные приемы моделирования. Это видно на примере изображений китайского льва (*карадзиси* или *карасиси*) и их объемно-пространственных особенностей. Китайский лев – мифическое животное, напоминающее по виду льва. В эпоху Момояма его изображение широко использовалось в военной символике и в росписи ширм школы Кано. В эпоху Эдо *карадзиси* становится одной из основных тем в *сёхэки-га* и росписи ширм. Фантастическое животное (*рю*, на санскрите – *пага*) согласно индийским мифам является полубожеством с лицом человека, телом и характером змеи. Обитает в море и на земле, летает, но крыльев не имеет. С древних времен связывается с буддизмом. В Китае считается божественным животным, собирает на небе облака и вызывает дождь. Собака (*команну*) – из страны Корё (яп. Кома). Корё – название древней страны на Корейском полуострове, появившееся после падения государства Силла в 935 г. и существовавшей до воцарения династии Чосон в 1392 г. Название «Корё» является сокращением от Когурё, одного из трех раннефеодальных государств Кореи, объединенных Силлой в 668 г. Современное слово «Корея» происходит от «Корё». *Карасиси* и *команну* образуют пару, отгоняющую темные силы. Их скульптурные изображения можно часто встретить перед

входом в синтоистские храмы по всей Японии. Применение подобных приемов было невозможно без учета многовекового опыта создания скульптуры. В указанных мотивах всегда заключалась определенная символика, в частности, в позах животных, каждая из которых имела собственный скрытый смысл, а сами скульптуры сопровождалась включением ритуальных предметов, орнамента, деталей пейзажного оформления, отчего пластика отчасти утрачивала присущую ей в целом монументальность. Лишь наделенная новыми чертами декоративности она достаточно органично включалась в общее убранство храма. К такому решению резчики могли прийти, только исследуя традиции и богатейший опыт эпох Хэйан (794–1192) и Камакура (1192–1333).

Для максимального выделения скульптуры нередко использовался своеобразный пьедестал, призванный акцентировать пластические элементы общей композиции. В отличие от названных эпох мастера, стремясь достичь большей декоративности, не ограничиваются только проработкой поверхности самих статуй, а каждый раз усложняют композиционные решения таким образом, что не только орнамент, но и детали декора становятся неотъемлемыми составными частями художественной структуры произведения. Цвет, который в эпоху Камакура имел лишь вспомогательное значение, со временем становится одним из главных средств достижения выразительности образа, когда широко использовалась разнообразная красочная гамма с непременным учетом игры цвета – с его переходом от второстепенных оттенков к основным тонам.

В барельефах и горельефах XVII в. прослеживается четкая соразмерность пропорций при изображении фигур фантастических животных, для которых характерна эмоциональная насыщенность образов, выразительность и лаконичность найденных изобразительных приемов. Средневековые мастера стремились четко выделить силуэтные очертания фигур, с максимальной точностью передать задуманное движение. Характерной особенностью таких композиций первой половины XVII столетия становится, прежде всего, ансамблевая законченность в строго продуманном композиционном построении, при котором все рельефные сцены такого рода рассчитаны были на обозрение издалека. Решающим фактором в восприятии подобных декоративных произведений являлась игра светотени, предполагавшая абсолютную четкость силуэтных очертаний. В основу практиковавшихся решений все чаще начинает вводиться принцип симметричного расположения доминирующих смысловых центров, что не мешало средневековым резчикам избегать однообразия в распределении основных пластических масс и объемов. Отдельные сюжетные изображения при этом выделялись на поверхности стен продуманно очерченной и декоративно оформленной границей, например, выпуклой рамой, зрительно изолирующей друг от друга сюжетные образы и сюжетные коллизии.

Особенной выразительностью и динамикой отличались изображения фантастических животных, выполненные, если можно так сказать, в реалистической манере. Логика и многовековой опыт подсказывали японским резчикам: для того чтобы изображаемые фигуры выглядели на плоскости рельефа объемными, следует ориентировать тело животного параллельно изобразительной плоскости, как бы распластывая его по ней. Одновременно мастера пытались представить в своих композициях трехмерное пространство с помощью варьирования объемов, высоты рельефных выделений, акцентируя тем самым пространственные слои, что в полной мере соответствовало естественному объективному восприятию человеком реалистических форм окружающей действительности.

Японские скульпторы, создавая ту или иную сюжетную картину, достаточно традиционно располагали изображения персонажей относительно друг друга и в фас и в профиль. Однако очень многие рельефные сцены несли в себе эмоциональное настроение, раскрепощая установленные веками приемы и нормы композиционных соотношений, каждый раз взаимно связывая скульптуру с конкретными архитектурными формами. Не будет преувеличением утверждать, что именно в XVII столетии пластика в храме начинает все отчетливее выполнять особую смысловую, архитектурно-логическую роль, подчеркивая внутреннее назначение архитектурных конфигураций и их вертикальные и горизонтальные узлы. Скульптурные части ансамбля вместе с тем подчас ограничивают «расползание» экстерьерного и интерьерного пространства сооружений, стремясь утвердиться на выступающих карнизах, арках или кронштейнах построек.

Известно, что масштабные соотношения, использованные в решении экстерьера, оказывают существенное воздействие на человека: зритель, находящийся между зданиями с плотно размещенной резьбой, более активно и многообразно взаимодействует с архитектурным построением пространственной среды. Декоративные рельефы, включающие в себя разные по размеру элементы, композиции, будучи расположенными на плоскости (на фасадах зданий или в местах скрепления балочных конструкций), неизменно соподчиняются с архитектурной средой сооружения в целом. Рельефные изображения при этом начинают выстраиваться в строго обусловленный композиционный порядок архитектурно-пластических форм, привнося в их непосредственное восприятие определенное эмоциональное чувство. С помощью отобранных декоративных элементов убедительно акцентируются наиболее важные, конструктивно значимые части экстерьера сооружений, в частности, такие как входные проемы, скаты крыш. Художественные рельефы при этом располагаются таким образом, что их в равной степени можно полноценно воспринимать как с отдаленного расстояния, так и подробно и внимательно обозреть с разных точек, передвигаясь вдоль всего конкретного зрительного ряда. Места расположения сцен, как и сама релье-

ефная композиция в целом, по замыслу старых мастеров, всегда были призваны увязать посредством скульптуры горизонтальные и вертикальные линии открывавшегося архитектурного пространства.

Отмеченные явления никковской скульптуры базируются на наследии разных школ культового искусства. Впервые, в результате слияния бережно сохраненных вековых традиций множества мастерских, специализировавшихся на скульптуре как для синтоистских, так и для буддийских храмов, возникло новое направление. Обогащенная влиянием буддийского мировосприятия деревянная пластика обнаруживает первые результаты слияния двух религиозно-художественных концепций в периоды Нара (710–794), Хэйан и Камакура. Примером является синтоистская скульптура божеств *Дандзёсин*, выполненная для синтоистского храма Мацуноо-тайся в Киото. Это – скульптурное изображение в виде мужского и женского божеств. Божества, защищающие от злых духов, несчастья, болезней, часто изображаются в эротических позах. Скульптуры встречаются на перекрестках дорог, перед въездом в населенные пункты. С XVII в. они стали отвечать за хорошие сексуальные отношения, благополучные роды, согласие супругов. Эти божества могут изображаться и по отдельности (*Досодзин*). Также существуют и другие названия. *Согё Хатимансин* – божество *Хатиман* в образе буддийского монаха. Подобные изображения были распространены до начала периода Хэйан и базировались на идее единения синто и буддизма. Это божество почитается в храмах Хатиман-гу в качестве покровителя воинской доблести. Еще существует название «Явата-но ками». Высота скульптуры – 38,6 см. *Дзёсин* – женское божество храма Тиндзю-Хатиман-гу, а также памятники *Согё Хатимансин*, *Дзингу кого* и *Накацу химэ*¹, созданные в 889–898-е годы для синтоистского храма Ясумигаока-Хатиман-гу. В начальный период эпохи Эдо никковская скульптура впитала в себя все великолепие и грандиозность многовековых традиций, воплотившихся в искусстве синтоизма, что позволило в первую половину XVII в. утвердить особый тип и характер синтоистских образов как определенного жанра в деревянной пластике. Точнее говоря, эти образы сформировались несколько ранее, но под несомненным воздействием определенной исторической ситуации, требовавшей посредством искусства возвеличить божественность Токугава. К этому времени сложившиеся синтоистские каноны достигли своего наивысшего распространения, оказывая все более сильное влияние на эстетические представления указанного времени.

Выработанные этические и эстетические идеалы синтоизма получили явное выражение и в языке синтоистской скульптуры, с появлением множества новых персонажей, никогда ранее не использовавшихся в

деревянной резьбе синтоистских храмов. Благодаря обилию и высокой плотности скульптур, их силуэт с годами становится все более усложненным, что зачастую создает изощренную игру светотени, динамизирует пластику. Сюжеты нередко komponуются таким образом, чтобы произвести впечатление не только количеством представленных фигур, но и их смысловым разнообразием и взаимным расположением. Выразительность вырезанных из дерева работ все чаще строится на пропорциональном членении фигур; носителями же идеи духовной мощи и силы Токугава Иэясу как божества все очевиднее становятся величие и красота художественного облика изображений.

Никковская скульптура по своей эстетической сути замыкает историю развития японской деревянной скульптуры вообще и синтоистской – в особенности. Что касается последней, то никковский период явился важнейшим этапом в ее формировании, ставшим итогом слияния нескольких художественных школ и совместной плодотворной работы резчиков, трудившихся над созданием храмового комплекса Тосё-гу. Одновременно этот же период стал кульминацией в развитии зародившихся прежде иконографических и стилистических навыков, накопленных поколениями. Таким образом, никковский этап в истории эволюции деревянной скульптуры создал необходимую базу для творческого подъема, уже в середине XVII в., во многом предопределив грядущий расцвет замечательного искусства гравюры укиё-э и исключительной по своим художественным достоинствам пластики нэцкэ.

Литература

Бункадзай-но миката – рэкиси сампо-но тэбики (Взгляд на культурное наследие – путеводитель по историческим прогулкам). *Х. Хитоми*, *С. Норо*, *К. Мори*; Сост. *Н. Нодзава*. Токио, 1995, 159 с.

Конрад Н. И. Очерк истории культуры средневековой Японии VII–XVI вв. М., 144 с., илл.

Мидзуо Х. Нихон-но бидзюцу – соно катати то кокоро (Японское искусство – форма и душа) Токио, 1982, 224 с., илл.

Николаева Н. С. Искусство Японии с древности до начала XIX в. М., 2000. 341 с., илл.

Нихон бидзюкуси (История искусств Японии). *М. Аояги*, *С. Аруга*, *С. Окудайра* и др., под ред. К. Цудзи. Токио, 1992, 215 с., илл.

Такафудзи Х. Сядзикэнтику-но тёкоку – Тосё-гу ни хорарета досё-кубуцу (Скульптура в синтоистско-буддийской архитектуре – животные и растения в резьбе храма Тосё-гу). Токио, 1999, 220 с.

¹ Императрица Дзингу. Настоящее имя – Окинагата Расихимэ, внучка в пятом поколении императора Кайка-тэнно. События, связанные с ней, описываются и в «Кодзики», и в «Нихонсёки».

Е. Е. Малинина

Кто не слышал о знаменитых «сухих» каменных садах Японии, слившихся с образом Страны Восходящего Солнца столь же прочно, как и исполненный пряной экзотики и потаенного смысла чайный ритуал или неизменно притягательная для европейского сознания поэзия *хайку*. Первые каменные сады, по традиции называемые *карэсансуй* («сухие горы-воды», иначе говоря, «пейзаж»), появились в Японии на территории дзэнских храмов приблизительно в XIV столетии, и далеко не последнюю роль в их распространении сыграла созвучность их эстетики с предельной скупостью ее изобразительных средств дзэнскому мировосприятию. Объемной, трехмерной живописью называют порой такую садовую композицию, целью которой является почти буквальное воспроизведение средствами природного материала мотива «гор и вод», ландшафта, знакомого по китайским свиткам.

Желание организовать пространство сада «как на картине» заставляет художников искать особого рода минералы, сама фактура которых отвечает замыслу мастера как можно более достоверно и убедительно «живописать» средствами природного материала пейзаж. Сухой водопад в саду «Трех каскадов» храма XV столетия Хомподзи состоит из камней, внутренний рисунок которых (белые линии на темном фоне) создают полную иллюзию струящихся потоков воды, сбегающих по склонам каменных «гор».

«Как на картине» выглядит и сухой сад, напротив Дома Настоятеля в храме XVI в. Корин-ин дзэнского монастыря Дайтокудзи. Условно и символически он «рисует» воображаемый мир даосского рая, величественный и прекрасный ландшафт Страны Бессмертных. Это сад-Вселенная, сжатая до размеров в несколько десятков метров, грандиозный и необъятный мир Гор и Вод, целый Космос, уместаемый на небольшом пространстве внутреннего храмового двора. Удивительное ощущение возникает у человека, сидящего на веранде храма и созерцающего этот сад-микрокосм. Человек словно вырастает в масштабе, наблюдая в себе рождение особого состояния некой отстраненности, невовлеченности в этот мир, который является лишь отражением мира Высшего. Самое драгоценное в переживаемом состоянии – та внутренняя тишина, которая появляется с изменением масштаба восприятия, когда мир, каким бы огромным он ни казался, человек видит со стороны, с высоты своего Высшего «я», не допускающего никакой эмоциональной вовлеченности.

Крохотные сухие сады, разбитые во внутренних дворах дзэнских храмов, вполне укладываются в понятие *цубо-нива*, т. е. сада размером с *цубо* (3,3 м), что равнозначно площади двух соломенных матов – *татами*, которыми устилают пол в японских домах. Правда, в большей степени такие миниатюрные сады ассоциируются с расцветом так называемой «городской культуры» периода Эдо, с образом жизни представителей низшего, «третьего» сословия японского общества – купцов, торговцев, ремесленников. Появление *цубо-нива* в среде горожан было обусловлено характерными особенностями жилища последних – так называемых *матия* (домов городского типа), совмещающих в своем плане лавку, обращенную фасадом к улице, и вытянутую вглубь жилую часть. Светлое, открытое пространство, оставляемое между этими двумя строениями, нередко превращали в декоративные, камерные сады, предназначенные исключительно для созерцания и украшения внутреннего пространства дома. Это в полной мере отвечало характеру некой социальной «двойственности» горожан. Подобно тому, как под простым и скромным верхним одеянием нередко скрывалась богатая подкладка или роскошное нижнее кимоно, дом горожанина хранил глубоко внутри себя подлинное сокровище.

Кроме упомянутой выше пространственной меры, понятие *цубо*, написанное другим иероглифом, означает «керамический сосуд». Подобный сосуд использовался, по преданию, китайскими мистиками для созерцания. Там, в пространстве величиной с кувшин, они могли найти Вселенную, ибо для духа не существует пространства «малого» или «большого». Сад же уподоблялся драгоценной жемчужине внутри шкатулки-дома или кувшина *цубо*. Широкий диапазон омонимичных значений позволяет обогатить символику *цубо-нива* оттенками новых смыслов. Большинство азиатских стран, испытавших влияние китайских идей, хорошо знакомо с понятием жизненной энергии *ки* (ци), пронизывающей Вселенную. Циркуляция энергии *ки* в человеческом теле символически изображается линиями, вдоль которых расположены определенные точки, тоже называемые *цубо*. Воздействуя на них можно активизировать поток энергии в человеческом организме. Жилище человека в определенном смысле уподобляется его телу: каждодневная обыденная жизнь обитателей дома сравнима с движением энергии *ки*. Существуют в доме и особые места, выполняющие роль своеобразных энергетических центров. Ими могут быть *токонома* (ниша, где вывешены каллиграфические или живописные свитки), *генкан* (вход для гостей) и, наконец, сад *цубо-нива*. В этом контексте сухой сад, вписываемый в крошечное пространство между строениями храма, уподобляется сосуду, где сосредоточена живительная энергия. Играя символическую роль энергетических центров *цубо*, он становится местом духовного омоложения, обновления, энергетического восстановления через эмоционально-созерцательное общение с собой.

Пожалуй, ни один из дзэнских монастырей не обладает таким богатством и разнообразием сухих садов, как Дайтокудзи. Храм Оба-ин, расположенный в его пределах, был основан сёгуном Ода Нобунага в 1562 г. как мемориальный храм для своего отца Нобухидэ. Обычно закрытый для посетителей, погруженный в свою собственную внутреннюю жизнь, надежно оберегаемую от внешнего мира, он хранит в себе неисчислимые сокровища национальной культуры и искусства, связанные с именами ее величайших представителей. Здесь, например, находится знаменитая чайная комната Сакумукэн, принадлежащая Такэно Дзё, прославленному мастеру чайного ритуала, наставнику Сэн-но Рикю. 66-летний Рикю разбил на территории храма сад, не потерявший за четыре столетия ни своеобразие стиля мастера, ни аромат далекой эпохи. Но, пожалуй, наибольшую гордость служителей храма составляют находящиеся здесь 44 *фусума*, расписанные художником XVII столетия Ункоку Тоган для Дома Настоятеля. Сад напротив него носит название «*Хатотэй*», что с известной долей условности можно перевести как Сад Сознания Будды. Входящие в его состав иероглифы буквально означают «разбивать» и «голова». По словам служителей храма, это следует понимать не иначе, как очищение, изменение сознания, разбитие скорлупы самости и эгоизма во имя достижения просветленного сознания.

Открытое чистое пространство белого гравия... Этот сад – олицетворение дзэнского равновесия, целостности и покоя, символическое воспроизведение глубины и просветленности духа, свободного от иллюзий и привязанностей. Здесь не за что «зацепиться», не к чему «привязаться». И лишь два выразительно стоящих камня позволяют привлечь к себе внимание. Это Камни Буддийской Триады, хотя представлены они своеобразно. Главное божество буддийского пантеона изображается, как правило, в духовном триединстве со своими спутниками, расположенными по обеим сторонам от него. В данном случае главное божество Амида Будда находится в храмовом зале. Камни же, которые установлены в саду, олицетворяют двух Бодхисатв, воплощающих безграничное Милосердие и Мудрость.

Находящийся рядом *карэсансуй*, носящий название «Мир, сотворенный сознанием Будды» («Сад Творения Будды»), воспроизводит достаточно традиционный для дзэнского искусства сюжет: сухой водопад, низвергаемый с гор, представленный двумя огромными валунами, несет свои бесшумные воды на северо-восток, образуя реку. Крупный камень, находящийся в этой «реке» перед развилкой двух песчаных потоков (так называемый «*микумари уси*», или «камень, разделяющий потоки воды»), – символ раздумий человека о выборе жизненного пути. Но какой бы дорогой человек ни пошел, в какой бы поток ни влился, он, в конце концов, становится частью безбрежного океана Вечности, куда сливаются воедино все потоки, и где уже нет никаких водоворотов и страстей...

В отличие от изысканных и декоративных садов раннего средневековья с их пронзительно обостренным вниманием к тончайшим нюансам сезонных перемен, наводящих на размышление о непостоянстве, зыбкости земного бытия, в сухих дзэнских садах, где присутствие растительности минимально, все сведено к сущности, не подверженной прихотям бытийных перемен. Весь натурализм журчащих потоков, многоцветья растений заменен здесь застывшей, словно затаившей дыхание, аскетической монохромностью темной массы камней на поверхности песка или мелкого гравия. Впечатление ряби на поверхности воды создают легкие неровности галечного или песчаного покрытия или прорисованные на песке линии волн. Словно вслушиваясь в свою собственную тишину, такой сад призывает уловить голос немых струй песчаной воды, увидеть то, что лежит за гранью видимого мира, распознать то, что обычное ухо, настроенное на жизненную маету, упускает. Он вводит вас в сферу некоего «над», вечного «сейчас», оставляя наедине с главными вопросами человеческого бытия.

Все три сада храма Токай-ан, созданного в 1484 г. в пределах монастыря Мёсиндзи, воспринимаются как некий ансамбль, как единое целое, давая объемное представление о разных аспектах дзэнского учения. Самым, как известно, значимым в любом дзэнском храме считается сад, расположенный напротив Дома Настоятеля. «Садом Сущности» назван такой *карэсансуй* в Токай-ан, представляющий собой безупречно чистое поле белого гравия. Ибо как еще передать состояние Безмолвия (*му-син*), внутренней тишины. Свободное от любых эмоций и суетных мыслей сознание пребывает здесь в равновесии и покое.

Насколько «пуст» и молчалив сад напротив Дома Настоятеля храма Токай-ан, призванный освободить созерцающего его человека от самого процесса мышления, настолько содержательным, богатым по смыслу, многоплановым является *карэсансуй*, находящийся рядом и названный «Садом Деяния». Он озадачивает, шокирует, приводит в смятение ум, пытающийся «объяснить», разгадать его. Семь разновеликих камней вытянуты в линию с востока на запад. От небольшого камня в центре композиции расходятся концентрические круги, касающиеся каждого следующего в этой последовательности камня. Какое «послание» несет в себе этот *карэсансуй*? Не о том ли он напоминает, что все во Вселенной, символическим выражением которой сад и является, теснейшим образом сплетено между собой причинно-следственной связью, и никто и ничто не в состоянии выйти за пределы этих кругов всеобщей взаимозависимости. Энергетические «круги» от содеянного-помышленного неизбежно распространяются в беспредельность, охватывая все видимые и невидимые явления мира. Трудно не поддаться впечатлению непрерывности движения, пульсации, одухотворенности, живых вибраций, излучаемых пребывающими в статике камнями. Иллюзия движения создана рисунком концентрических кругов, прорисованных

на поверхности гравия. Сад храма Токай-ан нередко сравнивают со знаменитым «садом пятнадцати камней» Рёандзи, но если в последнем присутствует атмосфера суровой аскетичности, серьезности, то этот *карэсансуй*, исполненный динамики, внутреннего движения, наделен, по словам служителей храма, своеобразным чувством юмора, коим обладал и монах Тобоку, создавший его. Третий из сухих садов храма Токай-ан – «Сад Проявленности» наиболее традиционен и включает в себя все основные элементы, характерные для сухих садов: здесь мы найдем и Камни Буддийской Триады (*сандзонсэки*), и камни, символизирующие Журавля и Черепаху (*камэ уси, цуру уси*), и Молитвенный камень (*рэйхайсэки*), и камень, разделяющий потоки воды (*микумари уси*), и др.

Далеко не случайно сухой каменный сад называют садом философским. Заряженный некой «идеей», наделенный потаенным смыслом, религиозной символикой, он органично вписывается в весь микромир храма, предназначенного для формирования особой среды, растворяющей мысли о «ненужном», «суетном», «второстепенном». Наряду с другими видами дзэнского искусства, он указывает, поучает, наставляет, гармонизирует, умиротворяет. Приглашая в свой внутренний мир, внутреннее пространство, он задает высокую тональность духовного общения с собой.

В 1934 г. взбешенная тайфуном и наполненная силой дождевых потоков Хиёсигава (сегодня тихая, смиренная, не река – речушка, скромно протекающая за оградой храма) принесла на территорию храмовой усадьбы Дзуйо-ин резиденции настоятеля буддийского монастыря Энрякудзи Ямада Этай, огромный валун, скатившийся во время тайфуна с горы. В течение 20 лет камень оставался не тронутым. На вопрос монахов, что делать с непрошеным гостем, настоятель храма, увидев в случившемся не досадную случайность, но волю Высших сил, решил оставить упавший с горы камень, как есть. И только в 1957 г. он пригласил известного к тому времени художника – дизайнера Сигэмори Мирэй с просьбой разбить во внутреннем дворе храма сухой каменный сад, сделав валун центром композиции.

Сад, созданный Сигэмори Мирэй, посвящен распространенному в буддийском искусстве сюжету «Сошествие на землю Амида Будды в сопровождении Бодхисатв» (*райго*)¹. Изумительной красоты древний, XII столетия, свиток на эту тему ранее находился во владении монастыря Энрякудзи на горе Хиэй, у подножия которой и находится храм Дзуйо-ин. Однако позднее, в XVI в. он перешел в собственность сингонских храмов на горе Коя. Лишь репродукцию этой картины можно увидеть сегодня в храме. Центральная фигура Амида Будды окружена

двадцатью пятью Бодхисатвами, святыми, монахами, спешащими на закрученных в вихревом движении облаках на землю, дабы унести с собой в обитель буддийского рая душу только что усопшего праведника. Согласно восемнадцатому из сорока восьми обетов, данных Амида, всякий, кто верит в Него и возглашает Его имя, после смерти возродится в Чистой Земле, прервав, таким образом, бесконечную цепь перерождений и связанных с жизнью страданий.

Жалея об утрате монастырем Энрякудзи драгоценного свитка, настоятель храма воспроизвел его сюжет в композиции каменного сада. Огромных размеров валун вместе с окружающими его камнями символизирует Амида Будду в сопровождении 25-ти бодхисатв. Покрытый мхами холм в глубине сада – воплощение небесных высот, откуда спускаются в земной мир божества. Эффект устремленности, движения, динамики передан дорожкой из белоснежного гравия, проложенной среди волнистых мхов, – чистый, открытый путь, по которому спешит навстречу зову людей Амида Будда.

Сразу после окончания работ над садом перед каждым камнем была проведена так называемая «церемония открытия глаз» (*кайгэн куё*), которая обычно устраивается в храме. Цель церемонии – «одухотворить» только что созданную скульптуру, сделать ее вместилищем живого духа божества, после чего буддийский образ становится полноценным предметом поклонения.

Поразителен сам факт перенесения этой религиозной традиции из храма в пространство сада. Камень, наделенный определенной энергетикой и символикой, таким образом, полностью уподобляется религиозной святыне, и почести ему отдаются в не меньшей степени, что и последней. Каждый из камней отныне, после проведения церемонии приглашения духа божества в камень, одухотворения и его оживления перестает быть просто «камнем», подобно тому, как *карэсансуй* перестает быть обычным садом, но приобретает значение сакрального места, становится, подобно храму, местом моления.

Сигэмори Мирэй совершенно справедливо относил свое творение к числу лучших садов, созданных им, уверенный, что со временем он приобретет статус *кокухо* («национального достояния»). Сад и в самом деле уникален – в нем находят не столько эстетическое удовольствие от созерцания его красоты, сколько воспринимают как священное пространство – продолжение храмового, наделенного огромной духовной силой. Нам же важно в первую очередь подчеркнуть особенность японского менталитета, японской духовности, в контексте которой необработанный человеком камень, найденный в природе, способен приобрести качества религиозной святыни. Происходит особый род полноценной замены, которая в условиях японского сознания воспринимается не только возможной, но и совершенно естественной.

¹ Joji Okazaki. Pure Land Buddhist Painting. Kodansha Intern. LTD and Shibundo. Tokyo, New York, San Francisco., 1974. p. 94.

Мы говорим о «феномене» сухого сада в Японии. Но думается, что он был бы просто невозможен без той мировоззренческой основы, без того духовного климата, которые издавна присутствуют в Японии.

Култ камня, как известно, существовал еще с древнейших времен в Китае, где его необыкновенные формы считались «приметой жизненной силы космоса, спонтанной вибрации духа... Редкостный облик, увлекательные переливы цвета, затаенная мощь его массы делали камень не только вместилищем мировой энергии, но художественно ценным предметом. Камни созерцали, к ним прикладывали руки, их, как мы знаем, даже слушали»². Космогонические мифы древнего Китая трактуют небо как огромную пещеру, а сами горы как фрагменты, отколовшиеся от небесного свода и упавшие на землю. Эти громадные осколки – каменные глыбы при падении напитываются космической энергией *ци*. Перенесенные из природной среды в сад, камни – миниатюрные горы, не теряют своей связи с Целым, с Космосом, храня в себе следы теллурической энергии *ци*, на своем микроуровне излучая ее в пространство. Китайцы верили: «чистейшая семенная энергия Неба и Земли, сгущаясь, превращается в камни и, выходя из Земли, принимает диковинный облик... Пространство величиной с кулак может вобрать в себя красоту тысячи пиков»³. Магическая сила, энергетическое воздействие камней – этих вместилищ чистейшего субстрата жизни, сгустков субстанциональной энергии земли, превращают садовое пространство не только в место созерцания и эстетического наслаждения, но и в место духовного и физического исцеления, наделяя сад магической, охранной функцией.

Трепетное и почтительное отношение китайцев к камням, к их природной красоте, вера в их магическую силу вместе с секретами садового искусства передались японцам. Но никогда заимствование художественных идей другой культуры, даже такой авторитетной, как китайская, не оказалось бы столь глубинным, если бы не нашло отзвука в национальной психологии самих японцев.

Их исконная религия *синто* (Путь богов), основанная на глубочайшей вере в разумные силы природы, наделяет жизнью и душой весь окружающий человека мир: горы, реки, водопады, камни и растения. Ну где, как не в древних верованиях, следует искать истоки удивительного дара японцев не просто разглядеть, заметить в природной стихии чудесную и выразительную форму скалы, пещеры, дерева, но и одухотворить их, чтобы общаться с ними, просить о заступничестве и помощи? Все притягательное для глаза – необычного вида камень, причудливо изогнутое дерево, живописный остров или гора – становилось объектом для поклонения. В одно из посещений древнего синтоистского

святилища Камогава на севере Киото мое внимание надолго привлек к себе человек, стоявший в молитвенной позе перед деревом. То было «просто дерево», хотя и очень старое, не отмеченное никакими особыми знаками, выделяющими его среди других подобных ему деревьев. Однако весь исполненный почтения облик человека, молча стоящего со сложенными перед собой руками, говорил о его глубоком молитвенном состоянии. С мольбой ли, или с благодарностью, но мужчина вел внутренний диалог с Деревом, точнее, с душой Древа, вероятно, прося его об участии в своей судьбе. Эта сцена, которую я долго держала в поле зрения, показалось мне глубоко символичной, выдающей особенности японского сознания.

В «чистое, священное место» (именно такое буквальное значение имеет японское слово *нива*, т. е. «сад»), часто огражденное толстой веревкой, сплетенной из рисовой соломы (*симэнава*), или огороженное камнями, уже никому не позволялось входить, кроме специальных лиц и императоров, дабы не нарушить покой обитающего там духа.

Каждый, кто хотя бы однажды побывает в самом крупном синтоистском святилище в Исэ, посвященном богине Солнца Аматэрасу, главному божеству синтоистского пантеона (и прародительнице японских императоров), сумеет проникнуться удивительной, почти мистической атмосферой этого места, где произрастают вековые кипарисы. Существующие не одну сотню, а то и тысячу лет, они поражают своей мощью, толщиной в шесть-семь человеческих обхватов, красотой и величием. Необыкновенная сила исходит от них... Когда Исэ называют духовным домом японской нации, думается, имеют в виду не только древние строения самого святилища, но и всю здешнюю атмосферу, настраивающую на торжественность, возвышенность, чистоту и покой.

Диковинных, выразительных очертаний камни, скалы, водопады не могли не поразить воображение японцев. Их необычная, ярко выраженная красота, кажется, сама выдает присутствие в них собственной жизни, судьбы. Они обретали имена, наделялись характером, историей, правом на независимое существование, нашедшими подтверждение в легендах и преданиях. Ярчайший тому пример – сказание об одном из живописнейших мест в Японии на побережье Тихого океана, носящем название Футами-ура. Однажды Яматохимэ-но-микото, находящаяся в услужении у богини Солнца Аматэрасу, – гласит древняя легенда, – во время путешествия по земле была глубоко потрясена диковинным пейзажем и перед тем, как оставить его ради дальнейших странствий, обернувшись, «взглянула на него еще раз», подарив, таким образом, имя этой бухте. Там, неподалеку от берега, омываемые морской водой, соседствуют две скалы – большая и поменьше. Благодаря впечатлению живого общения, никогда не прерываемого диалога, который ведется между ними, их окрестили скалами-супругами (*мэото-ива*). Опоясанные *симэнава* в знак священности этого места, они испокон веков ассоции-

² Малявин В. В. Китай в XVI–XVII веках. М., 1995, с. 207.

³ Там же.

ровались, кроме того, с Идзанаги и Идзанами – божествами, создавшими японские острова. Прозрачная вода бухты подсказала название всему побережью – Чистый берег (*Киёнагиса*). Сюда приходили для очищения души и тела перед тем, как посетить синтоистское святилище в Исэ, находящееся неподалеку.

Сама природа Японии, кажется, с готовностью и щедростью подсказывает сюжеты для мифов и легенд, питая воображение людей, населяющих живописные острова. Земля Идзумо, где находится одно из древнейших синтоистских святилищ в стране Идзумо тайся, издревле считалась местом обитания Богов. Главное божество, почитаемое в храме, – Окунинуси-но микото, кого, согласно мифам, принято считать «создателем всех вещей Поднебесной», творцом японской нации, подлинным хозяином страны, ее защитником и покровителем. Уже на станции, куда вы приезжаете, вас встречают огромные настенные изображения, иллюстрирующие сюжеты древних преданий. Согласно одному из них, рассказывающему о «приращении земель», Окунинуси обнаружил, что страна Идзумо – «узкая как полоска полотна», и решил увеличить ее территорию за счет окружающих островов. Брал он заступ «широкий и плоский», отрубал понравившийся кусок от соседней земли, а потом подтягивал его с помощью веревки, «как лодку, поднимающуюся по реке», приговаривая при этом: «Земля, иди сюда, земля, иди сюда». И словно бы свидетельством реальности этих событий у самого побережья в одном километре от святилища стоит одинокий утес, как бы и в самом деле притянутый гигантской рукой к берегу. Священная скала с крохотным синтоистским святилищем наверху – арена, где в незапамятные времена разыгрывалась божественная мистерия.

Веками культивируемое отношение к камням как вместилищам живого духа, а также отшлифованное постоянным общением с ними эстетическое чувство сказались на способности японцев распознавать индивидуальность, характер, лицо каждого отдельного камня. Не забыть встречи, произошедшей однажды с Накадзима Кэйко – женщиной, общение с которой открыло мне многие тайны японского сознания. Знакомство наше состоялось в одном из садов города Масуда, куда меня привело стремление собственными глазами увидеть знаменитые творения художника XV столетия Сэсю, а Накадзима Кэйко – желание и потребность непосредственного общения с камнями, в которых она видит не столько элементы садовой композиции, сколько существа, наделенные душой, голосом. Об их нраве (у каждого – свой), потребностях, энергетической силе, целительных качествах она способна поведать многое. Камни для нее – живые организмы, бескорыстно и преданно служащие людям.

Нет более убедительного способа продемонстрировать особенность японских садов, чем через сопоставление их с европейскими. Думается, что не нуждается в доказательствах и факт существующего на Западе

отношения к минералу как к природному материалу, подлежащему обязательной обработке. Какой бы красотой цветовой окраски, формы, богатой фактурой он ни обладал, до прикосновения к нему резца он остается в восприятии западного художника, готового привнести свою волю, свой порядок в обновленную жизнь камня, пока еще сырым, грубым материалом, основой для потенциального объекта эстетического наслаждения. «Для европейца, – размышляет Исаму Курита, – камень в первую очередь представляет собой место приложения человеческого умения, интеллектуальных, творческих усилий, потенциальный результат того, что «можно сотворить из камня»⁴. В традиционной дальневосточной культуре камень ценен сам по себе, как феномен, исполненный собственной эстетической и энергетической значимости. Не преобразованный умелой рукой мастера, камень в восприятии европейца подобен неотшлифованному грубому звуку, красота и гармония к которому приходит лишь через вмешательство человеческого фактора. Японцы же наделены даром, настраивая слух на звуки мира, Вселенной, слышать в них свою музыку, ибо, по словам величайшего из поэтов раннего средневековья Ки-но Цураюки, «все живое поет свою песню». Не об этом ли свидетельствует наличие в японском языке таких слов, как *сёрай* (ветер в соснах), *сиосай* (звук волн, разбиваемых о морское побережье). В этих природных звуках присутствует свой «порядок», «лад», своя «песня», но не искусственная, созданная умением человека, а такая, какую можно уловить лишь при вдумчивом, созерцательном отношении к миру. Неся следы выветривания и дождевых потоков, миллионами лет подвергаемый воздействию природных стихий, наделенных минерал уникальными свойствами, камень, перенесенный из природной среды в сад, становится самостоятельным предметом созерцания, носителем эстетического наслаждения и духовного восполнения. История Японии дает примеры самого почтительного отношения к камням. В средние века они стали предметом страстного коллекционирования и порой настолько высоко ценились владельцами, что те не разлучались с ними ни при каких обстоятельствах и держали при себе, как самое дорогое сокровище. Посетители сада *Сэнто госё* – бывшей императорской виллы в Киото, будут покорены красотой одного из берегов пруда, выложенного белой галькой поразительно правильной, округлой формы: тысячи камней, один к одному устилают побережье. Они были, как известно, подарены императору Кокаку в период 1815–1819 гг. неким Одавара Окубо. Получив в качестве оплаты 1 сё риса (мера емкости 1,8 л) за камень, Окубо аккуратно и бережно завернул каждый галец в отдельную упаковку прежде, чем отослать на виллу.

Глубочайшим уважением к природному естеству камня пронизана вся садовая культура Японии, ключом к пониманию которой служит дизайн-

⁴ *Isamu Kurita. The Spirit of Stone. Chanoyu Quarterly. 1977, №19, p. 50.*

нерский принцип «кован ни ситагау» («следуя зову, запросам природного материала»), впервые сформулированный в «Сакутэйки» (XI век), одной из самых древних книг о садовом искусстве, дошедшая до нашего времени. Книга эта, выступающая в течение долгих столетий неизменным ориентиром для художников сада, может многое поведать об отношении древних японцев к камню – трепетном, исполненном уважения к его природной сущности, к духу, в нем пребывающему.

Согласно «Сакутэйки», начинать расстановку камней нужно с выбора «главного» камня, остальные же распределить таким образом, чтобы «удовлетворить запросы его» в соответствии с характером и присущими ему внутренними качествами. Например, автор «Сакутэйки» поясняет, что «убегающий» камень следует сопровождать «догоняющим», «смотрящий вверх» непременно дополнить «смотрящим вниз», «стоящий прямо» поддерживать камнем, словно «застывшем в наклоне». Правило это, между прочим, в одинаковой степени распространяется и на растительный материал. В отличие от классического европейского сада, где кустам и деревьям нередко придана четкая геометрическая форма или облик животного, диктуемые безоглядной фантазией художника, растительный материал в садах Японии, как бы неожиданно он ни выглядел, есть результат раскрытия ему же присущих природных качеств. Излюбленным приемом придания сосне определенной формы является «наращивание» длины одной из ее ветвей. «Сосной Резвящегося Дракона» (Юрю), «самой длинной сосной Японии» названо 600-летнее дерево, прославившее своими необычными очертаниями буддийский храм Ёсиминэдэра, находящийся глубоко в горах на северо-западе Киото и часто называемый просто «храмом сосны» («мацу но дэра»). Одна из ветвей дерева, вытянутая по горизонтали на 54 м, призвана вызывать ассоциации с мифическим существом, стелящимся по земле. Знаменитой 400-летней сосне на территории Золотого Павильона придан легко угадываемый облик парусного корабля благодаря все тому же приему – удлинению некоторых из ветвей дерева. В любом случае, каким бы интересным и фантазийным ни оказался результат, японский мастер лишь подчеркивает и выделяет те черты и качества, которые уже присущи дереву или камню, раскрывая их потенциальные возможности, не навязывая им свою волю, но прислушиваясь к их зову, настроению, характеру, иначе говоря, «следуя их запросам» («кован ни ситагау»).

Безусловно, искусство играет не меньшую роль в храмах других религиозных конфессий разных стран, но японский храм имеет свое неповторимое «лицо», пронзительное и очевидное своеобразие, частью которого являются сухие сады, не преображенный человеческой рукой природный материал, в частности, камни, таящие в себе способность воздействия на человека всем своим комплексом природно-энергетических возможностей. «Многоголосье» сада доступно человеку, остановившему свою внутреннюю маяту, вошедшему в состояние «не-я»,

самозабвения, ушедшему на время от своих проблем. Не в этом ли урок, преподносимый каменным садом, обучающим прислушаться к тишине внутри себя, на фоне которой могут быть уловлены голоса самих камней, их тихий шепот о вечном.

Свою назидательную «историю» расскажет и современный *карэсан-суй*, названный «Шесть Путей» (*рокудо*), разбитый на территории дзэнского монастыря Нандзэндзи. Сюжет его апеллирует к чрезвычайно популярной на Дальнем Востоке идее, согласно которой вся Вселенная представляет собой конгломерат шести основных видов бытия, связанных кармической причинностью: божества, люди, ашурь (титаны, прошлые военные подвиги которых придали им вечно воинственный и боевой вид), животные, голодные демоны и существа ада. Всякое живое существо во вселенной претерпевает нескончаемое путешествие по этим мирам и, на фоне практически бесконечного космического времени, лишь на какой-то срок занимает ту или иную нишу в зависимости от своих заслуг или прегрешений, неся, таким образом, ответственность за свою судьбу.

В центре композиции – Камни Буддийской Триады, олицетворяющие Будду и двух Бодхисаттв по бокам от него. Расположенные вокруг камни символизируют тех самых живых существ, безнадежно бродящих разными путями по кругу сансары – миру грез и иллюзий. Знаком соблазнительности и обманчивой прелести земного бытия может выступать цветущее дерево *сарусубэру* («дерево, скользкое даже для обезьяны»), включенное в композицию сада. Но высаженное на белом, чистом пространстве гравия, оно способно служить знаком красоты и небесного совершенства Бодхисаттвы, символом незамутненного сознания божества, на помощь и сострадание которого всегда может рассчитывать путник, движущийся в бесконечности времен по Шести Путям – *рокудо*.

Возникновение храма Когэндзи на территории монастыря Тэнрюдзи относят к 1429 г. и связывают с именем Хосокава Митиюки, занимающим высокий пост в сёгунате в период Муромати. От красоты небольшого сухого сада на территории храма в первое мгновение перехватывает дыхание. Созданный в стиле *сяккэй*, он рассчитан на включение в свою композицию дальних планов: силуэта горы Араси, выступающей живой и вечно меняющейся декорацией для той сюжетной драмы, которая разыгрывается в саду. Название сада (Сад Рычащего Тигра) на первый взгляд кажется неожиданным и странным. Но смысл его будет понятен тому, кто включен в контекст дзэнских идей, кто знаком с текстами дзэнских патриархов и наставников. В нем скрыта ассоциация с известным афоризмом из сборника канонов XI в. «Хэкиганроку» («Записки Лазурной Скалы»), составленном китайским монахом сунской поры Юань-У. В 99-й главе этой книги есть такие слова:

«Рюгиндзитэ кумо о окоси»
(Когда Дракон ревет, облака вздымаются),
Тора усобукитэ кадзэ о насу
(Когда Тигр рычит, ветер поднимается).

Фраза эта передает состояние человека, пережившего момент внезапного просветления. Радость от пережитого, восторг, граничащий с экстазом, столь велики, что сравнить их можно лишь с ревом Дракона и рыком Тигра. Главными «персонажами» сада являются два отдельно стоящих камня – символическое воспроизведение мифических животных, нередко питающих воображение дзэнских художников. Ибо как иначе если не символом, метафорой передать духовное расширение всей жизни человека, мощь и необъятность состояния того, кто обрел, наконец, подлинную свободу и способность видеть мир таким, какой он есть на самом деле... «У ведра отламывается дно», – ответил один из дзэнских наставников на вопрос о том, в чем состоит суть буддизма.

Традиционное название таких садов *карэсансуй* («сухие горы-воды», т. е. «сухой пейзаж»), похоже, уже мало оправдывает себя, ибо сюжеты их далеко выходят за рамки лишь собственно природных мотивов. Японский каменный сад в наши дни – это богатейший спектр символически и философски насыщенных сюжетов и тем, демонстрация огромного потенциала этого искусства в способах их воплощения. Наряду с архитектурой, живописью, скульптурой оно занимает едва ли ни равноправное с ними положение, служа убедительным средством передачи религиозно-философских истин. Обогащенное за последние десятилетия новыми мотивами и идеями, приобретающее свободу самовыражения, искусство каменного сада становится практически неотъемлемой частью пространства не только дзэнских храмов, где оно зародилось, но и храмов других концессий и школ буддизма.

К числу каменных садов, практически «дословно» воспроизводящих известный религиозный сюжет, относится, например, замечательный *карэсансуй* буддийского храма Синнэдо школы Тэндай, основанного в 984 г. в Киото. Одним из подлинных сокровищ, которым владеет храм, является живописный свиток, созданный в начале периода Эдо (1709 г.) на сюжет смерти Будды (*нэхан*). Пожертвованная храму родом Мицуи, картина считается самой большой в Японии (6х4м) из тех, что посвящены этому сюжету. Трехмерной, объемной живописью можно назвать каменный сад Синнэдо, который выразительным языком минералов передает взрыв безудержного отчаяния, охватившего последователей Будды, весь животный мир после ухода Учителя. Четыре крупных камня, вытянутые в ряд в центре композиции, изображают лежащего, погруженного в Нирвану Будду. Камни, расположенные вокруг, символизируют безутешно рыдающих учеников, животных, птиц... Высокий камень, стоящий отдельно справа, почти буквально вторя содержанию свитка, закрепленному каноном, олицетворяет мать Будды – Майю (на картине она изображена

стоящей высоко на облаке, и тоже справа). Сухой сад выполнен в стиле *сяккэй* (заимствованного пейзажа): плавные очертания «лежащих» камней – «тело спящего Будды» – ритмически повторяют контуры отдельных пиков Восточных гор (Хигасияма), видимых издали и включенных в композицию сада. «Тело Будды», выложенное камнями сада, зрительно отождествляясь с хребтами дальних гор, становится, таким образом, равновеликим всему необъятному пространству. Весь мир – это «тело Будды». Можно ли найти более убедительный и наглядный способ передачи одной из самых величайших истин, проповедуемых буддизмом.

Китайские садоводы, передавшие многие столетия назад секреты своего мастерства японским художникам, ценили камни за их редкостную красоту, внутреннюю силу, энергетическую мощь, видя в них в первую очередь резервуар космической энергии, распространяемой в пространстве, и, следовательно, наделяющей сад защитной, охранной, эстетической функцией. Японские мастера, разбивавшие сады на территории буддийских храмов, сохраняя подобное отношение к каменному саду, как к носителю магической, охранной, целительной силы, обогащают значение сада теми аспектами, которых лишены их китайские прототипы: педагогическими, философскими, мировоззренческими. Японский сад предоставляет возможность придать новое измерение в восприятии камня, используя его как своеобразный язык, посредством которого можно приобщать к Высшей мудрости, к сущностным проблемам человеческого бытия. Сад, разбиваемый на прихрамовой территории, наряду с другими видами художественной деятельности художников-монахов, возлагает на себя, таким образом, функции Наставника, Учителя, рассказчика, становится полноценным Спутником на пути к самопознанию, самообновлению, Просветлению.

М. П. Герасимова

Обычно и в России, и за рубежом во всех исследованиях, посвященных особенностям развития Японии, как в культурном, так и в научно-техническом плане, говорится о способности японцев заимствовать чужой опыт и чужие знания. При этом подчеркивается, что заимствование не только не наносило ущерба существующим традициям, но поднимало их на новый, более высокий уровень¹.

Действительно, результатом культурных заимствований, как правило, было появление феноменов, ставших знаковыми именно для Японии. Наиболее наглядным примером может служить заимствованная из Китая традиция чаепития, проходящих с соблюдением определенных предписаний в обстановке неумоляющей торжественности, которую принято называть чайной церемонией. Однако японская чайная церемония по форме и исполнению ритуала в обществе разительно отличается от «первоисточника».

Причина подобной трансформации заключается в том, что в Японии многие заимствованные элементы служили новыми средствами выражения того главного, что лежало в основе национальных убеждений японцев и способствовало укреплению специфических особенностей собственной культуры. Этим «главным», заимствуя выражение О. О. Розенберга, был, «национальный элемент», понимаемый как «характерное мировоззрение, не заключенное в рамки системы». Он возник в результате взаимодействия местных синтоистских верований с учением Будды и поэтому не укладывался в рамки ни одной из систем.

Историю заимствований в Японии условно можно разделить на два периода. Первый период берет начало со времени становления японского государства (VI в.), когда Япония обогащалась достижениями ближних соседей, в основном Китая. Из Китая через Корею в Японию пришел буддизм, были заимствованы системы государственного устройства, образования, градостроительства и многое другое. Влияние китайской культуры на культуру всех стран Дальнего Востока, включая Японию, огромно.

Начало второго периода приходится на середину XIX в., когда Япония перестала быть «закрытой страной». Став в 1868 г. конституционной

монархией, страна познакомилась с научными достижениями и культурой западных стран. Обогатившись чужими знаниями, японцы приступили к проведению мер по модернизации², которая в разной степени затронула все области жизни страны.

Во время «второго периода» под влиянием западной культуры появились новые жанры прозы и поэзии, философские течения. Изменения в культуре проходили под лозунгом «соответствовать современности», означавшим ориентированность на западные образцы. Одновременно с этим в некоторых кругах возник страх потерять свою самобытность, вызвавший протест против «прозападных» веяний в культуре³. Появились реформаторы, которые предлагали способы «вдохнуть новую жизнь в старые жанры». Как бы то ни было, традиционные жанры и искусства, которые сегодня вызывают наибольший интерес на Западе, не только не исчезли, но и, развиваясь и обогащаясь новыми понятиями и методами, продолжали и продолжают служить выражению «национального элемента», «характерного мировоззрения, не заключенного в рамки системы».

Однако, как правило, именно об этих жанрах, говорят как о заимствованных из Китая, но наполненных японским содержанием. В чем же заключается это «японское содержание»? Посмотрим на примере наиболее характерных культурных явлений, имеющих «китайские аналогии».

Следов китайского влияния в японской культуре, в особенности классической, предостаточно. Во всех жанрах и видах японского, да и всего дальневосточного искусства, встречается великое множество китайских образов, что еще не дает права говорить об их заимствовании. Достаточно вспомнить, что китайский язык на всем Дальнем Востоке играл роль латыни (на китайском языке составлялись государственные документы, писались стихи, трактаты). В среде японских аристократов существовала традиция сочинять стихи *канси* (букв. «китайские стихи»), но и в период наивысшего влияния Китая, японский язык оставался языком бытового общения даже при дворе императоров. Благодаря этому местная поэтическая традиция никогда не прерывалась. К тому же у японцев издавна, уже в пору заимствования китайской иероглифической письменности существовала собственная, высоко развитая поэтическая традиция⁴ с устоявшейся системой жанров, средств худо-

² Строго говоря, между этими периодами было время, когда в Японию через голландскую торговую факторию на островке Дэдзима в гавани Нагасаки, проникали европейские научные знания, которые называли «голландскими науками» – *рангаку*. Это было время действия политики «закрытых дверей» – *сакоку*. До 1720 г. распространение этих знаний строго контролировалось. Позднее политика изоляции была несколько ослаблена, после 1803 г. запреты на распространение *рангаку* были постепенно сняты.

³ Подробнее см.: Долин А. А. История новой литературы Японии в очерках и портретах в 4-х томах. М., 2007, т. 2.

⁴ Подробнее см.: Глушкина А. Е. Японская литература и театр. М., 1975.

¹ Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Размышления о процессе модернизации Японии. – Размышления о японской истории. М., 1996, с. 59.

жественной выразительности и образности и, что особенно важно, эта поэзия была распространена во всех слоях населения – от крестьян до аристократов⁵.

Знание китайских классических произведений, мифов и преданий считалось необходимым для всякого образованного человека, вследствие чего употребление хрестоматийных китайских образов, которые ничего не замещали и не восполняли, могло быть продиктовано желанием проявить именно свою образованность, подобно тому, как в Европе употребляли пословицы, поговорки и крылатые выражения на латыни. В обоих случаях функция образа из одной культуры при употреблении в контексте другой заключалась в своеобразном расширении диапазона того, о чем шла речь.

Примером использования японцами китайских образов, как свидетельства обширных знаний, могут служить и многочисленные названия, даваемые японцами различным сооружениям во дворцах и садах. Так, например, недалеко от знаменитого Золотого храма в Киото вверх по склону есть небольшой водопад «Ворота дракона» («Рюмонтаки»). Это название напоминает о старинном китайском поверье, согласно которому карп, сумевший подняться вверх по течению и преодолеть водопад, превращается в дракона. А раскинувшаяся перед не менее знаменитым Серебряным храмом (*Гинкакудзи*) площадка, сооруженная из серебристо-серого песка, напоминает по форме прославленное красотой озеро Си Ху в Китае. Подобное употребление образов, продиктованное стремлением, как уже говорилось, расширить значение определенного предмета или явления путем применения образов из китайской классики, никак нельзя считать заимствованием. Скорее это был хороший тон.

Однако в это же время происходили и всевозможные заимствования, которые «накладывались» на местное понимание бытия, окружающего мира и своего места в нем, обусловившие национальные особенности японской культуры.

В основе этого понимания лежит порожденное анимистическими элементами синтоизма понятие о *моно-но аварэ*, ставшее к середине X в. не только мировоззренческой, но и эстетической и в некотором роде

⁵ Свидетельством этого могут служить фольклорные поэтические произведения, собранные в «Манъёсю», что отличает эту антологию от всех остальных, созданных в более позднее время. В этот период у японцев еще не было собственной письменности и для записи стихов пользовались китайскими иероглифами в качестве фонетиков. Такой способ письма впервые был использован придворным идеографом О-но Ясумаро при подготовке первых свитков «Записей о деяниях древности» («Кодзики») в начале VIII в. Наряду с этим он применял иероглифы в качестве идеограмм или для записи текста китайскими иероглифами по правилам японского синтаксиса. В период составления «Манъёсю» были выработаны правила использования китайских иероглифов только как фонетиков. Этот способ записи получил название «манъёгана» и просуществовал до начала IX в., когда была изобретена первая слоговая азбука – *хирагана*,

этической категорией. Японцы, следуя своим национальным поверьям, усматривали существование во всем, с чем человек сталкивается в жизни, неповторимой и прекрасной души, которую следовало постичь, переживая при этом ее очарование – «моно-но аварэ о сире» (букв. «познать очарование вещей»)⁶. При этом для японцев *моно* (дословно «вещь», «предмет», «нечто») – это равно одушевленные и неодушевленные объекты, а также абстрактные понятия, конкретные факты, явления, в том числе и явления природы, и человеческих чувств.

«Наличие всех этих значений у слова “*моно*” – явление именно японского языка, поскольку по-китайски эти слова, обозначающие неодушевленную вещь и живое существо, не только записываются разными *иероглифами*, но и фонетически представляют собой разные лексические единицы»⁷.

Аварэ – это эмоциональный отклик, который возникает в душе человека, когда ему удастся постичь суть предмета, события или явления, словом, *моно*. Словари архаизмов также определяют *аварэ* как «чувство, связывающее человека с тем или иным предметом». А если учесть приведенное выше значение «вещи» (*моно*) в понимании японцев и их стремление постичь суть каждой, можно представить себе, какое великое

постичь суть каждой, можно представить себе, какое великое многообразие «очарований» открывалось человеку, и как велика была его психоэмоциональная активность, которую Н. И. Конрад назвал «эмоционализмом». Результатом явились не только художественные памятники, отличающиеся национальным своеобразием, но и достойное отдельного исследования явление, которое можно характеризовать как «вписанность» искусства в повседневную и духовную жизнь японцев, как средство, выполняющее почти религиозную функцию. На языке искусства японцы разговаривали с богами и между собой. Искусство играло роль проводника между человеком и невыразимой в логических категориях Истиной. Если говорить об основах японской культуры, в первую очередь следует назвать именно «стремление постичь и выразить» очарование вещей – *моно-но аварэ*. *Моно-но аварэ* во многом обусловило самобытность японской культуры, в особенности японского искусства, придав ему утонченную эмоциональность и особую выразительность, даже в период наивысшего влияния пришедшего из Китая дзэн-буддизма, предполагающего бесстрастную созерцательность (*мусин*).

⁶ О моно-но аварэ подробнее см.: Анарина Н. Г. Японский театр. М., 1984; Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979; Долин А. А. Предисловие к «Собранию старых и новых песен Японии», М., 1995; Ермакова Л. М. «Вещь» и моно в понятиях и ритуалах. – Вещь в японской культуре. М., 2003, с. 6; Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974; Михайлова Ю. Мотоори Норинага. М., 1992; Соколова-Делюсина Т. Л. Приложение. Мурасаки-сикibu. Повесть о Гэндзи. М., 1992. и др.

⁷ Ермакова Л. М. «Вещь» и моно в понятиях и ритуалах. – Вещь в японской культуре. М., 2003, с. 6.

Кроме того, синтоистские верования способствовали формированию у японцев такого отношения к миру, при котором новые знания рассматривались как ниспосланное богами благословение за понимание их замысла и упорный труд. Известно, что в синтоистской мифологии все рассматривается как незрелое, незавершенное, иными словами, существующее в начальной стадии своего существования, но постепенно делающееся все лучше и лучше, по мере того, как люди усердно трудятся, чтобы своей деятельностью показать богам – *ками*⁸, что их замысел понят и с благодарностью принят. *Ками* же, поощряя людей за оказываемое ими поклонение, разными способами помогают людям совершенствовать мир и жизнь на земле, в том числе открывая им новые знания. Знаменательно, что все награды богов людям достаются при жизни. Синто не обещает никаких воздаяний за благие дела после смерти.

Согласно синтоистским верованиям, все движется от хорошего к лучшему, поскольку людьми руководят *ками*. Отсюда рождается убеждение в том, что все перемены к лучшему (любопытно отметить, что в японском языке любое слово, означающее повторение действия заново или иначе, т.е. направленное на пересмотр или переделку чего-бы то ни было, представляет собой сложные слова, вторым компонентом которых является слово «*наоси*» – исправление, например, передумать – *кангаэнаосу*, букв. исправить мысли, пересмотреть – *минаосу* – исправить «видение», взгляд на вещи, перестроить, *татэнаосу* – исправить построенное и т. д.). *Ками* же, как говорилось, открывают людям новые знания и возможности.

Особое значение имело порожденное синтоизмом ощущение японцами своей привязанности к этому миру, миру земному, феноменальному⁹, служившее источником неиссякаемого оптимизма. Действительно, еще Янагида Кунио¹⁰ подчеркивал, что японцы считают себя людьми «мира сего» не только при жизни, но и в некотором роде после смерти, поскольку уверены, что их связь с «этим миром» сохранится и после их смерти, так как они будут поддерживать духовный контакт со своими близкими, живущими в этом мире, и, будучи *ками* (согласно синтоистским

верованиям, человек после смерти присоединяется к сонму божеств), смогут давать им советы и благословение на совершение угодных богам дел в этом мире.

Логично было бы предположить, что характерная для японцев черта заимствовать и приспосабливать к своим условиям и потребностям многое из иноземных религий, учений, а также научных и технических достижений сформировалась именно в результате подобного отношения к жизни и к происходящим в ней переменам.

Красноречивым свидетельством могут служить особенности взаимодействия синтоизма и буддизма, принесшего новые взгляды на бытие и систему ценностей. При этом большинство положений буддизма было «приспособлено» к местным верованиям. Произошло даже отождествление синтоистских божеств и будд (*симбуцу дотайсэцу*).

Синтоистские божества были объявлены эмпирическим проявлением (*суйдзяку*), иначе говоря, местным воплощением абсолютных «изначальных» (*хондзи*) будд и бодхисатв, а в XIV в. синтоистские жрецы стали утверждать, что истинные сущности – это японские *ками*, а будды – их проявленный след.

Синтоизмом были заимствованы многие элементы буддийской обрядности. А буддийские монахи в Японии зачастую во время синтоистских праздников читали сутры перед алтарями, сооруженными в честь *ками*. В результате японцы в равной степени чтят и своих божеств и будд. Так возникла идеология *рёбу синто* – букв. «двоякого пути богов» (или «двусоставное синто»).

Буддизм принес в Японию новые понятия и идеи. Важнейшими из них были Небытие (*ку*)¹¹ и карма, восполнившие недостающие в синтоизме эсхатологические элементы.

Идея Небытия, в которой японцы находили определенную элегическую прелесть, переданная средствами художественной выразительности, приобретала не только философское значение, но и особую эстетическую ценность, которую сегодня мы обнаруживаем и в стихах хайку, и в букетах *икэбана* (к слову сказать, эти виды искусства считаются исконно японскими), и в «японских картинах тушью» – *сумиэ*, и в японских садах, и в чайной церемонии и др.

Позднее на все стороны жизни японцев и, в особенности, на искусство оказало влияние учение дзэн-буддизма. По мнению Судзуки Дай-

⁸ Как божеств *ками* японцы почитали души предков, а также все, что вызывало чувство удивления, благоговения, трепета, а иногда и страха, будь-то в природе или среди предметов. Особо почитались ландшафтные божества – гор, источников, моря, а также божества стихий – ветра, грома, молний, дождя. Существовало также убеждение в том, что божественной природой обладают конкретные предметы и даже абстрактные понятия, например, добро или зло, физическая сила, разум, а также «созидательность», «плодородие», «обновление» и многое другое, связанное с зарождением, становлением, развитием и т. п.

⁹ Hirai Naofusa. Traditional Cultures and Modernization. Several Problems in the Case of Japan. Материалы симпозиума «Cultural Identity and Modernization in Asian Countries», Institute for Japanese Culture and Classics. Kokugakuin University, Tokyo, 1999.

¹⁰ Янагида Кунио (1875–1962) – выдающийся японский этнограф, фольклорист.

¹¹ Небытие *ку* (абхава) – невидимое, неслышимое, непознаваемое в логических категориях бытия неявленных форм, которое считается Истинным бытием.

Природа Небытия – Пустота – *му* (шуньята), означающая в данном контексте «отсутствие собственной природы» и понимаемая как непроявленное состояние вещи, предшествующее проявленному, иными словами, – это «небытие-потенция», источник бытия. Небытие и Пустота – понятия классического буддизма. Подробнее см.: Энциклопедия современной эзотерики. <http://ariom.ru/wiki/LotosWiki/>

сэцу, автора многочисленных работ о Дзэн в Японии, причина этого кроется в том, что дзэн имеет дело «непосредственно с фактами жизни, а не с концепциями»¹², и дзэн-буддизм в Японии «не столько выражение буддизма японского толка, сколько выражение японской духовности в целом»¹³.

Пронизанная идеями и эстетикой дзэн-буддизма, заимствованная из Китая традиция чаепития в Японии стала не просто ритуалом, а знаковым явлением. В мнении о том, что чайная церемония знаковое явление именно для Японии, сходятся все исследователи японской культуры¹⁴, в том числе и китайские. В частности, профессор Центра исследований японской культуры Китайского института социальных наук Чжан Дзяньли, известный как автор книги «Садо и тя-но ю»¹⁵ (переводится как «путь чая» и «вода для чая»), подчеркивает тот факт, что общая для всех стран традиция чаепития в Японии с XVI в. принимает уникальную самобытную форму и становится «воплощением множества общенациональных черт». Очевидно, что под «общенациональными чертами» в этом контексте следует понимать характерное для японцев употребление различных приемов, применяемых с целью снять измерения с пространства и времени, подчеркнуть взаимодействие реального и ирреального, приблизиться к интуитивному пониманию Истинного бытия вещей, испытывая при этом эстетическое переживание, т. е. всех тех специфических особенностей мировоззрения, которые явились результатом синто-буддийского синкретизма.

Особое значение при этом приобретают метафорические иносказания. Недаром принятое в Японии название чайной церемонии «тя-но ю» – «вода для чая» служит метафорой, используемой при характеристике ситуации или беседы, когда в обычном, на первый взгляд, событии или разговоре присутствует возвышенная духовная идея. Оно также может быть употреблено в переносном смысле.

Сопоставление черт, наиболее характерных для каждой из национальных форм проведения чайных церемоний, дает возможность выявить различия в способах их проведения и, самое главное, цели, ради которых они совершаются.

К слову сказать, само слово «церемония» отражает отношение европейцев к этому действу. Ни в одной из стран Дальнего Востока, где

¹² Там же.

¹³ Подробнее см.: Suzuki D. T. *Zen Buddhism, Selected Writings*, ed. by W. Barret. N. Y., 1956.

¹⁴ 10 мая 2009 г. в университете Колумбия состоялся международный симпозиум «Культурное наследие стран Восточной Азии. Общее и самобытное», в ноябре 2006 г. в университете Хосэй (Токио) – симпозиум «Понимание инокультур», во время которых обсуждались вопросы, посвященные чайным церемониям в странах Дальнего Востока.

¹⁵ Эта книга издана в Японии в 1970 г. издательством «Кинокуния сэтэн». *Садо* (путь чая) и *тя-но ю* (вода для чая) являются японскими названиями ритуала, известного на Западе как чайная церемония. См. ниже по тексту.

чайное действо существует как особый ритуал, не употребляется слово «церемония». Общим для этого действа скорее будет употребление слова «Путь» (по-японски – *до* по-китайски – *дао*, по-корейски – *до*).

Слово «Путь» из словаря даосов и в данном случае означает «Все-ленский путь», иначе говоря, «Путь истинно сущего». Позднее слово «Путь» в китайском, корейском и японском буддизме стало употребляться также для обозначения «Пути Будды» – пути гармонического развития Вселенной. Считалось, что чайный ритуал, помогает приобщиться к этой гармонии, движущей мирозданием.

Буддийские монахи в Китае, использовавшие чай как тонизирующее средство во время длительных медитаций, впоследствии установили определенный порядок действий при заваривании чая и возвели это действо в ритуал (примерно в VII в.), который со временем стали совершать буддийские монахи и в Корее, и в Японии. Со временем традиция чаепития получила широкое распространение в светской среде и по сей день не теряет своей популярности.

Однако, что касается светских чайных церемоний, то, начиная с XVI в. и по настоящее время, слово «путь» в полном смысле его значения, иными словами, как метафора способов достижения душевного равновесия и гармонического единства с окружающим миром, применимо лишь к японской форме этого ритуала, который в Японии называют также «тя-но ю» – «вода для чая».

В Китае же, на родине чая и чайной церемонии, это, прежде всего, изысканное развлечение, целью которого в первую очередь является наслаждение. Если можно так сказать, это – гедонизм на китайский лад. Главным, разумеется, является наслаждение вкусом и ароматом чая, но особое внимание уделяется и чайной утвари. Это имеет значение и с эстетической точки зрения (сочетание цвета посуды и напитка), и с вкусовой (различные сорта по-разному завариваются и настаиваются в посуде, в зависимости от того, из чего она сделана). Все предметы, используемые во время чайной церемонии, должны радовать глаз. Движения китайца, заваривающего и разливающего чай, ловки и изящны. Слух присутствующих улаживает музыка.

Многие элементы, «задействованные» в ритуале, символизируют пять стихий – воду, огонь, воздух, дерево и металл, и лежащие в основе всего миропорядка, постоянно сменяющие и взаимодополняющие друг друга силы *инь* и *ян*. Однако в данном случае символика не имеет какой-либо философской подоплеки. «Разгадка» символов носит скорее характер забавы, которая в свою очередь также доставляет удовольствие, подобное тому, которое возникает при разгадывании ребусов и шарад.

Перед каждым участником выставляются две чашки, называемые чайной парой: высокая узкая чашка предназначена для восприятия

аромата, а низкая широкая чашка – для наслаждения цветом и вкусом чая. Чай заваривают несколько раз, пока он не потеряет вкус и аромат. Мастер «искусства чайного действия» должен незаметно для присутствующих поддерживать заданную атмосферу.

Умение устроить церемонию чаепития таким образом, чтобы доставить гостю максимум удовольствия и называют «высшим чайным мастерством» – *гунфу* или «искусством чая» – *тягэй*.

На Тайване во время чайного ритуала принято особо подчеркнуть понимание важности взаимодействия сил *инь* и *ян*, для чего чайные чашки переворачиваются вверх дном. Это символизирует вкушение энергий *инь* и *ян*. Однако и здесь наслаждение вкусом чая является главной целью.

Чайные действия известны и весьма популярны и в Корее, где они отличаются наибольшим разнообразием, однако гораздо менее изучены и известны в мире, чем китайские и японские.

Семена чая в Корею попали из Китая, но намного раньше, чем в Японию. В исторических записках есть сведения о том, что культура чаепития в Корее имела распространение еще в средние века у буддийских монахов.

Придворные формализовали ритуал, как действие, обладающее особой эстетической ценностью. Позже чайные церемонии успешно практиковались во всех слоях населения, обогащаясь новыми формами вплоть до первого десятилетия XX в., т. е. до начала колонизации Кореи Японией (1910–1945 гг.). В этот период культура чаепития сохранялась только в монастырях. Они-то и сберегли знания основ чайного действия.

Светские чайные церемонии в Корее продолжали развивать именно эстетические стороны этого ритуала. Свое логическое завершение они получили сегодня в чайном действе, совершаемом в сопровождении корейской традиционной музыки.

В светских чайных церемониях в Корее допустимы свободная импровизация, использование большого количества сортов чая: и листового чай и чайный порошок *маття*¹⁶. Однако в Корее чайный порошок *маття* (по корейски *malcha*) ассоциируется с буддийским ритуалом, поэтому после распространения в Корее христианства многие отказались от этого вида чая исключительно из-за религиозных убеждений¹⁷. В Корее разнообразнее меню «к чаю» и убранство помещения, где совершается действие. В отношении звукового оформления также нет

¹⁶ *Маття* дословно означает «чай растертый в порошок». Все порошковые чаи *маття*, которые используются в японской чайной церемонии, – это смеси. Они могут состоять из пяти видов чая, собранных на разных плантациях. Для производства порошкового чая *маття* используются очень тонкие листья без прожилок, чтобы при помоле получалась однородная масса, чайная пудра. Интересно отметить, что перемалывание листа в порошок осталось таким же, как и 400–500 лет назад. Каждый из мельничных камней-жерновов изготовлен вручную. Для производства именного чая *маття* требуется около 12 видов камней.

¹⁷ Korea Museum.ru

четких предписаний, и оно целиком зависит от вкусов хозяина или мастера. Не возбраняется и беседа на самые различные темы¹⁸.

В Корее насчитывается, по крайней мере, 15 ярко выраженных форм чайных церемоний, получивших развитие за время существования этого ритуала. Чайные церемонии бывают дневные, сезонные, приветственные, официальные, поздравительные. Проводятся даже чайные церемонии в знак соболезнования. Словом, широко практикуются чайные церемонии по какому-либо значительному или знаменательному поводу. Их называют «чаепитием, устраиваемым по правилам этикета» (*тарье*), или «обрядом дневного чая».

Чайная церемония может длиться несколько часов (что, как считают корейцы, «весьма удобно для того, чтобы лучше узнать кого-то или просто слегка расслабиться после деловой сделки») до тех пор, пока она не подойдет к своему логическому концу. Словом, в Корее, как и в Китае, культура чаепития, если не считать монастырские ритуалы чайного действия, сводится к получению удовольствия от изысканного вкуса чая, выпиваемого в обстановке необременительной торжественности, создаваемой рядом довольно простых предписаний, правил и регламентаций, предусмотренных этикетом. В этой связи нельзя не вспомнить Ю. Лотмана, утверждавшего, что любая культура начинается с ограничений, каковыми являются законы и предписания.

В Японии чай появился в начале IX в. Принято считать, что его привез из Китая монах Кукай. В начале знакомства с целебными и тонизирующими свойствами чая в Японии, как в Китае и Корее, чай пили монахи во время долгих медитаций. Чуть позднее при дворе японских императоров чаепитие стало изысканным развлечением, к XVI в. «чайные собрания», иначе «встречи за чаем», устраивали представители нового сословия горожан. В их среде из различных по форме и содержанию чаепитий и зародилась классическая форма чайной церемонии, кульминационным моментом которой и является чайное действие.

Под чайным действием следует понимать именно процесс заваривания чая. Мастер, совершающий действие, движениями, регламентированными не менее строго, чем балетные па, заваривает чай прямо в чашке, предназначенной для каждого гостя персонально, взбивая в строго определенном ритме чайный порошок *маття* бамбуковым венчиком. «Церемония» же начинается задолго до чаепития и состоит из любования окружающим чайный дом пейзажем, чайной утварью, букетом икебана, живописным свитком *какэмоно*, подобранным специально к каждому случаю, неспешной беседы о происхождении этих предметов и изготовивших их мастерах и т. п. Все развивается по определенному сценарию вплоть до момента окончания церемонии, когда гости расходятся, отвесив необходимые по этикету поклоны.

¹⁸ <http://goryeo.ru/node/147>

Само же чаепитие выглядит следующим образом: все гости по очереди друг за другом выпивают в три глотка достаточно густой и пенистый горьковатый чай. К чаю каждому гостю на бумажной салфетке подаются одна-две крошечные сладости, неизменно удивляющие изысканностью формы. Наслаждение вкусом и ароматом здесь не главное.

Японские чайные церемонии строго регламентированы не только в отношении процесса заваривания чая. Они проходят в подчеркнuto простой комнате, в полной тишине. Словом, как сказал в интервью «National Geographic» российский знаток и практик китайских чайных церемоний Михаил Баев, «отличие японского и китайского чаепитий в том, что в японской чайной культуре мало чая и много ритуала, а в Китае чая столько, сколько хочешь, а ритуала – сколько можешь»¹⁹.

Однако главным для определения сути различий, существующих в проведении чайных церемоний, все же следует считать цель, ради которой они совершаются: китайские и корейские церемонии – доставить удовольствие, японские – дать возможность участнику пережить нечто вроде философского прозрения.

Японская чайная церемония независимо от того, где она проводится – в монастыре или в чайном павильоне, служит скорее «спасению души» (исключение составляют лишь церемонии шоу, когда присутствующим демонстрируются основные правила чайных церемоний), нежели получению удовольствия от аромата и вкуса чая.

Мастера чайных церемоний в Японии стремятся к созданию особой психо-эмоциональной атмосферы, когда в восприятии участника чайной церемонии во взаимодействие вступают реальное и ирреальное, снимаются измерения с пространства и времени. Для этого разработаны определенные методы воздействия на эмоциональную активность участников церемонии. Все элементы, «задействованные» в церемонии, которая, как уже говорилось, начинается задолго до того момента, когда гостю будет предложена чашка чая, должны способствовать умиротворению и отрешению от будничной суеты²⁰. Место самого чайного действия – предельно простая по убранству комната, в которой тщательно продумано освещение, чтобы придать всему оттенок иллюзорности. Особо разработано и «звуковое оформление».

Чайное действие совершается в абсолютной тишине, которая становится еще более ощутимой из-за размеренных хлопков опорожняющегося бамбукового сосуда с водой в саду. Тишину, царящую в комнате, словно «взрывает» неожиданный звук, разворачиваемой резким взмахом салфетки, которую вынимает совершающий действие из-за пояса, чтобы протереть утварь. Строго определено не только время, когда ею

надо воспользоваться, жест и движение руки, но и то, как следует сложить салфетку, после того, как она была использована. Звуки закипающей воды, различаемые в зависимости от типа чайника (и даже имеющие свои названия, из которых самые известные «ветер в соснах» – *мацукадзэ* и «раскаты грома» – *каминари*), звуки, возникающие при взбивании чая венчиком, сначала размеренные, потом убыстряющиеся и прекращающиеся внезапно, создают своеобразную симфонию звуков и тишины.

Эффект чередования звука и тишины несет в себе особый смысл и не только потому, что тишина – звук также, как свет – тьма, движение – покой, олицетворяют собой *инь-ян* – два противоположных начала мироздания. Здесь возникает аллегория: звук возникает из тишины, подобно тому, как все сущее рождается из Небытия, из Пустоты, когда же звук смолкает и тишина воцаряется вновь, слышна Вечность. Собственно говоря, этот же «эффект» составляет смысл знаменитого хайку Басё:

Старый пруд.
Прыгнула лягушка.
Всплеск воды.

Пер. В. Марковой

Не случайно о японских чайных церемониях говорят, что они совершаются «между повседневностью и Небытием».

Чайные церемонии в Японии – это своего рода наука, предполагающая существование четких канонических форм, особых эстетических и философских установок, которые помогают понять Путь. В основе философии *садо* «как науки о чае» лежат так называемые *ва-кэй-сэй-дзяку*²¹, – принципы гармонии, уважения, чистоты и спокойствия.

«Путь чая» в Японии, также как и все другие «пути» – цветов, воинов, каллиграфического письма и т. п., призван не доставлять удовольствие, а помочь человеку уйти от будничной суеты и обрести душевное равновесие.

В японских чайных церемониях главным является не то, что происходит, а то ради чего это происходит. Как говорят японцы, чайные церемонии помогают им «обрести душевное равновесие».

Чайная церемония в Японии – не единственный случай, когда чужой опыт и чужие знания стали средством для выражения собственного миропонимания и способствовали появлению феноменов, дающих возможность обрести душевное равновесие в результате духовного прозрения и эстетического переживания. То же самое можно сказать об искусстве выращивания карликовых деревьев *бонсай*, «картинах, напи-

¹⁹ National Geographic (Russia) за 2007 год, с. 58–64.

²⁰ Подробнее см. Герасимова М. П. «Путь чая» – гармония, уважение, чистота, спокойствие: (История, философия, ритуал). – Знакомьтесь – Япония; 13864. – М.: Япония сегодня, 2005.

²¹ Там же.

санных тушью» (сумиэ или суйбокуга). История их примерно такая же, как и история японской чайной церемонии. Это – знакомство с идеей и ее использование с целью увеличения «фонда» средств художественной выразительности для передачи красоты мгновения, тонущего в Вечности – лейтмотива всего японского искусства, продиктованного миропониманием японцев. Именно это лежит в основе феноменов, которые свидетельствуют о самобытности японской культуры. Другой особенностью японской культуры, имеющей то же самое синто-буддийское, вернее, дзэн-буддийское происхождение, является пронизывающая ее идея единства противоположностей (без их борьбы!).

Одним из примеров того, как знакомство через китайских монахов буддийской школы Дзэн с китайским обычаем любоваться необычными формами привело к появлению в Японии искусства, демонстрирующего малое в великом, является искусство выращивать карликовые деревья в горшках (*бонсай*). Точное время появления *бонсай* в Японии определить трудно, но первое упоминание в исторических свитках датируется 1195-м годом.

В карликовых деревьях с причудливо изогнутыми сучковатыми стволами китайцам, жившим десять веков тому назад, виделись драконы, птицы, животные. Карликовые деревья находили в лесах и среди кустарников и пересаживали в горшки. В Китае до сих пор существует великое множество легенд и мифов о карликовых деревьях и их волшебных превращениях, и по-прежнему высоко ценятся карликовые деревья с причудливой формой ствола и корней.

В Японии идея *бонсай*, будучи одухотворенной религиозно-философским мировоззрением, к XIV в. претерпела ряд изменений, в результате которых появилось искусство выращивания карликовых деревьев. Выращенные японцами деревца имели изысканную форму в отличие от китайских карликовых деревьев, сотворенных самой природой и имевших причудливое сходство с драконами и животными.

Со временем в *бонсай* появились различные стили. Мастера, стремясь выразить в карликовых деревьях идеи философско-эстетического плана, удаляли листья и обрезали ветки, использовали дополнительные материалы, камни, некоторые другие растения и даже сооружали миниатюрные постройки, создавая в горшках своеобразную композицию. Так зародилась одна из разновидностей *бонсай* – *бонкэй* (букв. пейзаж на подносе)²².

²² В вопросе о происхождении *бонкэй* существуют определенные разногласия. Некоторые исследователи считают, что *бонкэй* ведет свое происхождение от китайских пенжин – пейзажей в миниатюре, которые впервые были сооружены в Китае для императора Ши Хуан-ди. Император пожелал узнать, какова его страна, но ему не полагалось покидать дворец и придворные, объездившие страну, соорудили перед дворцом на маленькой площадке нечто вроде макетов, дающих представление о ландшафте страны. С обычаем сооружать сады в

Сами японцы выращивание карликовых деревьев и создание композиций на подносе считают одним из видов национального традиционного искусства именно потому, что оно дает возможность выразить то, что подсказывает им их философско-поэтическое сознание.

Японское философско-поэтическое сознание придало монохромным картинам *сумиэ*²³, с которыми японцы также познакомились через китайских монахов, японское своеобразие.

Сумиэ, или *суйбокуга*²⁴, – картина, написанная тушью. Этот вид живописи, которым прославились японские монастыри, появился в странах Дальнего Востока – в Китае и Корее – в IX–XII вв. При дзэн-буддийских монастырях *сумиэ* служили объектом созерцания для достижения просветления – *сатори*.

Философская значимость картин основывалась на изображении природы как космического начала. Для выражения этой идеи средствами живописи существовали определенные приемы.

Значительная часть пространства шелка или бумаги, на которой писался пейзаж, оставалась незаполненной, что олицетворяло собой одно из важнейших понятий буддийской философии – *му* – пустоту как субстанцию, из которой все появляется и исчезает, продолжая существование в неявленной форме.

Отличительной чертой этой живописи была также своеобразная незавершенность, в чем находила выражение идея бесконечности и изменчивости мира, также лежащая в основе философии дзэн-буддизма и являющаяся одной из тех буддийских идей, которые были восприняты синтоистским сознанием как родственные. С одной стороны, бесконечный круговорот в природе, которую японцы обожествляли, смена времен года вызвали мысли о бесконечности, а с другой – увядание цветов и трав и многое другое указывало на временность всего сущего.

Японские *сумиэ* сохраняли предписываемую дзэн-буддизмом философскую направленность, но в них чувствовалось не только присутствие Небытия, но и чисто японское любование красотой реального мгновения, запечатленного в рисунке. Именно поэтому *сумиэ* вышли за монастырские стены, где они служили объектом созерцания, и появились в домах японцев в нишах *токонома*.

Следует подчеркнуть, что техника живописи тушью, которую использовали китайские художники, была впервые представлена японцам еще в VIII в., однако в японской живописи трудно найти какие-либо следы ее влияния, кроме появления общих по содержанию жанров

миниатюре японцы действительно познакомились через китайцев и украшали ими усадьбы аристократов, а потом и дома всех, кто мог себе это позволить, однако к «садам на подносе» вряд ли это имеет отношение.

²³ Подробнее см.: Николаева Н. С. Художественная культура Японии XVI столетия. М., 1986, с. 186.

²⁴ Подробнее см. там же.

«Цветы и птицы» и «Горы и воды». Знакомство же с монохромной живописью китайских мастеров, живших во времена сунской (960–1279) и юаньской (1279–1368) династий, произошло в эпоху Муромати (1333–1568), эпоху наивысшего расцвета японских искусств, одухотворенных религиозно-философским мировоззрением, привело к признанию монохромных «картин тушью» *сумиэ* живописью высшего порядка. Так воспринимали *сумиэ* не только монахи, но и миряне, и художники, представляющие другие жанры, о чем свидетельствует влияние *сумиэ*, оказанное на представителей абсолютно не похожих школ живописи.

Сумиэ или, как их еще называют, *суйбокуга*, с характерными для этого жанра методами изображения, настолько соответствовали миропониманию и эстетическим критериям японцев, что художники по сей день работают в этом жанре, применяя те же методы при изображении европейских пейзажей.

Японские *сумиэ* объединяет с чайной церемонией, равно как и с собственно японской поэзией *хайку*, одно и то же философско-поэтическое восприятие мира. Подобно тому, как в *хайку* всегда присутствуют два плана: космический, соотносимый с Вечностью, символом которой является природа, и повседневный, мирской, соотносимый с феноменальным миром преходящих предметов, явлений, человеческих чувств и поступков, т. е. всевозможных *моно*, *сумиэ* являет нам горы, людей, лодки, цветы, словно появляющиеся из пустого пространства и снова исчезающие, растворяющиеся в нем, но удары кисти художника, движущейся по бумаге (или шелку) в определенном ритме, создают эмоциональный строй картины.

Иными словами, жанр *сумиэ* стал еще одним средством художественной выразительности для передачи национального миропонимания японцев. Оттого и говорят, что «живопись – это зримая поэзия, а поэзия – это живопись слов», в чем можно убедиться, читая эти и многие другие *хайку*.

Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.

Хаттори Рансэцу (1653–1707)

Яркий лунный свет!
На циновку тень свою
Бросила сосна.

Такараи Кисаку (1661–1707)
Перевод В. Марковой

Позволим себе рассмотреть, насколько это возможно в рамках одной статьи, еще одно явление японской культурной, точнее социокультурной, жизни, которое стоит в этом же ряду китайских «заимствований», став-

ших национальной японской традицией. Речь идет о так называемой живописи *бундзинга*, – буквально картины, созданные *бундзин*’ами.

Само слово *бундзин* китайского происхождения (кит. *вэньжэнь* – букв. «человек от культуры»). В Китае (а также в Корее) этим словом называли в основном государственных чиновников, которые, будучи широко образованными людьми, занимались для собственного удовольствия литературой, философией, каллиграфией и живописью.

В Японии о китайской живописи, создаваемой *бундзин*’ами, было известно уже в эпоху Муромати (1336–1573), но «вспомнили» о ней только в эпоху Эдо (1603–1867), когда образованные люди, наделенные поэтическими, художественными, музыкальными и прочими талантами, для которых занятие изящными искусствами было не профессией, а потребностью души, стали создавать картины, имевшие общие черты. Это позволило говорить о новом направлении в искусстве, для которого заимствовано было китайское слово.

В отличие от Китая, в Японии *бундзин*’ами считали не только государственных чиновников, занимавшихся изящными искусствами для собственного удовольствия, но всех, для кого занятия искусствами не были профессией. *Бундзин*’ы могли быть и представителями аристократических родов, и выходцами из самурайской среды, и купцами, и ремесленниками. Однако занятие искусствами обеспечивало им со стороны столичного общества не менее уважительное, отношение, чем к родовой аристократии (что говорит о высоком статусе всякого рода художественной деятельности).

Создаваемые *бундзин*’ами работы тушью напоминают *сумиэ*, но в них менее явно выражены следы кисти и богаче цветовые нюансы. Они сопровождалась стихами *хайку* и отличались тонкостью, изяществом, продуманностью композиции, специфически японским колоритом. Тематика живописи *бундзинга* были пейзажи и растения,

Так появился поэтико-живописный жанр, который вобрал в себя все сформированные на национальной мировоззренческой основе художественные приемы. В этом жанре слились воедино поэзия и живопись, целью которых была передача посредством конкретных зрительных образов того же, что несли в себе японская чайная церемония, *хайку* и *сумиэ* – сокровенного смысла бытия и красоты мгновения, тонущего в Вечности.

Обычай сопровождать изображение стихами или изречениями существовал и в Китае. Это естественно для культуры с иероглифической письменностью, поскольку иероглиф сам по себе уже «картина», и не смотрится чужеродным элементом, стихи же не только расширяли смысл изображенного, но и усиливали его эмоциональную окраску.

Таким образом, можно сказать, что эхо китайских явлений культуры порождало в Японии феномены, наполненные новым смыслом и ставшие выражением менталитета японцев и их духовных потребностей. Именно Японию, а не Китай представляют они миру.

Критик, поэт и искусствовед, автор первого, переведенного на русский язык издания «Японское искусство» Карл Садакити Гартман писал: «Сквозь кору всех чужих учений, суеверий, мифов и волшебства у японцев всегда звучала та могучая духовная сила, которая сообщала всему свою изысканную тонкость и простоту и которая научила японцев чувствовать биение пульса собственной национальной жизни»²⁵.

Механизм усвоения новых знаний в Японии, открытой чужим знаниям и чужому опыту в силу своих национальных убеждений, всегда был приблизительно одинаков: новые знания воспринимались, учитывались и становились средством укрепления собственной культуры.

Мир японской популярной музыки

Е. Л. Катасонова

Наше представление о современной массовой культуре Японии будет далеко не полным, если хотя бы вкратце не коснуться такой важной ее составляющей, как современная популярная музыка. Она сегодня присутствует повсюду: в *анимэ*, видео- и компьютерных играх, в мобильных телефонах, в кино, на телевидении, радио, рекламе и просто в миллионных тиражах музыкальных дисков и т. д.

По объему внутреннего рынка звукозаписи страна занимает второе место в мире (после США). Самые известные мировые поп- и рок-звезды выступают со своими концертами в Японии также часто, как в Лондоне или Нью-Йорке. И многие музыканты – от Мадонны до российских «Тату» и «Мумий тролль» – имеют там своих фанатов. Одним словом, за послевоенные годы Япония превратилась в международный музыкальный центр.

Однако до недавнего времени музыкальное общение Японии с остальным миром имело в основном односторонний характер. Несмотря на настойчивые попытки японских музыкантов проникнуть на американский и европейские рынки, Запад долгие годы оставался «глух» к музыкальным достижениям японцев. И только в последнее время им, наконец, удалось совершить заметные подвижки на этом направлении.

Известный японский музыкант Комура Тэцуя много и успешно пишет музыку для голливудских фильмов. Талантливая вокалистка Ёсида Мива красуется на обложке журнала «Тайм». А популярная женская панк-группа «Shonen Knife» имеет не меньше поклонников в США чем в своей стране. Но, пожалуй, одной из самых культовых японских музыкальных фигур на Западе является композитор и певец Сакамото Рюити¹.

Мировая известность пришла к Сакамото еще в 1983 г., во время его работы в качестве актера и композитора в фильме прославленного режиссера Осима Нагиса «С рождеством, м-р Лоуренс». Соавтором музыкального трека к фильму стал английский поп-музыкант Дэвид Силвиан, с которым в дальнейшем было выпущено несколько музыкальных альбомов.

Сакамото много работал с такими мэтрами мирового экрана, как Бертолуччи, создавая саунд-треки к фильмам «Маленький Будда» и «Последний император», отмеченных «Оскаром», «Грэмми» и другими

²⁵ Гартман Садакити. Японское искусство. Пер с англ. С-Пб, 1908, с. 23.

¹ Подробно см.: Contemporary Japan and Popular Culture. G.B., 1996, p. 69–103.

престижными наградами. Его любит приглашать в свою команду и другой знаменитый режиссер Пьеро Армодова. Их совместным детищем стали такие фильмы, как «Высокий каблук», «Токийский декаданс». А в документальном фильме французского телевидения «Токийская мелодия» Сакамото сам предстал на экране как один из ярких представителей музыкального мира современной Японии. Примерно в том же ключе о нем писали австралийские газеты и т. д.

Сегодня Сакамото воспринимается на Западе как представитель не теряющего уже много лет свою актуальность направления «нео-японизма» – современной разновидности «ориентализма», полюбившего многим западным деятелям культуры еще в XIX в. В этом есть свой резон, поскольку духовными отцами японского музыканта были такие великие «ориенталисты» в музыке, как Равель, Дебюсси и т. д. Сакамото серьезно увлекался в молодости западным авангардом, был поклонником фильмов Годара, Пазолини и т. д. Вместе с тем он долго и успешно работал в Японии и прошел вместе с японскими музыкантами все основные этапы развития современной музыки в этой стране – от жанра бита до техно-попа. Сакамото успешно проявил себя практически во всех этих жанрах в качестве певца, композитора и руководителя различных музыкальных коллективов.

Возможно, именно благодаря его хорошему знанию и гармоничному сочетанию как национальной, так и западной художественных традиций, огромной музыкальной практике и, конечно же, таланту, а также удачной судьбе, Сакамото удалось сделать себе имя и у себя в стране, и на Западе. Однако его пример – не слишком типичный для его соотечественников в мире западного шоу-бизнеса.

Гораздо больше японских музыкантов почитают в Азии. Речь идет, в первую очередь, о таких странах, как Корея, Китай, Гонконг и т. д., которые близки Японии, как с точки зрения культурных и музыкальных традиций, так и эмоционально-психологического склада национального характера, менталитета, не говоря уже об общности исторических и религиозных корней.

В Гонконге, Китае, Сингапуре и других странах японские солисты и музыкальные коллективы много и успешно гастрوليруют, являясь для местной публики не только идолами японской эстрады, но и законодателями последних модных направлений в одежде и макияже. Все местные журналы пестрят красочными фотографиями японских знаменитостей и подробностями их частной жизни. «Канто-поп» и другие местные звукозаписывающие фирмы делают свои аранжировки японских популярных песен, не говоря уже о телевидении, радио, которые с удовольствием отдают эфир музыкальным шоу, записям концертов и интервью с японскими знаменитостями.

Например, несмотря на сравнительно небольшой музыкальный рынок Гонконга, который оценивается как 1/50 японского, альбомы с

последними записями японских певцов моментально расходятся тиражом в 20 тыс. экземпляров, что по местным меркам можно сравнить с миллионными продажами в самой Японии².

Японская популярная музыка начала свое победное шествие в Гонконге в середине 1980-х годов главным образом благодаря специальным музыкальным радиопередачам, где звучали оригинальные песни в исполнении известных певцов. А еще раньше жители этой страны познакомились с японскими телевизионными драмами. Тогда право на показ этих телепрограмм можно было купить намного дешевле, чем американских. Таким образом, местная публика уже была отчасти подготовлена к восприятию такого нового для себя культурного товара, как J-поп. В дальнейшем музыкальный экспорт только набирал обороты.

Сегодня популярность японской музыки в ряде азиатских стран достигла таких масштабов, что правительства некоторых из них (например, Корея) даже вынуждены принимать специальные меры для ее ограничения.

В чем причина такого массового успеха японских музыкантов в азиатских странах и пока еще единичных творческих прорывов на Западе? Об этом сейчас много пишут и спорят.

По признанию самих же японских музыкантов, дело здесь не только в языковом барьере, проблемах дистрибуции и т. д., главное – в самом типаже поп-звезды, который в Японии заметно отличается от западных стандартов. «Если посмотреть на наших знаменитых певцов, то все они (и рокеры в том числе) – очень худые, хрупкие и женственные. А все певицы похожи на маленьких девочек. И это не временная мода, а явление, уходящее своими корнями в японские представления о сексуальности»³.

С не меньшим основанием можно предположить, что «азиатские слушатели предпочитают японских звезд эстрады американским артистам, поскольку их костюмы, прически, поведение в высшей степени ориентированы на одни и те же традиционные для их народов эстетические стандарты, крайне отличающихся от западных». По наблюдениям японской исследовательницы Бэфу Харуми, «азиатские эстрадные идола более близки к реальности, и в них каждый из поклонников может без всякого труда найти сходство с самим собой. Именно эта близость между звездой и ее публикой отличает японскую систему создания поп-идолов от голливудской»⁴.

Другое объяснение предлагает исследователь М. Огава. Он, в частности, полагает, что «свойственная японцам пентатоника наиболее близка

² Carolyn S. Stevens. Japanese Popular Music. Culture, Authenticity and Power. London – N. Y., 2008, p. 29.

³ <http://www.vedomosti.ru>

⁴ Befu Harumi. Globalization Theory from Bottom Up: Japan's Contribution. – Japanese Studies. 2003, vol. 23, №1, p. 7–8.

азиатской аудитории», а кроме этого, по его мнению, «японская музыка удачно сохраняет баланс новизны и уже известного и привычного»⁵.

Наконец, можно встретить и еще одно, достаточно субъективное замечание. «Анализируя восприятие музыки японцами, я пришел к выводу, что оно сильно отличается от восприятия европейцев и американцев, – рассуждает один из деятелей современного шоу-бизнеса. – Мы ощущаем музыку на уровне чистых эмоций, мы хотим тонуть в этих сладких звуках... Для каждого японца музыка означает только две вещи: она заставляет плакать и танцевать. А характерные для Запада представления, что музыка должна иметь какой-то смысл, нести message, “заставлять задуматься” – все это для японцев абсолютно чуждо»⁶.

Это высказывание, безусловно, сразу же порождает множество возражений и контраргументов, одним из которых может быть, к примеру, необычайная популярность в Японии мировой классической музыки, которую трудно упрекнуть в бессодержательности или примитивизме. И, тем не менее, не вызывает сомнений то, что музыкальные традиции Японии и Запада разительно отличаются друг от друга. И это, конечно же, в значительной степени объясняет тот факт, что в последние годы именно в странах Азии, в особенности дальневосточного региона, открываются самые широкие просторы для японского музыкального вторжения.

Однако основную причину этого феномена следует, скорее искать все-таки в иных плоскостях. И дело здесь не только и не столько в музыкальных или эстетических предпочтениях населения азиатских стран, сколько в привлекательности образа Японии. Сама страна предстает в глазах населения этих стран и, прежде всего, представителей среднего класса не только мировым экономическим лидером и носителем новых передовых технологий, что само по себе уже достойно подражания, но и эталоном безупречного качества своей продукции, не говоря уже о высоком уровне жизни населения, разнообразии всякого рода услуг и развлечений.

Второй принципиальный и определяющий момент состоит в массивном проникновении японской музыки в этот регион вместе с широким спектром других товаров культурного экспорта. Это, в первую очередь, анимэ, видеоигры, теледрамы, телешоу, кинофильмы, радиопостановки и другие товары японской культурной индустрии, которые сегодня уже прочно завоевали азиатские рынки.

Когда-то подобным образом японские музыкальные группы и солисты добивались популярности у себя в стране, записывая песни для кино, телевидения или анимэ, а также исполняя народные мелодии. Но именно первый путь оказался наиболее успешным для коммерциализа-

ции музыки. Уже в конце 1980-х годов японские исполнители начали на равных конкурировать с американскими исполнителями, постепенно вытесняя иностранных знаменитостей.

Сегодня порядка 10 тыс. человек занимаются поп-музыкой профессионально. А желающих – еще в сотни раз больше: чуть ли не каждый третий японец стремится пробиться в шоу-бизнес⁷. Причина этого выбора состоит не столько в популярности музыки как таковой и резко возросших музыкальных увлечениях молодежи, сколько в усилившихся амбициях и стремлении к легкой, на первой взгляд, популярности, а главное – к быстрому коммерческому успеху, который сулит сцена.

Среди множества музыкальных стилей и направлений, определяющих сегодня лицо современной Японии, как в ней, так и далеко за ее пределами самыми массовыми жанрами коммерческой музыки являются японские поп и рок-музыка (J-pop и J-rock), ставшие национальными брендами.

Авторство термина J-pop принадлежит популярной FM-радиостанции J-Wave. Настроившись на волну пропаганды японских культурных достижений, здесь решили четко отмежеваться от мировой музыкальной продукции, долгие годы главенствующей на японском рынке, поставив по аналогии с собственным названием индикатор национальной самобытности «J».

Сегодня термин «J-pop», по сути, объединяет в себе всю современную коммерческую музыку от джаза до рэпа, от соула до танцевальных ритмов, включая зачастую и японский рок. Однако лидирующее положение рока в музыкальной иерархии поп-музыки отражает появление особого термина J-rock. Жанровых границ у японского рока не существует. Здесь представлено все – готика, хард-рок, панк и многое другое.

Но это касается терминологии, теперь обратимся к самой истории японской современной популярной музыки, которая начала активно развиваться в общемировом потоке лишь во второй половине XX в.

Японская популярная музыка обычно называется «*минсю онгаку*» и «*тайсю онгаку*», что дословно может быть переведено как «музыка масс или массовая музыка». Сравнительно недавно в повседневный обиход вошли слова «*попюра онгаку*» – «популярная музыка» от английского «popular».

Однако в Японии для обозначения практически всех жанров современной популярной музыки, преимущественно вокальной, написанной главным образом под западным влиянием, долгие годы более распространенным являлось понятие «*каёкёку*». Его отличительными чертами являются четко обозначенное авторство песен, т. е. указание имен композитора и автора слов, презентация и распространение по каналам масс-медиа. Отсюда – достаточно непродолжительный период попу-

⁵ Ogawa M. Japanese Popular Music in Hong Kong. What TK Present? – Refashioning Pop Music in Asia Cosmopolitan Flows, Political Tempos and Aesthetic Industries. London. 2004, p. 147.

⁶ <http://www.vedomosti.ru>

⁷ <http://www.vedomosti.ru>

лярности, что в целом по этим и другим параметрам совпадает с западной музыкальной практикой.

Иностранная музыка впервые широко стала внедряться на японской почве лишь после реставрации Мэйдзи в 1868 г., хотя представления о ней в виде церковной музыки проникли в Японию намного раньше – в конце XVI в. Это связано, прежде всего, с прибытием в эту страну первых христианских миссионеров. Впрочем, их деятельность в скором времени была запрещена местными властями вместе с самим христианством. Теперь же, в конце XIX в. изучение и популяризация иностранной музыки в Японии стали рассматриваться как часть правительственной политики модернизации страны.

Среди прочих музыкальных новаций того времени одной из первых популярных авторских песен стала «Песня Катюши», которая прозвучала в экранизации «Воскресения» Л. Толстого, а затем, в 1915 г., была выпущена звукозаписывающей компанией «Orient Record» в виде пластинки в исполнении певицы Мацуи Сумако тиражом 20 тыс. экз.⁸

Композитором этой и всех других первых популярных песен в западном стиле – так называемых «*каёкёку*», созданных в эти годы, – был Накаяма Симпэй, который закончил музыкальную школу в Токио, а затем долго и плодотворно работал в качестве пионера этого нового жанра, стремясь совместить японские мелодии, основанные на традиционной пентатонике, с западными музыкальными приемами инструментовки, аранжировки и музыкального сопровождения.

При этом первыми самыми распространенными жанрами этой новой для японцев популярной музыки стали военные марши (*гунка*), получившие особую популярность в годы японо-китайской и русско-японской войн, а затем вновь приобретшие актуальность в предвоенные и военные годы: в конце 1930-х – начале 1940-х годов. С ними могли конкурировать по своей распространенности только детские песни – «*сёка*», предназначенные, главным образом, для обучения детей пению и развитию хорового движения в общеобразовательных школах.

Еще раньше термину «*каёкёку*» предшествовало другое слово – «*рюкока*», что можно перевести как «модная», а затем уже «популярная» на то время песня, при этом в те времена исключительно национального происхождения. А прочесть это слово можно еще и как «*хяяриута*» (китайское чтение). Любопытно, что в первые годы Мэйдзи словом «*хяяриута*» обозначали короткие песни-речитативы, которые исполняли на улицах и сообщали в них все последние новости. Вскоре «*рюкока*» уже включала в себя не только японские, но и полюбившиеся японцам западные мелодии, только начинавшие прорастать на японской почве. Тем не менее, традиционное для национальной песенной

культуры слово «*рюкока*» и первоначально закрепленное за ним понятие с годами устаревало.

Окончательное же закрепление за новым песенным жанром слова «*каёкёку*» состоялось лишь в 1920-х годах по инициативе только что созданного тогда оркестра NHK, руководители которого сразу же попытались раздвинуть достаточно узкие при таком понимании популярной музыки рамки своего репертуара. Радио взяло на себя функции основного пропагандиста новой западной музыки и ее популяризации среди населения страны.

В эти годы начинают развивать свой постепенно становившийся прибыльным бизнес и звукозаписывающие компании, однако качество звука было тогда еще настолько плохим, что для передач по радио обычно использовали прямые трансляции выступлений музыкантов прямо на открытых площадках. Не смотря на это, звукозаписывающие компании быстро набирали свой вес в молодой музыкальной индустрии Японии. Вскоре их влияние возросло настолько, что именно они стали определять не только популярные направления на японской эстраде, но также диктовать, вернее, создавать имена звезд. А «пиаром» и «раскруткой» в современном понимании этих слов занимались радиостанции.

Однако широкое распространение современной легкой музыки и создание музыкальной индустрии приходится на первые послевоенные годы, когда японские музыканты переориентировали свои творческие поиски исключительно в сторону Запада. И в этом была своя историческая логика.

В условиях почти восьмилетней оккупации страны и американского диктата во всех областях, в том числе и в сфере культуры, японцы оказались полностью во власти американских ритмов и вкусовых пристрастий (буги-вуги, мамба, блюз и кантри). Японские исполнители стали ориентироваться на новые вкусы, достаточно назвать песни «Ринго-но ута» в исполнении Намики Митико, «Токио Буги-Вуги» в исполнении Касаги Сидзуко, «Омацури Мамба» в исполнении Хибари Мисори, а также переложенный на японский язык знаменитый «Последний вальс» («The Last Waltz») который в японской аранжировке получил название «Tennessee Waltz». «Песни, явившиеся результатом фильтрации различных типов американской музыки сквозь стены японской чувствительности, сформировали базовые элементы современной популярной музыки в Японии»⁹.

Разумеется, не вся японская популярная музыка пришла в послевоенную Японию из-за границы. Редким исключением является «энка» – песенный жанр, необычайно популярный в Японии еще в период Тайсё, а затем получивший новое признание в 1930-е годы. Энка имеет местные

⁸ Handbook of Japanese Popular Culture. N. Y., London, 1989, p. 202–203.

⁹ <http://www.ru.emb-Japan.go>.

корни и, судя по некоторым источникам, ведет свои истоки еще из XIX в. от движения за народные права (*дзию минкэн ундо*)¹⁰. Кое-кто полагает, что песни «энка» испытали в свое время корейское влияние. Однако, по мнению преобладающего большинства специалистов, они ведут свою родословную от более старых популярных мелодий – «рюкока».

Некоторые музыковеды сравнивают «энка» с блюзом или спиричуэлс, хотя этот японский жанр, видимо, ближе всего к музыке кантри. Подобно песням кантри для «энка» свойственна сентиментальная тематика: воспоминания о родных городах и добрых старых временах, страдания по утраченной любви и т.д.

Безусловно, песни «энка» имели и продолжают сохранять и в наши дни свою постоянную и стабильную аудиторию, главным образом, в среде пожилых японцев, а непревзойденной королевой этого жанра по-прежнему считается Хибари Мисора, начавшая свою концертную деятельность уже в конце 1940-х годов. В те годы она удачно сочетала в своем репертуаре, как национальный стиль исполнения, так и западные музыкальные веяния.

Между тем население страны, прежде всего молодежь, сразу же увлеклось западными мелодиями и ритмами, чему способствовали многочисленные гастролы в Японию звезд мировой эстрады, которые начались почти сразу же после окончания войны.

Одними из первых Японию посетили группа JATR и прославленный Луи Армстронг. В моду стремительно вошел джаз, с которым японцы познакомились еще в 1930-е годы. Но тогда период увлечения этой музыкой не был долгим. Началась Тихоокеанская война, в которой США выступили в качестве главного врага Японии, и американский джаз тогда попал под запрет.

Но после окончания войны джазовая музыка вновь распространилась в Японии, правда, в ином восприятии – как символ стремительных жизненных перемен и возрождения страны. Достаточно сказать, что 1952 год стал годом джазового бума в Японии. Но эта «музыка черных» оказалась тогда все-таки слишком сложной для начинающих японских музыкантов. Она требовала отточенного технического мастерства, способностей к импровизации и многих других музыкальных навыков и т. д., чем тогда не обладали молодые японские джазмены. Неподготовленной к адекватному восприятию непривычных джазовых композиций оказалась и японская публика. Одним словом, подлинная эпоха джаза наступила в Японии намного позднее.

Забегая вперед, следует сказать, что сегодня Япония располагает достаточно развитым и весьма прибыльным рынком джаза с большим числом джазовых клубов, известными в мире джазовыми журналами и стабильным числом страстных поклонников. А японские джазмены,

такие как Хино Тэрумаса, Ватанабэ Кадзуми и другие демонстрируют мировой класс музыкального мастерства.

Но в первой половине 1950-х годов японские музыканты джазу предпочли жанр кантри, который был более доступен для публики. Уже в середине 1950-х годов Японию, впрочем, как и весь мир, захватила рок-н-ролльная лихорадка, которая еще больше усилилась после триумфальных выступлений в Японии Элвиса Пресли.

Приобщаясь к новой для себя музыке, молодые японцы стремились не только овладеть непривычными для себя музыкальными ритмами, формами и даже настроениями и мироощущениями, но и адаптировать модный иностранный продукт к своей национальной почве. В Японии заговорили о новом музыкальном стиле «*рокабири*» от американского «рокабилли», который возник в результате слияния белого «хиллбилли» (кантри) с черным блюзом и был необычайно популярен в США в 1950-е годы. Его яркими представителями на Западе стали Элвис Пресли, Джерри Ли Льюис, Микки Кертис. Их японскими учениками стали Масааки Хирао, Ямасита Кэйдзиро и другие первые поп-звезды «рокабири». По сути дела, первые японские рок-музыканты просто перепевали песни американских исполнителей. Достаточно назвать альбом Идзуми Юкимура под названием «*Хи-но тама Року*». Японская певица исполняет популярную в те годы песню Джерри Ли Льюиса «*Great Balls of Fire*» на японском языке под аккомпанемент биг-бенда.

Еще большую популярность в молодежных кругах в эти годы стали приобретать рок-группы. Их солисты, как и рок-музыканты в других странах, позиционировали себя как самая «продвинутая», выражаясь современным языком, часть японской молодежи. Этих скроенных на западный манер японских стилистов в характерных для «рокабилли» кожаных пиджаках и со смазанной гелем шевелюрой, именовавших себя «рокабири дзоку», можно было увидеть повсюду на улицах крупных японских городов. Но любимым местом сборища «золотой молодежи» стали клубы «*рокабири*», такие как «*Tennessee*» на Гиндзе, которые всегда были заполнены фанатами рок-н-ролла.

Сначала японские рокеры исполняли песни своих американских кумиров на японском языке. В результате возникло такое понятие, как «*cover rock*», которое просуществовало сравнительно недолго. Затем наступила эра радио и телевидения, начались поездки за границу. Появились широкие возможности смотреть и слушать зарубежные музыкальные представления в их оригинальном звучании. Японские «купо-ры» оригиналов уже потеряли свой смысл. И японские музыканты вынуждены были обратиться к национальному музыкальному материалу для пополнения своего репертуара, адаптируя японские народные мелодии и детские песенки для «*рокабири*».

Первой по-настоящему оригинальной японской рок-композицией явилась песня «*Хоси ва нандэмо ситте иру*» («Звезды знают все»),

¹⁰ Handbook of Japanese Popular Culture. N. Y., L., 1989, p. 207.

ставшая хитом 1958 г. и открывшая дорогу целой плеяде талантливых рок-музыкантов. Однако, несмотря на растущую популярность внутри страны, японская рок-музыка того времени и японские *«рокабири»* практически были неизвестны в мире. Счастливым исключением стали композитор Накамура Хатидай и певец Сакамото Кю, основатель группы *«Paradise King»*, и их шлягер *«Уэ-о муйтэ аруко»* (*«Пойдем же с поднятой головой»*).

В мае 1963 г. эта песня была выпущена в США в качестве сингла под названием *«Сукияки»* и сразу же облетела многие страны мира, получив самый высокий рейтинг во влиятельном американском журнале *«Billboard»* и в течение нескольких недель возглавляя в нем список самых популярных мелодий.

На протяжении долгих лет после этого триумфа подобного успеха на Западе уже не удавалось достичь ни одному из японских рок-музыкантов, и японская рок-музыка оставалась *«вещью в себе»* для меломанов других стран. Все отчаянные попытки японцев пробиться на мировой музыкальный рынок заканчивались полным разочарованием. Тем не менее, эти усилия имели реальный смысл. Всякое посещение японскими солистами или группами других стран поднимало престиж музыканта или группы в глазах своих соотечественников, поскольку любое выступление или проданный за рубежом диск считался в Японии в те годы мерилом успеха.

В самой же Японии рок-движение с годами приобрело необычайный размах и достигло своего пика к 1959 г. Этому во многом способствовал первый японский рок-фестиваль *«Western Carnival»*, который прошел в феврале 1958 г. в токийском театре *«Нитигэки»*. Концерты продолжались в течение недели, и на них в общей сложности побывало около 45 тыс. фанатов *«рокабири»*. Зрители восторженно принимали своих кумиров. Они пели, танцевали, рвались на сцену, забрасывали музыкантов цветами и подарками – словом, все происходило так, как на Западе, но далеко не так, как было принято в Японии. И это имело пагубные последствия.

После того, как японские СМИ распространили информацию о непривычном для японских нравов развязном поведении молодых зрителей на *«Western Carnival»*, последовала самая негативная реакция на рок-н-ролл со стороны консервативной части японского общества. Старшее поколение, обеспокоенное упадком морали среди молодежи, выступило против рок-музыки. Рокабири-группы были запрещены к показу на телевидении на два года. Местные власти также неохотно давали разрешения на проведение рок-концертов. Одним словом, со стороны общества были воздвигнуты серьезные преграды на пути развития японского рока.

Японские звукозаписывающие компании сразу же прореагировали на подобные общественные настроения. Вместо того, чтобы дать воз-

можность рокерам продолжать записывать ту музыку, которая принесла им заслуженную славу, они стали заставлять их смягчать стиль исполнения до уровня рафинированных поп-песен, иногда даже традиционных *«энка»*, которые импонировали большей части населения страны. Да и в самих Соединенных Штатах победное шествие рок-н-ролла к этому времени закончилось, что послужило еще одной причиной падения его популярности и в Японии.

И все-таки рок, признанный и популярный во всем мире, вскоре вновь стал искать пути для своего возрождения в Японии. Этому во многом способствовал приезд в мае 1962 г. в Японию известной американской серф-рок-группы *«The Vertures»*, прославившейся своими сложными музыкальными аранжировками. Хотя в силу понятных причин их визит тогда слабо освещался в японской прессе, тем не менее, японские рокеры, побывав на концертах группы, получили новый стимул для своего творчества, пойдя по пути подражания своим новым американским кумирам.

Ко времени возвращения *«The Vertures»* в Японию в январе 1965 г. американские рокеры стали признанными мировыми звездами, влияние их музыки на молодежь было огромным. Япония не стала исключением. Вслед за *«The Vertures»* здесь в моду вошли песни группы *«Beach boys»*, работающей в том же стиле серф-рока, но акцентирующей внимание на вокальной составляющей, и т.д. И хотя английский язык был для японских музыкантов трудно преодолимым барьером, мелодии и песни представителей этой волны вскоре зазвучали в исполнении студенческих самодельных ансамблей – *«эрэки»* (т.е. электрогитара, от искаженного английского *«электрик»*), которые сотнями стали создаваться по всей стране. В моду вошли электрогитары, и отечественные производители уже с трудом справлялись с резко возросшим покупательским спросом на этот невероятно ходовой товар. В стране начался настоящий бум *«эрэки»*, появилась новая субкультура – *«эрэки-дзоку»*.

Новыми музыкальными кумирами молодежи становятся гитаристы Тэраути Такэси и Каяма Юдзо и созданные им эрэки-группы *«Bluejeans»* и *«The Launchers»*. Однако, как и в случае с *«рокабири»*, на *«эрэки»* также вскоре начались гонения и по тем же самым причинам. Дело доходило до парадоксальных случаев, когда в г. Асикага (преф. Тотиги) публичное исполнение музыки на электрогитаре было запрещено отделом народного образования органов местного самоуправления. А в преф. Сидзуока полиция останавливала танцы в стиле *«эрэки»*, ссылаясь на закон о контроле над действиями, которые могут отрицательно сказаться на общественной морали.

Такая же судьба была уготовлена и последовавшей за этим моде на бит-музыку, которая стала необычайно популярна в Японии после концерта легендарной группы *«The Beatles»* в июне 1966 г. При этом парадоксально, что само живое выступление прославленных музыкантов

первоначально не произвело на японцев столь уж оглушительного впечатления. Осознание от увиденного и услышанного на сцене пришло позже, и тогда разразился настоящий бум – своего рода японская «битломания».

Конечно, творчество ливерпульской четверки и влияние новой английской музыки было заметно в Японии и до 1966 г., и даже существовала японская группа под названием «The Tokyo Beatles», которая, начиная с 1964 г., делала свои кавер-версии песен прославленных «жуков». Но именно после приезда в Японию живых кумиров началось стремительное развитие отечественных бит-групп. Это направление японского рока получило название «Group Sounds».

Первой GS-пластинкой считается диск «Фури-фури» («Двигайся в такт»), выпущенный тогда еще любительской рокабири-группой «The Spiders» в 1965 г. Затем в марте 1966 г. группа «Jackey Yoshikawa & The Blue Comets» выпустила альбом под названием «Аой Хитоми» («Голубые глаза»), который разошелся буквально в один миг в количестве полумиллиона экземпляров и неоднократно переиздавался впоследствии. Эти пластинки оказали большое влияние не только на японскую рок-сцену, но и на музыкальную индустрию Японии в целом.

Дело в том, что подобно старой голливудской контрактной системе в киноиндустрии, японские GS-команды полностью контролировались продюсерами и продюсерскими фирмами. Эта система сохранилась в несколько видоизмененном виде и по сегодняшний день, когда всеми процессами в шоу-бизнесе страны управляют три-четыре крупных продюсерских фирмы. Самой известной из них в японском шоу-бизнесе считается компания «Ватанабэ продакшн».

При этом фирмы звукозаписи уже давно не играют своей некогда главенствующей роли: их функции сводятся к выпуску и продаже дисков, тогда как вся «идеология» находится в руках продюсерских агентств, которые, следуя моде и запросам своих потребителей, выстраивают свою коммерческую стратегию.

Однако продюсерская компания не только занималась поиском многообещающих музыкантов и созданием из них новых звезд, но и заключала с известными исполнителями долгосрочные контракты, весьма жесткие по своим условиям, как с точки зрения финансовых требований, так и менеджмента. В них четко оговаривались не только абсолютные авторские права продюсера на созданный при его участии «художественный» продукт, но и весьма скромные по сравнению с огромными прибылями компании гонорары от концертов самих музыкантов, не говоря уже о полной регламентации их частной жизни, вплоть до рекомендованного списка людей для общения.

Таким образом, после подписания контракта творческая карьера музыканта попадала целиком и полностью в руки продюсеров, а его имя

всегда ассоциировалось не с его индивидуальностью, а с той или иной продюсерской компанией, купившей права на него и его творчество. Такое положение просуществовало в Японии вплоть до 1970-х годов, когда телевидение взяло на себя ряд продюсерских функций.

Кроме того, по установившейся тогда в Японии традиции полномочия продюсера простирались вплоть до выбора репертуара. Как правило, сами исполнители не писали для себя песен, как это было распространено на Западе. Долгие годы это являлось прерогативой профессионалов. При этом именно продюсер диктовал свои требования к сочиняемой музыке и, по сути, руководил всем творческим процессом.

И только с легкой руки независимого журналиста Хасимото Дзюн – самодельного автора шлягера «Аой хитоми» – этот неписанный закон японского шоу-бизнеса был нарушен. И японские музыканты получили реальный шанс попробовать себя на стезе самостоятельного и независимого творчества. Это в первую очередь сказалось на их репертуаре. С этого времени GS-группы перестали копировать своих британских и американских кумиров и стали стремиться к созданию своего национального стиля.

К 1967 г. уже насчитывалось около 30 бит-групп с такими броскими названиями, как «The Tempters», «The Tigers», «The Yaguars», «The Spiders» и т. д. Их успех и популярность у себя в стране можно было сравнить только с их кумиром – группой «The Beatles», которая продолжала оставаться для них непревзойденным примером для подражания. Японские рок-музыканты по примеру ливерпульской четверки даже сняли полнометражные фильмы со своим участием с такими броскими названиями, как «Спасите!», «Безумный уик-энд» и т. д. Однако добиться мировой славы японцам так и не удалось.

Зато у себя на родине выступления японских рок-музыкантов, как и у знаменитых британцев, всегда проходили с полными аншлагами и сопровождались не только неистовством их фанатов, но и всякого рода скандальными инцидентами и даже многочисленными историями тинейджеров, которые сбегали из дома и преследовали своих кумиров.

Хотя большинство GS-хитов представляло собой любовные баллады, а не политически и социально окрашенные песни, движение «Group Sounds» было воспринято старшим поколением японцев как новая общественная угроза. Эти настроения еще больше усилились после того, как в японской прессе прошло сообщение о многочисленных травмах зрителей на концертах группы «The Tigers» в ноябре 1967 г.

Возобновилось давление на рок-культуру. Местные власти налагали запрет на проведение GS-концертов, а к концу 1967 г. компания NHK под воздействием многочисленных гневных писем родителей школьников запретила трансляцию рок-выступлений по радио и т. д. В течение 1968 г. руководство школ по всей Японии стало исключать учащихся, которые были пойманы на концертах GS групп. Дело дошло до того,

что учителя стали дежурить на концертах и отлавливать юных фанатов рок-музыки.

Однако не только подобного рода общественные акции явились причиной скорого заката движения GS. Подсчитано, что в начале 1969 г. в Японии существовало более 2 тыс. GS-групп. Для небольшого японского рынка это было явным перебором¹¹. Чтобы как-то оживить интерес своих потенциальных покупателей рекорд-компании стали искать новые таланты и подписывать контракты с малоизвестными рок-группами, надеясь «раскрутить» их до звездных высот. А более маститые музыканты, рассчитывая привлечь к себе внимание новых фанатов и продать больше пластинок, вновь пошли по пути подражания имиджу и репертуару западных групп. Но все эти попытки были обречены на провал: и те, и другие лишь повторяли музыкальный опыт своих более успешных предшественников, не внося нового, индивидуального начала в развитие японского рока. В результате истинные приверженцы этого жанра переориентировали свои интересы в сторону так называемого «нового рока» (New Rock) – японского аналога хард-рока, что привело к развалу большинства GS-команд.

Японский рок-н-ролл в очередной раз временно уступил место непотопляемой поп-музыке, а на смену неистовым рокерам пришли сладкоголосые певцы-идолы, чей имидж и репертуар, а также восхождение на музыкальный Олимп стал делом рук рекорд-компаний и продюсерских фирм совместно с теле-, радио- и кинокомпаниями.

Конечно, певцов-идолов немало и в других странах, но их роль в японском шоу-бизнесе не имеет мировых аналогов. Все началось с французского фильма «Cherchez l'idole» (1963 г.), в котором популярная в Японии молодая привлекательная певица и актриса Сильвия Вартан сыграла главную роль. С тех пор образ юной девчонки в возрасте от 14 до 16 лет – «кавайко-тян» преследовал японцев, а миловидные хрупкие создания заполнили японскую эстраду.

Одним из первых поп-идолов стала Ямагути Момоэ, звезда которой вошла в начале 1970-х годов. Свои первые шаги к славе Ямагути сделала, участвуя в популярных телевизионных и радиоконкурсах самодеятельных талантов. Ей было тогда всего 14 лет. Она обладала прекрасным голосом и хорошим слухом. Но более чем музыкальный дар зрителей привлекало ее удивительное обаяние и какая-то поразительная узнаваемость: каждый видел в ней кого-то из знакомых, друзей или близких.

Жизнь певицы в шоу-бизнесе оказалась динамичной и короткой. Она рано покинула сцену и ушла целиком в частную жизнь. Но образ звезды, созданный ей, еще долгие годы продолжал будоражить души японских поклонников музыки.

«Золотым веком идиолов» названы 1980-е годы. Тогда одновременно на сцене могли мирно сосуществовать до 40–50 больших и маленьких «идолов». Но главной поп-дивой всегда оставалась Мацуда Сэйко, которая считается главным идиолом 80-х годов прошлого века и символом непревзойденного коммерческого успеха во всей истории японской музыки. Этот успех оценивается в более чем полмиллиарда долл., полученных от продаж 16 альбомов и 25 синглов, занимавших первые места в рейтингах.

Большую часть певцов-идолов, которые и сейчас являются культовыми фигурами, составляют представительницы прекрасного пола. Они поют на эстраде, выступают в качестве моделей, играют в кино, появляются в телешоу и коммерческих программах и т. д. Говорят, что участие в коммерческих программах Коидзуми Кёко в начале 1990-х годов имело эффект, подобный видео-хитам, и даже благоприятно воздействовало на курсы акций.

Типичный репертуар певцов-идолов состоит из простеньких в музыкальном отношении мелодий, правда, выдержанных в популярных на тот момент ритмах. Музыкальные способности исполнительницы при этом не имеют практически никакого значения, главное – это привлекательный сценический имидж, который меняется в зависимости от требования времени. Так в бытность Мацуда Сэйко многих фанатов привлекали ее девичья неброская красота, миловидность, сентиментальность, но самое главное – все тот же образ «девушки из соседнего подъезда».

В последние годы эстетический идеал публики все больше склоняется в сторону агрессивности и сексапильности, примером чему может сложить поп-звезда Миядзава Риэ, прославившаяся в начале своей карьеры как модель и актриса. Ее дебютный сингл занял первое место в рейтингах.

Подобного рода музыка относится к направлению «каёкёку». Напомним, что когда-то этот термин обозначал всю популярную музыку западного типа, но ныне он охватывает широкое разнообразие изысканной популярной музыки, процветающей преимущественно на телеэкране.

Слово «каёкёку» сегодня имеет еще одно значение – «музыка без содержания». Типы современных поп-идолов могут варьироваться от поющих под фонограмму идиолов-тинэйджеров с мимолетной известностью до такого известного рок-коллектива, как «Morning Musume», участницы которого сами создали свою музыкальную команду и сами писали музыку для собственного исполнения. Они завоевали популярность, в первую очередь, благодаря появлению в телешоу и коммерческих передачах.

В отличие от поп-идолов другие музыканты, работавшие на японской сцене с ранних 1970-х до середины 1980-х годов, вовсе не ассоциировали себя с господствующей модой и редко появлялись на телевизионных ток-шоу или музыкальных программах. Однако это практически не сказывалось на росте их популярности.

¹¹ <http://www.zpu-journal.ru>

Речь идет о представителях так называемой «Новой музыки», творчество которых в стилистическом отношении, несомненно, испытало заметное влияние фольклорно-музыкального движения 1960-х годов, представленного в свое время именами нескольких независимых певцов – авторов песен с социальным подтекстом в стиле Боба Дилана. Теперь же у нового поколения японских музыкантов тематика песен сменилась на более оптимистичную с явным уклоном в любовную лирику, а простые песни под гитарный аккомпанемент их предшественников были заменены на более сложные музыкальные композиции с интересной и талантливой инструментальной частью.

Родоначальниками этого нового жанра стали музыканты Ёсида Такуда и Ёсуи Иноу. Именно их творчество впоследствии дало рождение новому термину «васэй поп» (поп-музыка японского производства), который включил в себя и такое близкое к «Новой музыке» направление, как «сити поп» – популярную музыку больших городов. И только в 1990-е годы «васэй поп» был полностью вытеснен понятием «J-рок».

Ныне термин «новая музыка» расценивают как феномен ушедших времен, но многочисленная плеяда независимых певцов – авторов песен и групп продолжает занимать обширную нишу на рынке популярной музыки. Самые известные пропагандисты «новой музыки» – Ямасита Тацуо и ансамбль «Все звезды Юга» и сегодня горячо любимы публикой.

Вместе с «новой музыкой» в 1980-е годы в Японии вновь заявляет о себе рок, причем на сей раз в совершенном новом обличье. Одним из наиболее ярких представителей этой новой роковой волны стала культовая группа «X-Japan», которая проделала в своем творчестве путь от СПИД-метала до альтернативного рока. Она считается самой масштабной группой в истории японской рок-музыки, а ее музыканты – первыми подлинными представителями «J-rock». Именно с них началась популяризация этой музыки, выход ее из андерграунда.

Своим имиджем, клипами, эксцентричным поведением на сцене члены команды «X-Japan» во многом обязаны западному влиянию и главным образом английским глэм-рокерским группам 1960–1970-х годов и тяготевшему к новой эстетике Мэрилину Мэнсону. Но в отличие от своих западных коллег японцы насытили свою музыку идейностью, концептуальностью и особенностями, привнесенными японской культурой и менталитетом. Возможно, именно по этой причине в Европе и Америке эта новая музыкальная эстетика, по сути дела, не прижилась, зато в Японии она определила основное направление дальнейшего развития японской рок-музыки. «Это – дикий сплав музыки, сумасшедшей японской моды и актерского мастерства» – так оценивает журнал «ТВ парк» японский рок того времени¹².

¹² ТВ парк. 15.05.2008 – <http://www.tv-park.ru>

Что касается музыки, то она не несет в себе принципиальных новаций, за исключением, пожалуй, того, что члены группы «X-Japan» стали использовать в своих композициях звучание не только традиционных роковых инструментов, но и скрипку, фортепьяно и даже национальные инструменты. Агрессивный ритм их композиций всегда сочетался с красивейшими фортепьянными балладами, песни отличались мелодичностью, а вокал сохранял лучшие традиции японской сцены.

Но зато внешний вид артистов, вернее, их сценический образ – это настоящая революция в мире японского шоу-бизнеса – разноцветные волосы, экстравагантные одежды из меха и латекса, яркий макияж, невероятные ногти – так называемый маникюр для рокера и т. д. На этом фоне эпатажный вид и, казалось бы, безумное поведение на сцене их западного кумира Мэрилина Мэнсона можно было назвать лишь «детскими шалостями».

Так на японской сцене возник новый оригинальный стиль – «visual key» («визуальный стиль»), смысл которого состоял в том, чтобы воздействовать на своих слушателей не только музыкой, но и внешним видом исполнителей – больших поклонников готики, эмо-культуры и других экзотических стилей.

«Вдохновленные Дэвидом Боуи, группой “Kiss” и другими представителями глэм-рока, японцы с присущим им трудолюбием довели эти яркие образы до абсурда. Если Эллис Купер использует макияж, то джей-рокеры добавляют в него светящиеся в темноте краски. Если Аксель Роуз надевает юбку, то джей-рокеры наряжаются в платье, делают маникюр ... Пока весь мир примерял бесполой унисекс, хитрые японцы предпочли андрогинность»¹³.

Во всех этих крайних сценических ухищрениях, когда исполнители – мужчины, можно почувствовать сценическую эстетику традиционного театра Кабуки, хотя музыканты «Visual Key» чаще всего заимствуют свои образы из *фэнтези*, видеоигр и *анимэ*.

Представители «Visual Key» весьма неоднородны в своих музыкальных пристрастиях. Это может быть как Soft Rock, так и Heavy Metal и даже современная аранжировка традиционных японских мелодий. А внешний вид исполнителей вообще не имеет никаких фантазийных границ. Это – и длинные черные челки, спускающиеся на глаза, и лица, словно у японских фарфоровых кукол, и роскошные пышные юбки Викторианской эпохи, и повседневная школьная форма, и т. д. Единственным объединяющим началом всех этих разнонаправленных художественных поисков музыкантов стала их неиссякаемая фантазия.

Яркий пример тому – еще одна культовая группа «Malice Mizer» («Зло и печаль»), сочетавшая в своей музыке различные стили – от

¹³ Там же.

классики до готик-метала. Ее становление относят к началу 1990-х годов, когда уже схлынула первая волна популярности «Visual Key».

Группа щедро наполняла свои композиции элементами классики, импровизируя и добавляя собственные штрихи. Ранние произведения специалисты обычно относят к стилю «барокко» или «ренессанс». А в поздних композициях усматривают все более отчетливые «готические» очертания: орган, синтезированный хор, эффектные аранжировки с использованием электроударных инструментов и шумов. Одним словом, звучание группы было уникальным и, несмотря на то, что сам коллектив просуществовал всего около 10 лет, он до сих пор популярен, и его альбомы продолжают издаваться в Японии.

Успех этой группы кроется не только в их музыкальных находках, но и в имени ее бессменного гитариста Манна – основателя популярного в Японии молодежного стиля «Gotic Lolita» и «Gotic Aristocrat». Именно Манна довел сценический образ музыкантов до гротеска, и стал «иконной стилией» для многих своих последователей, которых в Японии немало и сегодня.

Обычно самые интересные проекты в стиле «Visual Key» появляются в среде представителей так называемого музыкального «меньшинства» («Indie»), – некоммерческого, независимого рока, которые, как правило, записывают диски за свой счет на небольших независимых студиях или своими силами. В противоположность им другая часть рок-музыкантов, именуемых «большинством» («Majors»), находится в более привилегированном положении: их музыка записывается и выпускается на таких гигантах звукозаписи, как компания «Sony» и т. д. Такова еще одна из особенностей мира современной японской рок-музыки.

В конце 1980-х годов внимание японской публики было приковано еще к одной знаменитой японской рок-группе «Chage and Aska» – дуэту популярных японских певцов Сибата Сюдзи и Миядзаки Сигэаки, впоследствии ставшему самым популярным рок-коллективом в Азии. Их азиатское турне «Asian Tour II/Mission Impossible» стало одним из крупнейших событий в истории японской музыки. Билеты на 61 концерт в Японии, Гонконге, Сингапуре и Тайване были раскуплены в один день. Миядзаки (сценическое имя Рио Аска) на сегодняшний день признан одним из самых известных японских авторов и сочинителей песен¹⁴. Музыка рок-группы звучала не только в многочисленных *анимэ*, но и в фильмах «Уличный боец», «Судья Дредд» и т. д.

Другим культовым рок-коллективом является группа «Glady», первое появление которой на телевидении состоялось 12 декабря 1990 г. в телешоу молодых музыкантов «Икасу Тэнгоку Бенд». В отличие от многих других японских коллективов «Glady» – не «продюсерская» группа, хотя огромную помощь в ее становлении оказал один из участников группы

«X-Japan». Они играют рок и поп-рок, особенно популярный в современной Японии. Основная аудитория их фанатов – это девушки. Поэтому участники группы прилагают немало усилий, чтобы удержать свою популярность не только на гребне музыкальной моды, но и последних тенденций в одежде и стиле.

Однако с появлением японской танцевальной поп-музыки в стиле R&B (ритм и блюз), которая пришла из США, такие группы, как «Glady», «Chage and Aska» и другие, постепенно теряют свою популярность. В середине 1990-х годов им на смену приходят яркие и самобытные исполнители: например, певец и композитор Комуро Тэцуя и поп-дива Амуро Намиэ родом из Окинавы. Одна из привлекательных черт певицы – отголоски родного музыкального окинавского фольклора, влияние которого нетрудно распознать в современной японской поп- и, особенно, рок-музыке. А другая ее особенность – открытость к последним западным веяниям, ведь в ней течет кровь ее итальянского дедушки. Смелая и решительная Амуро почти сразу же выходит из группы, в которой начинает свое творчество, и переходит к сольным выступлениям.

Вскоре Амуро Намиэ становится не только кумиром молодежи, но и иконой стиля для тысяч японских девчонок, родоначальницей новой молодежной субкультуры «гангуро» с ее ярко выраженной африканской стилистикой. С «легкой руки» певицы, после исполнения ею в 1994 г. песни «Tty me» в Японии начался настоящий бум популярного и по сей день танца «Para Para Dance», возникшего за несколько лет до этого под влиянием евро-бита. Недаром символом игровых танцевальных автоматов «Para Para Paradise» является именно девушка «гангуро».

К концу 1990-х годов Японии уже полностью поглощает стиль R&B, на волне которого расцвел талант еще одной поп-звезды Утада Хикару – дочери известной исполнительницы *энка* – Фудзи Кэйко. Большая поклонница Кинга, Меркури и других кумиров, Утада дебютировала со своим первым синглом «Automatic Time will tell». Ее первый альбом «First Love», разошелся тиражом 10 млн. копий в течение двух месяцев, став самым продаваемым альбомом в истории японской музыки¹⁵. А всего к 22 годам японская певица выпустила более 20 млн. синглов и альбомов.

Высокими рейтингами в эти годы были отмечены также выступления таких женских поп-групп, как «Speed» и «Morning Musume», а также концерты певиц Кураки Маи, Судзуки Амии, Оцука Аи и других. Мировой знаменитостью считается Айюти Рина, прославившаяся не только вокальными данными, но и текстами песен, которые пишет сама.

Но самой коммерчески успешной исполнительницей в истории музыкальной индустрии Японии признана Хамасаки Аюми, также известная, как Аю (на ее счету более 50 млн. распроданных синглов и альбомов). Она носит неофициальный титул «императрицы японской поп-музыки»

¹⁴ <http://dic.academic.ru>

¹⁵ <http://www.telegraph.co.uk>

и широко известна за пределами Японии, в том числе и своими сборниками музыки для дискотек в стиле «Para Para Dance».

Все эти поп-звезды до сих пор занимают первые строчки в японских чатах рядом с другими представителями новых музыкальных направлений, таких как Hip-Hop и другие. Они представлены такими известными группами, как «Orange», «Кэцумэйси» и т. д. В последнее время в Японии все большую популярность приобретает так называемая «черная музыка» и особо актуален стиль таких певцов, как Бобби Браун и Дженет Джексон, который вызвал к жизни подражательный жанр *бу-ракон* (японская аббревиатура термина «black contemporary music»). Многие приверженцы этого жанра не только копируют музыку, но и прилагают огромные усилия, чтобы имитировать внешность, костюмы и сценическое поведение афро-американских поп-музыкантов.

Одновременное появление в Японии столь разных по своей стилистике, ритмам и другим особенностям музыкантов не уменьшает интереса к вполне традиционным рок-группам, таким, как «Pierrot», «Buck-Tick» и другие, а также к японским адаптациям тяжелого металла, фанка, панка, рэпа и т. д.

Особое место в истории японской поп-музыки принадлежит направлению «Japanoise», ставшим культовым среди западных эстетов. Этим термином «noise» принято называть музыку или, скорее, «анти-музыку», созданную при помощи разных шумов. Это может быть как хаотичный электронный шум, так и более ритмичная музыка, в которой использовано много звукоимитирующих элементов.

История шумовой музыки на Западе началась задолго до рождения рок-н-ролла и современной популярной музыки. Первым нойз-музыкантом считается итальянский художник-футурист Луинджи Руссоло, который в 1913 г. написал манифест искусства шумов. В нем провозглашалось, что шумовая музыка должна заменить традиционную. Эту идею воспроизведения звуков современного мира стремились воплотить в своем творчестве многие известные музыканты.

В Японии это направление возникло лишь в 1980-х годах. Его ярким представителем стал Акита Массами. Музыкальное кредо Акита раскрывают следующие фразы: «Если шум – это неприятный звук, то для меня поп-музыка – это шум»¹⁶; «Некоторым тяжелый рок или панк, или рэп могут казаться шумом, но эта музыка довольно гармоничная и имеет мало общего с настоящим нойзом»¹⁷.

Сегодня «Japanoise» воспринимается на Западе в ряду таких модных во всем мире товаров японской культурной индустрии, как *анимэ*, компьютерные игры и т. д. Именно здесь японские музыкальные традиции

и современные технологии гармонично переплелись между собой, образовав удивительный сплав звуков, эмоций, настроений.

Сейчас это чуть ли не самый популярный в стране музыкальный жанр, который японцы открыли для себя благодаря сериалу «Космическая крепость Макросс», где прозвучала песня «Где ты, наша любовь», ставшая на долгие времена любимым шлягером.

Однако более всего в *анимэ* используется так называемая «атмосферная музыка» – музыкальные темы и их вариации, придающие особое эмоциональное настроение тому или иному кинофрагменту или всему повествованию. Например, в сериале «Евангелион нового поколения» музыкальная композиция «Решающее сражение» приобретает особое смысловое звучание. Трагизм и напряженность сюжетной линии здесь весьма талантливо усиливается за счет музыкальных средств – стремительной, пафосной мелодии с глухим прерывистым ритмом барабанного боя.

Обычно центральными музыкальными темами *анимэ* являются начальная и финальная песни или композиции. Первая из них – это своего рода увертюра, открывающая предстоящее действие. Ей отводится в фильме весьма важная роль, призванная придать особое настроение разворачивающимся на экране событиям и создать у зрителя соответствующий общий эмоциональный настрой для их восприятия. А финальная мелодия берет на себя иную, но не менее важную роль: в ней как бы прослеживается и обобщается весь зрительный ряд, только что увиденный на экране, вновь проигрываются ключевые моменты *анимэ*, его основные идеи, образы и т. д.

Обе музыкальные композиции являются в некотором роде «визитной карточкой» *анимэ* или *анимэ*-сериала и, как правило, исполняются известными японскими эстрадными певцами, которые зачастую вместо актера озвучивают ту или иную центральную роль – *сэйю*. Профессия *сэйю* весьма популярная и престижная в Японии, поэтому практически все звезды японской эстрады в той или иной форме стремятся заявить о себе на этом поприще.

Достаточно назвать все ту же легендарную группу «Glady». Их песня «Manatsu-no Tobira» стала заглавной темой в *анимэ* «Ямамото Такэру» (1994). А их *анимэ*-клип на песню «Survival» создал этой мелодии такую популярность, что она стала заглавной композицией ТВ-сериала «Kaikan Phrase» и т. д.

Следует вспомнить также популярную японскую певицу Хаясибара Мэгуми, которая приняла участие в создании более, чем полусотни *анимэ*-сериалов, озвучивая центральные роли и солируя в тематических песнях, как Утада Хикару и другие звезды.

Созданные ими маленькие музыкальные шедевры вскоре расходятся огромными тиражами не только среди многочисленных любителей *анимэ* в самой Японии и далеко за ее пределами. Как правило, почти

¹⁶ <http://creomuz.ru>

¹⁷ Там же.

сразу же после успешной премьеры ленты, а иногда параллельно с выходом ее в свет, в продажу поступают аудиодиски с оригинальной музыкой из этого *анимэ* или *анимэ*-сериала – так называемые «OST» (Original Soundtrack), которые могут конкурировать по популярности с обычными альбомами певцов.

Иногда певцы, занимающиеся озвучанием фильма, издают коллекционные наборы дисков, посвященные конкретным персонажам, так называемые «альбомы персонажей». В них включаются песни из *анимэ*-кинофильма в исполнении этого певца, все композиции, посвященные тем или иным *анимэ*-персонажам, а также аудиовставки – благодаря которым у зрителя складывается впечатление, что песни исполняет сам персонаж.

Нередко можно встретить и «диски с аудиопостановками», содержащие небольшие аудио-дополнения к сериалу, обычно не связанные с главной сюжетной линией, часто, пародийной направленности. Одним словом, музыка для *анимэ* – это большой и прибыльный бизнес в японской музыкальной индустрии. И поэтому не удивительно, что в этой сфере почти всегда задействованы талантливые японские композиторы.

Наиболее известной своими саундтреками к *анимэ* является женщина-композитор Канно Ёко, которая впервые дебютирована на ТВ. Она писала музыку для телевизионных драматических сериалов – «Учитель», «Кто-то любит ее», «Ненакрашенное лицо» и т. д. Канно делала музыкальные оформления для видеоигр «Козэй» («Амбиции Нобунага») и множества коммерческих радиопередач, включая японскую рекламу кока-колы.

В *анимэ* ее дебютом стал полнометражный фильм «Макросс Плюс» – продолжение суперпопулярного сериала «Космическая крепость Макросс». Именно начальная песня в «Макросс Плюс» считается самой удачной и известной работой Канно, после чего карьера молодого композитора в *анимэ* стала набирать обороты. За «Макроссом» последовали «Пожалуйста, спасите мою Землю», «Ковбой Бибоп» и т. д. Каждый раз композитор доказывает публике свое мастерское владение практически всеми известными музыкальными жанрами.

Работая над «Видением Эскафлона», Канно заявила о себе как о большом знатоке и поклоннике музыкальной классики, тогда как музыка к *анимэ* «Ковбой Бибоп» продемонстрировала ее великолепное мастерство джазового исполнителя. Музыкальное сопровождение к «Макросс Плюс» полностью выдержано в стиле техно. Об успехе работы Канно в *анимэ* свидетельствует тот факт, что музыка из «Видения Эскафлона» была выпущена впоследствии в пяти отдельных альбомах.

Другой известный *анимэ*-композитор – это Каваи Кэндзи. Его первой работой в *анимэ* стал саундтрек ТВ-сериала «Несносные пришельцы» («Урусэй яцура», 1981–1986), созданный по мотивам *манга* Такахаси Румико режиссером Осии Мамору и «Studio Pierrot». Затем последовали

«Доходный дом Иккоку» («Maison Ikkoku», 1986–1988), «Рамма 1/2» («Ramma 1/2») и др. Однако самым знаменитым шедевром Каваи считается саундтрек полнометражного *анимэ*-фильма «Призрак в доспехах» (1995 г.), созданного любимым режиссером композитора Осии Мамору. Гениальное сочетание эстетики киберпанка с напевами древних японских гимнов вряд ли оставило равнодушным кого-нибудь из многочисленных зрителей.

Помимо *анимэ*-музыки, Каваи, как и все востребованные японские композиторы пишет песни для исполнителей поп-музыки, приставочных игр и художественных фильмов. Из числа последних наибольшую известность за пределами Японии получил фильм «Звонок» (1998 г.)

Каваи – мастер всех музыкальных стилей. Тяготея к «легкой» музыке, он с удовольствием исполняет любые заказы режиссеров, включая самые сложные по своему музыкальному содержанию оркестровые партитуры и т. д. Его поп- и рок-экспериментальные композиции и песни уже много лет пользуются постоянной любовью как фанатов *анимэ*, так и простых слушателей.

Как правило, композиторы, работающие в области *анимэ*, захватывают в своем творчестве нишу видео- и компьютерных игр. Среди наиболее известных представителей последнего жанра следует назвать имена Мацуда Ясунори, Кондо Кодзи и другие. А знаменитая японская поп-звезда Утада Хикару одинаково успешно осваивает в дополнение к своей основной профессии еще и эти буквально безбрежные музыкальные просторы.

Конечно, не только *анимэ* или всевозможные игры, но и японское кино, радио и особенно телевидение, где снимаются тысячи любимых японцами теледрам, всевозможных шоу, музыкальных передач и просто рекламы. Это – еще один огромный сегмент современной коммерческой музыки. Достаточно сказать, что 80% программ радио-FM заполняет музыка «*каёкёку*» и т.д.

Самым главным музыкальным и культурным ежегодным событием в японском медиа-пространстве является новогоднее песенное соревнование «красных» и «белых» команд «Кохакү утагассэн». Лучшие певцы и лучшие песни года оспаривают свою право на лидерство в этом престижном фестивале песни, который демонстрируется в ночь с 31 декабря на 1 января по центрального канала NHK, начиная с 1951 г. Правда, рейтинги таких официозных музыкальных передач в последние годы постепенно снижаются. Если в 1960–1970 гг. это телевизионное музыкальное шоу привлекало к себе 70–80% зрительской аудитории, то, уже начиная с 1980-х годов, рейтинг его постоянно снижался и в настоящее время оценивается примерно в 50%.

О чем это свидетельствует? Безусловно, не о снижении интереса японцев к современной популярной музыке, а, скорее, о значительной

переориентации их вкусовых пристрастий, а также о резко возросших возможностях выбора на рынке музыкальной индустрии.

Сегодня музыка окружает японцев всегда и везде, вплоть до оригинальных рингтонов и мелодий, которые каждый из них в любой момент и в любом месте может заказать и услышать по мобильному телефону, не говоря уже о море разнообразных звуков, содержащихся в Интернете. Но в этом японцы не оригинальны и сегодня мало, чем отличаются от жителей других стран, если, конечно, не учитывать их самые передовые технологии в области цифровых коммуникаций и широкого внедрения их в повседневную жизнь.

Японцы привыкли к тому, что музыка должна быть всегда где-то рядом, буквально под рукой. Отсюда – их тяга к портативным музыкальным изобретениям – транзисторные приемники, которые с каждым годом уменьшались в размерах до микро-габаритов; переносные магнитофоны – «кассетники», на которых стали записывать и воспроизводить полюбившиеся мелодии, а затем аудио-плееры «Walkman», позволившие постоянно находиться в мире любимых мелодий – даже в транспорте и на природе. Но, пожалуй, самым популярным музыкальным изобретением японцев до сих пор остается *караокэ* – музыкальное развлечение, получившее широкое распространение сегодня во многих странах мира.

Караокэ – это своеобразная квинтэссенция отношения японцев к музыке. Во-первых, это – природная любовь к пению и стремление петь и проводить свободное время в коллективе (как правило, с коллегами по работе). Во-вторых, это – возможность проявить себя, главным образом, не столько демонстрируя свой талант, сколько подражая любимым исполнителям тех или иных популярных мелодий не только в манере пения, но и сценических движениях и т. д. И, в-третьих, это – все те же современные технологии, которыми японцы привыкли гордиться.

В последние годы развитие популярной музыки в Японии шло параллельно с совершенствованием музыкальных технологий, где Япония всегда являлась и является одним из мировых лидеров. А это значит, что с учетом врожденной музыкальности и трудолюбия японцев, у них есть немало шансов все-таки когда-нибудь покорить и мировой музыкальный Олимп.

В. И. Ленин и довоенный японский империализм

Ю. В. Георгиев

Вряд ли будет правильным утверждать, что Япония и проблемы японского империализма занимали видное место в политической деятельности В. И. Ленина. Это было бы преувеличением. Однако можно констатировать, что, по крайней мере, трижды жизнь заставляла его вплотную заниматься проблемами, которые ставила перед Россией агрессивная политика нашего дальневосточного соседа, или же анализировать характер довоенного японского империализма. Первый раз это случилось во время русско-японской войны 1904–1905 гг.; во второй раз – в годы первой мировой войны, в ходе работы над фундаментальным трудом по мировому империализму; в третий раз – в 1918–1922 гг., когда Япония приняла участие в империалистической военной интервенции стран Антанты на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. И каждый раз Ленин демонстрировал глубокое проникновение в суть вопроса, находил неординарные подходы к анализирувавшимся им проблемам, оставляя заметный след в науке.

Впервые Япония вторглась в жизнь В. И. Ленина с началом русско-японской войны 1904–1905 гг. Общеизвестно, что эта война была вызвана столкновением имперских интересов царской России и тэнноистской Японии на Дальнем Востоке, прежде всего в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) и Корее. Никто также не отрицает, что развязала войну японская сторона. Правда, в самой Японии вплоть до настоящего времени предпринимаются попытки всячески затушевать этот факт. В конце 2009 г., например, японское телевидение показало многосерийную историческую драму, поставленную по роману Рютаро Сибэ «Облако на вершине холма». Основная идея романа и телевизионной драмы – создать у читателей впечатление, будто эта война была «самозащитой» Японии от России. Япония уподоблялась там «загнанной в угол мыши, которая вынуждена была броситься на кота».

Как бы то ни было, ничто не изменит того объективного факта, что в ходе этой войны русские солдаты проливали свою кровь на чужой для них маньчжурской земле за чуждые им интересы царской камарилы. Именно так понимал Ленин суть этой войны. В его «Тетрадах по импе-

риализму» мы можем найти следующую запись: «1904/5: (Русско-японская война). Грабят (“делают”) Китай и Корею (Россия и Япония)»¹.

Русско-японская война стимулировала интерес В. И. Ленина к этому соседнему с Россией островному государству. Он никогда не был в Японии. А во время войны находился в эмиграции в Европе. Сохранились воспоминания служителя одной из Женевских библиотек того времени. Из них мы можем узнать, что Ленин брал тогда для прочтения такие книги, как Стеффорд Рейсом «Япония на переходной стадии», Карл Мюнцингер «Японцы», Александр Хозел «Маньчжурия, ее население, естественные богатства и новейшая история», Леруа Болье «Возрождение Азии». Изучил Ленин и четыре тома монографии «Будущая война с технической, экономической и политической точек зрения». Думается, что почерпнутые из этих работ сведения помогли Ленину расширить его представление о Японии. Любопытно отметить, что один из близких к В. И. Ленину людей – Марк Елизаров (1863–1919), муж родной сестры В. И. Ленина – Анны, инженер-путеец по образованию, в 1904 г., когда началась русско-японская война, работал на КВЖД в Маньчжурии. Однако нет никаких данных о том, что он сообщал что-либо В. И. Ленину оттуда. В 1906 г., М. Елизаров выезжал в эмиграцию из России через Японию и стал одним из немногих видных большевиков того времени, побывавших на Японских островах.

Как известно, военные неудачи России стали детонатором революционного взрыва 1905 г. Ленин внимательно следил за ходом военных действий, часто вникая в подробности многих военных операций. Именно сквозь призму этой войны и связанного с ней революционного взрыва в России он и начал изучать Японию в тот период.

Наиболее интересными материалами В. И. Ленина, посвященными русско-японской войне, были его статьи «Падение Порт-Артура» (январь 1905 г.) и «Разгром» (май 1905 г.). В первой из них он сформулировал свой знаменитый тезис: «Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»². Вторая статья была посвящена Цусиме, как подтверждению полного, с точки зрения Ленина, военного краха царизма.

Подобные материалы, положительно оценивавшие победу Японии над Россией, вызывают иногда недоуменные вопросы у некоторых современных исследователей. Тем более что в ленинских материалах того времени мы часто встречаемся с противопоставлениями «культурной» и якобы «свободной» Японии³ или «молодой и свежей Японии»⁴ и «от-

сталой и реакционной Европы» (читай – России)⁵. А в подготовительных материалах к статье «Падение Порт-Артура» В. И. Ленин прямо писал: «Прогресс(ивная) сила разбила реакц(ионный) оплот»⁶.

Однако подобные вопросы возникают в тех случаях, когда ленинскую позицию вырывают из исторического контекста того времени и забывают о диалектике революционной борьбы российского пролетариата против самодержавия. Именно из объективных закономерностей этой диалектики и исходил Ленин, анализируя ход и итоги русско-японской войны.

Вот что он писал по этому поводу в статье «Падение Порт-Артура»: «Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии»⁷.

Свои размышления на эту тему В. И. Ленин продолжил в статье «Европейский капитал и самодержавие» (апрель 1905 г.). Он подчеркивал, что «при войне между эксплуататорскими нациями необходимо различать роль прогрессивной и реакционной буржуазии той или иной нации. Русской социал-демократии пришлось применить на деле эти общие положения марксизма к японской войне»⁸.

Именно этим и объясняются так странно звучащие сегодня ленинские характеристики Японии и японской буржуазии, которая в русско-японской войне оказалась «невольным» союзником российского пролетариата в борьбе с царским самодержавием. Именно поэтому В. И. Ленин специально делал тогда акцент на «революционизирующей» миссии японской буржуазии применительно к России, обязательно оговаривая при этом, что Япония вместе с тем оставалась «угнетающей нацией» и не забывал упомянуть о «японском империализме»⁹.

Отмеченные выше акценты в оценке Японии и японской буржуазии (применительно к России) исчерпали себя, как только круто изменилась ситуация в Восточной Азии после окончания русско-японской войны. Тогда, как известно, начался процесс постепенного политического и военного сближения между царской Россией и тэнноистской Японией

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 28, с. 668.

² Там же, т. 9, с. 158.

³ Там же, т. 8, с. 184.

⁴ Там же, т. 100, с. 253.

⁵ Там же, т. 9, с. 152.

⁶ Ленинский сборник. М.–Л., 1926, с. 58.

⁷ Ленин В. И. ППС, т. 9, с. 15.

⁸ Там же, с. 373.

⁹ Там же, с. 157.

на базе мирного разграничения их сфер влияния в Восточной Азии и совместной защиты своих имперских интересов от покушений со стороны более сильных американских и английских империалистических соперников. Это сближение было зафиксировано в негласной части политического соглашения 1907 г. (уточненного в 1910 и 1912 гг.) и оформлено военно-политическим союзом в 1916 г. Если во время русско-японской войны Ленин в пропагандистском плане всячески противопоставлял Японию России, то в новых условиях он применил иной подход, исходя из того, что Япония из противника царского самодержавия превратилась в его союзника со всеми вытекающими из этого последствиями для российского пролетариата. Этим, в частности, можно объяснить и тот факт, что В. И. Ленин анализировал японский и российский империализм в тесной увязке друг с другом.

А когда в 1918 г. Япония приняла участие в иностранной военной интервенции империалистических держав против советской власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, В. И. Ленин дал японской буржуазии уже безоговорочно отрицательную характеристику. В одном из своих выступлений в 1920 г. он говорил, что «здесь (т. е. у японской буржуазии – Ю. Г.) соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством»¹⁰. Такова была историческая эволюция ленинских характеристик японской буржуазии.

Приходится констатировать, что положение В. И. Ленина о «прогрессивной» и «революционизирующей» миссии японской буржуазии в русско-японской войне 1904–1905 гг. применительно к борьбе российского пролетариата против царского самодержавия, было буквально понято некоторыми японскими исследователями и механически применено к японским условиям для доказательства «народного» характера русско-японской войны со стороны тэнноистской Японии. Этот сюжет, на примере японского исследователя Сэнтаро Кэмуяма, анализируют, в частности, в своей монографии В. Золотарев и Ю. Соколов. Однако законное недоумение вызывает крайне небрежное отношение авторов к цитированию ленинских работ, относящихся к этому периоду. В ряде случаев авторы почему-то цитируют их по Полному собранию сочинений В. И. Ленина на японском языке (!) и тексты этих цитат иногда не совпадают с ленинскими оригиналами. Приведем один пример. Авторы пишут:

«Победоносную войну Японии против России В. И. Ленин определил, как “выполняемую избавившейся от абсолютизма японской буржуазией... революционную миссию”»¹¹. Подлинный ленинский текст приводился нами выше.

¹⁰ Там же, т. 45, с. 61.

¹¹ Золотарев В., Соколов Ю. Трагедия на Дальнем Востоке. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 2004, с. 370.

Ленин значительно углубил изучение сущности и особенностей японской буржуазии на империалистической стадии ее развития в годы первой мировой войны во время работы над своим фундаментальным трудом «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.).

Начнем с подготовительных выписок и набросков к данной работе, сделанных Лениным в «Тетрадах по империализму». Их просмотр показывает, что Ленин изучил большой объем материалов по империализму в ведущих европейских странах, таких как Англия, Германия, Франция. Собранный Лениным обширный научный материал позволил ему показать, наряду с общими закономерностями, и национальную специфику империализма в отдельных европейских странах. Так, например, он охарактеризовал английский империализм, как «колониальный», а французский – как «ростовщический»¹².

Что касается Японии, то у Ленина оказалось значительно меньше материала для основательного анализа японского империализма по сравнению с его аналогами в основных европейских странах. Он, в частности, законспектировал статью Ч. Сэйла «Некоторые статистические данные по Японии» из английского статистического журнала (1911 г.). Он назвал эту работу «очень интересной статьей». Его выписки из нее свидетельствуют, что он обратил внимание на отсталую экономическую базу империализма в Японии. Вот некоторые из этих выписок: «...Особенно поучительно сравнение с Соединенным королевством... При количестве рабочих, меньше одной пятой (по сравнению с Японией) продукции в Соединенном королевстве больше, и стоимость ее выше на 40%». «Земля обложена очень тяжело. Земледелие архимелкое. Производительность земледельческого труда крайне низка главным образом вследствие мелкого земледелия и отсутствия машин»¹³.

В «Тетрадах по империализму» Ленин сделал и первую прикидку в отношении места Японии среди ведущих империалистических держав того времени. Он записал: «Примерно: (1) Три главные (вполне самостоятельные) страны Англия, Германия, С.Штаты. (2) Второстепенные (первоклассные, но не вполне самостоятельные) Франция, Россия, Япония»¹⁴.

В самом ленинском труде об империализме данные по Японии имеются только в главке «Финансовый капитал и финансовая олигархия», а также в параграфе «Раздел мира между великими державами». В этом параграфе он приводит таблицу «Колониальные владения великих держав». Япония замыкает в ней шестерку держав, выделенных им еще в «Тетрадах по империализму». В своем комментарии к указанной таблице В. И. Ленин писал: «...И среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессирующие

¹² Ленин В. И. ППС, т. 27, с. 362.

¹³ Там же, т. 28, с. 377, 379, 380.

¹⁴ Там же, с. 178.

страны (Америка, Германия, Япония), а, с другой – страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция, Англия); с третьей – страну, наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»¹⁵.

К сожалению, в своем труде об империализме и в подготовительных материалах к нему Ленин так и не дал обобщающей характеристики довоенного японского империализма. Как было отмечено выше, он лишь определил место Японии среди ведущих империалистических держав (ее относительную отсталость, второстепенное и не вполне самостоятельное положение) и одновременно подчеркнул молодость японского капитализма, его быстрое, прогрессирующее развитие. Что же касается анализа существа довоенного японского империализма, то он ограничился тем, что выделил основную, по его мнению, особенность японской буржуазии того времени, кратко назвав ее «монархической»¹⁶. В. И. Ленин не раскрыл конкретного содержания данной характеристики, но, несомненно, он стремился отметить наличие значительных пережитков средневековья в политической и экономической жизни Японии того периода.

Так получилось, что ключевая оценка характера довоенного японского империализма была дана В. И. Лениным несколько позднее и вне его основного труда по империализму. Эта оценка содержалась в статье «Империализм и раскол социализма», написанной им в том же 1916 г. В этой статье Ленин продолжил свой анализ мирового империализма, дополнив его дополнительными примерами Японии и царской России, т. е. теми странами, в которых финансовый капитал не достиг тогда еще такой степени развития, как в США и Западной Европе, и где пережитки средневековья делали ситуацию в обеих странах в определенной мере сходной.

Вот его ключевая характеристика довоенного японского империализма: «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала»¹⁷. Это была констатация того очевидного факта, что довоенный японский империализм отставал в своем развитии от империализма США и Англии и был слабее своих конкурентов. А положение В. И. Ленина о том, что указанное отставание «отчасти восполнялось», «отчасти дополнялось» «монополией военной силы» и рядом специфических моментов, таких, например, как особое удобство гра-

бить Китай, прямо указывало на особую агрессивность довоенного японского империализма.

Показательно, что Ленин еще раз отметил определенную схожесть довоенного японского империализма с российским, коснувшись политики Японии в своем выступлении на собрании актива Московской организации РКП(б) в декабре 1920 г. Он говорил тогда, что «здесь (т. е. в японском империализме. – Ю. Г.) соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством»¹⁸.

Что же касается российского империализма, то Ленин подчеркивал, что «в России преобладает военный и феодальный империализм»¹⁹. Эту оценку следует выделить особо, так как в последующем руководители Коминтерна и его теоретики, отталкиваясь от отмеченных Лениным схожих черт японского и российского империализма, именно эти особенности подчеркивали при характеристике довоенного японского империализма.

Хотелось бы коснуться еще одной ленинской выписки из его «Тетрадей по империализму». Идея, заложенная в этой выписке, не получила, к сожалению, развития в его труде об империализме, но она представляется весьма интересной и неспроста была замечена Лениным. Она дает нам возможность сделать вывод о том, что уже тогда Ленин обратил внимание на ущербное будущее довоенного японского империализма. Речь идет о выписке из книги Рюдорфера «Основные черты современной мировой политики» (Берлин, 1914 г.): «Современная Япония страдает от своих успехов... не может совладать со своими колониями, не окрепла etc...»²⁰. Совершенно очевидно, что эти наблюдения Рюдорфера заинтересовали В. И. Ленина потому, что они свидетельствовали о недостаточном экономическом потенциале довоенного японского империализма.

Рюдорфер фактически подметил очень тревожную объективную тенденцию, которая заключалась в том, что определенная экономическая отсталость и слабость довоенного японского империализма уже в тот период порождала заметные трудности с «перевариванием» захваченных Японией колониальных владений («не может совладать со своими колониями», «страдает от своих успехов»). А ведь именно развитие этой объективной тенденции, как мы теперь знаем, в значительной мере предопределило в дальнейшем крах довоенного японского империализма.

Однако в рассматриваемый период данная тенденция еще не проявила себя в полной мере. Тем не менее, принципиально важно, что эта тенденция все же была замечена Лениным. Об этом свидетельствует сделанная им выписка в «Тетрадах по империализму».

¹⁵ Там же, т. 27, с. 378.

¹⁶ Там же, с. 423.

¹⁷ Там же, т. 30, с. 174.

¹⁸ Там же, т. 45, с. 61.

¹⁹ Там же, т. 26, с. 318.

²⁰ Там же, т. 28, с. 530.

Интересные суждения о довоенном японском империализме, прежде всего в связи с подмеченным еще Лениным ущербным характером этого империализма, принадлежат доктору Рихарду Зорге. Так получилось, что широкой общественности Р. Зорге в первую очередь стал известен, как блестящий разведчик аналитического плана, внесший огромный вклад в раскрытие агрессивных планов фашистской Германии и милитаристской Японии накануне и в первые годы второй мировой войны. К сожалению, значительно менее известен он в качестве ученого. Однако он был серьезным марксистским политэкономом, оставившим интересные исследования довоенного германского и японского империализма.

Кратко коснемся этой темы. Изучением германского империализма доктор Р. Зорге занимался, когда в течение восьми лет работал в Коминтерне. Итогом этих исследований стала его работа «Новый Германский империализм». Книга почти одновременно вышла в 1928 г. в Советском Союзе и Германии, а затем и в Японии. Причем японский перевод был издан под заголовком «Теория нового империализма». В послевоенное время она переиздавалась в ГДР и Японии.

Эта книга привлекает внимание тем, что в ней Р. Зорге показал себя одним из первых исследователей империализма, отказавшихся от прямолинейного механистического понимания ленинского тезиса: «Империализм есть канун социальной революции пролетариата»²¹. Сталин и большинство коминтерновских теоретиков утверждали, что эпоха империализма означает конец мирового капитализма и непосредственное начало мировой пролетарской революции. В отличие от них Р. Зорге, опираясь на ленинский тезис об империализме, как современном ему этапе развития мирового капитализма, считал, что сам империалистический этап развития капитализма представляет собой целую историческую эпоху, в течение которой империализм проходит через несколько стадий своего развития. Р. Зорге различал, например, империализм до и после первой мировой войны и справедливо подчеркивал, что «и сам империализм, как этап капитализма, тоже видоизменяется в ходе собственного развития»²².

Находясь в 1933–1941 гг. в Токио под прикрытием статуса зарубежного корреспондента ряда германских буржуазных газет, Р. Зорге занялся проблемами довоенного японского империализма. Арест и казнь не дали ему возможности подвести итоги этой работы в виде отдельной книги, но он оставил нам серию крупных статей, опубликованных в журнале «Цайтшрифт фюр геополитик». Особенно выделялся его материал «Экономика Японии в период войны с Китаем» (1939 г.). В нем он подробно анализировал именно ту проблему, которую подметил в свое время В. И. Ленин в выписке из работы Рюдорфера, но не развил ее из-за недостатка фактического материала. Р. Зорге проанализировал эту проблему

на многочисленных конкретных фактах японской агрессии в Китае, проходившей у него на глазах. «Японская военная экспансия вступает в противоречие с целью, которая положена в основу японских военных действий в Китае, по крайней мере, в экономической сфере. Это противоречие уже сегодня находит свое выражение в попытках... контролировать и ограничивать вывоз в район иенового блока (т. е. в оккупированные Японией районы Китая – Ю. Г.), причем вопреки тем японским экономическим кругам, которые считали гарантии рынка сбыта в районе иенового блока главным смыслом военной акции против Китая. До сих пор было еще возможно известное “лабиринтование” между этими двумя противоречащими друг другу тенденциями. Однако по мере затягивания конфликта и необходимости мобилизации все новых экономических ресурсов это противоречие может вырасти до такой степени, что станет непреодолимым»²³. В другой своей работе – «Японская экспансия» – Р. Зорге изложил этот свой вывод в краткой и афористичной форме: «Японцы – захватчики, но отнюдь не колонизаторы»²⁴.

Так доктор Р. Зорге выявил едва ли не самое глубокое внутреннее противоречие довоенного японского империализма – противоречие между его особой агрессивной сущностью и его объективными возможностями осваивать завоеванное. Другими словами, он одним из первых вскрыл объективную тенденцию исчерпания довоенным агрессивным японским империализмом своего потенциала и его неизбежного ухода с исторической арены, как отжившей формы японского капитализма.

Вернемся еще раз к теме русско-японской войны у В. И. Ленина. Дело в том, что она заняла видное место в его политической публицистике. Он охотно использовал сюжеты этой войны, так как они давали ему возможность ярче и доходчивее разъяснять политическую обстановку того времени, тактику российской социал-демократии. Приведем несколько примеров.

В статье «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (апрель 1905 г.) Ленин писал: «Бороться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры – это все равно как если бы Ойяма (Ивао Ояма, генерал, главнокомандующий сухопутными войсками Японии. – Ю. Г.) решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден»²⁵.

В подготовительных заметках к статье «Первая победа революции» (октябрь 1905 г.), посвященной царскому манифесту 17 октября, Ленин отмечал: «Победа 17 (30) октября есть не полная победа, не Седан, а Ляоян»²⁶. Другими словами, он противопоставлял полную победу прусаков

²¹ Там же, т. 27, с. 308.

²² Зонтер Р. Новый германский империализм. Ленинград, 1928, с. 15.

²³ Zeitschrift für Geopolitik (ZIG). 1939, № 3, s. 182 (См. Приложение к книге Ю. Георгиева «Рихард Зорге. Биографический очерк». М., 2002, с. 168–169).

²⁴ ZIG, 1939, № 8–9, s. 622 (см. Приложение, с. 191).

²⁵ Ленин В. И. ППС, т. 10, с. 26.

²⁶ Там же, т. 12, с. 405.

над французами в 1870 г. частичной победе японцев под Ляояном, после которой русские войска просто отступили к Мукдену.

Любопытна и статья «От обороны к нападению» (сентябрь 1905 г.), в которой Ленин призвал русский пролетариат «учиться у японцев». «Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ – одна из очень характерных особенностей последней войны. И, общепризнанные теперь во всем мире мастера военного дела, японцы, перешли также к **ручной бомбе**, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев! Не будем падать духом по поводу тяжелых неудач, сопровождающих попытки массовой закупки оружия... Изготовление бомб возможно везде и повсюду»²⁷.

К сюжетам русско-японской войны 1904–1905 гг. Ленин возвращался и впоследствии. Наиболее интересен в этом смысле его доклад на 7-й Московской губпартконференции в октябре 1921 г. В нем он, как известно, разъяснял необходимость перехода к нэпу и сравнивал тактику большевиков в это время с тактикой генерала Ноги во время его штурма Порт-Артура.

В этом докладе Ленин выделил два периода: приблизительно с лета 1918 г. до весны 1921 г. и с весны 1921 г. до осени того же года. В первый период, по его мнению, была предпринята попытка «кавалерийской атаки» на экономические основы капитализма в России путем осуществления «военного коммунизма». Однако «военный коммунизм» потерпел неудачу и выявилась необходимость перейти к нэпу. Ленин сравнивает эту смену тактики с важным маневром в ходе военной операции.

«Пример, о котором я говорю, это – взятие Порт-Артура японским генералом Ногой. Основное, что интересует меня в этом примере, состоит в том, что взятие Порт-Артура прошло две совершенно различные стадии. Первая состояла в ожесточенных штурмах, которые все окончились неудачей и стоили знаменитому японскому полководцу необычайного количества жертв. Вторая стадия – это когда пришлось перейти к чрезвычайно тяжелой, чрезвычайно трудной и медленной осаде крепости по всем правилам искусства, причем по истечении некоторого времени именно таким путем задача взятия крепости была решена». И Ленин делает вывод: «Я думаю, что этот пример годится для пояснения того, в каком положении оказалась наша революция при решении своих социалистических задач в области хозяйственного строительства»²⁸.

Определенный интерес представляет еще один аспект темы «В. И. Ленин и довоенный японский империализм». Этот аспект напрямую связан с его «нестандартной» позицией в отношении русско-японской войны 1904–1905 гг. Некоторые исследователи даже считают данный аспект чуть ли не «обратной» или «теневой» стороной данной «нестандартной» позиции Ленина. В Японии и на Западе его часто увязывают с так называемыми

«японскими деньгами» на первую русскую революцию, причем утверждают, что эти деньги якобы шли через РСДРП и В. И. Ленина.

Обыгрываются, в основном, два сюжета: во-первых, попытка японского разведчика Акаси Мотодзиро спровоцировать на японские деньги антиправительственный вооруженный путч в Санкт-Петербурге в 1905 г. и, во-вторых, «сколачивание» на этой же основе антиправительственного политического блока из представителей революционной и националистической оппозиции, находившейся в эмиграции в Западной Европе.

Главный герой первого сюжета – разведчик и дипломат, полковник Акаси Мотодзиро (1864–1919). До 1904 г. он был военным атташе посольства Японии в Петербурге. С началом войны перебрался в Стокгольм. Он предложил своему правительству идею политической дестабилизации царского режима с тем, чтобы раскатать ситуацию в России и создать благоприятные условия для успеха военных действий Японии в Маньчжурии. Предполагалось использовать в интересах Японии начавшееся революционное брожение народных масс России, вплоть до организации вооруженного антиправительственного путча в Петербурге. Ставка делалась на сторонников священника Г. Гапона, который уже однажды спровоцировал питерских рабочих на «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., а также на отряды боевиков партии эсэров. Для претворения этой акции в жизнь Акаси планировал крупные закупки оружия в Европе и его нелегальную доставку в Россию. На эти цели японское правительство выделило в распоряжение Акаси 1 млн. иен.

Обосновавшись в Стокгольме, Акаси установил тесные связи с Кони Циллиаксом, руководителем Финской партии активного сопротивления, выступавшей за отделение Финляндии от царской России. Этот деятель стал его главным агентом, помогавшим устанавливать контакты с оппозиционными националистическими организациями, действовавшими на западе России, а также налаживать сотрудничество Акаси с партией эсэров. Через Циллиакса и его людей осуществлялись закупки оружия и его транспортировка в Россию. Активным помощником Акаси был также г. Деканозов из Грузинской партии социал-федералов-революционеров.

Для транспортировки закупленного оружия в Россию были приобретены две яхты. Одна из них – «Джон Графтон» была направлена в Балтийское море к финскому побережью. На нее было погружено 16 тыс. ружей, 3 тыс. револьверов, 3 млн. патронов к ним и 3 т взрывчатки. В августе 1905 г. яхта «Джон Графтон» благополучно добралась до финского побережья, но там натолкнулась на подводные камни и затонула. Большая часть оружия пропала, и план вооруженного путча в Петербурге провалился. На вторую яхту – «Сириус» было погружено 8,5 тыс. ружей и 1,2 млн. патронов²⁹. Яхту направили в Черное море, и она в декабре 1905 г.

²⁷ Там же, т. 11, с. 270.

²⁸ Там же, т. 44, с. 209, 195, 197.

²⁹ Akashi Motojiro. Rakka ryusui. Colonel Akashi Report on Cooperation with the Russian Revolutionary Parties During the Russo-Japanese War (Selected Chapters Translated by Inaba Chiharu and Edited by Olavi Falt and Antty Kuyala). Helsinki, 1988, p. 46–47, 49.

благополучно разгрузилась на грузинском побережье. Оружие доставили адресату, но как оно было использовано, осталось неизвестным.

Подробности этой подрывной акции были рассказаны в записках самого Акаси, написанных им в 1906 г. на основе его донесений в японский генштаб. Он озаглавил их «Ракка рюсуй», что соответствовало японскому поэтическому выражению «опавшие листья на струях воды». Перевод части этих записок был опубликован на английском языке в книге «Ракка рюсуй. Доклад полковника Акаси о его сотрудничестве с российскими революционными партиями во время русско-японской войны», изданной финскими исследователями Олави Фельт и Анти Куяла в Хельсинки в 1988 г. В книгу вошел также ряд статей на указанную тему, написанных исследователями из Европы и Японии.

Вот что писали Фельт и Куяла в совместном предисловии к книге: «Имя японского полковника Акаси Мотодзиро впервые получило скандальную известность в Санкт-Петербурге в 1906 г., когда российская государственная полиция опубликовала буклет о его секретной деятельности во время русско-японской войны (1904–1905 гг.). Переписка между Акаси и его агентами, опубликованная в этом буклете, показала, что японский военный атташе далеко вышел за рамки своих обычных обязанностей и, используя значительные суммы денег, финансировал революционные элементы, действовавшие внутри Российской империи». И далее: «После второй мировой войны в западном мире стал расти интерес к Акаси, так как он, как и имперское правительство Германии во время первой мировой войны, **субсидировал революционную деятельность большевиков** (выделено нами. – Ю. Г.). В связи с этим имя Акаси стало везде ассоциироваться с историей России. Этому способствовали и публикации Микаэля Футрела. Он заинтересовался контактами Ленина и большевиков с Акаси, хотя сами японцы явно стремились больше к сотрудничеству с эсэрами, чем с большевиками. Будучи серьезным историком, Футрел вынужден был в своих исследованиях прийти к выводу, что большевики занимали незначительное место в операциях Акаси. После смерти Акаси в 1919 г. в Японии возник его культ. Но его отношения с русскими революционерами и его влияние на исход русской революции 1905 г. оказались сильно преувеличенными»³⁰.

Проблема, которая возникает в связи с изложенной выше точкой зрения Олави и Куяла, заключается в том, что они не смогли привести в своей книге ни одного факта в подтверждение тезиса, что Акаси «субсидировал революционную деятельность большевиков». Невозможно найти такие факты и в опубликованных разделах записок самого Акаси. Нет их и в полицейском буклете, упоминаемом в предисловии. Речь там шла о брошюре «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства», в которой были обнародованы мате-

риалы против Акаси, оперативно собранные царской контрразведкой. Среди них оказались и фотокопии записей, которые собственноручно вел Циллиакус. В одной из них, в частности, указывалось, что было закуплено 1 тыс. ружей для «с.р.» (эсэров), 5 тыс. ружей для «г» (грузинской партии), 8 тыс. ружей для «ф» (финской партии), 5 тыс. ружей для «п.с.» (польских социалистов)³¹. Пометок о закупках оружия для социал-демократов в документе нет. Не подлежит сомнению, что, если бы у царской охранки был компромат на большевиков, она бы с удовольствием его обнародовала.

Предвзято излагают авторы предисловия и позицию М. Футрела. Обратимся, например, к его статье «Полковник Акаси и его контакты с русскими революционерами в 1904–1905 гг.», опубликованной в апрельском номере журнала «Far Eastern Affairs» за 1967 г. Вот что нашел Футрел в записках Акаси: «В то время как Акаси подробно рассказывает о людях, с которыми он главным образом сотрудничал, таких, как Циллиакус и Чайковский (Н. Чайковский – член внешнеполитического комитета партии эсэров. – Ю. Г.) и называет без подробностей имена многих других участников этих операций, он лишь вскользь упоминает Ленина и только в качестве одного из лидеров российских социал-демократов».

«Нужно четко отметить, – пишет далее Футрел, – что сам Акаси не приводит свидетельств каких-либо теплых отношений или даже контактов между ним и Лениным. Если бы такие отношения или контакты были, трудно представить себе причины, по которым Акаси опустил бы их в своих записках, составленных в 1906 г.»³².

В своей статье Футрел полемизирует также с исследователем Вадимом Медишем, опубликовавшим в журнале «Рашен ревью» (№ 24 за 1965 г.) материал «Ленин и японские деньги», в котором автор утверждал, что, по его мнению, «более не подлежат сомнению контакты Ленина с японцами в 1904–1905 гг.». Заключение Футрела четкое и категоричное: «Нет никакого обоснования заявлению о контактах Ленина с японцами»³³. В результате своего исследования Футрел пришел к следующему выводу: «Представление о том, что существовали контакты между этими двумя людьми (т.е. между В.И. Лениным и Акаси. – Ю. Г.) возникли из последующей литературы об Акаси»³⁴.

Действительно, такая литература появилась на Японских островах в 1930-е годы, когда Япония начала агрессию в Китае и стала готовиться к военному столкновению с Советским Союзом. Именно тогда там оказались востребованными «подвиги» Акаси в качестве разведчика в борьбе

³¹ Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб, 1906, с. 11.

³² Far Eastern Affairs, 1967, № 4, p. 13, 14.

³³ Ibid., p. 20.

³⁴ Ibid., p. 13, 14.

³⁰ Ibid., p. 5–6.

против России и была создана пропагандистская легенда о контактах Акаси с большевиками и В. И. Лениным и передачи им японских денег. Судя по всему, Футрел ознакомился с этой литературой и в своей статье рассказал об одной из подобных книг. Это была книга Кояма Кацукиё «Великое подстрекательство», опубликованная в 1930 г. и переиздававшаяся в послевоенное время как литературный роман.

«Книга Великое подстрекательство», – пишет Футрел, – является примечательным произведением. В ней Акаси в 1904–1905 гг. представляется достойным предшественником Джеймс Бонда, действующим мастерски и вдохновенно на европейской сцене в авантюрных и романтических эпизодах. Естественно, Ленин играет в них значительную роль. Тем не менее подробное описание его длительных секретных разговоров с Акаси рождает чувство легкого разочарования, так как много места в них занимает довольно путанное изложение ленинских политических взглядов».

Далее Футрел пишет: «Центральное место в книге отводится встрече Акаси с Лениным и Плехановым в Амстердаме (в 1904 г. – Ю. Г.). После осторожного зондажа с обеих сторон, возникает взаимное понимание и уважение, отпадают обоюдные претензии. Акаси передает Ленину бумагу, в которой имеется следующая запись: “Нужная вам сумма денег (прочерк)”. Ленин проставляет в оставленном месте сумму и передает бумагу Плеханову, который кивает в знак согласия. Ленин возвращает бумагу Акаси. Тот чиркает спичку, сжигает бумагу и говорит, что ответ будет дан при их встрече в Париже»³⁵.

А вот собственная оценка Футрела воспроизведенной им сценки из книги Кояма: «Все изложенное выше является впечатляющей, но, тем не менее, безусловной фикцией»³⁶.

Напомним, что мы уже упоминали выше о том, что Акаси активно участвовал в «сколачивании» под эгидой эсеров политического блока революционных и националистических сил, оппозиционных царскому режиму. Неверно было бы утверждать, что такой блок создавался исключительно по инициативе и благодаря усилиям Акаси. По мере назревания революционных событий в России и в ходе начавшейся революции 1905 г. объективно возникла необходимость в таком блоке, и в среде революционных организаций началась дискуссия по поводу его создания. Однако нельзя отрицать тот факт, что в 1904 г. инициативу по организации такого блока взял на себя прямой агент Акаси – К. Циллиакус. Он разослал приглашения на конференцию по созданию такого блока 19-ти партиям и организациям, откликнулись восемь. Наиболее крупной из них была партия эсеров. В то же время отказались участвовать в конференции большевики, меньшевики и ряд национальных фракций

³⁵ Ibid., p. 16.

³⁶ Ibid.

российской социал-демократии. Конференция прошла в Париже осенью 1904 г., однако создать на ней единый блок оппозиции так и не удалось. И одной из причин этого была «тень» Акаси, явно маячившая за спиной К. Циллиакуса.

Еще одна попытка создать единый оппозиционный блок царскому режиму была предпринята после «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. На этот раз инициатором объединения вместо скомпрометировавшего себя К. Циллиакуса выступил руководитель шествия питерских рабочих к Зимнему дворцу священник Г. Гапон. Конференция состоялась в апреле 1905 г. в Женеве. К. Циллиакус уже не присутствовал на ней, хотя Акаси продолжал активно действовать за ее кулисами. Состав конференции в Женеве был более представительным, чем в Париже. На нее первоначально приехали большевики и меньшевики, в том числе и В. И. Ленин. Однако он вскоре покинул конференцию, убевившись в том, что не сможет отстоять на ней своей принципиальной линии. Позиция Ленина была сформулирована им в статье «О боевом соглашении для восстания». Он образно сформулировал ее в виде двух тезисов на немецком языке: «getrent marschieren» («врозь идти»), но «vereint schlagen» («вместе ударять») ³⁷. Другими словами, Ленин выступал за единые действия оппозиционных сил против царизма, но не соглашался на организационное объединение с ними.

Несмотря на то, что ни сам Акаси в своих записках, ни царская охранка в опубликованных материалах не приводят ни одного факта финансового спонсирования Акаси Парижской и Женевской конференций, ряд исследователей продолжает утверждать, что именно под участие в этих конференциях многие революционные организации России, прежде всего эсеры, получали деньги от Акаси. Одним из таких исследователей является Николай Стариков, автор весьма проблематичной книги «Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века». Не утруждая себя какими-либо доказательствами, он пишет: «Для координации общих действий за японские деньги и с одобрения японской разведки в 1904 г. в Париже и в 1905 г. в Женеве проводились конференции революционных партий России. Получил там свою долю денег и В. И. Ленин: в мае 1904 г. он организует свое издательство и начинает выпускать подрывную литературу. Она с успехом распространяется среди русских военнопленных. Средства, разумеется, японские» ³⁸.

Н. Стариков затронул еще один весьма любопытный сюжет «японского фактора»: издание большевиками в Европе пропагандистской революционной литературы для 70 тыс. солдат и моряков, оказавшихся в лагерях для российских военнопленных в Японии, и направлении этой литературы на Японские острова.

³⁷ Ленин В. И. ППС, т. 9, с. 280.

³⁸ Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006, с. 52.

Этого сюжета касался и японский исследователь Тихару Инаба, автор одной из статей, опубликованных в анализировавшейся нами книге «Ракка рюсуй». Он писал: «Никто еще не нашел явных свидетельств того, что большевики имели какие-либо контакты с японцами помимо направления пропагандистской литературы для русских военнопленных, чем занимался Бонч-Бруевич». И делал следующее пояснение: «Контакты большевиков с японскими официальными представителями, осуществлявшиеся В. Д. Бонч-Бруевичем, журналистом, работавшим на журнал “Рассвет” и являвшимся представителем РСДРП в Женеве, ограничивались передачей пропагандистских изданий для российских военнопленных»³⁹.

Можно с удовлетворением принять к сведению заявление Т. Инаба о том, что нет «явных свидетельств» контактов большевиков с японскими представителями помимо тех, которые якобы имел Бонч-Бруевич. Да и это последнее утверждение Инаба весьма сомнительно. Оно опровергается самим Бонч-Бруевичем, который в 1927 г. опубликовал свои воспоминания. В них он рассказал, что нелегальная литература для русских военнопленных направлялась в Японию из Женевы не прямо, а через Америку и без каких-либо согласований с японскими официальными лицами. Бонч-Бруевич упоминал также о том, что меньшевики, чтобы скомпрометировать своих оппонентов-большевиков, распускали в Женеве слухи о его мнимых контактах с японскими представителями при отправке литературы и назвал эти слухи «клеветническими сплетнями». Непосредственно в Японии распространением указанной литературы занимался по поручению большевиков эмигрант-народник Н. К. Судзиловский-Руссель. Бонч-Бруевич не раскрыл источника, откуда брались деньги на печатание и отправку литературы. Естественно, это были партийные деньги, и они поступали в партийную кассу из самых различных источников, но только не от японцев, с которыми у большевиков, как мы выяснили, не было никаких контактов⁴⁰.

М. Футрел в своей статье также касался вопроса о пропагандистской литературе для русских военнопленных. Он выяснил, что работой по переотправке литературы для русских военнопленных занимался в Нью-Йорке по договоренности с Н. Судзиловским-Русселем журналист и издатель Джордж Кеннан. Интересно, что впоследствии в интервью газете «Нью-Йорк таймс» (24 марта 1915 г.) Кеннан утверждал, что его работу финансировал тогда ньюйоркский банкир Джекоб Шифф⁴¹. Что касается самого Н. Судзиловского-Русселя, то в 1905 г. он жил в Токио и возглавлял Комитет помощи русским военнопленным. Этот комитет

был официально признан японскими властями и имел право передавать военнопленным в числе прочего и литературу. Правда, она предварительно цензурировалась и наиболее революционные издания изымались.

В связи с темой отправки литературы для русских военнопленных М. Футрел еще раз вступает в полемику с Медишем, поскольку последний считал, что «договоренности о посылке этой литературы и других материалов в Японию должны были быть достигнуты с японскими агентами в Европе». Футрел назвал такое утверждение «бездоказательным». Он писал: «Литература просто посылалась по почте; для этого не требовалось никаких японских агентов»; и уточнял: «Единственными “агентами”, которые были необходимы для отправки литературы в Японию, были европейские и американские почтовые клерки»⁴².

В заключение очень кратко коснемся вопроса о том, как представлял себе Ленин борьбу с японской военной интервенцией в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Естественно, он не питал каких-либо иллюзий в отношении «звериного оскала» японского империализма и его захватнических устремлений. Но мы не найдем у Ленина пламенных призывов подниматься на вооруженную борьбу с японским милитаризмом и его «сибирским экспедиционным корпусом». И на это были веские объективные причины. С 1918 г. в стране развернулась ожесточенная гражданская война. Смертельную опасность для молодой советской власти представляли, прежде всего, вооруженные силы внутренней белогвардейской контрреволюции и в первую очередь ее соединения в Европейской части России. Ввязываться в этих условиях еще и в вооруженные схватки с воинскими соединениями Антанты, десантированными в Советскую Россию, не представлялось тогда возможным. Более эффективной, чем прямые боестолкновения, представлялась тогда широкая антивоенная и антиимпериалистическая пропаганда в войсках интервентов, которая вызывала брожение в солдатской массе и вела к разложению. Именно важность политической борьбы с интервентами особо подчеркивал Ленин. Об этом он прямо писал, в частности, в своем ответе на вопросы американского журналиста в июле 1919 г.: «По отношению к С. Ш. и Японии мы преследуем, прежде всего, ту **политическую** (выделено нами. – Ю.Г.) цель, чтобы отразить их... нашествие на Россию»⁴³.

Первые полтора года гражданской войны и иностранной интервенции не привели к ликвидации советской власти, и в январе 1920 г. Верховный совет Антанты был вынужден принять решение о прекращении военной интервенции. В апреле этого же года американские войска ушли с российского Дальнего Востока. Но Япония, второй ключевой участник этой интервенции, решила продолжать ее самостоятельно.

³⁹ Akashi Motojiro. Rakka ryusui, p. 121, 122.

⁴⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. М., 1927, с. 67, 70.

⁴¹ «Far Eastern Affairs», 1967, № 4, p. 21.

⁴² Ibid.

⁴³ Ленин В. И. ППС, т. 39, с. 114–115.

В 1920 г. Красная Армия разбила Колчака в Сибири и вышла к Байкалу. Но в Европейской части страны продолжались ожесточенные схватки с белополяками и Деникиным. В этих условиях двигаться дальше к востоку от Байкала по территории, оккупированной японским «сибирским экспедиционным корпусом», под крылом которого окопались белогвардейские соединения атаманов Калмыкова и Семенова, означало бы открыть «второй фронт» сражений против очень сильного и подготовленного противника в лице японского милитаризма. Это грозило непредсказуемыми последствиями. Именно тогда и появилась идея предложить Японии в качестве вынужденной уступки создание на этой территории временного «буферного» государственного образования между двумя странами. «Буфер» был выгоден Советской России, так как давал ей жизненно важную передышку и ставил определенную преграду на пути дальнейшего развития японской интервенции. Что не менее важно, он помогал Советской России перевести стрелку в отношениях с Японией с военных столкновений на путь политической и дипломатической борьбы. Недаром Ленин говорил: «Буфер есть буфер, чтобы выждать время, а потом побить японцев»⁴⁴. Именно «выждать время», так как международная и внутренняя обстановка развивалась явно не в интересах империалистических интервентов. Об этом свидетельствовал и опыт Брестского мира. От германской оккупации молодая Советская республика «откупилась» унижительным Брестским договором. Но он не продержался и года. В ноябре 1918 г. он был аннулирован в связи с капитуляцией кайзеровской Германии перед странами Антанты.

Ленинский анализ ситуации показывал, что Япония в своей экспансии неумолимо столкнется с нараставшим противодействием со стороны США, а начавшееся освободительное движение китайского народа, вызванное японскими захватами в Китае (Маньчжурия и Шаньдун), лишит ее необходимых резервов для инициативных действий на севере. Еще в 1918 г. Ленин видел следующую перспективу: «...Японское стремление наступать против России сдерживает, во-первых, опасность движений и восстаний в Китае; во-вторых, некоторый антагонизм Америки, боящейся усиления Японии и надеющейся при мире добывать сырье из России более легким путем»⁴⁵. А в декабре 1920 г. Ленин уже уверенно констатировал: «Нас спасло то, что Япония, кушая Китай, не могла двигаться на запад, через всю Сибирь, имея в тылу Америку, и не хотела таскать каштанов из огня для Америки»⁴⁶.

В апреле 1920 г. в Верхнеудинске (Улан-Удэ) была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР) со всеми атрибутами независимого государства, включая собственную Народно-революционную армию

(НРА). В ДВР не создавались советские органы власти, допускались в определенных пределах частное предпринимательство и торговля. Однако руководящей политической силой в республике оставалась РКП(б). Правительство ДВР договорилось с командованием японского экспедиционного корпуса о неведении военных действий между НРА и японскими войсками и начало переговоры об условиях признания ДВР со стороны Японии. Одновременно части НРА приступили к разгрому соединений белогвардейских атаманов, постепенно отесняя их на восток. Вместе с белогвардейцами вынуждены были отходить и части японского экспедиционного корпуса. 25 октября 1922 г. был освобожден Владивосток. Выполнив отведенную ей дипломатическую миссию, ДВР в ноябре 1922 г. самораспустилась, а на ее территории была восстановлена советская власть.

Тему данного материала хотелось бы завершить словами Ленина, сказанными им на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г.: «Ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский»⁴⁷.

⁴⁴ Там же, т. 41, с. 170.

⁴⁵ Там же, т. 36, с. 324.

⁴⁶ Там же, т. 42, с. 66.

⁴⁷ Там же, т. 45, с. 303.

Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам)¹

Д. Б. Павлов

По мере роста присутствия России на Дальнем Востоке серьезное значение для ее мореплавания в водах Тихого океана приобрел японский город Нагасаки на юго-западном побережье острова Кюсю. Этот промежуточный порт на долгом пути из европейской России в ее восточноазиатские владения еще с XVI в. был обжит португальцами, а позже голландцами. Город, обладая обширной, глубокой и защищенной от ветров бухтой и развитой портовой инфраструктурой, во второй половине XIX в. по объемам внешнеторгового оборота устойчиво занимал в Японии одно из лидирующих мест. Заходя в Нагасаки, русские коммерческие корабли пополняли здесь запасы угля, пресной воды и продовольствия, ремонтировали судовые машины и механизмы, давали отдых команде. Не менее важен был этот порт и для русского военного флота. «Сознание необходимости иметь у нагасакского рейда для нужд и удобств плавающих у берегов Японии наших военных судов особо отведенное береговое место зародилось с первых же пор, как только наши суда стали посещать эту страну, – писал в 1886 г. адмирал А. А. Корнилов. – Еще в 1853 г., как это видно из общеизвестного сочинения Гончарова “Фрегат Паллада”, адмирал граф Путятин хлопотал у японских властей получить у нагасакского рейда такое именно местечко. Хлопоты эти, однако, тогда не увенчались успехом»².

Посещения русскими судами Нагасаки участились после подписания русско-японского торгово-пограничного трактата в Симода в 1855 г., неудачной попытки России утвердиться на острове Цусима в начале 1860-х годов и последовавшего «открытия» Японии для мировой торговли. С тех пор в течение десятилетий на рейде Нагасаки по несколько зимних месяцев кряду стоял отряд судов в Тихом океане, в дальнейшем выросший в российскую Тихоокеанскую эскадру, местом основного базирования которой позже стал Владивосток. К 1880-м годам порт Нагасаки обладал огромными запасами дешевого угля, доком, заводами и мастерскими, позволявшими производить судовой ремонт

почти любой сложности, регулярным почтово-пассажирским сообщением не только с другими открытыми для европейцев портами Японии, Кореи и Китая, но и со столицей русского Приморья. Здесь прошел и первый подводный телеграфный кабель, связавший Японию с материком. Все это делало Нагасаки еще более привлекательным для русских судовладельцев (во Владивостоке многого из того, что перечислено выше, долгое время не было³), и они охотно следовали примеру военных. «Редко случается, что на нагасакском рейде нет ни одного русского корабля... Каждую зиму можно видеть пять-шесть коммерческих судов..., исправляющих свои дефекты», – констатировал в 1901 г. здешний русский чиновник⁴.

В 1873 г. в Нагасаки открылось русское консульство, со временем в городе и окрестностях появились другие российские государственные, частные и общественные учреждения; безболезненно решился и вопрос с береговым «местечком» для военных моряков, о котором в свое время хлопотал граф Е. В. Путятин. В 1879–1884 гг. корабли Тихоокеанской эскадры ремонтировались в собственном сухом доке, построенном близ пригородной деревни Инаса⁵ на западной, противоположной городу, оконечности нагасакской бухты. Док имел отдельный причал и участок земли со «шлюпочным сараем» и баней – комплексом небольших построек, которые местная печать, однако, нарекла «русским адмиралтейством». Корабли эскадры продолжали подолгу бывать в Нагасаки и после приобретения Россией незамерзающего Порт-Артура в 1898 г. В начале XX в. на серных источниках местечка Уэнэн в 50 км от города эскадра обзавелась собственным санаторием – еще в конце 1880-х годов ее корабли время от времени начали направлять туда своих больных.

«С каждым годом растет значение Нагасаки, как санитарной станции для нашей Приморской области, и с каждым годом усиливается прилив сюда на зиму больных, которым необходимо пользование теплым кли-

³ «Ни угольных складов, ни провианта, транспортов, дорог, быстроходных судов – ничего нет, – описывал очевидец ситуацию на русском Дальнем Востоке в 1895 г. – Даже аварий починить негде, так как если большой владивостокский док и готов, то ... мастерских не существует еще даже в зачаточном состоянии. Что Владивосток – порт вполне и безусловно замерзающий, несмотря на ледорезы и всевозможные проекты подогреваний бухты искусственным образом, признано всеми моряками». – Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 28, д. 24, л. 9. – Извлечение из частного письма студента миссии в Пекине Е. Ф. Штейна от 15/27 ноября 1895 г. Об «удручающем положении наших портов», «скудости механических средств и дельных мастеровых» в них, проблемах с доставкой на суда угля в 1899 г. докладывал управляющему Морским министерством командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Я. А. Гильтебрандт. – РГА ВМФ, ф. 650 (Эскадра Тихого океана), оп. 1, д. 263, л. 2.

⁴ АВПРИ, ф. 150 (Японский стол), оп. 493, д. 941, л. 2, об. – Донесение консула в Нагасаки кн. А. А. Гагарина посланнику в Токио А. П. Извольскому. Нагасаки, 19 октября/1 ноября 1901 г., № 622.

⁵ В русских источниках иногда называлась «Иноса».

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский проект № 10-01-00502а.

² РГА ВМФ, ф. 408 (Управление санитарной частью флота), оп. 1, д. 547, л. 120 – об. 121. – Рапорт командующего отрядом судов в Тихом океане контр-адмирала А. А. Корнилова управляющему Морским министерством. Лето 1886 г.

матом в течение зимы», — отмечал консул В. Я. Костылев в 1896 г.⁶ К этому времени в городе появилось несколько частных российских гостиниц и пансионов, сложилась внушительная русская колония. «Целебные источники в окрестностях Нагасаки, мягкий климат, сравнительная дешевизна жизни и удобства сообщения, — писал преемник Костылева, — все это служило причиной увеличения русской колонии, насыщающей уже теперь более 300 постоянных жителей в городе, не говоря о проезжих и путешественниках»⁷. Морской дом — «убежище»-пансион для матросов, открытый «из чувства национального самолюбия» консулом князем А. А. Гагариным в 1902 г. на частные пожертвования, включавшие благотворительные поступления от «высочайших особ» и взносы служащих КВЖД и дальневосточных моряков, — только за первые полтора года дал приют 360 малоимущим российским постояльцам⁸.

Местные власти стремились затруднить умножение иностранной собственности на территории Японии. Перечисленные выше российские учреждения объединяло то, что даже принадлежавшие им постройки находились на землях, арендованных у муниципалитета или местных жителей на строго определенный и, как правило, весьма ограниченный срок⁹. «Долгожителем» среди них стал береговой лазарет Тихоокеанской эскадры, который просуществовал в Нагасаки и его ближайших окрестностях без малого полвека — с конца 1858 г. до 1906 г. лишь с краткими перерывами. Всегда небольшой, в основном сезонный, в свои лучшие времена способный принять не более 350–400 стационарных больных в год, в истории отечественного морского санитарного дела лазарет не сыграл заметной роли¹⁰. Поэтому мы будем его рассматривать не столько как лечебное учреждение, сколько как частный случай российского присутствия на японской земле, как иллюстрацию многолетнего повседневного общения, взаимодействия и «взаимоузнавания» россиян и японцев на бытовом уровне. Кроме того, это военно-лечебное заведение, возникшее на территории соседнего суверенного государства (что само по себе не вполне обычно), имеет собственную, весьма колоритную, но неизученную историю.

⁶ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 49– об. 50.

⁷ Там же, д. 941, л. 2 об.

⁸ Там же, л. 5, об. 24, 43. В 1916 г. этот Морской дом, к тому времени обезлюдевший и обветшавший, был продан городским властям Нагасаки. — Там же, л. 150.

⁹ Характерно, что в 1900 г. губернатор Нагасаки-кен Аракава Ёситаро под благовидным предлогом отклонил ходатайство российского морского ведомства об аренде русским правительством земли в Унзэн на 50 лет. Взамен арендный договор был оформлен лишь на пятилетие и на имя японца Сига Цикамото (в русских документах — А. А. Сига) — представителя второго русскоговорящего поколения известной нагасакской семьи, о которой будет сказано ниже.

¹⁰ Для сравнения укажем, что, например, в 1894–1896 гг. на берегу и на судах русского военно-морского флота «внутреннего и заграничного плавания» заболело свыше 74 тыс. человек, из которых умерло более 600 (см.: РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 408, л. 23). Для своего времени это был четвертый показатель в мире — заболеваемость и смертность на французском, британском и германском военных флотах в те годы была еще выше.

Отечественные документы официального делопроизводства об этом госпитале и бумаги самого лечебного заведения сосредоточены в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ, Петербург) и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва); зарубежные (японские) нам не известны. Источники личного происхождения исчерпываются цитированным выше рапортом адмирала А. А. Корнилова, написанным в 1886 г. и тогда же опубликованным¹¹ и более поздними мемуарными свидетельствами, весьма, правда, немногочисленными; историография — простыми упоминаниями в разного рода изданиях, преимущественно справочно-энциклопедических¹².

* * *

Первый опыт русского военно-морского лазарета в Нагасаки оказался кратким и в некоторых чертах даже трагикомическим; самым своим возникновением он был обязан случайному стечению обстоятельств. В ноябре 1858 г. после долгого пребывания в тропических морях в бухте Нагасаки вынужденно бросил якорь русский фрегат «Аскольд» — его команду поразила эпидемия «злонакаженных малярий и болотных лихорадок», и продолжать плавание он не мог (как показало проведенное затем обследование судна, источником заразы явились «целые болота» гнили в трюмах самого корабля). Заболевших свезли на берег и разместили в первом попавшемся просторном здании. Им оказался буддийский храм Госиндзи близ деревни Инаса, который тут же был арендован у местной общины и наскоро переделан под казарму. Несмотря на усилия судового врачебного персонала, смертность матросов и на берегу продолжала оставаться настолько высокой, что в течение следующих месяцев их могилы заполонили находившееся неподалеку христианское голландское кладбище, превратив его в «чисто русское» (к которому с тех пор приклеилось название «аскольдовой могилы»)¹³. Едва справившись с малярией, команда русского фрегата стала жертвой новой напасти — ее общение с туземным «прекрасным полом» припортового разбора оказалось столь тесным, что свыше четверти уцелевших после эпидемии матросов заразились венерическими болезнями, главным образом сифилисом¹⁴.

¹¹ Прочитав этот рапорт, управляющий Морским министерством распорядился «напечатать его в Морском сборнике с тем, чтобы гонорар был приобщен к лазаретному капиталу». — РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 20 об.

¹² См., напр.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1897, т. 39, с. 422–423; Военная энциклопедия. Изд. И. Д. Сытина. СПб., 1914, т. 16, с. 515–516; Подалько П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004, с. 29, 57–58 и др.

¹³ К концу XIX в. на нем было около 50-ти русских могил, многие офицерские с памятниками; за кладбищем присматривал местный бонза-японец, содержавший его в образцовом порядке. В начале XX в. здесь появилась православная часовня, но само кладбище запустело.

¹⁴ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 120 об.–122.

В июне 1859 г. «Аскольд» с изрядно поредевшим экипажем покинул Нагасаки, сменились и пациенты госпиталя в Госиндзи. Ими стали 50 матросов с других военных судов тихоокеанского отряда, большинство которых, впрочем, тоже «страдало венерою»¹⁵. Для того, чтобы его пациенты прекратили навещать в близлежащий публичный дом, доставшийся «по наследству» от «Аскольда», и не притрагивались к спиртному, которое местные жители выносили к лазарету на продажу, вновь назначенный (с фрегата «Светлана») судовой врач Д. В. Мерцалов, по словам А. А. Корнилова, «принужден был поставить своих больных почти в положение арестантов». Но в целом, утверждал адмирал, госпиталь под руководством Мерцалова, «несомненно, процветал»: в него «охотно посылали своих больных и иностранцы; там же находили врачебную помощь и многие из местного населения, японцы»¹⁶. Поскольку в начале 1860-х годов русские военные суда перешли на зимовку в Хакодате, в марте 1861 г. пациенты и медицинский персонал «храмового» лазарета были вывезены на фрегате «Светлана», а сам госпиталь на время закрыт, просуществовав, таким образом, немногим более двух лет. Несмотря на свое критическое отношение к Японии и японцам вообще и к Нагасаки в частности, доктор Мерцалов из опыта своего пребывания здесь сделал вывод, что «из всех портов Восточной Азии, начиная от Сингапура, Нагасаки есть лучший, как станция для наших военных судов, как место, где можно отдохнуть»¹⁷. К мнению Мерцалова на эскадре прислушались, и в результате на месте случайной остановки фрегата «Аскольд» на долгие годы утвердился русский военно-морской лазарет.

В последующие пять зим больных с судов тихоокеанского отряда свозили в деревню Каммитэ близ Хакодате в «лазаретный дом», построенный попечением здешнего русского консула И. А. Гошкевича из сумм, выделенных российским МИДом на обустройство самого консульства. Близкое участие в устройстве лазарета принял консульский священник, впоследствии ставший главой православной миссии в Японии, архиепископ, создатель и многолетний духовный наставник Японской

Православной Церкви, позже канонизированный как Св. Николай Японский, более известный в Японии как «Никорай-до». Работавшие в «лазаретном доме» консульские врачи бесплатно принимали и местных жителей – до 100 человек ежегодно¹⁸. Как рассказывал впоследствии один из ветеранов медицинской службы Тихоокеанской эскадры, «наши фельдшера были там женаты, их жены служили при госпитале в качестве сестер милосердия, и дело, говорят, шло очень хорошо»¹⁹. Но в начале 1866 г. командующий тихоокеанским отрядом контр-адмирал Ф. С. Керн решил вернуться в Нагасаки как к месту зимовки. В этой связи морской лазарет из Хакодате был возвращен в храм Госиндзи, но пробыл там еще меньше, чем в первый раз, – лишь до ноября 1866 г., будучи на следующие десять лет перемещен в соседнее местечко Хиродагоя, в небольшой дом, построенный там предшественником Керна, капитаном 1-го ранга И. А. Ендогуровым.

Все это время и довольно долго впоследствии русский береговой госпиталь у Инаса не имел ни официального статуса, ни постоянного бюджета и штата, обслуживался временно прикомандированными к нему и потому часто, до 5–7 раз за сезон, сменявшимися судовыми врачами, оборудовался и снабжался «аптекой» из судовых же лазаретов и финансировался либо из средств самого тихоокеанского отряда, либо на пожертвования военных моряков – в отряде ежегодно проходила добровольная подписка не только на «усиление средств» лазарета, но и на ремонт русского кладбища, бани и других береговых сооружений Нагасаки, причем порой и японских тоже²⁰. Текущий мелкий ремонт и снабжение госпиталя продовольствием, приготовление пищи, стирка, доставка дров и воды, вывоз мусора всегда поручались местным поставщикам²¹ и подрядчикам, внутрилазаретная прислуга (сторожа, повара, посудомойки, прачки) также набиралась исключительно из окрестных жителей по вольному найму. Первоначально японские власти сквозь пальцы смотрели на существование на своей территории лазарета иностранного военно-морского флота и не проявляли интереса к трудовым и имущественно-арендным отношениям, которые возникали у русских моряков с местным населением.

¹⁸ Там же, л. 127.

¹⁹ Там же, л. 9. – Письмо старшего судового врача фрегата «Владимир Мономах» К.Ю. Држневича в С.-Петербург главному медицинскому инспектору флота В.С. Кудрину. Нагасаки, 3/15 августа 1886 г.

²⁰ К 1872 г. таких «ремонтных» денег набралось около 900 долл., львиную долю которых составили пожертвования 22-летнего великого князя Алексея Александровича, тогда – старшего офицера фрегата «Светлана», а в будущем генерал-адмирала и управляющего Морским министерством. Сбор пожертвований на Тихоокеанской эскадре продолжался и в последующие годы, причем собранные деньги по традиции хранились у нагасацкого консула.

²¹ Десять лет основным японским поставщиком провизии на суда русской эскадры и в ее береговой лазарет являлась компания «Кихэ и Ко» (Нагасаки, Кабасима-мачи), даже бланки счетов которой печатались на русском языке.

¹⁵ Венерические заболевания (особенно сифилис) вместе с другими инфекциями и ревматизмом составляли тройку наиболее распространенных болезней на русских военных кораблях. Во второй половине XIX в. Только венерические болезни в целом по флоту давали 115–120 заболевших на тысячу человек. Особенно часто они встречались на судах «заграничного плавания», в том числе на Тихоокеанской эскадре. Из 388 пациентов нагасацкого лазарета сезона 1900/1901 гг. каждый третий (или 139 человек) страдал венерическими болезнями, из них сифилисом – 103 (7 офицеров и 96 «нижних чинов»). – (РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 906, л. 144, 152). Периодические освидетельствования русскими флотскими докторами нагасацких проституток на предмет выявления разносчиц сифилиса начали проводиться еще с 1870–1871 гг., но из-за обилия незарегистрированных *юдзё* результатов не дали. «Борьба японских властей с тайной проституцией ведется, как и в Европе, издавна и бесплодно», – заключил в 1895 г. консул Костылев (РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 153, л. 24).

¹⁶ Там же, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 126 об.

¹⁷ Там же, л. 124–126 об.

И тогда, и позднее состояние берегового госпиталя напрямую зависело от количества и класса военных судов в составе тихоокеанского отряда в каждый данный момент. Пока отряд был малочисленным, российское морское ведомство относилось к нему как к учреждению необязательному, временному и годами не отпускало на его содержание ни копейки. Формальным основанием для этого являлось то, что этот лазарет не входил в установленный перечень штатных лечебных заведений российского флота (почему, к слову сказать, его регулярная отчетность начала появляться только в середине 1890-х годов – раньше Петербург ее не запрашивал). Лишь в конце XIX в. существование нагасакского госпиталя было узаконено и отнесено к разряду «отдельных лазаретов морского ведомства», предусмотренных Сводом морских постановлений. До этого в его деятельность российское морское ведомство предпочитало не вмешиваться так же, как и власти Японии.

Первым документом, который был официально утвержден в Петербурге и Токио, стал договор 1875 г. между российским консулом А. Э. Оларовским и командующим тихоокеанским отрядом, уполномоченными Морским министерством, с одной стороны, и наследственным бургомистром округа Нагасаки А. Сига – с другой²². Предметом сделки стала 10-летняя аренда у японца около тысячи *цубо*²³ земли близ той же деревни Инаса – участка, на котором вскоре выросло здешнее «русское адмиралтейство». Арендатором формально выступил российский консул. Санкция Петербурга не означала изменения его отношения к русскому береговому лазарету в Японии по существу – 90% суммы, выделенной Морским министерством в связи с заключением этой сделки (смехотворных 383 долл. в год), ушло на возведение «шлюпочного сарая», оплату земельной аренды и страховки; береговому же госпиталю снова достались крохи. Выручили частные пожертвования моряков, пополненные их же «кладбищенскими» накоплениями за прежние годы. К весне 1876 г. на эти общественные деньги на «адмиралтейском» участке бригада японских плотников возвела легкое двухэтажное здание в «туземном стиле», в котором и разместился морской лазарет, вступив, таким образом, во второй этап своего существования. Уже в 1877 г. госпиталь смог принять 120 больных, а за следующие два сезона обслужил еще 450 пациентов²⁴.

В 1876 г. по инициативе командующего тихоокеанским отрядом был составлен первый устав лазарета, который, с учетом норм международного права и настойчивого пожелания японцев, формально передал его и находившихся в нем больных в постоянное заведование консула

в Нагасаки. С тех пор, в глазах японских властей, именно российский консул отвечал за состояние самого госпиталя и поведение его пациентов вне его стен. Однако на практике это положение устава действовало лишь в период ухода эскадры из Японии, когда лазарет закрывался, а его постройки и движимое имущество по описи сдавались на хранение консулу (нередко с указанием адмирала «принять на себя труд» по его ремонту²⁵). Когда же эскадра стояла в Нагасаки и лазарет функционировал, в нем единолично хозяйничал корабельный доктор, назначенный командующим по представлению своего флагманского врача, который по всем вопросам подчинялся исключительно им, а консула зачастую не находил нужным даже ставить в известность о текущем состоянии дел. Эта, повторявшаяся ежегодно, нелепая и оскорбительная для консула ситуация породила многолетние «пререкания» местных русских военно-морских начальников с дипломатами о ведомственной принадлежности лазарета – споры, которые со временем дошли до самого верха российской бюрократии.

В хозяйственном отношении в первые годы пребывания в Инаса береговой госпиталь не развивался, но лишь хирел. Офицеры, громко именовавшиеся «командирами» строившегося здесь русского порта, не долго думая, превратили примыкавший к лазарету клочок земли в место для пикников, упражнений в стрельбе, сушки корабельных брезентов и т. п.²⁶ «Вообще в этот период времени с 1876 по 1880 гг., – вспоминал адмирал Корнилов, – очень мало делалось для поддержки и усовершенствования возникших наших в Инаса учреждений, и очень много для их разрушения. Естественною причиною этого было то обстоятельство, что Тихоокеанский отряд состоял в это время из небольшого только числа судов, из которых в начале 1879 г. возвратились в Россию корвет “Баян”, клипера “Гайдамак” и “Всадник”, остался в Японии один только клипер “Крейсер”... Бывали и случаи неосторожного поведения в этом порту наших моряков, столкновения с японцами»²⁷. Хотя тихоокеанское соединение, таким образом, на время фактически прекратило существование, над русским военно-морским присутствием в Нагасаки сгустились тучи – в местной японо- и англоязычной печати заговорили о том, что русские-де «слишком далеко зашли», поскольку возводимое ими в Инаса «адмиралтейство» в действительности есть форт, способный в будущем угрожать самому городу орудийным огнем (комментируя

²⁵ РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1Б, д. 87, л. 5–5 об. – Отношение начальника эскадры в Тихом океане контр-адмирала П. П. Тыртова к консулу В. Я. Костылеву. Нагасаки. 26 апреля 1892 г., № 213.

²⁶ Не случайно, что появившиеся позднее «Правила» нагасакского лазарета специальным пунктом воспрещали «свозить сюда для мытья с судов брезенты и другие вещи, изготовлять для здоровых баню или ванны, производить исправление разных судовых предметов, а также устраивать какие-либо увеселительные собрания».

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 136 об. – 137.

²² Этот японский муниципальный чиновник был не случайным человеком для русских моряков – с его покойным к тому времени отцом был знаком еще граф Путятин. В русских документах Сига-младшего именовали «Александром», поскольку он был крещен.

²³ *Цубо* – японская мера площади, равная 3,3 кв. м.

²⁴ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 266, л. 21.

подобные настроения, адмирал Корнилов отметил желательность «устранить их на будущее время и достигнуть естественного, прочного дружелюбного сближения с Японией и японцами»²⁸). Когда выяснились действительные масштабы и цели русского строительства в пригородной деревне, патриотические страсти в местном японском обществе улеглись, но настороженность власти осталась.

Оживление госпитальной жизни началось летом 1880 г., когда в связи с обострением отношений с Китаем Тихоокеанская эскадра была усилена, а ее статус повышен появлением на посту главнокомандующего бывшего управляющего Морским министерством генерал-адъютанта вице-адмирала С. С. Лесовского, вместе с женой много сделавшего для обустройства нагасакского лазарета²⁹. Вопреки обычаю, летом 1880 г. госпиталь не был закрыт и в нем лечились 40 военных моряков. На следующую зиму впервые за всю (к тому времени уже 20-летнюю) его историю в него были переведены пациенты морского госпиталя Владивостока опять-таки в преддверии ожидавшегося открытия военных действий с Китаем – считалось, что в этом случае эскадре предстоит оперировать исключительно в удаленном от Владивостока (но близком к Нагасаки) Печилийском заливе. В этой связи к заново отремонтированному двухэтажному госпитальному зданию в Инасе была сделана вместительная пристройка, а за больными матросами установлен строгий надзор – «искус» в виде публичного дома по-прежнему помещался на соседней горе. Будущий вице-адмирал Г. Ф. Цывинский, который впервые посетил Нагасаки в июне 1880 г. на клипере «Наездник», в своих мемуарах описывает «атаку» своего корабля шлюпками-*фунэ* японских торговцев сразу после захода на нагасакский рейд. Характерно, что старшие офицеры русского клипера всех их знали по именам – Бенгоро-сан, Сига-сан, Изаки-сан и др. Та же картина и с тем же составом участников повторилась и в 1891 г., когда Цывинский вторично явился в Нагасаки старшим офицером фрегата «Владимир Мономах»³⁰.

В 1880 г. был впервые определен размер платы за пользование лазаретом, что подвело под его деятельность более или менее устойчивую финансовую базу. Установленная приказом адмирала такса составляла один серебряный («мексиканский») доллар за больного матроса в день, что было, по меньшей мере, вдвое дешевле услуг местного японского госпиталя, в который в экстренных случаях с русских судов направляли тяжелобольных, и впятеро – обычных расценок больниц для европейцев в портах Китая. Если верить вычислениям адмирала Корнилова, «состоявшаяся, благодаря существованию собственного берегового

лазарета в Инасе, экономия для казны за одно только время с июля 1880 г. по 1 марта 1881 г., за 257 лишь дней, достигла цифры 8 441 серебряных долларов и ... покрыла с избытком все расходы морского ведомства на аренду участка земли от г. Сиги в Инасе, на ремонты воздвигнутых там зданий и содержание сторожа за все десять контрактных лет»³¹. В конце 1880-х годов судовые ревизоры перечисляли в лазаретную кассу уже только по 20 центов за каждый день лечения одного своего больного, а с середины 1890-х – по 15 центов за «нижнего чина» и по 25 – за офицера. Таким образом, экономия средств морского ведомства по этой статье с годами становилась все более ощутимой и, по мнению В. Я. Костылева, в 1890-х годах достигала никак не менее 10 тыс. долл. в год³². Правда, в начале XX в., когда финансы лазарета перешли в ведение его заведующего-врача, госпитальные расценки немного повысились. Но, в сущности, эти платежи всегда являлись не более, чем перекладыванием государственных средств из одного казенного кармана в другой и для морского ведомства их величина не имела принципиального значения.

В 1884 г., ввиду близкого окончания договора аренды в Инаса, владелец земли заявил о намерении на будущее поднять плату. Между тем, обмеление бухты в районе деревни заставляло русские суда бросать якорь все дальше от берега, а зловонные испарения оголившегося дна отравляли существование обитателям и самого «адмиралтейства». Попытки углубить эту часть бухты или, наоборот, засыпать ее обезвоженные участки щебнем разбились о противодействие нагасакского губернатора. Последней каплей для командующего русской эскадрой стал невиданный силы тайфун, который обрушился на Нагасаки 5 сентября 1884 г. и повредил док, разметал «шлюпочный сарай», баню и другие, более мелкие «адмиралтейские» постройки (но пощадил лазарет). В такой ситуации контр-адмирал А. Е. Кроун, поразмыслив и получив карт-бланш Петербурга (морскому ведомству судьба лазарета в Японии все еще, по большому счету, была безразлична), принял решение отказаться от продления аренды земли и закрыть госпиталь, почему и вошел в историю как его «разоритель»³³. В середине июля 1885 г. договор с японцем Александром Сига истек и не был возобновлен, а имущество «русского адмиралтейства» выставлено на продажу на состоявшемся 20 августа аукционе. Доход русской казны от этой операции составил 345 долл. и 5 центов³⁴ – сумму, сопоставимую с годичной субсидией Морского министерства «адмиралтейству» в Инаса. Следующую зиму 1885/1886 г. клипера «Опричник» и «Разбойник» и флагманский фрегат

²⁸ Там же, л. 137-137 об.

²⁹ Жена Лесовского, Екатерина Владимировна, стала первой русской адмиральшей на Дальнем Востоке, которая не только регулярно лично посещала этот лазарет, но и много жертвовала ему.

³⁰ Цывинский Г. Ф. 50 лет в императорском флоте. Рига, б/д., с. 46, 114.

³¹ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 172.

³² АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 43.

³³ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 291. – Письмо консула в Нагасаки В. Я. Костылева главному медицинскому инспектору флота В. С. Кудрину. С.-Петербург, 24 декабря 1890 г.

³⁴ Там же, л. 197.

Тихоокеанской эскадры «Владимир Мономах» стояли в Маниле и Сингапуре, а канонерская лодка «Морж» эти месяцы провела в Китае³⁵.

Так закончился второй, «инасский» этап русского военно-морского госпиталя в Японии, длившийся 10 лет. Новые владельцы разобрали купленные за бесценок его постройки в считанные недели, но у местного населения память о русских моряках и их лазарете сохранилась на годы. Русский язык в Нагасаки «очень распространен, а еще более – в д. Инаса, против Н[агасаки], где находится русский морской госпиталь»³⁶, – свидетельствовал географ и исследователь Востока Г. Е. Грум-Гржимайло на страницах авторитетного энциклопедического издания много лет спустя после «разорения» лазарета. Не удивительно, что именно в «деревне Инасса» во второй половине 1880-х годов в доме своей японской «жены» проводил свободное от службы время великий князь Александр Михайлович, мичман корвета «Рында». При этом, вспоминал позднее этот двоюродный брат Николая II, русские офицеры в шутку называли его японскую подругу «великой княгиней», а ее соседи, деревенские жители, вполне серьезно смотрели на их «брак» «как на известного рода политический успех»³⁷.

Г. Ф. Цывинский следующим образом описал инасский быт русских морских офицеров: «После 5 ч. вечера, когда на судах окончена служба, офицеры съехали уже на берег, жизнь в Иносе в полном разгаре; проходя мимо домиков, вы невольно натываетесь на трогательные сцены: в раскрытых комнатах (стены в домах раздвигаются) и на верандах молодые мужья, переодетые в легкие киримоны, кейфуют со своими “супругами” и добросовестно проводят медовые месяцы. Здесь офицеры ночуют, если ночью не надо на вахту, и возвращаются на корабль на утро к 8 ч. Причем супруга провожает его на шлюпке до самого борта... За содержание жены офицер в то время [в начале 1880-х годов. – Д. П.] платил около 40 иен (японских долларов) в месяц и за дачу-особняк платил 20 иен. Итак, за 60 рублей офицер имел дом и жену. С уходом корабля из Нагасаки супружества обыкновенно расстраивались»³⁸.

На судах Тихоокеанской эскадры ликвидацией инасского госпиталя остались недовольны. В Петербург пошли ходатайства о скорейшем возобновлении его работы. В самом морском ведомстве тем временем начали готовиться к очередному – до 12-ти вымпелов – усилению эскадры при одновременном увеличении числа ее моряков до двух тысяч. Обеспечить их медицинское обслуживание в зимнее время морской госпиталь

во Владивостоке был не в состоянии, да и от зимовки эскадры в Нагасаки никто отказываться не предполагал. Спыхватившись, Морское министерство стало спешно «отыгрывать назад». Адмирал А. Е. Кроун был снят со своего поста и, вероятно, отправлен в отставку³⁹. Напутствуя его преемника, морской министр И. А. Шестаков приказал ему первым делом «озаботиться восстановлением берегового лазарета и порта в Нагасаки, уничтоженных в прошлом году», причем предоставил «избрать для построек или прежнее место в Иносе или иное», по его, А. А. Корнилова, усмотрению⁴⁰. Правда, выделить на это средства министр тогда «позабыл».

Прибыв в Нагасаки в марте 1886 г., новый командующий убедился, что Инаса уже «не отвечает существенным гигиеническим условиям» и, по совету консула, обратил взор на восточный берег бухты, имея в виду подыскать подходящий участок в нагорной части города, в которой, как экологически лучшей, традиционно селились европейцы. При такой комбинации неизбежная жертва собственным «портом» компенсировалась бы близостью к консульству – приобретение недвижимости для военно-морских нужд снова (как и в 1875 г.) внешне могло быть подано, как расширение владений официальной российской миссии, но выглядеть намного правдоподобнее, нежели в случае с пригородной рыбацкой деревней. В том, что и на новом месте обоюднo доброжелательный контакт с японским населением сохранится, русский адмирал не сомневался: «В Нагасаки, благодаря частым посещениям этого порта нашими военными судами в течение целых десятков лет, завязались уже дружелюбные, основанные на взаимных интересах отношения с местными жителями, из которых очень многие говорят по-русски и, несомненно, к нам расположены»⁴¹, – утверждал он и не ошибся.

Делу снова сопутствовала удача. Как по заказу, в начале апреля 1886 г. на продажу по сходной цене был выставлен смежный с российским консульством участок земли с просторным домом и садом. Для прохождения бумаг через местные бюрократические инстанции важно было и то, что владельцем усадьбы был не японец, а иностранец (англичанин), который, внезапно получив назначение в Шанхай, срочно распродал имущество в Нагасаки; «и для иностранцев неудобство положения лазарета среди европейского поселения покрывается тем, что лазарет при консульстве и что он не постоянный»⁴², – объяснял выгоды сложившейся ситуации консул Костылев. В результате покупка усадьбы состоялась, была оформлена без помех (земельный участок консульству удалось заполучить на правах вечной аренды) и 16 апреля

³⁵ Выписка из рапорта командующего отрядом судов в Тихом океане. Сингапур, 20 декабря 1885 г. – Морской сборник. 1886, № 4, с. 21–24.

³⁶ Грум-Гржимайло Г. Нагасаки. – Энциклопедический словарь Ф. Ф. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 39, СПб., 1897, с. 422–423.

³⁷ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. – <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/index>.

³⁸ Цывинский Г. Ф. 50 лет в императорском флоте, с. 49–50.

³⁹ Во всяком случае, с 1886 г. его имя исчезает из списка действующих адмиралов русского флота.

⁴⁰ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 1–1 об.

⁴¹ Там же, л. 182 об.–183.

⁴² Там же, л. 291–291 об.

отмечена бокалом шампанского в здании консульства на торжественном ужине с участием адмирала и офицеров четырех судов, стоявших в нагасакской бухте, которые накануне по подписке собрали сумму, потребную для совершения сделки. Во избежание недоразумений с властями Корнилов и Костылев настояли, чтобы все явились в штатском и музыка не играла. Единственным украшением банкета были пасхальные кресты из веток и аналой, принесенные по случаю Святой недели. «Присутствуя на этом празднестве, каждый из нас чувствовал, что находится как бы на своей земле, у себя дома», – вспоминал адмирал⁴³. Наскоро переоборудованный и подремонтированный дом уже в конце мая 1886 г. принял первых пациентов. Военно-морской лазарет в Нагасаки вступил в третий, заключительный период своей истории.

Здание русского военно-морского лазарета в Нагасаки. Весна 1886 г.
РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 259.

Летом того же года на Дальний Восток прибыл адмирал И. А. Шестаков, который прославился тем, что за свое шестилетнее пребывание в министерстве лично проинспектировал все русские военные порты, включая Владивосток, отныне объявленный главной военно-морской базой России на Тихом океане. По пути домой министр сделал короткую остановку в Нагасаки и 28 июля посетил лазарет. Пожелав «учреждению всякого успеха», а его пациентам «садить больше деревьев»⁴⁴, адмирал пожертвовал госпиталю 50 рублей. В местных военно-морских кругах этот визит и, особенно, символический денежный взнос истолковали как знак долгожданного признания лазарета Морским министерством и готовности его финансировать. И хотя впоследствии эти

⁴³ Там же, л. 207.

⁴⁴ Там же, л. 20. – Надпись, положенная собственноручно управляющим Морским министерством в историческом журнале берегового лазарета отряда судов в Тихом океане 28 июля 1886 г.

надежды в полной мере не оправдались, на эскадре окончательно стали считать лазарет своим и действовать безо всякой оглядки на консульство, на земле и под флагом которого он находился. Начиная с Корнилова, каждый следующий командующий эскадрой (а их за последующее 20 лет сменилось с десятков), открывая свое новое поприще инспекцией нагасакского госпиталя, либо подтверждал правомочность его прежнего устава, либо вводил в действие новые правила, первым пунктом которых всякий раз была фраза: «Нагасакский береговой лазарет предназначается для нужд эскадры Тихого океана и находится в непосредственном ведении начальника эскадры».

В Петербурге понимали, что во избежание недоразумений с Японией на межгосударственном уровне «всякое учреждение на иностранном берегу, где существует императорский консул и консульская юрисдикция, должно быть в ведении консула»⁴⁵. Но ведомственные амбиции брали верх и Морское министерство раз за разом санкционировало статус лазарета в редакции дальневосточных военно-морских начальников. Протесты и предостережения консулов, а затем и высших чинов Министерства иностранных дел о том, что рано или поздно японское правительство перестанет терпеть бесконтрольное существование на своей территории иностранного военного учреждения, фактически находящегося вне консульской юрисдикции, и будет настаивать на его упразднении, отвергались на том основании, что все расходы по содержанию лазарета «несет исключительно морское ведомство», а консульская юрисдикция на временно пребывающих на берегу военных моряков не распространяется⁴⁶.

Подобие компромисса в этом вопросе было достигнуто только в 1900 г. Пятые по общему счету «Правила для берегового лазарета эскадры Тихого океана в Нагасаки», согласованные с МИДом и утвержденные управляющим Морским министерством 14 декабря 1900 г., устанавливали, что «как русское учреждение, находящееся в пределах иностранного государства, береговой лазарет в Нагасаки, то есть административный состав его и все находящиеся в нем больные, состоят в таком же отношении к императорскому российскому консулу в Нагасаки, в каком находятся все проживающие в этом городе русские подданные»; согласно этим же «Правилам», исключительно через консульство должны были идти «все сношения лазарета с японскими властями», и наоборот⁴⁷. Появление этого документа, безусловно, способствовало

⁴⁵ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 443 об. – Отношение главного медицинского инспектора флота В. С. Кудрина в Главный морской штаб. 21 марта 1895 г.

⁴⁶ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 55–55 об. – Отношение управляющего Морским министерством вице-адмирала П. П. Тыртова к товарищу министра иностранных дел Н. П. Шишкину. С.-Петербург, 12 октября 1896 г., № 2916.

⁴⁷ Там же, л. 69–69 об.

упрочению статуса госпиталя, но стычек консула с лазаретным врачом по частным поводам не прекратило.

В 1886 г., после отъезда морского министра, ободренное начальственным вниманием тихоокеанское командование с удвоенной энергией принялось обустривать новый госпиталь, время от времени умудряясь выхлопотать казенные деньги сверх 600 долл. в год, которые министерство ассигновало на аренду земли; по-прежнему в дело шли и частные пожертвования. В следующие полтора десятилетия лазарет пережил строительный бум, совершенно его преобразивший. Уже в ноябре 1887 г. на 1200 долл., пожертвованных великим князем Александром Михайловичем, на лазаретном участке была построена деревянная часовня, сооружен кирпичный корпус для офицеров и восстановлена русская баня в Инаса. Спустя два года был снесен обветшавший дом для «нижних чинов» и на его месте в 1890 г. на отпущенные министерством 4 тыс. долл. выстроен новый, тоже кирпичный (его постройкой руководил консул Г. А. де-Воллан⁴⁸). К 1896 г. этот «командный» корпус, с трех сторон окруженный верандой и надстроенный деревянным вторым этажом, мог одновременно принять уже до 60-ти пациентов. Сверх того, в 1890-е годы появился второй «командный» корпус (после чего лазарет мог вмещать уже до 90–95 «нижних чинов»), каменные здания операционной, лаборатории, анатомического театра, домик для санитаров и японской прислуги, кухня, кладовые, другие хозяйственные постройки. Все 11 основных зданий лазарета в 1892–1893 гг. были подключены к городской водопроводной сети, а в 1903 г. – и к электрической. Утопавшая в зелени территория, украшенная фонтаном и розарием, была основательно огорожена, внутренние и внешние откосы выложены диким камнем, верхняя («командная») и нижняя («офицерская») террасы участка соединены каменной лестницей, в саду поставлены скамейки, гимнастические снаряды, качели. «Вид с улицы на владения лазарета крайне приятный, – констатировал в 1902 г. его заведующий, – сильно отличается от всех прочих владений по своей чистоте»⁴⁹. В будке у въездных ворот дежурил японец-привратник. Над госпитальным комплексом на высоком флагштоке реял российский стяг.

Благодаря энергичному содействию главного медицинского инспектора флота почетного лейб-хирурга В. С. Кудрина, чья молодость прошла на кораблях эскадры Тихого океана, заметно улучшилось оснащение лазарета и медицинское обслуживание больных. До 1890 г. его медицинский инструментарий был удручающе скуден – на вооружении лазаретного врача состоял один «общехирургический полковой набор» образца 1847 г.,

два шприца, три термометра и т. п. и не было даже обычных стоматологических инструментов. Зато перечень только хирургического оборудования, имевшегося в лазарете к 1899 г., занимал уже десяток страниц, и это притом, что его основным медицинским профилем оставались венерические и инфекционные заболевания. Ежегодно в летние месяцы по 80–100 офицеров и «нижних чинов» посменно и под присмотром фельдшера принимали серные ванны в Унзэн и в местечке Обама. В самих больничных корпусах были устроены ванные комнаты и отдельные помещения для чахоточных и других инфекционных больных (правда, сифилитики все еще содержались в общих палатах).

Как и раньше, основными клиентами лазарета были русские военные моряки. Но, «сообразуясь», согласно «Правилам», «с количеством свободных мест», госпиталь в то же время принимал гражданских чиновников и матросов, «нижних чинов» сухопутного ведомства, соотечественников «разных сословий» и даже иностранцев – чаще всего больных с французских военных кораблей (за что в 1902 г. удостоился письменной благодарности посетившего его французского адмирала А. Марешаля⁵⁰). Впрочем, свободные места для «пришлых» появлялись все реже. Тихоокеанская эскадра продолжала расти – в конце XIX в. общая численность экипажей ее судов уже значительно превышала 5 тыс. человек, а в начале XX в. перевалила и за 8,5 тыс.⁵¹ Чтобы справиться с наплывом больных, нагасакский госпиталь постепенно перешел на круглогодичный режим работы, причем с 1901 г. его заведующего-врача назначал уже руководитель всей медико-санитарной службы морского ведомства и на срок не менее трех лет. Помесячные ведомости «о состоянии больных офицеров и нижних чинов» и свои ежегодные отчеты лазаретный «главврач» также направлял непосредственно главному медицинскому инспектору флота.

Между тем, в высших министерских сферах командование эскадры все чаще заводило речь о «настоятельной надобности в увеличении Нагасакского берегового лазарета»⁵² или даже о том, что «при настоящей численности состава эскадры одного лазарета в Нагасаки уже недостаточно»⁵³. На ходатайства об учреждении дополнительного госпиталя за рубежом (к примеру, в корейских портах Чемульпо или Мозанпо) руководитель морского ведомства отвечал напоминанием о «первоклассном порте Артур с госпиталем и лазаретами»⁵⁴. Но сами моряки по-прежнему

⁴⁸ См.: там же, л. 110–110 об.

⁴⁹ См.: РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 168, л. 149–149 об. – Справка Министерства финансов от 20 ноября 1902 г.

⁵⁰ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 479 – Отношение начальника эскадры в Тихом океане вице-адмирала Е. И. Алексеева к главному медицинскому инспектору флота В.С. Кудрину. Нагасаки, 29 марта 1897 г., № 528.

⁵¹ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 933, л. 1. – Выписка из строевого рапорта начальника эскадры Тихого океана управляющему Морским министерством от 30 июня 1901 г.

⁵² Там же (резолюция морского министра).

⁴⁸ Там же, л. 1 об. – Донесение консула В. Я. Костылева в Азиатский департамент МИД. Нагасаки, 19 мая 1892 г. № 145.

⁴⁹ РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 422, л. 119 об. – Рапорт заведующего лазаретом эскадры Тихого океана в штаб начальника эскадры. Нагасаки, 7 сентября 1902 г., № 687.

отдавали предпочтение нагасацкому лазарету, к концу XIX в. ставшему полноценным и полноправным флотским лечебным учреждением.

Широкая российская публика с повседневной жизнью своих военных моряков в Нагасаки познакомилась в 1890 г. благодаря фоторепортажу, опубликованному на первой полосе популярного иллюстрированного журнала «Нива». «Суда нашей Тихоокеанской эскадры, проплавав летом у берегов Дальнего Востока, на зимнее время уходят к портам Японии и Китая, – говорилось в редакционном комментарии. – Самым удобным и любимым портом считается спокойная Нагасацкая бухта, в которой обыкновенно суда стоят по несколько месяцев. Приноровясь к требованиям русских, японцы снабжают суда отличной провизией, пекут черный хлеб и сухари; столеры и парусники с успехом исполняют все работы и починки. Наконец, к услугам русских механический завод и сухой док, где могут исправляться крупные повреждения по корпусу и механизмам судна». Кратко описав лазарет в Нагасаки и баню в Инаса, в заключение анонимный автор сообщал: «Недалеко от бани приютилась в живописном уголке русская гостиница, которую содержит известная всем морякам почтенная японка Оматцу-сан, знающая отлично русский язык и кухню. Проплавав несколько лет за границей, приятно попасть в Нагасаки к симпатичным японцам, а поев черного хлеба, щей и каши, невольно чувствуешь себя дома»⁵⁵. На пасху, вспоминал Цивинский, нагасацкие кондитеры выпекали и доставляли на русские корабли «массу всевозможных куличей, баб и всяких *таберо*».

Рассказ корреспондента «Нивы» дополняет в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович. На вдову и также в прошлом «жену» русского военного моряка Омати-сан «русские моряки смотрели как на приемную мать русского военного флота... ей удалось создать в ее заведении атмосферу типичного русского ресторана, который с успехом мог бы занять место где-нибудь на окраинах Москвы. Но кроме кулинарии и развлечений, она знакомила русских офицеров с их будущими японскими «женами». За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве». По наблюдению того же мемуариста, сородичи японских «жен» русских моряков «не только не подвергали их остракизму за их связи с иностранцами, но считали их образ жизни одною из форм общественной деятельности, открытою для их пола»⁵⁶.

Внимание к нагасацкому госпиталю российского общества подогревали его «высокие» визитеры. 23 апреля 1891 г. в ходе путешествия по Японии и другим странам Востока здесь побывал наследник русско-

го престола⁵⁷. Наследник цесаревич, докладывая по горячим следам в Петербург флагманский врач эскадры, «осмотрев все до мельчайших подробностей, остался доволен образцовою чистотою, местоположением, воздухом» и пожертвовал лазарету 3 тыс. рублей. Правда, больных в госпитале будущий Николай II не увидел – накануне вечером все до единого были вывезены под предлогом окончания зимовки военных кораблей (которая в обычной ситуации заканчивалась в мае, а то и в июне)⁵⁸. Владелицы обеих «русских» ресторанов в Инаса, куда наследник съезжал дважды, получили из рук цесаревича по золотой брошке с сапфирами (надо полагать, за «долголетнюю службу мичманами», саркастически прокомментировал этот подарок один из очевидцев⁵⁹).

13 июня 1903 г. госпиталь посетил генерал А. Н. Куропаткин, совершавший официальный визит в Японию. Пытливый взор военного министра не упустил мелкие недостатки («вид нижних чинов невеселый», «помещение для прислуги недостаточно убрано» и т. д.), но в целом госпиталь Куропаткину понравился: «В хорошем порядке. Много заботливости. Больных три офицера, один чиновник и 56 матросов. Размещены прекрасно... Пища отличная»⁶⁰. Еще более приятные впечатления генерал вынес от посещения гостиницы японки, которая, хоть и постарела, но по-прежнему была мила и приветлива. «В Нагасаки о русских сохранилась добрая слава», – заключил русский министр.

Разумеется, в реальной жизни не все было так безоблачно и пасторально. В марте 1896 г., например, на улице Нагасаки группа матросов с японской лодки «Оаги-мару» напала на находившихся в увольнении «нижних чинов» с эскадренного броненосца «Николай I» С. Есаулова и А. Петрова. Пьяная драка, в ходе которой Есаулова ударили ножом, закончилась вмешательством полиции и последующими официальными извинениями командира японского военного судна. На внутреннем дознании Петров уточнил, что инцидент произошел на пороге одного из припортовых борделей, а Есаулов утверждал, что был трезв, поскольку «водки мы выпили всего одну бутылку»; лечили раненого матроса в русском береговом лазарете⁶¹.

⁵⁷ См.: Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича на Восток в 1890-1891 гг. Книга для чтения. СПб., 1894, с. 26–27.

⁵⁸ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 547, л. 309. – Рапорт флагманского врача Тихоокеанской эскадры главному медицинскому инспектору флота. Рейд Кобэ. № 26, 29 апреля 1891 г.

⁵⁹ Цивинский Г. Ф. 50 лет в императорском флоте, с. 114.

⁶⁰ Японские дневники А. Н. Куропаткина. Запись от 15 июня 1903 г. – <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra6/ra6-393-htm>.

⁶¹ См.: РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 730, л. 8–13. Когда в Японии усилились антирусские настроения, японские моряки стали позволять себе более серьезные выпады. В сентябре 1899 г. в ознаменование очередной годовщины победы японского флота над китайским в войне 1894–1895 гг. в бухте близ Инаса при большом стечении местных жителей они устроили представление – атаку учебными торпедами муляжей китайских военных судов с торчащими на их палубах куклами в человеческий рост. На голове одного из манекенов красовались четыре

⁵⁵ Нива. 1890, № 26, с. 672. Если верить Г. Ф. Цивинскому, посетителю ресторана Омати-сан угощали не только шами и кашей – самого мемуариста здесь потчевали «настоящей русской водкой и русскими закусками: икрой, балыком, огурцами и проч.» – Цивинский Г. Ф. 50 лет в императорском флоте, с. 48.

⁵⁶ <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/index>.

В начале XX в., в последние годы существования лазарета, крупных построек на его территории уже не производилось, жизнь вошла в размеренную колею. К этому времени должность заведующего лазаретом врача превратилась в престижную и высокооплачиваемую (его оклад соответствовал содержанию старшего врача корабля 1-го ранга, не считая внушительных суточных выплат как находящемуся в заграничной командировке). Его повседневные обязанности не шли ни в какое сравнение с полной опасностью службой на корабле, а морское начальство наведывалось нечасто. Скрашивало ее и то, что врачу предоставлялась казенная квартира – домик «деревянно-глинобойной постройки», возведенный на участке консульства в 1891 г., и он имел право выписать из России семью. Не удивительно, что на эскадре этого места добивались, им дорожили и старались подольше занимать. Вольготно чувствовал себя в Нагасаки и низший медицинский персонал, который, по правилам, назначался по выбору «главврача» из числа кондукторов срочной службы, «известных безукоризненным поведением». Фактически фельдшера днем и ночью могли беспрепятственно выходить в город в «штатском платье» – достаточно было появиться в лазарете на утренней и вечерней «визитациях» заведующего. Обыденным явлением в их жизни были и многодневные увеселительные прогулки по окрестностям. Многие по примеру офицеров обзаводились японскими «женами», а некоторые обживались в Нагасаки настолько, что, выйдя в запас, оставались там навсегда (в их числе был фельдшер Алексеев, который стал заведовать упомянутым Морским домом).

Хотя лазаретные правила разрешали отлучку больных лишь «в самых исключительных случаях», на практике выздоравливавшие «нижние чины» выходили за ограду почти ежедневно – на прогулку в город их отпускали группами по 10 человек. В 1902 г. заведующий лазаретом «ввиду особых условий пребывания больных матросов» («пользуются садом, ходят на разные игры через улицу и в другой лазарет») даже просил разрешить «переделку их халатов на костюм» штатского образца, но адмирал отказал⁶². В «командном» корпусе силами больных разыгрывались любительские спектакли, в офицерском – была небольшая библиотека с газетами и журналами («Новое время», «Всемирная библиотека», «Русский вестник» и др.), выписанными из Владивостока;

свечи, а под ногами лежала стрела (так было «зашифровано» слово «Roshia»: «го» – свеча, «shi» – четыре, «уа» – стрела). В ответ на замечание губернатора, что этой выходкой устроители праздника «хватили через край», японские офицеры за глаза называли его «жалким трудом» и, со своей стороны, заявили о готовности «шутя переколотить всех европейских варваров». Русские моряки с лодки «Тунгус», стоявшей на рейде, на представление были приглашены, но, предчувствуя недоброе, не явились. – РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 263, л. 12–12 об. – Перевод выписки из частного письма на французском языке. Нагасаки, 27 сентября 1899 г.

⁶² РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 492, л. 2. – Рапорт заведующего лазаретом эскадры Тихого океана К. А. Элленбогена в штаб начальника эскадры. Нагасаки, 5 октября 1902 г., № 788.

под Новый год для больных устраивалась елка. В предновогодние дни всему персоналу лазарета, включая японскую прислугу, заведующий врач вручал праздничные «наградные».

Мирное течение госпитальной жизни порой омрачали потасовки отпущенных в город пациентов с другими иностранными моряками, стычки с владельцами окрестных питейных заведений и с такими же, как они, посетителями «веселых» домов. Если местные жители при этом терпели убытки, их возмещали из средств эскадры, а виновных моряков наказывали⁶³. Такие конфликты случались не часто, но всякий раз их в полиции «частным образом» приходилось улаживать консулу, который в глубине души проклинал пристрастие соотечественников к спиртному. Тихим манером алкоголем приторговывала и японская внутрилазаретная прислуга. «При слабости нашей команды к водке и при желании местного населения нажиться несколько продажей спиртных напитков подобных случаев трудно избежать»⁶⁴, – обреченно заметил тогда же флагманский врач эскадры. Редкие столкновения внутри самого лазарета стремились не предавать огласке⁶⁵, но, конечно, это были секреты Полишинеля. «Всему городу уже известно, что стреляли в доктора, – доносил князь Гагарин посланнику на следующий день после покушения на Элленбогена, – и японцы-поставщики уже приходили его поздравлять с избавлением от смерти». Приватно объясняться по поводу этого скандального случая консул был вынужден уже с губернатором⁶⁶.

Через полгода грянула русско-японская война. 24 января 1904 г. (или 6 февраля по новому стилю) министр иностранных дел Японии барон Дз. Комура пригласил в свою токийскую резиденцию посланника России барона Р. Р. Розена и, официально известив его о разрыве дипломатических отношений, посоветовал ему вместе со всем составом российской миссии и консульств тотчас покинуть Японию. Полу-

⁶³ В 1896 г., например, между консульством и штабом Тихоокеанской эскадры возникла переписка о возмещении японцам Мацумори Цюсабуро и Номуро Отоджиро убытков в размере 11 долл. 90 центов. Четверо виновных русских военных моряков были понижены в звании и лишены добавочного содержания. – РГА ВМФ, ф. 650, оп. 1, д. 728, л. 10–10 об.

⁶⁴ Там же, ф. 408, оп. 1, д. 1083, л. 15 об.

⁶⁵ Самым громким таким событием стало неудавшееся покушение фельдшера С. Ф. Пушкина на жизнь лазаретного врача К. А. Элленбогена в июле 1903 г. Флагманский врач эскадры, который по приказу наместника на Дальнем Востоке расследовал это из ряда вон выходящее происшествие, хотя не обнаружил в госпитале серьезных беспорядков, главную причину инцидента усмотрел в том, что фельдшер допился до белой горячки. Пушкина под конвоем увезли во Владивосток, а на месте дело постарались замять. Благодаря заступничеству вице-адмирала Н. И. Скрыдлова, врач Элленбоген, допустивший пьянство лазаретного персонала, сумел сохранить свой пост. – См.: РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1083 – «О покушении фельдшером Пушкиным на жизнь доктора Элленбогена. 1903 г.».

⁶⁶ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 946, л. 107 об. – Донесение консула кн. А. А. Гагарина в Токио посланнику. Нагасаки, 4 июля 1903 г., № 458.

чив на следующий день повеление Николая II о безотлагательном выезде, Розен по телеграфу объявил его подчиненным, а консул в Нагасаки передал сообщение в лазарет. Сборы госпитального имущества и 35-ти находившихся в нем в тот момент пациентов не заняли много времени. Японская прислуга была срочно рассчитана, а закрытый лазарет, по уверению российских дипломатов, «на время военных действий поступил по соглашению с парижским кабинетом под защиту французского представителя в Токио»⁶⁷, как всем казалось, ненадолго. На месте приглядывать за оставленным в Нагасаки добром было поручено японскому сторожу из окрестных жителей. Русские же обитатели госпиталя вместе с консулом отправились в Иокогама. Поздним вечером 2(15) февраля 1904 г. французский пароход «Yagga» с полным составом русской миссии и нагасакского лазарета на борту покинул японские берега, взяв курс на Шанхай. История русского военно-морского госпиталя в Нагасаки покатила к закату.

В Петербурге о переезде лазарета в Шанхай стало известно из депеши французского посланника в Токио, и министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, в свою очередь, проинформировал об этом своего морского коллегу. 8(21) февраля российский консул в Шанхае получил предписание «принять меры к размещению больных в госпиталях и к возвращению их в Россию по выздоровлении»⁶⁸. Но телеграмма из Петербурга уже не застала Элленбогена и его подопечных в Китае. Оставив в Шанхае пятерых тяжелобольных и вывезенное из Нагасаки казенное имущество на попечение своего фельдшера, еще 4(17) февраля он, по приказу наместника, продолжил плавание на «Yagga» в компании с соотечественниками-дипломатами. По прибытии в Петербург недужные «нагасакцы» были помещены в столичный морской госпиталь, а Элленбоген определен на службу в Кронштадт⁶⁹. О судьбе больных, оставленных им в Шанхае, источники не сообщают.

Своих последних пациентов русский береговой лазарет в Нагасаки принял зимой 1905/1906 гг., став временным пристанищем для раненых и ослабленных солдат и матросов на пути домой. По решению японского правительства, Нагасаки был одним из трех японских портов, через которые по случаю окончания войны проследовали на родину 65 тыс. русских военнопленных. Тихоокеанская эскадра в войне была разгромлена и перестала существовать, а консул к осени 1905 г. в Нагасаки еще не появился. Поэтому заведовать здешней «временной санаторией» было поручено представителю российского Комиссара по

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 946. Л. 81.

⁶⁸ Там же, л. 80. – Телеграмма директора I-го департамента МИД Н. Г. Гартвига генеральному консулу в Шанхае К. В. Клейменову. С.–Петербург, 8(21) февраля 1904 г., № 97.

⁶⁹ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1134 – «О возвращении личного состава и больных Нагасакского берегового лазарета. 1904–1905 гг.».

делам эвакуации пленных, и двум врачам – флотскому и «краснокрестному»; младший медицинский персонал, госпитальную мебель, медикаменты, инструменты и оборудование также на время предоставил российский Красный Крест. К началу следующей весны военнопленные были из Японии вывезены, за время их эвакуации через нагасакский госпиталь прошло около 80 больных. 17 апреля 1906 г. приказом морского министра лазарет был закрыт, в мае его оставшиеся пациенты переведены во Владивосток, персонал раскассирован по портам, а здания и инвентарь переданы под охрану русского консула – до лучших времен⁷⁰.

Хотя в апрельском приказе управляющего Морским министерством речь шла о «временной» ликвидации нагасакского лазарета, он уже больше не возродился. Несколько следующих лет консул в Нагасаки исправно вносил в японскую казну 187 иен за аренду земли под пустующими и неумолимо ветшавшими госпитальными постройками. В конце 1908 г., похоронив надежду на возрождение Тихоокеанской эскадры, Морское министерство окончательно отказалось от «помянутого участка» в Нагасаки, таким образом «отметив» полувековой юбилей здешнего лазарета. Предложение консульства оставить землю за собой Государственный контролер счел неоправданно обременительным для русской казны, и МИД перечить не стал. Спустя еще год, с санкции Петербурга, русский военно-морской атташе в Японии продал здания бывшего лазарета с аукциона на слом, а консул в Нагасаки вернул японскому правительству его, как мы помним, «навечно» арендованную землю⁷¹. В сегодняшнем Нагасаки от русского военно-морского госпиталя близ бывшего консульства уже не осталось и следа.

⁷⁰ РГА ВМФ, ф. 408, оп. 1, д. 1201, л. 57; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, л. 946, л. 82.

⁷¹ АВПРИ, ф. 150, оп. 493, ф. 946, ф. 84–92 об. – Переписка I-го департамента МИД с послом в Токио, Морским министерством и морским агентом в Японии о строениях и участке бывшего морского лазарета в Нагасаки. 1909 г.

Э. А. Барышев

В данной статье автор вновь обращается к российско-японским дореволюционным отношениям и рассматривает фигуру известного японского дипломата Мотоно Итиро (1862–1918), чья деятельность знаменовала собой целую эпоху в истории двусторонних связей. На основании японских внешнеполитических материалов, воспоминаний дипломатов и публикаций «семейной газеты» клана Мотоно «Иомиури» автор анализирует личность этого государственного деятеля через призму японской дипломатии и двусторонних переговоров 1906–1907-х годов. Он попытается прояснить некоторые вопросы, связанные с характером отношений между Россией и Японией после русско-японской войны, и углубить понимание политического и социально-экономического развития Японии в это время.

Назначение Мотоно посланником в России

Окончание военных действий и подписание Портсмутского мирного договора поставило Россию и Японию перед необходимостью восстановления дипломатических и торгово-промышленных отношений, разорванных в начале февраля 1904 г. В этих условиях с конца ноября 1905 г. стороны начали предварительный взаимный зондаж относительно обмена дипломатическими представителями. Российская сторона вела переговоры через французских дипломатов, а японская сторона – через американских. Со времени войны французский посланник Жюль Арман (Jules Harmand, 1845–1921) представлял государственные интересы России в Японии, а американский посол Джордж Мейер (George von Lengerke Meyer, 1858–1918) – японские в России. В то же время важнейшими каналами двусторонней связи являлись относительно «прорусский» Париж и «прояпонский» Вашингтон. Японские дипломатические представители во Франции во главе с Мотоно оказались ближе всего к России, а российским представителям в США во главе с Романом Романовичем Розеном (1847–1922) выпала роль важного связующего звена в отношениях с Японией.

Еще в конце ноября 1905 г. министр иностранных дел Комура Дзютаро (1855–1911) предложил посланнику в Австро-Венгрии Макино Нобуаки (1861–1949) пост посланника в Петербурге. Отказ от своего назначения Макино объяснял тем, что был достаточно сильно скомпрометирован своей антироссийской деятельностью во время войны, и это не могло

укрыться от взора российских властей¹. В результате в начале следующего 1906 г. на должность японского посланника в России была предложена кандидатура Мотоно Итиро, имевшего опыт работы в Петербурге и весь период русско-японской войны находившегося во «французском тылу» России. В Париже Мотоно удалось наладить тесные отношения с представителями французского капитала, до сих пор щедро финансировавших российское предприятие в Маньчжурии, а сейчас постепенно поворачивающихся в сторону недавнего врага своего «неудачливого союзника» – Японии². О степени близости японского посланника к парижским политическим и экономическим кругам наглядно свидетельствует обращение премьер-министра и министра финансов Мориса Рувье (Maurice Rouvier, 1842–1911) через парижского финансиста Жака Гинцбурга (baron Jacques de Gunzburg)³ на имя японского посла в Лондоне Хаяси Тадасу (1850–1913) в начале января 1906 г. с просьбой оставить Мотоно в Париже. В письме Гинцбурга говорилось о том, что премьер Рувье дорожит своими дружескими отношениями с посланником Мотоно, выдержавшими испытание войной, и высоко ценит языковые способности Мотоно, способствующие взаимопониманию между сторонами⁴.

Тем не менее, несмотря на просьбу французской стороны оставить Мотоно в Париже, японское правительство решило отправить в Петербург именно его, о чем министр иностранных дел Като Такааки (1860–1926) сообщил ему в Париж 9 января 1906 г. Сам Мотоно новому на-

¹ Архив внешней политики Японии (далее – АВПЯ). № 6.1.5.8-6. Каккоку тюсацу тэйкоку коси нимэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела относительно назначения и увольнения императорских посланников в разных странах), т. 2.

² Подробнее об отношениях Мотоно с французскими финансовыми кругами см.: Барышев Э. А. Мотоно Итиро (1862–1918) – «яркий представитель политики здравого смысла». – Япония 2009. Ежегодник, М., 2009, с. 331–341.

³ Один из заметнейших и загадочнейших представителей парижских банковских кругов, имевший непосредственное отношение к учрежденному в 1895 г. Французскому банку для Южной Африки (la Banque Française de l'Afrique du Sud) и близкий к группе Парижско-Нидерландского банка (la Banque de Paris et des Pays-Bas, Paribas). Сын ростовщика и интенданта российского императорского дома Иосифа (Евзеля) Габриэловича Гинцбурга (1812–1878), основавшего в 1859 г. в Петербурге крупнейший на тот момент в России банкирский дом «И. Е. Гинцбург» с филиалом в Париже. В начале 1870-х годов Гинцбурги за особые услуги дому Романовых были пожалованы баронским титулом, благодаря чему Жаку было разрешено поступить в Пажеский корпус и получить блестящее по тем временам светское и военное образование. Впрочем, по свидетельству А. А. Игнатьева (1877–1954), служившего перед революцией военным агентом во Франции, бывший участник русско-турецкой войны «под давлением англичан, а главное из жадности к наживе» участвовал в организации военного займа для Японии в самый разгар маньчжурской кампании (Игнатьев А. А. 50 лет в строю. М., 1986, с. 286–287). О деятельности клана Гинцбургов в России см. также: Барышников М. Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб, 1998, с. 120–122; Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991, гл. III.

⁴ АВПЯ. № 6.1.5.8–6. Каккоку тюсацу тэйкоку коси нимэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела относительно назначения и увольнения императорских посланников в разных странах), т. 2.

значению не противился: ему уже приходилось служить в Петербурге, и он хорошо был знаком с некоторыми его «космополитичными» представителями. Можно было предполагать, что связи Мотоно в Париже, установленные им во время русско-японской войны, создадут ему благоприятный ореол в светских кругах российской столицы. В отличие от других японских дипломатов, он не был скомпрометирован явной антироссийской деятельностью во время войны. Последнее, впрочем, определялось отнюдь не прорусской позицией Мотоно, а объективными обстоятельствами – существованием франко-русского союза и значительными симпатиями французского общества по отношению к России, – в силу чего японский посланник вынужден был прибегнуть к более сложной «иезуитской» тактике борьбы с Россией, иногда даже оплачивая кампанию во французской прессе «за скорейший мир между Японией и Россией», ставившей своей единственной целью срыв нового русского займа во Франции⁵. Царское правительство также не имело возражений против Мотоно. 23 января японский посланник в Вашингтоне Хиоки Эки (1861–1926) сообщил Токио о положительном ответе российской стороны. В этих условиях 26 января 1906 г. в Токио было официально объявлено о новом назначении в японском дипломатическом корпусе: посланник в Париже Мотоно переводился на новое место службы в Санкт-Петербург⁶.

Главная задача, которая стояла перед новым японским посланником в России, состояла в том, чтобы документально закрепить положения Портсмутского мирного договора в отношении особых прав Японии в Северном Китае и на российском Дальнем Востоке, а также подготовить международно-правовую почву для осуществления разграничения сфер влияния в Маньчжурии. К числу вопросов первостепенной важности относилось заключение нового торгового договора, рыболовной конвенции и соглашения о железнодорожном сообщении в Маньчжурии, в которых должны были быть четко прописаны завоеванные силой японского оружия права и преимущества. Вместе с тем необходимо было сгладить существующие противоречия между двумя странами и обезопасить тем самым будущее «континентальное» развитие Японии от возможных потрясений. Вожди «маленькой» Японии, не собиравшиеся отказываться от «трофеев» войны, все же боялись российской мощи и хотели некоторым образом «задобрить» российские политические и экономические круги, чтобы не стать объектом «мстительной войны»

со стороны России. Чрезмерные опасения высшего руководства Японии к возможному «креваншу» со стороны России и стремление создать мощный опорный пункт в Маньчжурии путем закрепления успехов войны рельефно отразились в «Памятной записке относительно послевоенного политического курса» («Сэнго кэйэй икэнсё») генерала-фельдмаршала Ямагата Аритомо (1838–1922), составленной им еще в августе 1905 г. и представленной на рассмотрение кабинета министров. Предположительно курс князя Ямагата и лег в основу дипломатической стратегии Японии на переговорах с Россией 1906–1907 гг.⁷

На переговорах главнейшим должен был стать вопрос морского промысла в российских дальневосточных водах. Требования японской стороны по данному вопросу в скором времени были изложены на страницах «Иомиури», тесно связанной с «прогрессистами» во главе с графом Окума Сигэнобу (1838–1922), с одной стороны, и поддерживаемой руководством компании «Мицуи Буссан» – с другой. В выпуске газеты от 14 января 1906 г. вместе с предположениями о назначении Мотоно на пост посланника в Петербурге в отношении будущего России и Японии говорилось: «Следующей после улаживания дел с Китаем задачей являются переговоры с Россией, должны охватить собой все вопросы, связанные с управлением Маньчжурией, правами рыболовства, пересмотром границы на Сахалине и заключением нового торгового договора»⁸. Нужно обратить внимание, что внешнеполитическая программа сил, стоявших за «Иомиури» и традиционно находившихся в оппозиции правительству, как ни странно, не чуралась националистических лозунгов. В программной статье «Права рыболовства в Приморской области», помещенной 10 февраля, критиковалась близорукая и поверхностная позиция бывшего министра иностранных дел Комура на переговорах в Портсмуте, якобы не сумевшего добиться признания действительных прав японцев на рыбную ловлю в российских водах, и возлагалась надежда на то, что Мотоно и его помощникам все-таки удастся зафиксировать в новой конвенции права Японии на рыболовство в морских водах Приморской области, включая право промысла по ее «побережью, заливам, бухтам и губам». По всей видимости, крупный капитал в лице «Мицуи» также был кровно заинтересован в получении доступа к «неисчерпаемым богатствам этого края», на которые обращала свое внимание газета «Иомиури»⁹. В этом смысле

⁵ Подробнее об этом см.: Барышев Э. А. Мотоно Итиро (1862–1918) – «яркий представитель политики здравого смысла». – Япония 2009. Ежегодник, с. 334–339.

⁶ Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы – далее НГБ). 1906, кн. 1. Токио, министерство иностранных дел Японии, 1959, с. 353–354, 357, 361; АВПА. № 6.1.5.8–6. Каккоку тосацу тэйкоку коси нимэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела относительно назначения и увольнения императорских посланников в разных странах), т. 2; Тюро коси нимэй (Назначение посланника в России) – Иомиури симбун, 28.01. 1906, № 10282, с. 2.

⁷ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики (Частные записки о японской дипломатии), с. 18. – Гайко форум (Дипломатический форум), 1994, октябрь, с. 84; Ямагата Аритомо икэнсё (Памятные записки Ямагата Аритомо). Токио: Мэйдзи хякунэн-си сосё, 1966, с. 177–190.

⁸ Нитиро но косё (Японо-русские переговоры). – Иомиури симбун, 14.01.1906, № 10268, с. 2.

⁹ Рококу коси но фунин то гёгёкэн (Отправляющийся на место службы в Россию японский посланник и права рыболовства). – Иомиури симбун. 02.02.1906, № 10287, с. 2; Энкай-сю гёгёкэн: Донсю но сакана о морасу (Право рыболовства в Приморской области. Упускаем из своих рук громадную добычу). – Иомиури симбун, 10.04. 1906, № 10295, с. 1.

вопрос рыболовства не был разрешен удовлетворительным образом Портсмутским договором, и Япония стремилась «дожать» российское правительство.

Еще одним вопросом, требовавшим быстрее разрешения для Японии, являлась проблема расчета за содержание военнопленных. Как известно, около 70 тыс. российских солдат и офицеров оказались в плену, где многим из них пришлось провести долгие месяцы в специально созданных по всей территории Японии лагерях. Японское руководство уделяло большое внимание вопросу содержания российских военнопленных, исходя из соображений политической целесообразности: гуманное обращение должно было добавить ореола к «японской цивилизованности» и, кроме того, принести свои экономические дивиденды. К концу февраля 1906 г. обмен военнопленными был закончен, и японская сторона подсчитывала сумму понесенных ею расходов. «Иомиури» обозначала ее равной примерно 80 млн. иен, что составляло более 1 тыс. иен в расчете на одного пленного. Ведение окончательных переговоров по данному вопросу, в условиях огромного внешнего долга и дефицита бюджета, имевшему для японского правительства существенное значение, также возлагалось на посланника Мотоно¹⁰.

8 февраля из Парижа в Петербург для подготовки условий к дипломатической работе был направлен переводчик миссии Тано Ютака, выпускник Токийской школы иностранных языков, имевший опыт работы в Петербурге в предвоенные годы. 24 февраля в здании миссии в Париже был устроен грандиозный прощальный вечер, на который были приглашены ведущие представители политического и финансового мира Франции, начиная с премьер-министра Рувье. Мотоно уступал свое место бывшему посланнику в Петербурге Курино Синъитиро (1851–1937), уже имевшему опыт работы в Париже до прибытия туда Мотоно. Ирония судьбы состояла в том, что перевод для Мотоно сопровождался как бы понижением в должности: после того, как в декабре 1905 г. британское правительство сообщило в Токио о своем согласии повысить статус дипломатических миссий до ранга посольства, такое же решение было принято правительствами других европейских держав, однако дипломатические отношения с Россией в то время вообще отсутствовали, поэтому вопрос о повышении статуса дипломатических представительств пока не ставился. Сам Мотоно, много сделавший для нейтрализации франко-русского союза и переориентации французского капитала с России на Японию, отправился в Россию 7 марта 1906 г. в сопровождении своих помощников с парижского вокзала на Восток. Дипломатов прово-

¹⁰ Хорё кюё-хи кэссан кёсё (Переговоры о расчетах по расходам на содержание военнопленных). – Иомиури симбун, 02.03.1906, № 10315, с. 2. О переговорах по этому вопросу см.: Маринов В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной. М., 1974, с. 26–27. В конечном счете, российское правительство согласилось выплатить Японии компенсацию в размере примерно 46 млн. руб.

жал цвет французского общества, рассматривавшего Мотоно в качестве одного из главных «виновников» установившейся франко-японской дружбы. Ведущие газеты Франции, такие как «Эко де Пари» и «Фигаро», поместили в этот день на своих страницах пространные интервью с отбывающим японским посланником¹¹.

Для встречи почетного гостя к русско-германской границе – на станцию Вержбилово – по распоряжению царского правительства был отправлен особый экспресс, на котором Мотоно и его спутники прибыли в Санкт-Петербург 9 марта 1906 г. На вокзале его встречали дипломатические представители Соединенных Штатов – посол Мейер со вторым секретарем посольства Блиссом. С вокзала полномочный представитель Японии отправился в уже знакомое ему здание японской миссии, располагавшееся в доме на Французской набережной¹². Уже в день прибытия Мотоно направил письменное обращение к министру иностранных дел Владимиру Николаевичу Ламсдорфу (1845–1907), сообщив о своем прибытии и желании скорейшей встречи с министром. Ламсдорф принял японского посланника на следующий день, в субботу, и указал на необходимость оставить позади прошлые обиды, начать работу в направлении будущих добрососедских отношений между двумя странами в виду общих интересов на Дальнем Востоке. Он предложил посланнику посетить в ближайшие дни устраиваемый им вечер. Через несколько дней Мотоно присутствовал на рауте у министра иностранных дел, где имел возможность обменяться мнениями о будущем российско-японских отношений с председателем совета министров Сергеем Юльевичем Витте (1849–1915)¹³.

Поражение России в войне с Японией было свершившимся фактом, поэтому руководство России, начиная с императора, понимало, что необходимы усилия по нормализации отношений с «дальневосточной соседкой». В этих условиях российская сторона пошла на признание статуса японского посланника без формального обряда вручения верительных грамот, оказывая тем самым особое расположение по отношению к Японии. Аудиенция в царском дворце, означавшая фактическое

¹¹ Мотоно коси Пари о сару (Посланник Мотоно оставляет Париж). – Иомиури симбун, 07.05.1906, № 10381, с. 2. Marcel Hutin. P. P. C. Chez M. Motono: A la veille de son départ pour Pétersbourg, l'ambassadeur du Japon fait d'intéressantes déclarations à l'interviewer de l'Echo de Paris, L'Echo de Paris, № 7939, 07.03.1907, p. 1; Maurice Leudet. Les Adieux d'un Diplomate: Conversation avec M. Motono. – Le Figaro, № 66, 07.03.1906, p. 3; Le Depart de M. Motono. – Le Temps, № 16331, 08.03.1906, p. 2. Подробнее о роли Мотоно по размещению японского займа на французском финансовом рынке см.: Барышева Э. А. Мотоно Итиро (1862–1918) – «яркий представитель политики здравого смысла». – Япония 2009. Ежегодник, с. 339–341.

¹² Рококу сэйфу но кои (Благодарное расположение российского правительства). – Иомиури симбун. 13.03.1906, № 10326, с. 1; Japanese Envoy in Russia: Minister Motono Welcomed in St. Petersburg by Our Ambassador. – The New York Times. 10.03.1906.

¹³ НГБ. 1906 год. Токио, министерство иностранных дел Японии, т. 2., 1959, с. 651–653.

признание Мотоно в качестве полномочного представителя Японии, состоялась в полдень 22 марта 1906 г. В царском кабинете дворца посланник был принят августейшей четой, встречавшей его сидя в креслах. Российский монарх поздравил посланника с назначением и выразил надежду на то, что «после окончания войны Россия и Япония будут настолько же искренними друзьями, насколько благородными противниками они были во время войны». Со своей стороны посланник поблагодарил императора за устроенную ему в особом порядке аудиенцию и выразил уверенность в том, что укрепление искренних и дружественных отношений между странами является насущной необходимостью для обеих сторон. Что касается верительных грамот, то они прибыли в Петербург 13 апреля с первым секретарем миссии Отиай Кэнтаро (1870–1926)¹⁴, входившего в состав японской делегации на Портсмутской конференции, и были переданы императору через министра иностранных дел¹⁵.

Мотоно прибыл в Петербург во время значительных преобразований в области российского государственного устройства. Как известно, обнародованный 17 октября 1905 г. Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» возвещал о коренных изменениях во всей системе самодержавной власти, предполагая создание совещательного законодательного органа, а опубликованный через два дня Высочайший указ Правительствующему сенату «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» предполагал реформирование системы исполнительной власти. Введение должности председателя совета министров и наделение его широкими полномочиями в значительной степени изменило организацию высшей исполнительной власти в России. Юридическое обособление Совета министров от императора означало ослабление его влияния на деятельность правительства. Из ведения председателя Совета минист-

¹⁴ Дипломат из провинции Сига. В 1895 г. после окончания юридического факультета Токийского университета поступил на службу в МИД. Сначала был назначен помощником японского консула в Сеуле. С 1897 по 1899 г. исполнял обязанности атташе при японской миссии в Петербурге. В 1900–1901-х годах – третий секретарь, в 1902 г. – второй секретарь при той же миссии. Входил в состав японской делегации на мирных переговорах в Портсмуте в качестве помощника полномочного представителя Японии Комура Дзютаро, где проявил блестящие способности дипломата и переводчика, в полной мере используя свое знание русского языка. После русско-японской войны он вновь вернулся в Санкт-Петербург. В 1906–1911-х годах Отиай занимал пост первого секретаря, советника (миссии, а затем посольства), исполнял обязанности главы посольства в отсутствие Мотоно. Впоследствии служил послом в Италии, Голландии. Умер во время исполнения служебных обязанностей при возвращении в Японию из Шанхая.

¹⁵ НГБ. 1906, т. 2, с. 653–654; АВПЯ. № 6.1.5.8–6. Каккоку тюсацу тэйкоку коси нинмэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела о назначении и увольнении императорских посланников в разных странах), т. 2; Рококу но когу (Российский теплый прием). – Иомиури симбун. 21.03.1906, № 10334, с. 2; Мотоно коси сикаку сёнин (Признание статуса посланника Мотоно). – Иомиури симбун. 31.03.1906, № 10344, с. 2.

ров были выведены лишь главы Военного и Морского министерств и МИДа, а также Министерства императорского двора, подчиненные непосредственно императору. Министерство финансов, в свою очередь, было поставлено формально под контроль председателя Совета министров и стало ответственным перед Государственной Думой. Вследствие всего изложенного выше, Совет министров утратил значение совета при императоре с исключительно совещательными функциями.

В мае 1906 г. в России разразился политический кризис, и первый реформированный Совет министров под председательством С. Ю. Витте, знаменовавшего собой целую эпоху в истории государства, ушел в отставку. На смену ему был образован Совет министров во главе с Иваном Логгиновичем Горемыкиным (1839–1917). Новым министром иностранных дел вместо Ламсдорфа был назначен Александр Петрович Извольский (1856–1919), сторонник европейской ориентации во внешней политике России. Кроме того, 10 мая в Зимнем дворце Петербурга в присутствии императора состоялась церемония открытия нового представительного законодательного органа России – Государственной думы, после чего депутаты отправились в Таврический дворец и приступили к первому рабочему заседанию¹⁶. Иными словами, наблюдался кардинальный процесс либерализации государственной системы, когда к власти приходили силы, склонные к изменениям, как во внутренней, так и во внешней политике страны.

Экономические требования японской дипломатии и усилия Мотоно

К весне 1906 г. появились определенные условия для начала дипломатических переговоров между двумя странами. Японское министерство иностранных дел, в частности, Торговое управление ведомства, возглавляемое набиравшим силу молодым дипломатом Исии Кикудзиро (1866–1945), подготовило к этому времени проекты новых договоров о торговле, мореплавании и рыболовной конвенции, представив их 14 апреля 1906 г. на рассмотрение кабинета министров. После одобрения кабинетом и утверждения императором 6 июня новый министр иностранных дел, только что вернувшийся из Лондона Хаяси Тадасу, направил проекты в Петербург Мотоно. В своей инструкции посланнику Хаяси прямо указывал, что *заключение рыболовной конвенции имеет для японского государства первостепенное значение, и что каждый день промедления означает потерю полученных Японией в результате войны прав и преимуществ* (здесь и далее курсив автора. – Э. Б.). Вместе с тем подчеркивалось, что, по логике вещей, заключение общеторгового договора должно предшествовать подписанию особой рыболовной конвенции. Что же касается порядка ведения переговоров и согласо-

¹⁶ Рококу гикай кайин-сики (Церемония открытия российского парламента). – Иомиури симбун. 12.05. 1906, № 10386, с. 1.

ванности переговоров по торговому договору и рыболовной конвенции, посланнику Мотоно предоставлялся полный карт-бланш¹⁷.

В специальных пояснениях, сделанных для Мотоно министром иностранных дел к тексту проекта торгового договора и прилагаемых к нему документов, в частности, говорилось, что: 1) положение о товарах с Ляодунского полуострова (о беспошлинном вывозе их на российский Дальний Восток) ставит своей целью *развитие японской промышленности в Квантунской области Южной Маньчжурии и укрепление позиций ЮМЖД*; 2) снижение пошлин и сборов для получения японцами паспортов необходимо для *более упрощенного въезда японских подданных на российский Дальний Восток и «для укрепления двусторонних связей в области торговли и рыболовства»*; 3) высказывалась надежда на то, что *российская сторона не будет противиться признанию за Японией права на судоходство по Амуру, уже фактически признанного китайским правительством*. Важно при этом отметить, что главнейшие для Японии пункты требований были зафиксированы не в проекте торгового договора, а в прилагаемых к нему Протоколу и двух дипломатических нотах.

В отношении текста рыболовной конвенции, во-первых, была сделана специальная оговорка, касающаяся проекта 1-й статьи рыболовной конвенции, в которой японская сторона требовала предоставить ей *«право рыбной ловли и добывания всякого рода рыбы и продуктов моря»* (*“le droit de pêcher et de prendre toutes espèces de poissons et produits aquatiques”*) по всему российскому побережью Японского, Охотского и Берингова морей *«за исключением тех рек и губ, которые представлены туземным племенам»* (*“à l'exception des rivières et des anses qui sont réservées aux races indigènes”*). Особое внимание при этом обращалось на право рыболовства в реках и бухтах российских территориальных вод, в частности, на необходимость добиться права морского промысла в низовьях Амура и в Амурском лимане, не допустив их изъятия из объекта соглашения вследствие широкого толкования российской стороной термина «губа» (*«anse»*)¹⁸. В ведении переговоров о заключении торгового договора и рыболовной конвенции посланнику Мотоно должен был помогать участник Портсмутской мирной конференции, первый секретарь Отиай.

Российская сторона в целом выказывала готовность идти на компромисс в вопросах, непосредственно не касающихся безопасности ее дальневосточных владений, однако из тактических соображений затягивала переговоры, пока могла себе это позволить¹⁹. Несмотря на не-

приемлемость некоторых положений Протокола и дипломатических нот, касающихся торгового договора, Россия была готова согласиться на частичные уступки Японии на принципах «взаимного благопритствования» и не собиралась конфликтовать с «дальневосточной соседкой» из-за этих вопросов. Царское правительство трезво оценивало свои силы на Дальнем Востоке и отдавало себе отчет в том, что придется потесниться. Вопросы торгового договора имели для России, прежде всего, политико-стратегический интерес, так как объемы отечественной дальневосточной торговли находились на крайне низком уровне. Не собиравшись российское правительство бесконечно упорствовать и в рыболовном вопросе: оно пыталось лишь оставить под своим контролем стратегически важные и богатые рыбой прибрежные воды, включая заливы, бухты и устья рек²⁰.

Во-вторых, японское политическое руководство крайне серьезно подходило как к политической, так и экономической стороне торгового договора, обещавшего повышение благосостояния не только крупным капиталистам, но и многим предприимчивым подданным империи. В этом смысле влияние торгового и промышленного капитала на внешнеполитический курс Японии было огромным. Можно сказать, что правительство Мэйдзи являлось «национально-демократическим» выразителем интересов японской буржуазии, и в этом состояло коренное отличие японской государственной системы от российского самодержавия.

Япония как нация торговцев и предпринимателей обнаруживала в России не только природные богатства, такие как морские ресурсы, золото, уголь, но и видела в ней потенциальный рынок для своих товаров. Зависимость Японии от западных технологий, всевозможного оборудования и даже товаров широкого потребления ставила ее перед необходимостью изыскивать пути увеличения экспорта товаров с целью получения иностранной валюты. Первые целенаправленные попытки японской стороны «упорядочить» товарооборот с Россией и закрепить на российском рынке обнаруживаются еще до русско-японской войны²¹. События 1904–1905-х годов в некотором смысле приостановили этот процесс, однако после войны усилия японских промышленников на данном направлении возобновилось с новой си-

²⁰ О переговорах по этим вопросам см.: Маринов В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной. М., 1974, с. 28–43; Шулатов Я. А. На пути к сотрудничеству. Российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск–Москва. Институт востоковедения РАН, 2008, с. 42–63; Shulatov Yaroslav. Re-establishing Economic Relations between Russia and Japan after the Russo-Japanese War. – The 1907 Treaty of Commerce and Navigation, Acta Slavica Iaponica, t. 24, 2007, p. 100–111.

²¹ См. например: Намиэ Гёфу («Рыбачащий в заливе»). Рококу дзосё то нитиро но канкэй: Нитиро боэки (Российский министр финансов и японо-российские отношения. Японо-российская торговля). – Иомиури симбун. 29–30.11.1901, № 8775 – № 8776, с. 2.

¹⁷ НГБ. 1906 г., кн. 1, с. 66–68.

¹⁸ НГБ. 1906, кн. 1, с. 68–100.

¹⁹ См. например: АВПА. № 2.5.1.71. Нитиро цусё дзёяку тэйкэцу иккэн (Дело о заключении российско-японского торгового договора), т. 1, с. 641253–641264.

лой. Еще перед началом российско-японских переговоров в мае 1906 г. в Токио возобновило свою деятельность Японо-российское общество, включившее в свой состав в качестве новых членов графа Иноуэ Каору (1835–1915), графа Окума Сигэнобу, виконта Суэмацу Кэнтё (1855–1920), набравшего силу первого президента компании ЮМЖД Гото Симпэя (1857–1929) и многих других представителей политических и экономических кругов Японии числом около 190 человек²². Определяющее влияние на курс Японо-российского общества по-прежнему оказывал первый японский посланник в Санкт-Петербурге Энмото Такэаки (1836–1908), с давних времен испытывавший большой интерес к богатствам Сибири и Дальнего Востока, связанный к тому же тесными узами дружбы с главой дипломатического ведомства Хаяси.

Пионером в деле продвижения японских товаров на российский рынок являлся агент министерства земледелия и торговли Симомура Фусадзиро, посещавший Петербург еще в 1901 г. и сумевший к этому времени наладить тесную связь с крупными российскими капиталистами, в числе которых был некто Минковский. По-видимому, это был кандидат права Соломон Львович Минковский, являвшийся в 1903–1906-х годах почетным консулом японской миссии в Санкт-Петербурге. По сообщению газеты «Иомиури», принадлежавший Минковскому торговый дом занимался среди прочего заготовкой говядины в районах Зауралья (Курган) и Западной Сибири (Томск) и имел свои представительства в Берлине, Париже и Лондоне. Связь между японскими промышленными кругами и Минковским осуществлялась порой через посланника Мотоно. Минковский обещал свою помощь в организации выставок образцов японских промышленных товаров в российской столице. К августу 1906 г. Симомура составил проект устава будущего предприятия и передал его своему представителю Накамура Сётаро, командированному по этим делам в Петербург. Несомненно, что за этим предприятием стояли интересы крупного торгово-промышленного капитала Японии²³.

Таким образом, японская дипломатия в лице посланника Мотоно в полной мере ощущала за собой не только силу армии и флота, но и всемерную поддержку заинтересованных в урегулировании российско-японских отношений и, стало быть, в расширении своих прав в сфере влияния России экономических кругов Японии. По всей видимости, Мотоно как рядовой японский националист не делал различия между позицией военных и капитала, усилия которых лишь дополняли друг друга. Мотоно еще с японо-китайской войны усвоил «военную тактику» борьбы за торгово-промышленные права Японии и зачастую прибегал

на переговорах к жестким, порой ультимативным, заявлениям. Так, 7 ноября (25 октября ст. ст.) Мотоно направил министру иностранных дел Извольскому памятную записку, в которой под угрозой «разрыва настоящих переговоров» требовались значительные уступки в рыболовном вопросе²⁴. Из-за такой неуступчивой позиции Японии к середине ноября 1906 г. переговоры о заключении рыболовной конвенции и по спорным вопросам торгового договора зашли в тупик. В этих условиях, чтобы немного осадить неумеренный пыл японской стороны, российское правительство попыталось придать вопросу общественный размах. Информация о ходе переговоров просочилась в прессу, и с конца ноября на страницах ведущей столичной газеты «Новое время» стали появляться статьи, в которых жестко критиковалась якобы слишком уступчивая позиция российского внешнеполитического ведомства по отношению к Японии. Эти полемические передовицы «Нового времени» обращали на себя пристальное внимание японских дипломатов, опасавшихся подъема патриотических настроений в российском обществе, и регулярно пересылались в Токио²⁵.

Мотоно оставался, прежде всего, полномочным исполнителем воли японского правительства. Его ценность как дипломата состояла, главным образом, в знании иностранных языков, европейском образовании и умении налаживать связи в дипломатических кругах Санкт-Петербурга. Стратегический курс японского государства определялся его «старейшинами» во главе с Ито Хиробуми (1821–1909) и Ямагата Аритомо. А воплощением этого курса в жизнь занимались многочисленные чиновники министерства иностранных дел во главе с Хаяси, под началом которого Мотоно работал некоторое время в Петербурге и на Гаагской мирной конференции 1899 г., а затем в 1902–1905-х годах выстраивал вместе с ним внешнеполитическую линию в Европе. Фигура Хаяси, в бытность послом в Лондоне поставившего свою подпись, как под первым, так и под вторым союзным англо-японским договором, символизировала нерушимость военного альянса Японии с «туманным Альбионом». Непосредственной же подготовкой и правкой текстов российско-японских соглашений занимались, по-видимому, уже указанный выше глава Торгового департамента Исии Кикудзиро и мало-заметный, но крайне влиятельный советник по юридическим вопросам японского МИДа американец Генри Денисон (Henry Willard Denison,

²⁴ Шулатов Я. А. На пути к сотрудничеству, с. 60–62; История внешней политики России: Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997, с. 207.

²⁵ АВПЯ. № 2.6.1-17. Нитиро гёгё кёяку тэйкэцу иккэн (Дело о заключении русско-японской рыболовной конвенции), т. I, с. 455–467. Данная дискуссия в российской печати анализируется в статье: Михайлова Ю. Д. Нитиро сэнсё-го но росиа но синбун ни миру нитиро канкэй то нихон (Русско-японские отношения в 1906–1910 гг. сквозь призму российских газет). – Росиа то Нихон. Кёдо кэнкю (Россия и Япония. Совместное исследование), сб. VIII, Токио, 2010, с. 78–81.

²² Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М., 1988, с. 295.

²³ Нитиро бёки сёся. Симомура Фусадзиро си но дан (Японо-российская внешнеторговая фирма. Рассказ господина Симомура Фусадзиро). – Иомиури симбун, 28.09.1906, № 10525, с. 2.

1846–1914), на личности которого следует остановиться поподробнее. Оставаясь до самой своей смерти в июле 1914 г. на службе в японском дипломатическом ведомстве, Денисон оказывал определяющее воздействие на характер внешнеполитического курса Японии: многочисленные проекты инструкций министра иностранных дел Хаяси посланнику Мотоно во время российско-японских переговоров 1906–1907-х годов также содержат пометки, сделанные американским советником²⁶.

Необходимо также отметить, что, помимо участника Портсмутской конференции Отиай Кэнтаро, в повседневной дипломатической работе всемерную поддержку Мотоно оказывал переводчик миссии Уэда Сэнтаро (1868–1940), один из немногих настоящих специалистов по России²⁷. Можно сказать, что для не владеющего русским языком Мотоно он являлся «ушами» и «глазами». Основная масса информации, почерпнутая из российских газет и журналов, а также из разговоров с различными представителями политических и экономических кругов, поступала в распоряжение посланника именно через Уэда. Уважение, каким Уэда до сих пор пользуется в современных дипломатических кругах Японии, и факты его биографии позволяют предполагать, что именно он, прекрасно говоривший по-русски и имевший широкие связи в российском политическом мире, выстраивал мосты между различными российскими политическими силами и японским дипломатическим представительством. Известный японский дипломат и государственный деятель Сато Наотакэ (1882–1971), служивший тогда в Петербурге в качестве атташе, крайне высоко оценивал роль Уэда в заключении указанных выше соглашений: «При заключении в 1907 г. рыболовной конвенции и других важных соглашений Уэда встречался с различными людьми и оказал нам неоценимую помощь. Дело в том, что у него имелись самые широкие связи в русском обществе, и ему особенно доверяли представители российского МИДа. Из разговоров со своими знакомыми он подспудно улавливал намерения России, что, естественно, чрезвычайно помогало нам при ведении переговоров. Переговоры о рыболовной конвенции в особенности часто натывались на различные сложности, но Уэда прилагал всевозможные усилия для того, чтобы преодолеть эти трудности, и это ему нередко удавалось... Уэда был очень скромный, поэтому об этом людям мало что известно, однако нужно сказать, что роль, которую он сыграл на дипломатической сцене при восстановлении японо-российских отношений, была крайне велика»²⁸.

²⁶ Подробно о личности Генри Денисона см.: *Имаи Сёдзи*. О-ятои гайкокудзин. Гайко (Иностранцы на службе у японского правительства. Дипломатия). Токио, Касима сюппанкай, 1975, с. 159–208.

²⁷ Подробно о нем см.: *Сакагути Тосиоки*. Уэда Сэнтаро дэнно Росиа-цу но сэнкацу гай-кокэн (Биография Уэда Сэнтаро. Дипломат-философ и знаток России). Токио, Аси-сёбо, 1985.

²⁸ *Сато Наотакэ*. Футацу но Росиа (Две России). Токио, Сэкай-но нихонся, 1948, с. 25.

Сато Наотакэ приводит в качестве одного из примеров незаурядного таланта Уэда установление им дружеского контакта с представителями ведущей столичной газеты «Новое время». Издаваемая А. С. Сувориным (1834–1912) газета наиболее резко реагировала на ход российско-японских переговоров, обращая внимание на неприемлемость японских требований. В этой ситуации, по свидетельству Сато, Уэда удалось завязать дружеские отношения с редакторами этой газеты – неким «П.», лекции которого он слушал на юридическом факультете Петербургского университета, и неким «Е.» (по-видимому, Е. А. Егоровым. – *Прим. Э. Б.*), что вскоре привело к изменению общего тона газеты в отношении Японии. После сближения с представителями «Нового времени» Уэда представил их посланнику Мотоно²⁹. Когда Уэда удалось войти в контакт с представителями «Нового времени» неизвестно, однако факт остается фактом. К середине декабря публикации газеты стали более умеренными по своему тону и в них стали предлагаться компромиссные варианты разрешения рыболовного вопроса³⁰. Впрочем, российскому МИДу, по всей видимости, было известно о попытке японской дипломатии войти в тесные отношения с редакцией «Нового времени». Министерство посчитало уместным воспользоваться этим удобным случаем для того, чтобы прошупать позицию японского правительства, используя страницы ведущей столичной газеты в качестве рупора двустороннего сближения.

Поворот к двустороннему сближению

К концу 1906 г. на российско-японских переговорах сложилась «платовая» ситуация. Второстепенные вопросы торгового договора и рыболовной конвенции были разрешены, однако Россия отказывалась пойти на полное удовлетворение японских «пожеланий». Японская сторона, в свою очередь, не собиралась снимать свои далеко идущие требования, и в российско-японских отношениях витала крайне неблагоприятная атмосфера соперничества. Стороны исчерпали дипломатические аргументы и в ход пошли другие приемы борьбы. Япония попробовала поиграть «мускулами», в ответ на это Россия попыталась путем газетных кампаний и «салонной» дипломатии сделать вопрос двусторонних переговоров общенациональным и международным. В начале декабря российский император при встрече с французским послом Морисом Бомпаром (Maurice Bompard, 1854–1935) попросил французское и английское правительства оказать давление на Японию, используя горячее желание Токио получить новый заем в Европе³¹.

²⁹ Там же, с. 25–26, 33; Его же. Кайко хатидзюнэн (Восьмидесятилетние воспоминания), с. 93.

³⁰ См.: *Михайлова Ю. Д.* Нитиро сэсо-го но росиа но симбун ни миру нитиро канкэй то нихон (Русско-японские отношения в 1906–10 гг. сквозь призму российских газет). – Росиа то Нихон. Кёдо кэнкю (Россия и Япония. Совместное исследование), с. 80.

³¹ См.: *Толстогузов С. А.* Российско-японские отношения и мировая политика. – Вопросы истории, 2008, № 9, с. 26.

Похоже, что тактика министра иностранных дел Извольского заключалась в том, чтобы вместе с оказанием дипломатического давления на Японию со стороны Англии и Франции («кнут») как бы невзначай предоставить японской стороне конкретный план двустороннего урегулирования («пряник»). Российский МИД пытался запустить механизм международного воздействия на Японию и пытался в мягкой форме обозначить свою позицию по отношению к основным проблемам переговоров. Под видом необходимости разъяснения российской публике о действительном состоянии российско-японских переговоров в стенах российского внешнеполитического ведомства был подготовлен текст официального заявления, согласованного с самим Мотоно. В тексте заявления российская сторона ясно показывала, что не собирается в одностороннем порядке признавать положение о беспопылинном ввозе японских товаров в Россию через маньчжурскую границу, разрешать учреждение японских консульских представительств на Дальнем Востоке, идти на значительное упрощение паспортных формальностей, признавать право японцев на судоходство по Сунгари, и готово лишь предоставить уступки «на условиях взаимности» и на правах режима наибольшего благоприятствования. В отношении рыболовной конвенции российское правительство прямо заявляло, что «не может принять первоначальное предложение Японии», предполагавшее, по его мнению, более расширенные права по сравнению с теми, о которых говорилось в Портсмуте. Можно сказать, что это был официальный ответ японскому правительству: российская сторона показывала, что хочет продолжать переговоры, но отказывается полностью удовлетворить пожелания Японии. Мотоно сразу же сообщил в Токио о содержании официального заявления российского дипломатического ведомства³².

Мотоно как раз собирался ненадолго оставить свой пост в Петербурге и направиться в Париж для встречи Нового года. В день отъезда Мотоно в Париж, 30 декабря, официальное заявление российского МИДа по поводу российско-японских переговоров, где обозначались основные спорные проблемы этих переговоров и пределы возможных российских уступок, было опубликовано в российской печати. В тот же день, перед самым отъездом, в беседе с Мотоно Извольский сообщил о новой инициативе российского МИДа. Он открыто намекнул японскому посланнику о том, что российское правительство готово пойти на дополнительные уступки, если Япония предоставит России свои гарантии безопасности российских азиатских владений³³. Нет сомнения, что обе инициативы были составляющими одного большого плана, направленного на прорыв в российско-японских отношениях.

³² АВПЯ. № 2.5.1.71. Нитиро цусё дзёяку тэйкэцу иккэн (Дело о заключении российско-японского торгового договора), т. 1, с. 641400–641404.

³³ НГБ. 1907 г., кн. 1. Токио: министерство иностранных дел Японии, 1960, с. 97.

Ясно, что указанное выше заявление МИДа предназначалось не столько для российской публики, сколько для публики европейской. Сообщая о ходе переговоров, российская сторона показывала, что укреплению ее отношений со странами Антанты мешают вопросы российско-японских отношений и слишком настойчивая позиция японского правительства. Уже 31 декабря заявление российского МИДа было помещено на страницах газеты «Фигаро», а парижская газета «Эко де Пари» опубликовала специальное сообщение петербургского корреспондента «Дейли телеграф», влиятельного в российских политических кругах журналиста Эмилия Диллона (Emile Joseph Dillon, 1855–1933), озаглавленное «Русско-японские переговоры: Соглашение возможно». Затем, в первые дни января сначала в лондонской «Дейли телеграф», а затем на страницах все той же «Эко де Пари» была помещена развернутая статья Диллона, в которой говорилось о желательности русско-японского сближения³⁴.

Как бы в ответ на сообщение российского МИДа и заметки Диллона во французской печати тотчас же появились интервью с японским посланником Мотоно. В интервью ведущей парижской газете «Ле Тан», появившимся на ее страницах уже 2 января 1907 г., японский посланник обрисовал ход российско-японских дипломатических переговоров и попытался заверить французскую публику в их успешном завершении. Он сообщил, что переговоры о заключении договора о торговле и мореплавании почти завершились за исключением вопросов учреждения новых консульских учреждений и вопроса паспортных формальностей. Он также заявил, что 1) *Япония не вынашивает империалистических замыслов на Дальнем Востоке*; 2) *вопрос судоходства по Сунгари является лишь выражением внешнеполитического курса на «открытие Маньчжурии» и не является препятствием к нормализации двусторонних отношений*; 3) трудности, с которыми столкнулись стороны на переговорах по рыболовной конвенции, связаны исключительно со сложностью четкого определения таких терминов как «залив» и «прибрежные воды»³⁵. Несомненно, что начавшаяся было в российской и

³⁴ Les Négotiations Russo-Japonaises: L'Entente est probable (Service spécial de L'Echo de Paris), L'Echo de Paris, № 8237, 31 Decembre 1906, p. 3; Les Négotiations Russo-Japonaises, L'Echo de Paris, № 8241, 4 janvier 1907, p. 3. См. также: Михайлова Ю. Д. Нитиро сэно-го но росия но синбун ни миру нитиро канкэй то нихон (Русско-японские отношения в 1906–10 гг. сквозь призму российских газет). – Росия то Нихон: Кёдо кэнкю (Россия и Япония: Совместное исследование), с. 78–81; Толстогузов С. А. Российско-японские отношения и мировая политика. – Вопросы истории. 2008, № 9, с. 26.

³⁵ Les Relations Russo-Japonaises: Déclarations de S. Exc. M. Motono, Ambassadeur de Japon en Russie, Le Temps, № 16630, 02.01.1907, p. 1; Мотоно коси гэммэй (Заявление посланника Мотоно). – Иомиури симбун. 05. 01. 1907, № 10624, с. 2; Нитиро данпан но кэйка (Ход японско-российских переговоров). – Иомиури симбун. 06.01.1907, № 10625, с. 2; Мотоно коси но бэнмэй (Пояснения посланника Мотоно) – Иомиури симбун. 24.02. 1907, № 10674, с. 2.

французской прессе кампания, исподволь обращавшая внимание европейской публики на агрессивные устремления японской дипломатии, слегка озадачивала японских дипломатов и заставляла их принимать ответные меры. Еще бы: на кону стоял успех японо-французских переговоров и будущее финансовых отношений между Парижем и Токио. В указанном смысле, слова японского посланника служили приглашением к дальнейшему сотрудничеству по отношению к парижским финансовым кругам, обозначали возможные уступки японской стороны на российско-японских переговорах и в известной степени являлись попыткой предотвратить нежелательную для японской стороны увязку вопроса российско-японских переговоров с вопросом предоставления Японии нового займа. 5 января еще одно интервью с японским посланником появилось на страницах «Эко де Пари»³⁶.

Любопытно, что в начале января 1907 г. одновременно с Мотоно в Париже находился и французский посланник в Петербурге Бомпар, который 8–9 января посетил японского посланника Курино и сообщил ему принципиальную позицию российского правительства насчет спорных вопросов торгового договора и рыболовной конвенции: «Должно быть, Россия в известной степени пойдет на признание японских пожеланий в отношении договора о торговле и мореплавании. Что касается рыболовного вопроса, то... он может породить множество проблем и, вероятно, потребует тщательнейшего изучения. Позиция России, основанная на приверженности в разрешении всех вопросов духу портсмутского мирного договора, не претерпит изменения и в дальнейшем, однако Россия не собирается уступать Японии в вопросе судоходства по Сунгари. Последнее исходит не только из опасений торгово-промышленного соперничества, но и объясняется некой подозрительностью по отношению к Японии с военной точки зрения». Днем позже министр иностранных дел Франции Пишон (Stéphien Pichon, 1857–1933) в беседе с Курино прямо сообщил о просьбе союзной России не предоставлять заем японскому правительству, пока не будут урегулированы российско-японские отношения, и намекнул на желательность скорейшего завершения двусторонних переговоров в качестве условия предоставления Японии нового кредита³⁷.

Предполагается, что Мотоно вернулся в Санкт-Петербург к русскому Новому году, согласно своим первоначальным намерениям. 18 января японскому посланнику была передана телеграмма, в которой официально сообщалось о содержании беседы Курино с Пишоном, состоявшейся 9–10 января. Скорее всего, Мотоно узнал о ее содержании из уст самого Курино, когда еще находился в Париже, однако он ждал указаний

сверху. Мотоно как ответственному за ведение переговоров и за отстаивание национальных интересов Японии не годилось самому отказываться от требований и предлагать варианты сближения с Россией, однако высказывания министра Франции на этот счет давали ему основания немного «сбавить пыл» и высказать свой взгляд на вопрос двустороннего урегулирования. В телеграмме от 19 января на имя министра Хаяси, наконец-то сообщая своему начальству о разговоре с Извольским от 30 декабря, Мотоно писал: «На мой взгляд, *первостепенная задача Японии состоит сейчас в обеспечении настоящего мира на Дальнем Востоке и усилении национальной мощи Японии. В этих условиях мне думается, что в случае выдвижения Россией соответствующих предложений, есть необходимость внимательно изучить их, однако, если императорское правительство [Японии] считает, что лучше не приступать к началу соответствующих обсуждений, я мог бы принять некоторые косвенные меры к тому, чтобы предотвратить это.* В связи с вышеуказанным прошу сообщить мне для сведения Ваше мнение»³⁸. Таким образом, Мотоно до поры до времени не спешил знакомить свое начальство с новыми инициативами России, пытаясь достигнуть те цели, которые были перед ним поставлены, и терпеливо выжидал, на какие еще уступки решится пойти российское правительство. Как человек, хорошо понимающий и принимающий законы субординации, он согласился приступить к переговорам по заключению политической конвенции и отказаться от слишком жестких требований по отношению к России только после получения им соответствующей инструкции от министра иностранных дел Хаяси от 2 февраля 1907 г.³⁹ В дальнейшем на переговорах с российской стороной Мотоно также нередко прибегал к ультимативной риторике.

К этому времени стало очевидно, что Россия и Япония, не могущие в полной степени доверять друг другу, желают привлечения к данному соглашению влиятельных европейских партнеров. Обе стороны были заинтересованы в укреплении отношений как с европейским «банкиром» Францией, так и с «владычицей морей» Великобританией. Российская дипломатия умело использовала заинтересованность Франции в России и через Париж подталкивала Японию к заключению «соглашения о дружбе» с Россией. В то же время Россия попыталась воспользоваться и заинтересованностью Лондона в полной нормализации отношений с Россией, намекая на преждевременную необходимость урегулирования всех спорных вопросов с дальневосточной союзницей Великобритании. В указанном смысле, приближающееся заключение франко-японского общеполитического соглашения и прорыв в англо-российских отношениях оказали решающее воздействие на прогресс в двусторонних переговорах.

³⁶ Marcel Hutin, Comment le Nouvel Ambassadeur du Japon a Saint-Petersbourg raconte l'accueil qui lui a été fait en Russie. Ce que dit M. Motono, L'Echo de Paris, № 8242, 05.01.1907, p. 1.

³⁷ НГБ. 1907 г., кн. 2. Токио: Министерство иностранных дел Японии, 1961, с. 47–48.

³⁸ НГБ. 1907 г. Кн. 1, с. 97–98.

³⁹ НГБ. 1907 г. Кн. 1, с. 98.

Японская сторона, заполучившая в результате войны огромные «маньчжурские владения», была ограничена в своих рычагах воздействия на Россию и поэтому была вынуждена в известной мере считаться со своим бывшим соперником, не желая навлечь гнев России на свою голову. Кроме того, экономические круги Японии выказывали острую заинтересованность в открытии для себя парижского финансового рынка, что невозможно было сделать без нормализации отношений с Россией. Все указанное выше и предопределило курс на «дружественное сближение», отчетливо проявившийся на переговорах с начала февраля 1907 г.

Что касается самого Мотоно, то необходимо подчеркнуть, что он последовательно и жестко отстаивал на переговорах национальные интересы своей страны и интересы крупного торгово-промышленного капитала Японии. По мнению автора данной статьи, нет никаких оснований рассматривать его как принципиального «русофила», как, впрочем, не обнаруживаются в его мировоззрении и ощутимые «русофобские» нотки. Он являлся дипломатом-прагматиком и именно поэтому в российской прессе его называли иногда «представителем политики здравого смысла»⁴⁰.

⁴⁰ Примером несколько иного понимания роли Мотоно в процессе русско-японского сближения 1906–1917 гг. является следующая статья: *Савельев И. Р.* Нитиро канкэй но «огон дзидай» о котику ситэ: Мотоно Итиро то нитиро сэкин, 1906–1916 (Созидая «золотой век» русско-японских отношений: Мотоно Итиро и русско-японское сближение 1906–1916 гг.). – *Россия то Нихон: Кёдо кэнкю* (Россия и Япония: Совместное исследование). Сб. VIII. Токио: Сэйбунся, 2010. с. 93–103.

Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании

М. К. Ковальчук

Известно, что середина XIX в. стала переломным моментом в истории Японии. В 1854 г., уступив давлению США, она отказалась от «политики закрытых дверей», которой придерживалась более двух веков, и подписала первый торговый договор с западной державой. С его подписанием японское государство вступило в новый для него мир международного общения. В последующие годы аналогичные договоры были подписаны Японией и с другими странами, в том числе с Россией, Францией и Великобританией. В начале 1860-х годов, пытаясь освоиться в незнакомой системе международной дипломатии, правительство сёгуната приняло решение направить в западные страны ряд официальных делегаций.

В 1860 г. дипломатическая миссия была направлена в США. Не удивительно, что именно эта страна была выбрана для первого официального визита представителей японского государства, поскольку Соединенным Штатам принадлежала пальма первенства в открытии Японии. Однако решение сёгуната, вызвало неодобрение дипломатических представителей Великобритании и Франции. Последние считали, что США не имеет никаких приоритетных прав по отношению к другим европейским странам, имеющим с японским правительством торговые договоры.

После возвращения посла Симми Масаоки и его коллег из Америки британский посланник Разерфорд Элкок стал активно продвигать идею о необходимости отправки новой миссии, на этот раз в Европу. Элкок подчеркивал, что, познакомившись с европейскими странами, японцы смогли бы составить более объективное представление о западном мире, в частности, увидеть и осознать силу и мощь Великобритании и великолепие ее Королевского Двора. По мнению Элкока, это помогло бы им пересмотреть свои излишне восторженные впечатления от поездки в США¹.

Услышав о том, что во время пребывания в Вашингтоне членам миссии было предписано вести себя в соответствии с их высокими самурайскими званиями, другими словами сдержанно, не проявляя излишнего любопытства при осмотре американской столицы, Элкок попытался

¹ *Beasley W. G.* Japan Encounters the Barbarian. Japanese Travellers in America and Europe. London, 1995, p. 72.

убедить сёгунатские власти в том, что в случае отправки официальной делегации в Европу ее члены должны воспользоваться этой поездкой для подробнейшего изучения реалий западной цивилизации. Британцы надеялись на то, что чем лучше японцы узнают Европу, в первую очередь Великобританию, тем меньше они будут ее бояться. Отсутствие страха и восхищение перед достижениями англичан могли, по их мнению, способствовать укреплению и расширению торговых связей между двумя странами.

Англия и Франция выразили готовность оказать всяческое содействие и даже предоставить морской транспорт для доставки японской делегации в Марсель, откуда должна была начаться ее поездка по европейским странам. Понимая, что подобное путешествие будет связано с большими финансовыми расходами, Лондон и Париж помогли Японии получить специальный заем у банка Ротшильда, который должен был покрыть часть расходов во время пребывания японцев в Европе.

Р. Элкок проявил недюжинную активность и энергию при организации миссии Такэноути (так в японской историографии принято называть делегацию, отправившуюся в Европу в январе 1862 г.). Свое название миссия получила по фамилии ее главы Такэноути Ясунори². Надо сказать, что британский посланник даже пытался дать бакуфу³ свои рекомендации по составу миссии. Он, например, выразил несогласие с назначением главой миссии Кавахара Мотоясу – старейшего служащего Гайкоку Бугё (департамента иностранных дел при правительстве сёгуната). Элкок аргументировал свои возражения тем, что Кавахара является бесперспективной кандидатурой с точки зрения продолжительной и плодотворной работы в японском правительстве после возвращения миссии из Европы. По мнению Элкока, в силу определенной застенчивости сознания Кавахара был неспособен по достоинству оценить увиденное им в передовых европейских странах, а из-за своего достаточно преклонного возраста не смог бы в полном объеме применить знания, полученные в ходе поездки, во благо Японии. Англичанин считал, что на роль главы миссии гораздо больше подходит Сакаи Такаюки – младший советник в правительстве бакуфу, с которым он был знаком лично и неоднократно вел продолжительные беседы.

Видимо, доводы Элкока были приняты во внимание японским правительством. Вместо Кавахара делегацию возглавил более молодой служащий Гайкоку Бугё – Такэноути Ясунори (которому в то время было пятьдесят пять лет). Бакуфу не оставило без внимания и советы европейских дипломатических представителей использовать поездку в Европу для более подробного знакомства с реалиями западных стран.

² В других источниках он фигурирует как Такэноути Симоцукэ. Это не удивительно, поскольку в Японии существовала практика неоднократной смены имен и фамилий. *Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days. 1603–1868, Kobe, 1931, p.184.*

³ Бакуфу (полевая ставка) – название правительства в эпоху правления сёгуната Токугава.

В состав миссии было специально включено несколько человек, способных провести необходимые исследования. Одним из самых важных критериев при отборе этих людей было владение иностранными языками. Так в состав делегации вошел Фукудзава Юкити, который двумя годами ранее принял участие в посещении США на корабле «Канрин мару». Кроме Фукудзава, обязанности переводчиков с английского, французского и голландского языков выполняли еще несколько человек: Фукути Гэнъитиро, Тати Хиросаку, Ота Гэндзабуро, Мицукури Сюхэй и Мацуки Коан (позже известный как Тэрасима Мунэнори). Практически все они были выходцами из княжеств, расположенных на о-ве Кюсю, преимущественно из Сацума. Помимо знания языков, Фукути и Мацуки были сведущи в медицине. Это позволило им дать более компетентную оценку техническому оснащению и уровню медицинского обслуживания в европейских больницах и госпиталях.

В целом миссия насчитывала около сорока человек. В это число входили три посланника – Такэноути Ясунори, Мацудайра Ивами и Кёгоку Ното (последний контролировал действия всех членов делегации), их секретари, переводчики, доктора, слуги посланников и еще ряд людей, в обязанности которых входило создание максимально комфортных условий для работы официальных лиц и их помощников во время путешествия.

Помимо сбора информации об уровне развития и особенностях государственного устройства европейских стран, у миссии Такэноути были и дипломатические цели. Дело в том, что ее отправке предшествовал ряд инцидентов, свидетельствующих о росте в стране антииностранных настроений. В январе 1861 г. был убит секретарь американского посла в Японии Харриса – Хендрик Хаускен. В июле 1861 г. нападению подверглось здание дипломатической миссии Великобритании в Эдо. С учетом создавшейся ситуации, бакуфу поручило Такэноути провести переговоры об отсрочке открытия для внешней торговли двух японских портов – Ниигата и Хёго (совр. Кобэ). Согласно договорам 1858 г. открытие должно было состояться не позже первого января 1863 г. Бакуфу опасалось, что появление иностранных граждан, обладающих правом экстерриториальности (т. е. не подчиняющихся местным законам), еще в двух японских городах повлечет за собой новые инциденты и волнения, которые будут направлены не только против иностранцев, но и против сёгуната. Было решено, что делегация посетит не только Великобританию и Францию, но также Голландию, Пруссию, Россию и Португалию, и что в каждой стране японцы пробудут от 15 до 20 дней.

Миссия Такэноути покинула Иокогаму 21 января 1862 г.⁴ на борту британского фрегата «Один». Англичане постарались создать для

⁴ Нужно иметь в виду, что Фукудзава Юкити в своей автобиографии и Итикава Ватару в дневнике датируют начало поездки декабрем 1861 г., считая, что деятельность миссии была начата с того момента, когда ее члены покинули японскую столицу, а не территорию Японии.

японцев максимум удобств. В их распоряжении была вся главная палуба судна, в каютах имелись низкие столики, было даже оборудовано несколько ванн в традиционном для Японии стиле. Для английской команды вояж оказался чрезвычайно хлопотным. Один из офицеров в письме к другу выразил надежду на то, что его не будет на борту, когда судно повезет японскую делегацию обратно на родину⁵.

Надо сказать, что и сами японцы, несмотря на старания англичан, были не вполне довольны условиями морского путешествия. Глава секретариата миссии Сибата Такэнака в письме из Лондона к одному из своих коллег в Эдо жаловался на жуткий запах паровозного дыма, на питьевую воду желтого цвета, хранящуюся в железных баках, пить которую можно было лишь с закрытыми глазами и на страшную жару, не дававшую пассажирам заснуть много ночей подряд. По словам Сибата, члены миссии испытывали неудобства не только на борту парохода, но и во время пребывания в Европе. Больше всего проблем вызывал предложенный им рацион питания, как правило, состоявший из мясных блюд, которые японцы находили слишком жирными⁶. Исключение составила только Франция, где, по воспоминаниям Фукудзава Юкити, их кормили отменно⁷. Там им даже подавали *сасими* – кусочки сырой рыбы замечательного качества. Правда, уже в Англии им пришлось отказаться от традиционного лакомства во имя сохранения национального достоинства. Дело в том, что английские газеты написали, что обычай есть сырую рыбу роднит японцев с коренными жителями Южной Америки. Японские делегаты посчитали унижением для себя подобное сравнение. В результате в их дневном рационе не осталось практически ничего из того, что действительно соответствовало их вкусам⁸. Фукудзава писал в своей автобиографии, что, предвидя сложности с адаптацией к европейской кухне, японцы взяли с собой изрядный запас риса. Однако им не удалось воспользоваться, поскольку в ресторанах гостиниц, в которых размещалась миссия, постояльцам не разрешалось готовить⁹.

Из Нагасаки «Один» направился в Гонконг, где у делегации была короткая остановка. Можно сказать, что в Гонконге члены миссии впервые повстречались с элементами западной цивилизации и культуры. Они осмотрели артиллерийские батареи, цех по отливке оружия, госпиталь и даже поприсутствовали на балу у губернатора Гонконга. Здесь же они столкнулись с шокировавшим их правилом европейского

этикета: «Ladies the first», которое кардинально отличалось от привычного японцам представления о положении женщины в обществе.

Следующую краткую остановку «Один» сделал в Сингапуре. Посетив еще несколько юго-восточных портов, судно взяло курс на север, через Красное море и Суэцкий канал в Египет, где миссия совершила железнодорожное путешествие в Каир и Александрию. Надо сказать, что Египет оставил у японцев смешанные впечатления. Итикава Ватару в своих путевых заметках¹⁰ подчеркнул, что Каир запомнился ему своей грязью, ужасными запахами и мухами, «которые самым наглым образом атаковали лица людей». Правда, при этом Итикава пришел в полное восхищение от туннелей, увиденных им во время путешествия по железной дороге¹¹.

Из Александрии японцы отправились на борту британского военного транспорта «Гималаи» во Францию, по дороге сделав трехдневную остановку на Мальте, которая в то время находилась под юрисдикцией Великобритании. 3 апреля 1862 г. они добрались до Марселя, а откуда по железной дороге двинулись в столицу Франции – Париж, где провели около 20 дней. После Франции японские посланники посетили Англию, Голландию, столицу Пруссии – Берлин, а затем Санкт-Петербург. На обратном пути в Марсель, они нанесли краткий визит в Португалию¹².

В Великобританию миссия прибыла 29 апреля 1862 г. после трехнедельного визита во Францию, поэтому впечатления ее членов от Соединенного королевства имели свою специфику – японцам уже было с чем сравнивать. Прием англичан им показался очень скромным. Если во Франции и в Марселе, и в Париже японских посланников встречали приветственным салютом, то в Дувре никаких военных почестей, принятых для высоких делегаций из других стран, им оказано не было. Встречу миссии организовывал некий Макдональд – студент-переводчик, который сопровождал ее в Лондон из Парижа. Вот как описывает прибытие в Дувр в своем дневнике Итикава: «Наше судно пришло в английский порт Тобуру (Дувр). На берегу собралось много местных жителей, молодых и старых. Они создавали много шума и суеты. Затем от толпы отделился один человек, на вид ему было около пятидесяти. Он подпрыгивал, словно воробей, и кричал: «Япанису!», «Япанису!», «Япанису!» (что означало «японцы»). Этот человек прежде был английским консулом в Хакодате и жил там какое-то время. Выступив вперед, чтобы поздравить

⁵ Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian. Japanese Travellers in America and Europe, p. 76.

⁶ Письмо Сибата Такэнака от 9 мая 1862 г. – Цит. по Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian..., p. 76–77.

⁷ Подробнее см.: The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. Tokyo, 1934, p. 137.

⁸ Письмо Сибата Такэнака от 9 мая 1862 г. – Цит. по: Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian..., p. 76–77.

⁹ The Autobiography of Fukuzawa Yukichi, p. 137.

¹⁰ В 1865 г. дневники Итикава Ватару были переведены британским дипломатом Эрнестом Сатоу на английский язык и опубликованы под названием «Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63» на страницах англоязычной газеты «Джапан Таймс», которая в том же году начала издаваться в Йокогаме по инициативе англичан.

¹¹ Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63. Translated by Ernest Satow. – The Japan Times. 20.10.1865.

¹² В целом путешествие заняло около года. В декабре 1862 г. Такэноути и остальные члены миссии вернулись на родину.

нас с благополучным прибытием, он снял с себя шляпу и, держа ее над головой, громко закричал “Тепапепше хорэ!” Мы не поняли, что означает этот крик, но, похоже, таким образом он выразил свои поздравления. После этого вся толпа издала такой же крик. Было весьма неприятно слушать, как они орут во все горло»¹³. Действительно, в Дувре японцев в частном порядке встречал бывший британский консул в Хакодате, некий Ходгсон. Он обратился к толпе с призывом прокричать в честь посланников троекратное «ура»¹⁴. Однако, если судить по записям Итикава, члены миссии восприняли это приветствие как не вполне соответствующее высокому статусу их делегации, тем более что само значение слов «Гип-гип-ура!» ими было не понято.

Военный караул не был предоставлен миссии и в Лондоне, где ее представителей с вокзала в обычных экипажах доставили в отель «Кларидж» («Claridge»), который и по своей архитектуре, и по своему внутреннему убранству значительно уступал отелю «Де Лувр» («Du Louvre»), в котором они останавливались в Париже. По словам Итикава, их впечатление об английском отеле окончательно испортилось после того, как они обнаружили на прикроватных столиках библии на китайском языке.

Интересно, что примерно за неделю до прибытия делегации в Англию, лондонская «Таймс» писала, что, по ее разумению, японцы «должны вернуться домой не оглушенные величиим и великолепием» британской славы, а «осознав масштабы английской индустрии и мощь британского государства»¹⁵. Сложно сказать, насколько мысли английских журналистов совпадали с намерениями их правительства, однако, если судить по впечатлениям участников миссии, цели, обозначенные в «Таймс», были достигнуты. По крайней мере, японцы явно не были оглушены великолепием Англии. По части роскоши Франция произвела на них гораздо более сильное впечатление. Сравнивая Париж с волшебным садом, Сибата Такэнака подчеркивал, что Лондон оказался достаточно грязным и задымленным городом, улицы которого, заполненные торговыми лавочками и магазинами, не шли ни в какое сравнение с парижскими бульварами¹⁶. Того же мнения придерживался и переводчик миссии Мацуки, который в своих письмах на родину сравнивал Париж с великолепным Киото, а Лондон с не блиставшим особой красотой Эдо. Негативное впечатление на Мацуки произвела и лондонская публика. Говоря о ней, он отметил, что не ожидал увидеть на улицах европейской столицы столько пьяных и попрошайек¹⁷.

¹³ Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63. Translated by Ernest Satow. – The Japan Times. 15.12. 1865.

¹⁴ Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days, 1603–1868. Kobe, 1931, p. 191.

¹⁵ The Times. 16.04.1862; Гайкоку симбун ни миру нихон. Токио, 1989, т.1, с. 252–253.

¹⁶ Письмо Сибата от 9 мая 1862 г. – цит. по: *Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...*, p.84.

¹⁷ Письмо Мацуки от 10 июня 1862 г. – Там же.

Правда, несмотря на красоту Парижа и французское гостеприимство, переговоры во Франции прошли безрезультатно. Французы не дали согласия отсрочить открытие Хёго и Нагасаки. В процессе переговоров у Такэноути сложилось впечатление, что Франция не пойдет на уступки без предварительного согласия Англии. Посчитав дальнейшее пребывание в Париже бесполезной тратой времени, миссия поспешила в Лондон.

Уверенности в том, что здесь переговоры пройдут более удачно, у Такэноути тоже не было. Дело в том, что еще во время пребывания миссии в Париже дипломатический представитель Великобритании во Франции сообщил ему, что они не смогут получить аудиенцию у ее Величества королевы Виктории, поскольку та находится в состоянии траура. Японцы были страшно разочарованы, хотя дипломат и уверял их, что, несмотря на невозможность встретиться с королевой, им будет оказан должный прием.

Надежд на успешное проведение переговоров стало еще меньше после того, как английская сторона отказалась начать их до прибытия в Лондон своего посланника в Японии Р. Элкока, который должен был вернуться только 30 мая в сопровождении основного переводчика английской дипломатической миссии – Морияма. Японцам не оставалось ничего другого, как согласиться с требованиями англичан.

Переговоры прошли на удивление удачно. Их результатом стало подписание так называемого Лондонского протокола (6 июня 1862 г.), согласно которому открытие двух новых портов откладывалось на пять лет. В обмен на согласие Великобритании повременить с началом торговой деятельности в Хёго и Нагасаки, сёгун обязывался строго соблюдать все остальные пункты договора 1858 г. Японцам также предоставлялось право подписать аналогичные договора с другими странами, в которых планировала побывать делегация.

12 июня 1862 г. японцы покинули Лондон с осознанием того, что скромный прием в Англии принес Японии гораздо более ощутимый результат, чем помпезное французское гостеприимство. Более того, благодаря тому, что миссия пробыла в Британии в два раза больше запланированного срока (вместо трех – шесть недель), она смогла лучше познакомиться со страной. Если в Париже перечень мест, в которых побывали японцы, ограничился основными достопримечательностями города, а также несколькими школами и больницами, то в Британии они сумели посетить не только Лондон с его Тауэром, Британским музеем, Парламентом, Королевской обсерваторией и королевским дворцом, но и другие города. Отдельные экскурсии проводились по просьбе японцев, другие – по инициативе английской стороны. Например, 7 мая министерство иностранных дел Великобритании официально попросило британское адмиралтейство организовать для японских посланников осмотр наиболее важных чугунолитейных заводов, связанных с кораблестроением и производством оружия для морских сил Великобритании.

Сибата Такэнака в своем письме на родину писал о том, что составить объективное представление о европейской стране, если ты пробыл в ней меньше 30–40 дней, абсолютно нереально, поскольку европейские государства очень отличаются от Японии. Как выразился сам Сибата, сходства между Японией и Европой не больше чем между «льдом и углем»¹⁸. Поэтому вынужденная задержка в Великобритании оказалась как нельзя кстати. Она дала японцам шанс лучше познакомиться со страной. Было принято решение разделить делегацию на несколько групп. Пока одна группа осматривала станки и другое машинное оборудование на выставке в Южном Кенсингтоне, вторая – изучала устройство редакции и типографии английской газеты «Иллюстрированный Лондон Ньюз» («*Illustrated London News*»), а третья – собирала сведения о производстве артиллерийских орудий на оружейном арсенале в Вулидже¹⁹. Два дня миссия провела в Ньюкасле, где осмотрела угольные копи и процесс установки боевых орудий на военные корабли, еще два дня – в Бирмингеме. Здесь японцы побывали на фабриках по производству стекла и стрелкового оружия. Но самой насыщенной была их экскурсионная программа в британской столице. В Лондоне они успели осмотреть корабельные доки, центральные офисы таможенной и телеграфной служб и многое другое²⁰.

Печальный опыт Японии, когда страна была вынуждена подписать невыгодные для нее торговые договоры, уступив военному давлению Запада, предопределил интерес миссии к оружейной и кораблестроительной промышленности. Во время посещения артиллерийского арсенала в Вулидже, внимание японцев привлекли новые пушки Армстронга²¹, названные в честь их разработчика. Впервые миссия посетила арсенал 7 мая, но затем ряд ее членов возвращались туда еще несколько раз, для того, чтобы пополнить и уточнить информацию, зафиксированную во время первой экскурсии. Не меньший интерес был проявлен и к судостроению, в первую очередь к военному. Об этом свидетельствуют многочисленные визиты на верфи и судостроительные заводы, расположенные в Лондоне, Ливерпуле и Портсмуте.

В то время как японцы старались собрать как можно больше информации о военном производстве Великобритании, англичане прилагали усилия для того, чтобы познакомить своих гостей с так называемой мирной английской промышленностью. 1 мая японцы в качестве

почетных гостей были приглашены на открытие четвертой международной выставки в Южном Кенсингтоне. На выставке была представлена и Япония, хотя качество товаров японского производства, присланных Элкомом из Эдо, не впечатлило участников миссии. Гораздо больший интерес вызвала продукция развитых европейских держав, которая демонстрировала высокий уровень их промышленного развития, уровень, который на тот момент казался японцам недостижимым. «Здесь были собраны и продемонстрированы публике самые новейшие технические достижения, – вспоминал спустя много лет Фукудзава Юкити, – чего тут только ни было: и паровые машины, создающие из хлопка материю, и химические приборы, вырабатывающие летом лед, и паровые насосы для откачки воды... и аппараты для тушения огня, и хитроумные часовые механизмы, и сельскохозяйственное оборудование, и лассо для поимки лошадей, и кухонная утварь, и старые книги, и бесчисленное количество картин»²².

Итикава Ватару в своем дневнике тоже дал высокую оценку увиденному и услышанному на выставке. Правда, в отличие от Фукудзавы его больше всего восхитило оружие, в первую очередь пушки Армстронга. К предметам искусства Итикава остался равнодушен, он лишь упомянул в своих записях, что несколько увиденных им картин были выписаны точно и аккуратно. А глядя на оркестр, игравший на выставке, он спросил приставленного к миссии переводчика Макдональда, не знает ли он, почему руководитель оркестра все время машет руками²³. Вопрос не вызвал у последнего удивления. Было очевидно, что многие вещи японцы видят в первый раз в жизни и не догадываются об их значении.

Не обходилось и без курьезных случаев. В своей автобиографии Фукудзава вспоминает о конфузе, который случился с одним из посланников во Франции. Он решил воспользоваться туалетом в одном из коридоров гостиницы «Де Лувр». Он направился туда в сопровождении одного из своих слуг, который, в соответствии с принятой в Японии традицией, нес в руках зажженный бумажный фонарь. Пока посланник справлял нужду, слуга, одетый по всей форме в национальную японскую одежду, сидел на корточках перед открытой дверью туалета, держа в руках меч своего господина. Все это, как упоминалось, происходило в оживленном, залитом светом коридоре гостиницы, по которому то и дело проходили постояльцы. Можно представить, насколько шокирующей выглядела эта сцена для последних. На счастье, рядом оказался Фукудзава, который прикрыл дверь, исчерпав тем самым инцидент²⁴. Приведенный случай очень наглядно показывает,

¹⁸ *Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...*, p. 81.

¹⁹ Район в восточной части Лондона.

²⁰ *Conte-Helm M. Japan and the North East of England*, London, 1989. p. 3–7.

²¹ Уильям Джордж Армстронг (*William George Armstrong*, 1810–1900) – английский инженер, конструктор артиллерийских орудий, промышленник, барон. В 1854 г. начал разработку нового типа пушки. В 1859 г. его пушки были приняты на вооружение армии и флота Великобритании. Армстронг стал артиллерийским инженером военного министерства и наладил производство своих пушек в Вулиджском арсенале.

²² *Фукудзава Юкити*. Дзэнсю (Полное собрание сочинений) Токио, 1962, т. 19, с. 27–28.

²³ *Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...*, p. 83

²⁴ *The Autobiography of Fukuzawa Yukichi*, p. 137–138.

как неуютно чувствовали себя японцы в Европе, жившей по непонятным им правилам и законам. Однако чувство долга и беспокойство за судьбу своей родины вызвали стремление узнать как можно больше об этих варварских, с их точки зрения, странах.

Тот интерес и усердие, с которым члены миссии Такэноути осматривали и фиксировали все, что попадалось им на глаза, был подмечен английскими журналистами. Корреспондент лондонской «Таймс», рассказывая о посещении делегацией лондонского зоопарка, с восхищением отмечал, что один из членов японской делегации очень быстро и с удивительной точностью делал карандашные наброски всех увиденных им зверей и птиц²⁵.

Стремление гостей собрать как можно больше информации было отмечено в статье об экскурсии на оружейный арсенал в Вулидже²⁶. Описывая визит миссии на фабрику, производящую моторы и паровые котлы в Гринвиче, корреспондент «Таймс» особо подчеркнул, «что японцы беспрестанно делали записи и зарисовки»²⁷.

Увиденное и услышанное в Англии и других европейских странах легло в основу специального отчета миссии о поездке. Краткое донесение о ходе дипломатических переговоров было подано посланниками центральному правительству сразу после возвращения на родину. Что касается более подробного описания государств, в которых побывала миссия, и их особенностей, то составление этого документа потребовало от так называемых «экспертов» (так именовались переводчики с европейских языков) гораздо больше времени. В результате были написаны так называемые «Тансаку» («Исследования»). Оригиналы этих манускриптов до сих пор хранятся в Библиотеке японского парламента, но только один раздел «Тансаку» был опубликован для более широкой аудитории – раздел, посвященный Великобритании.

По воспоминаниям одного из переводчиков миссии Фукути Гэнъитиро, основной проблемой миссии Такэноути было плохое знание европейских языков. Фукудзава, который двумя годами ранее побывал в Соединенных Штатах, говорил по-английски лучше остальных (до поездки в Европу он даже успел выпустить англо-японский словарь). Что касается самого Фукути, то он в основном занимался письменными переводами дипломатической корреспонденции, поэтому визит в Великобританию был для него хорошей возможностью повысить уровень разговорного английского языка. Еще один переводчик Мицуки, который вместе с Фукути работал в Бюро переводов при правительстве сёгуната, так называемом *Бансё сирабэсё* (Институт изучения варварской

литературы), начал учить английский только в 1856 г. (до этого он переводил исключительно с голландского языка). Сложно сказать, насколько сильно он успел продвинуться на этом новом для него поприще. Последний переводчик Тати специализировался на французском языке. Он так же, как его коллеги, был гораздо более сведущ в письменном, нежели в устном, переводе. Другими словами, всем переводчикам не хватало навыков практического использования иностранных языков.

Еще хуже дело обстояло с посланниками и их помощниками. Фукути Гэнъитиро называл последних «слепо-глухо-немыми паломниками»²⁸, и, похоже, он был не слишком далек от правды. Помощник посланника Мацудайра Ивами – Итикава Ватару в своих дневниках честно признался, что не сумел составить четкого представления о народах увиденных им стран и их традициях, поскольку не понимал ни их «корявой письменности», ни их «свистящего языка»²⁹. В результате его функции свелись к простому наблюдению и беспрестанным вопросам к переводчикам. Не удивительно, что подзаголовком к его путевым заметкам, переведенным и опубликованным Э. Сатовым в сентябре 1865 г. на страницах англоязычной газеты «Джапан Таймс», стала фраза: «Путаный рассказ о путешествии в Европу, схожем с путешествием мухи на хвосте у кобылы»³⁰.

Языковые проблемы серьезно затрудняли знакомство с европейскими странами. Кроме того, проблема сбора информации осложнялась еще и ограничениями на свободное передвижение переводчиков. Фукудзава Юкити писал, вспоминая свое участие в миссии Такэноути: «У меня было такое впечатление, что мы взяли с собой в путешествие нашу теорию изоляции... Один из трех посланников – Кёгоку выполнял функции главного надсмотрщика, у него было много помощников, и на протяжении всего путешествия мы все находились под контролем либо его самого, либо его подчиненных. В первую очередь это касалось нас, трех переводчиков»³¹. Мы стремились как можно больше узнать об окружающем нас мире. Но, к сожалению, наш интерес вызывал беспокойство нашего начальства»³². По словам Фукудзавы, каждый раз, когда он и его коллеги выходили на улицу, за ними следовал один из соглядатаев, без их сопровождения переводчикам воспрещалось покидать гостиницу.

С учетом сказанного выше можно предположить, что многое из появившегося на страницах «Тансаку», было написано, не только ис-

²⁸ Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian..., p. 88.

²⁹ Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63. Translated by Ernest Satow. – The Japan Times. 15.09.1865.

³⁰ Ibid.

³¹ Фукудзава говорил о себе, Мицуки Сюхэй и Мацуки Коан.

³² The Autobiography of Fukuzawa Yukichi, p. 140–141.

²⁵ The Times. 03.05.1862 – Гайкоку симбун ни миру нихон (Япония на страницах иностранных газет), 1989, т.1, с.254.

²⁶ The Times. 08.05.1862. – Гайкоку симбун ни миру нихон, с.255–256.

²⁷ The Times. 14.05.1862. – Там же, с.257–258.

ходя из того, что миссионеры увидели и слышали сами во время путешествия, но и на основе информации, полученной из третьих рук, либо почерпнутой из письменных источников.

Известно, что японцы привезли не меньше 360 книг на различных языках, которые впоследствии поступили в распоряжение центрального правительства сёгуната. Отдельные члены миссии покупали книги и на свои собственные деньги. Фукудзава Юкити, например, в своей автобиографии рассказывал, что именно на книги (преимущественно английские) он потратил практически весь свой гонорар переводчика³³. Фукудзава подчеркивал, что во время поездки он решил сконцентрироваться на повседневной жизни европейцев, а не на политическом, экономическом и промышленном устройстве их государств. «Я не уделял особого внимания изучению технических и научных вопросов потому, что о них я всегда мог прочесть в книгах по возвращении на родину, – вспоминал Фукудзава. – Я чувствовал, что я должен узнать как можно больше об обычной жизни европейцев от них самих, потому что они редко пишут об этом в книгах. А ведь именно обычные, повседневные вещи зачастую понять сложнее всего»³⁴.

Английский исследователь В. Дж. Бисли в своей работе «Япония знакомится с варварами. Японские путешественники в Америке и Европе» пишет, что существуют свидетельства о том, что в Великобритании у японцев был своего рода информатор, который предоставил членам миссии сведения о политическом и социальном устройстве английского государства. Имя его доподлинно не известно. В текстах «Тансаку» лишь указано, что им являлся некий голландский доктор, проживший в Лондоне более 12 лет. Его имя в японской транскрипции звучало как Симмон Берихент, хотя точно также могло быть передано и имя Белифант. Не сохранилось информации и о том, каким образом голландец познакомился с японцами, однако известно, что он неоднократно встречался с членами миссии, владеющими голландским языком, рассказывал им о государственных институтах Великобритании и отвечал на их вопросы об Англии. Правдивость этого свидетельства подтверждается и тем фактом, что последние несколько страниц путевых заметок Фукудзавы Юкити о Великобритании целиком написаны именно на голландском языке. Причем их содержание гораздо более ясное и последовательное, чем остальные записи и пометки, сделанные Фукудзавой в Англии³⁵.

Английские исследователи пришли к выводу, что окончательный отчет экспертов-переводчиков, представленный бакуфу, являлся рассказом о европейских странах, составленным на основе разрозненных источ-

ников, в число которых входили личные впечатления участников миссии, информация, услышанная и прочитанная ими об этих странах во время поездки и сведения, почерпнутые ими из книг, привезенных из путешествия (преимущественно англоязычных), а также энциклопедий и газет, которые ранее были переведены японцами с голландского языка.

Отчет состоял из шести разделов, в соответствии с числом стран, в которых побывала миссия. Наиболее объемные части были посвящены Британии и России. В то время считалось, что политика именно этих двух держав несет угрозу независимости Японии. Затем шла Голландия, видимо, потому, что с ней японцы исторически были знакомы лучше, чем с другими европейскими странами. Меньше всего было написано о Португалии. Рассказ о Великобритании, России и Голландии включал в себя описание их государственного устройства, вооруженных сил, производства, финансовых институтов, больниц и школ.

О том, что Великобритания сумела привлечь к себе внимание японцев, говорит тот факт, что сведения о ней были опубликованы для более широкого ознакомления. Он был разбит на сорок глав, каждая из которых имела свой подзаголовок. Первая глава представляла собой перечисление общей информации о стране, о ее правительстве и обществе. Отдельные выводы и комментарии из этой главы были более развернуто представлены в последующих главах. Затем шло описание британской политики и дипломатии, которое было дано в сравнении с дипломатией и политикой Франции. Пять глав было посвящено военно-морским силам Великобритании и ее вооружению. Затем следовали три раздела о социальной структуре английского общества, его неоднородности, и давались краткие характеристики отдельных социальных классов. В трех главах рассказывалось о правилах в отношении иностранных судов и граждан, посещающих Великобританию. Еще в одной главе рассказывалось о лондонских школах и больницах. Тематика остальных глав была самой разнообразной: паровозы, правительственные финансы, пушки Армстронга, контрабанда, газовые лампы, торговые пошлины и многое другое.

Японцы постарались представить Англию достаточно детально, однако очевидно, что далеко не все аспекты государственного устройства Британии были интерпретированы ими верно. Особенно это касалось тех составляющих политической системы Великобритании, которые не имели ни малейших аналогов в самой Японии. Фукудзава, например, признавался, что долго не мог понять суть «Закона о выборах», а также значение и функции британского парламента. «Когда я задавал подобные вопросы тому или иному джентльмену, – вспоминал Фукудзава, – то в ответ, как правило, получал лишь вежливую улыбку, означающую, как я предполагаю, что интеллигентному человеку не пристало задавать подобные вопросы. Я узнал, что в Англии существует две различные политические партии: либеральная и консервативная, которые нахо-

³³ Ibid., p. 135.

³⁴ Ibid., p. 142.

³⁵ Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...p. 90.

дятся в постоянной борьбе между собой внутри английского правительства. Однако я долгое время не мог понять, за что они “сражаются”, и какой смысл в этих “сражениях” в мирное время. Мне говорили: “Вот эти двое являются врагами в парламенте”. Однако я видел, что люди, на которых мне указывали, сидят за одним столом, едят и пьют друг с другом. Я чувствовал, что это выше моего понимания. Прошло немало времени, прежде чем я смог собрать воедино разрозненные факты и прийти к правильному выводу. Иногда требовалось от пяти до десяти дней для того, чтобы разобраться в отдельных, наиболее сложных, вопросах»³⁶.

Японцам действительно было трудно, поскольку социально-политическая система Великобритании сильно отличалась от их прежних представлений о том, как должно быть устроено государство. Это стало причиной ряда неверных умозаключений, например, таких, как то, что пост министра в английском правительстве дается пожизненно. Кроме того, японцы не могли понять, в какой взаимосвязи находятся звание лорда и возможность занять правительственный пост, или почему существуют лорды, обладающие обширными земельными наделами, хорошим доходом со своих земель, но не имеющие при этом никакой политической власти. Этот факт никак не сопоставлялся с привычными для Японии представлениями о статусе даймё.

Помимо раздела «Тансаку», посвященного Великобритании в свет вышла еще одна работа – «Сэйё дзидзё» («Положение дел на Западе»), которая сумела завоевать гораздо более широкую аудиторию. Ее автором стал Фукудзава Юкити. Именно «Сэйё дзидзё», первая часть которой была издана в 1866 г., а вторая – в 1869 г., заставила заговорить о Фукудзава как о выдающемся публицисте. Обработав собственные записи, сделанные во время поездок в США (1860 г.) и Европу (1862 г.), ознакомившись с литературой, привезенной из Великобритании, Фукудзава написал объемный труд. В нем он как можно более простым и доступным языком рассказал своим согражданам об устройстве западных стран, их политической, законодательной, налоговой и социальной системах и многом другом. Книга стала настоящим бестселлером. Официальный тираж первой части «Сэйё дзидзё» составил 150 тыс. Однако общее число экземпляров, по подсчетам японских исследователей, составило не менее 250 тыс., поскольку существовали и нелегальные издания этой работы³⁷. Если учесть, что численность читающего населения в Японии того времени была не очень высока, можно представить какой интерес и ажиотаж вызвал труд Фукудзава. Для японцев, никогда не бывавших ни в Америке, ни в Европе, он стал своеобразным проводником в мир западных реалий. Автору он принес известность и

экономическую независимость. Гонорар, полученный от издания «Сэйё дзидзё», помог ему организовать собственную школу.

В промежутке между публикациями первой и второй части «Сэйё дзидзё» Фукудзава написал и издал еще целый ряд работ: «Сэйё таби аннай» («Справочник для путешествующего по Западу»), «Дзёяку дзюити кокка» («Одиннадцать стран, связанных с нами договорами»), «Сэйё исё-кудзю» («Одежда, пища и жилище на Западе»), «Сэкай кунидзукуси» («Все о странах Запада») и др. Практически во всех этих работах он весьма комплиментарно отзывался об Англии.

Приведем лишь один пример. В первой части «Сэйё дзидзё», рассказывая о системах образования различных европейских стран, Фукудзава отмечал, что Пруссия занимает первое место по численности образованного населения. Однако, по его мнению, высокий процент численности граждан, умеющих читать и писать, в Пруссии достигался за счет жесткой политики государства. «В Берлине, столице Пруссии, школы существуют даже в тюрьмах, уроки для заключенных в них проходят раз в три или четыре дня. Я думаю, что одного этого примера вполне достаточно, чтобы составить представление о прусской системе образования» – писал Фукудзава. При этом, говоря об Англии и отмечая отсутствие в Британии закона об образовании и в целом меньшую степень правительственного участия в этой сфере жизнедеятельности государства, он подчеркивал: «Некоторые считают, что английская школьная система уступает прусской и голландской, однако в действительности сложно объективно оценить степень эффективности образования в этих трех странах. Англия добилась превосходства над другими государствами и в сфере науки, и в сфере технических навыков, и в сфере искусства не за счет повсеместного насаждения образовательных институтов, а за счет мягкости государственных предписаний, которые не ограничивают ее граждан, а, напротив, позволяют им развить их природные таланты»³⁸.

Можно сказать, что Великобритании повезло. В лице Фукудзава, который на протяжении всей своей жизни продолжал заниматься просветительской публицистикой, она обрела своего союзника. «Страх перед неизвестным является характерной чертой японского мышления... человек, который выступает против развития отношений между Японией и другими странами, делает это только потому, что не понимает настоящей ценности этих отношений, и в своих действиях он ничем не отличается от человека, который боится темной комнаты из страха, что в ней может скрываться привидение. Распространяя знания о мире, я хочу пролить свет на эту тьму. И тогда люди поймут, что им нет нужды бояться иностранных “привидений”»³⁹. Эти слова, произнесенные Фу-

³⁶ The Autobiography of Fukuzawa Yukichi, p. 143–144.

³⁷ Fukuzawa Yukichi on Education. Selected Works. Tokyo, 1985, p. 3.

³⁸ Fukuzawa Yukichi on Education. Selected Works, p. 12.

³⁹ Fukuzawa Yukichi. Our Fear of Foreigners is Due to Ignorance. – The Speeches of Fukuzawa. A Translation and Critical Study. Tokyo, 1973, p. 245.

кудзава на общем собрании общества «Кодзюнсё» 30 апреля 1893 г.⁴⁰, могут служить квинтэссенцией всей его просветительской деятельности. Хотя Фукудзава никогда не ставил себе целью популяризировать английскую политическую культуру или ее внешнеполитическую доктрину, его публикации и комментарии в отношении Великобритании помогли японцам осознать, что Соединенное королевство является сильным и прогрессивным государством, достойным стать примером для подражания.

Было бы неверно говорить о том, что за 40 дней пребывания в Англии члены миссии Такэноути сумели составить о ней объективное представление. Слишком мало времени они находились в стране, слишком много новой информации нужно было понять и усвоить за это время. Однако бесспорно, что визит 1862 г. внес немалую лепту в познание японцами одной из самых выдающихся европейских держав того времени.

К вопросу о прекращении официальных отношений Японии с танским Китаем в IX в.

В. А. Федянина

Отношения Японии с Китаем имеют давнюю историю. Китайский источник III в. «Вэй чжи» («Записи Вэй») упоминает о политических взаимоотношениях Японии с вэйским царством¹, одним из трех царств эпохи Троецарствия Китая, существовавшим в 220–266 гг. Провозглашение новой династии Суй (581–618 гг.) и объединение Северного и Южного Китая в конце VI в. восстановили мощь Китая как великой державы. Суйские правители развивали торговлю и культурный обмен с одним из ранних корейских государств Силла, японским государством Ямато, государственными образованиями на территории Индии и Ирана и т. д. В 600 г. японский двор отправил первую дипломатическую миссию к суйскому двору, и с того времени официальные посольства регулярно отправлялись более двух столетий подряд. В 600–614 гг., в правление императрицы Суйко, Ямато направило к суйскому двору четыре посольства. Эпоха династии Тан (618–907), сменившей Суй, традиционно считается периодом наивысшего могущества страны. За период с 630 по 894 гг. японский двор подготовил в танский Китай 19 дипломатических миссий, из которых было отправлено 11 полноформатных посольств².

Благодаря продолжительным контактам Японии с континентальной, прежде всего китайской, цивилизацией, страна активно воспринимала материковую цивилизацию. Она усваивала буддийскую философию, искусство и архитектуру, иероглифическую письменность, с которой пришли конфуцианская классика и поэзия. В VII в. китайская цивилизация в целом оказывала огромное влияние на развитие собственно японской культуры.

Знакомство Японии с китайской концепцией императорского правления и системой централизованного бюрократического управления привело к построению японского государства по китайскому образцу и созданию «рицурё» – централизованного государства, деятельность которого регулировалась гражданскими и уголовными законами «Тайхо Ёро рицурё». Посольства в Китай, направлявшиеся и до образования централизованного государства, теперь стали неотъемлемой частью

⁴⁰ 2 мая 1893 г. текст выступления был опубликован в передовице газеты «Дзидзи симпо» («Хроника текущих событий»), редактором и учредителем которой являлся Фукудзава Юкити.

¹ Конрад Н. И. Древняя история Японии. – Избранные труды. История. М., 1971, с. 36.

² Более подробно см.: Мецгеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб, 2002, с. 368–369.

новой государственной системы. Направление дипломатических миссий в суйский и танский Китай объяснялось не только его восстановленной мощью, но и особенностями внутреннего развития Японии. Основная функция посольств в Китай заключалась в поддержании официальных отношений между государствами, хотя также были важны и обмен культурными ценностями, и знакомство Японии с многоликой культурой Китая. В некоторой степени посольства преследовали и торговые цели: обмен материальными ценностями. Однако этот обмен происходил в небольшом объеме и ограничивался только самыми ценными предметами. Японию более интересовали новые знания, идеи и духовные ценности, нежели новые товары.

В VIII в. для японского государства была характерна двойственная структура, сохранявшая баланс между управлением на основе традиционных методов и заимствованными из Китая институтами централизованного государства «рицурё». Во второй половине IX в. этот баланс был существенно нарушен: стала развиваться многополюсная структура, которая впоследствии характеризовалась усилением самостоятельности губернаторов в провинциях, заменой надельной системы землевладения арендной, нарастанием интровертности японской культуры. Большую роль в дестабилизации прежней государственной системы сыграли представители древнего рода Фудзивара. Они являли собой единственную силу, соперничавшую с императорским домом. Поставляя жен государям, Фудзивара фактически контролировали императорскую семью и угрожали положению императора как суверена.

В связи с начавшимися внутренними переменами на рубеже VIII–IX вв. в отношениях Японии с внешним миром тоже происходили значительные изменения. После признания Силла Китаем силлано-японские официальные отношения стали постепенно сходить на нет и после 779 г. фактически прекратились. Еще в годы эры Дзёган (859–877) к западным берегам Японии нередко стали приплывать пираты из Силла. В 893–894 гг. их посещения возобновились с новой силой. Не только Управление Западных земель (Дадзайфу) на острове Цукуси (современный Кюсю) укрепляло прибрежные районы для противодействия пиратам: аналогичные меры принимались и в округах Санъин-до, Санъё-до, Хокурику-до³.

Одновременно намечается прекращение официальных отношений с Китаем, которые играли большую роль в культурной жизни японского общества. Во второй половине IX в. эти отношения видоизменяются: наиболее распространенной формой дипломатических контактов и способом получения информации о Китае стал прием послов из Бохай – го-

сударственным образованием, включавшим значительные территории Маньчжурии, Приморья и Северной Кореи (698–926 гг.). Всего Бохай направил в Японию 33 посольства, 20 из них прибыли в период с 794 по 929 гг. Япония же за это время отправила только два посольства в Китай⁴.

Таким образом, хотя Япония и участвовала в дипломатических отношениях своего региона, она более не направляла регулярных посольств за границу. По мере упадка системы «рицурё» в Японии и распада государства Тан дипломатическая цель посольств утрачивала смысл. Более того, миссии из Бохай, направляемые в Японию, были еще одной причиной, по которой японцы не нуждались в отправке собственных посольств в соседние страны. Последнее посольство в Тан было направлено в 838 г.

Последнее посольство в Тан было направлено в 838 г. В 894 г., во время правления императора Уда, было назначено еще одно посольство в Тан, которое, однако, не состоялось.

Рассмотрим подробнее, как было принято решение об отмене посольств к танскому двору. Императорский дом в Японии предпринимал попытки сохранить старую государственную структуру, которая была основой его власти. Например, император Уда (887–897), мать которого была не из рода Фудзивара, стремился сохранить экономическую базу государства «рицурё» – принадлежность земли государству. В своей деятельности он опирался на придворного чиновника и ученого Сугавара Митидзанэ.

Митидзанэ родился в семье конфуцианских ученых Сугавара, имевшую долгую традицию (с VIII в.) наставничества при дворе. В 877 г. его назначили на две высшие должности, которые двор мог предложить ученому: помощником в Министерстве церемоний и советником по словесности. В 880 г. Митидзанэ возглавил родовую школу, созданную семьей Сугавара, тем самым еще более упрочив свои позиции в мире конфуцианской учености. С 891 г., после смерти влиятельного Фудзивара Мотоцунэ, начинается новый виток в карьере Митидзанэ. Своему стремительному возвышению он был обязан благоволению молодого императора Уда, который пытался править самостоятельно.

Назначение Митидзанэ в 8-ю луну 894 г. главой посольства в Китай не стало решающим этапом в его личной карьере, но оказалось важным моментом для истории страны. Митидзанэ подал прошение об отмене назначенного посольства, считая его нецелесообразным. Просьба была удовлетворена, и Япония на несколько веков отказалась от официальных контактов с Китаем. Этот вопрос – прекращение официальных отношений Японии с танским Китаем – до сих пор привлекает внимание многих историков, потому что с конца IX в. Япония фактически перешла к политике внешней изоляции.

³ Судзуки Ясутами. Сугавара Митидзанэ то кампё-но кэнтоси (Сугавара Митидзанэ и послы в Тан в годы Кампё). – Сугавара Митидзанэ то Дадзайфу Тэммангу (Сугавара Митидзанэ и Дадзайфу Тэммангу). Токио, 1975, т. 1, с. 39.

⁴ Более подробно см.: Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии, с. 375–376.

Сохранилось только два источника того времени, освещающих отмену посольств в Тан. Это – написанный по императорскому повелению официальный ответ японскому монаху Тюкан, находящемуся в Китае⁵, и предложение Митидзанэ рассмотреть целесообразность посольств в Тан⁶.

Названное выше письмо написано в 6-й год эры Кампё (894), 7-ю луну, 22-й день. Черновик письма подготовил Сугавара Митидзанэ. Оно является ответом на письмо ко двору от монаха Тюкан, датированного 3-ей луной 5-го года Кампё (893 г.) и достигшего двора в 5-ю луну следующего года. В письме сообщается, что, несмотря на имеющиеся трудности, двор решил направить послов в Тан.

Второй документ – известное предложение Митидзанэ о нецелесообразности посольств в Тан, направленное членам Государственного Совета (Дадзёкан). Это прошение также составлено в 6-й год эры Кампё, но в 14-й день 9-й луны, т. е. двумя месяцами позднее, чем письмо монаху Тюкан. Документ подписан Митидзанэ с указанием его шести должностей на тот момент, но в самом тексте употребляется слово «мы». По-видимому, это говорит о том, что прошение написано от лица всех тех, кто был назначен ехать в Китай. Митидзанэ указывал на неспокойную обстановку в Тан, на трудности передвижения по морю и опасности со стороны пиратов, и предлагал членам Государственного Совета и ученым решить, стоит ли отправлять посольство.

Более поздние источники – «Жизнеописание божества Тэндзин из Китано» («Китано Тэндзин го-дэн», сер. IX в.), «Записи о жизни Сугавара Митидзанэ» («Канкэ го-дэн ки», 1106 г.), «Краткая хронология Японии» («Нихон киракю», составлена в конце XI в.) и «Краткая история Японии». («Фусо рякки», составлена в начале XII в.) – тоже упоминают об отмене посольства в Тан. Однако содержания этих сообщений расходятся.

Согласно «Нихон киракю» решение об отмене посольства было принято в 30-й день 9-й луны 6-го года⁷, т. е. в тот же месяц, когда было направлено прошение Митидзанэ. Об этом «Нихон киракю» кратко сообщает в записи за указанный день: «Остановлено посольство в Тан». «Канкэ го-дэн ки», более ранний источник, датирует это событие примерно годом позднее: «5-я луна, 14-й день 7-го года Кампё (985): указ об отмене посольств в Тан»⁸. Надо отметить, что версия «Нихон киракю» наиболее распространена среди японских историков. Американский

ученый Роберт Борген допускает возможность согласования этих версий, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, на основании имеющихся источников, мы можем указать следующую последовательность событий.

В 7-ю луну 6-го года Кампё (984 г.) правительство намеревалось отправить посольство в Тан, о чем свидетельствует письмо монаху Тюкан.

В 8-ю луну того же года высочайшим указом было назначено посольство в Тан, а главой посольства – Сугавара Митидзанэ.

В 9-ю луну того же года Митидзанэ подает прошение о нецелесообразности таких посольств, мотивируя это неспокойной обстановкой в Тан и трудностями морского пути.

Не ранее, чем в 30-й день 9-й луны того же года принято решение об отмене посольства.

К сожалению, на основании имеющихся источников невозможно проследить какие-либо внутривластные и внешнеполитические перемены за период с 7-й луны (назначено посольство) по 9-ю луну (отменено посольство или принято решение об его отмене) 984 г., которые бы объективно вызвали отмену посольства. Изменилось только восприятие двором внешней и внутренней ситуации. Кроме того, запись в «Нихон киракю» не дает ни единого намека на то, отменено ли данное посольство, или оно откладывается на неопределенное время, или же отменяются все посольства впредь. Митидзанэ продолжал сохранять свою должность «главы посольства» так же, как и другие назначенные чиновники. Это позволяет предположить, что посольство просто отложили на неопределенное время. «В пользу гипотезы о том, что было отменено только данное посольство, а не посольства вообще, что предполагалось возобновить их, говорит также запись в «Энгисики» («Уложения годов Энги»), где дано детальное описание провизии для отправки посольства в Китай, подробное описание состава посольств. «Энгисики» составлены в 927 г., когда ни одно посольство не отправлялось уже более 90 лет, а прошение Митидзанэ об отмене посольства было удовлетворено более 30 лет назад⁹. Вероятно, японцы продолжали рассматривать возможность отправки посольств в Китай. Однако они так и не состоялись.

Японские ученые, а в последнее время и европейские, предлагают множество интерпретаций скудным сведениям об отмене последнего посольства в Тан. Основные гипотезы следующие.

Японский двор изначально не намеревался отправлять посольство. Это был просто «жест»: правящий император Уда пытался поднять престиж своего престола, назначив его на должность «главы посольства в Тан».

Экономические трудности не позволили отправить посольство в Тан. Такие посольства были очень дорогостоящими мероприятиями, а казна к тому времени значительно оскудела.

⁹ Borgen Robert. Sugawara no Michizane and the Early Heian Court. Cambridge, MA, 1986, p. 248.

⁵ Канкэ бунсо, Канкэ косю (Литературные наброски Сугавара Митидзанэ. Последующие заметки Сугавара Митидзанэ). Под ред. Кавагути Хисао. – Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание классической литературы Японии), т. 72. Токио, 1966, с. 586.

⁶ Там же.

⁷ Нихон киракю (Краткая хронология Японии). Кокуси тайкэй (Собрание трудов по истории Японии). Токио, т. 10, 2007. – Кампё 6/9/30.

⁸ Канкэ го-дэн ки (Записи о жизни Сугавара Митидзанэ). Серия: Синто тайкэй (Собрание источников по синто). Токио, т. 11, 1978, с. 86.

Трудности морского пути, угроза нападения пиратов из Силла представляли опасность для этих посольств. Сложности могли возникнуть и при передвижении по материке из-за смут в Тан. Также пугала возможность попасть в Китай и вернуться обратно на кораблях танских торговцев.

Отправка посольства в Тан во главе с Митидзанэ было попыткой представителей рода Фудзивара избавиться от соперника, каким им представлялся Сугавара Митидзанэ.

Японии больше нечему было учиться у Китая. Она уже дошла до того уровня развития, что больше не нуждалась в китайских знаниях, и Митидзанэ первым осознал это.

Кроме того, ученые, выдвигающие какую-либо из указанных гипотез, зачастую приводят другие гипотезы как вспомогательные. Однако каждая из них легко уязвима и, если и отвечает на какой-либо вопрос, то тут же порождает другие. Например, теория «жеста» вряд ли оправдана в свете того, что, скорее всего, посольства не собирались отменить вообще. Просто отправлять посольства действительно было опасно или не хватало средств у казны. Но в таком случае, почему идея отправки посольства не была отклонена с самого начала, и оно все-таки было назначено? Для того чтобы, Фудзивара могли избавиться от соперника? Но источники свидетельствуют о хороших отношениях Фудзивара и Митидзанэ на тот момент. Посчитали, что Японии больше нечему было учиться у Китая? Спорно, так как отношения с Китаем продолжались на частном уровне.

Наиболее убедительным нам представляется толкование событий японских историков Масумура Хироси и Ямаю Юкихиса, которые более строго придерживаются имеющихся источников¹⁰. Согласно этим авторам, двор собирался отправить посольство в Китай. Митидзанэ Сугавара был назначен на должность главы посольства. Однако он начал сомневаться в целесообразности морского путешествия. И когда Митидзанэ предложил отказаться от посольства, возражений почти не было: его доводы основывались на фактах. При этом изначально идея отправки посольства в Китай принадлежала, скорее всего, императору Уда. Поскольку посольства в Тан на тот момент не отправлялись с 838 г., т. е. фактически были приостановлены, более интересным становится вопрос, почему оно вообще было назначено. Уда взошел на трон в 887 г. в возрасте 22 лет, преисполненный планов править самостоятельно и независимо. Он пытался вернуться к старым традициям государства «рицурё» путем проведения реформ внутри страны¹¹. Возможно, Уда также стремился

поднять престиж Японии за ее пределами и стал планировать посольство к танскому двору как неотъемлемую часть государства «рицурё». Оба посольства в Тан в течение IX в. (804 и 838 гг.), в годы Энряку и Дзёва, отправлялись в связи с восхождением на трон императоров Хэйдзэй и Ниммё. Возможно, что молодой и энергичный Уда, руководствуясь этими примерами, в скором времени после интронизации замыслил направить дипломатическую миссию в Китай. В упомянутых двух посольствах IX в. также участвовали представители рода Сугавара. В составе посольства 804 г. в Китай отправился Сугавара Киётомо, а в 838 г. – Сугавара Ёсинуси (Киёнуси). Назначение же главой посольства 894 г. именно Митидзанэ можно объяснить тем, что он был одним из лучших знатоков китайской учености (если не лучшим) и имел дипломатический опыт, дважды участвуя к тому времени в приемах послов из Бохай.

К сожалению, существующих источников не достаточно, чтобы уверенно сказать, почему же посольство было отменено. Определенно можно сказать только одно: прошение Митидзанэ Сугавара, назначенного на должность главы посольства, было удовлетворено. Причины подачи этого прошения также не известны. Возможно, их было несколько. Не исключено, что личные причины, соображения собственной безопасности и карьеры – боязнь отдалиться от двора, уйти с политической сцены – увязывались с подлинной заботой о государственных интересах.

Просьба Митидзанэ Сугавара была удовлетворена, и Япония надолго отказалась от официальных контактов с Китаем. К концу IX в. в связи с распадом государства «рицурё», как уже упоминалось, дипломатическая функция почти сошла на нет. Если ранее японская знать была заинтересована в том, чтобы продемонстрировать перед другими государствами статус своей страны – члена восточно-азиатского сообщества, то теперь поддержание подобного статуса страны переставало быть делом государственной важности. Не следует сбрасывать со счетов и экономический аспект – большие затраты на посольства становились непосильными для центрального аппарата. И даже если это не являлось причиной, то рассмотрение прошения Митидзанэ склоняло власти в пользу отмены посольства.

Безусловно, шаг такой важности не мог быть совершен усилиями одного лица. Однако именно Митидзанэ оказался тем человеком, который заявил о том, что Япония больше не нуждается в посольствах в Тан, «игравших такую большую роль в повышении образовательного и культурного уровня хэйанского общества... сношения с Китаем не прекратились полностью, но они уже затрагивали другие слои населения японских островов, да еще в какой-то мере и буддийских монахов»¹².

¹⁰ Хироси Масумура. Кэнтоси-но кэнкю. (Изучение посольств в Тан). Токио, 1988.

Юкихиса Ямаю. Кэнтоси (Посольства в Тан). Хигаси Адзидзи ни окэру Нихон кодайси кодза. (Восточная Азия: курс истории древней Японии. Государство «рицурё» в Японии и Восточная Азия). Вып. 6, Токио, 1982, с. 202–253.

¹¹ Более подробно см.: Хотатэ Митихиса. Хэйан дзидай. (Эпоха Хэйан), Токио, 2003, с. 12, 56, 59.

¹² Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974, с. 102.

Возможно, при этом двор не менял своего решения столь внезапно, что вызывает недоумение современных исследователей. Уже отмечалось, что «Нихон киракю» и биография Сугавара Митидзанэ датируют отмену посольства по-разному. Вероятно, окончательное решение не было таким поспешным, как это кажется. По мнению Роберта Боргена, источники просто фиксируют разные вехи решения вопроса о посольстве: в 30-й день 9-й луны 894 г. стали рассматривать письмо с предложением отменить посольства, а почти через год было принято окончательное решение¹³. Поэтому едва ли можно датировать отмену посольства одним днем. Более правильно обозначить ее всем периодом принятия решения. К сожалению, мнение Р. Боргена имеет очень мало подтверждений. И это остается всего лишь предположением.

После отмены посольства в Тан связи между государствами стали осуществляться на уровне различных слоев общества, а не на уровне уполномоченных на это государством чиновников. На этом этапе официальные отношения с Китаем прекратились. Однако это не означало, что они прервались полностью.

В 907 г. государство Тан прекратило свое существование, и стиль межгосударственных отношений, заключавшийся в официальном обмене посольствами между различными государствами в Восточной Азии, изменился. Культурные и политические функции посольств еще некоторое время продолжали осуществляться через бохайские посольства до прекращения существования этого государства в 926 г. Затем культурная функция и функция обмена товарами перешли к частным китайским торговцам, которые появились около японских берегов уже в IX в. Они привозили с собой предметы роскоши, восхищавшие японскую знать и удовлетворявшие нужды двора. Также торговцы отвозили ревностных буддийских монахов в Китай. Обе эти функции, ранее выполнявшиеся дипломатическими посольствами, теперь стали осуществляться более дешевым и безопасным способом. Удовлетворение этих потребностей за счет частной торговли, возможно, является одним из ключевых моментов в том, что официальные посольства так и не были возобновлены.

Красноречивым свидетельством тому, что с отменой официальных дипломатических миссий связь с Китаем не прервалась, является легенда о том, как Митидзанэ Сугавара учился у дзэнского монаха. Легенда гласит, что Митидзанэ, умерший в 903 г., стал божеством Тэндзин, и примерно через 300 лет, в 1241 г. отправился к китайскому наставнику для овладения дзэнским учением. Эта легенда впервые встречается в письменных источниках рубежа XIV и XV веков, а сложилась она, вероятно, в XIII в., когда Китай продолжал оставаться образцом в культурном отношении.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что официальные посольства к танскому двору являлись неотъемлемой частью системы государства «рицурё» и были призваны повысить престиж страны в глазах соседей. С распадом государства «рицурё» такого рода отношения с соседними государствами прекратились. В связи с этим, нам думается, не правомерно считать, что отмена посольств в танский Китай в 894 г. стала решающим событием во внешней политике Японии и имела значительные исторические последствия. Прекращение посольств в Тан является, скорее, не причиной последующих изменений в культурной жизни Японии, а следствием предшествующих изменений. Отмена официальных связей с Китаем была одной из многих ступенек в общей смене культурно-политических ориентиров страны, свидетельством того, что японская родоплеменная аристократия во главе с Фудзивара проявила явное стремление к самогерметизации, к стремлению не допустить посторонние элементы в традиционную структуру общества.

¹³ Borgen Robert. Sugawara no Michizane and the Early Heian Court, p. 240, 245.

Барышев Эдуард Анатольевич, доктор философии, Университет Кюсю (Япония)

Бордюгов Геннадий Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М. И. Ломоносова, руководитель Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества «АИРО-XXI».

Георгиев Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, обозреватель журнала «Япония сегодня».

Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН

Гонялин С. И. кандидат экономических наук, экономист-международник.

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Ковальчук Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры страноведения Восточного института ДВГУ.

Куланов Александр Евгеньевич, сотрудник Московского представительства газеты «Иомиури».

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Малинина Елизавета Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения Новосибирского университета.

Маркарян Седра Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Мин Гён Хён, доктор философии, профессор, директор Института Современной истории Корё (Сеул, Республика Корея).

Молодяков Василий Элинархович, доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Ноздрев Станислав Борисович, старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, ИМЭМО РАН

Павлов Дмитрий Борисович, доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва.

Росов Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий отделом «Наследие Рерихов», Государственный музей Востока, Москва.

Спиридонов Борис Григорьевич, кандидат искусствоведческих наук, преподаватель японского языка Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина

Стапран Наталья Васильевна, кандидат экономических наук, МГИМО (У) МИД РФ.

Федянина Владлена Анатольевна, кандидат исторических наук, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Молодякова Э. В. Приход демократов во власть: политическое землетрясение **5**

Добринская О. Ф. Внешняя политика Б. Обамы: новая страница японо-американских отношений **21**

Стапран Н. В. Япония и Австралия – два полюса единого азиатского пространства **37**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лебедева И. П. *Монодзукури* в условиях глобализации **50**

Ноздрев С. В. Токийский финансовый центр в условиях обострения конкуренции на международных рынках капитала **69**

Маркарян С. Б. Создание единого географического пространства в Японии: дороги, мосты, тоннели **87**

Гонялин С. И. Непростые времена для станкостроения Японии **103**

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Бордюгов Г. А., Мин Гён Хён Япония в зеркале российских школьных учебников по истории **117**

Молодяков В. Э., Росов В. А. Николай Рерих и Япония: неизвестные страницы **130**

Куланов А. Е. «Третья сила» в формировании имиджа Японии в начале постсоветской эпохи – потребительский аспект **144**

Молодякова Э. В. Школьное образование в Японии **155**

Спиридонов Б. Г. Эволюция скульптурных форм в первой половине XVII в. и место никковской скульптуры в истории синтоистской деревянной пластики Японии **172**

Малинина Е. Е. Духовно-эстетический феномен «сухого» каменного сада в пространстве буддийского храма **178**

Герасимова М. П. Механизм заимствований в японской культуре **192**

Катасонова Е. Л. Мир популярной японской музыки **209**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Георгиев Ю. В. В. И. Ленин и довоенный японский империализм **233**

Павлов Д. Б. Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам) **252**

Барышев Э. А. За кулисами русско-японских переговоров 1906–1907 гг.: дипломатия Мотоно Итиро **274**

Ковальчук М. К. Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании **293**

Федянина В. А. К вопросу о прекращении официальных отношений Японии с танским Китаем в IX в. **309**

Наши авторы

Научное издание

Япония 2010

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО-XXI»
e-mail: andmak@ www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 19.11.2010 г. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 20
Тираж 400 экз.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: *Токио*, *Иокогама*.

- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: *Обути Кэйдзо* и *К. Обути*.

- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.

- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.

- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.

- Просим обратить внимание на предохранение представляемых дискет от вируса.

- Сроки представления статей в редакцию – до конца октября текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!